ИЗЪ ПРОШЛАГО
ОДЕССЫ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

...ориневича, М. Веселовскаго, В. Л. Ганзена, М. Ф. де-Рибаса, А. Е. ...рова, Н. Х. Палаузова, А. Д. Ризо, С. Серафимова, А. А. Скальков...го, ...олченова, Н. Г. Тройницкаго, О. О. Чижевича, С. Чудновскаго, I. Г. Шершеневича, М. В. Шимановскаго, В. И. Шрайтеля и В. А. Яковлева.

Составленъ

Л. М. де-Рибасомъ

ОДЕССА.
Тип. Л. Кирхнеръ (Пушкинская, 19).
1894.

Дозволено цензурою. Одесса, 17 Августа 1894 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

1) **Чижевичъ О. О.** Городъ Одесса и одесское общество (1837—1877) . . . . 1—95

Ришельевскій лицей.—Наружность города.—Дюшинскія плантаціи.—Водоснабженіе.—Лиманныя заведенія.—Одесскія улицы и площади. — Грязь. — Пыль. — Шоссировка улицъ. — Драгутинская команда.—Похищеніе катка.—Городской голова Кортацци.—Порто-франко. —Портные и модистки.—Рестораны.—Коста. Клубы.—Таможни.—Одесская администрація и присутственныя мѣста.—Полковникъ Полянскій.—Слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ.—Пожары и поджоги.—Градоначальникъ А. И. Казначеевъ и взятка.—Покража сигнальной пушки.—Растрата денегъ въ Коммерческомъ судѣ. Жандармскій полковникъ Граве. — Одесскія увеселительныя заведенія.—„Вокзалъ".—Городской театръ.—Айвазовскій.—Лессепсъ.—Покража клубной кассы.—Еврейскій погромъ. Бомбардированіе Одессы.—Взятіе парохода „Тигръ".—Вторичное посѣщеніе Одессы непріятельскимъ флотомъ.—Графъ А. Г. Строгановъ.—Адъютантъ Е. В. Б—чъ.—А. А. Шостакъ.—Охота на островѣ Лети.—Ильинъ и Соколовъ. — Князь Дадешкаліани убійца.—Одесскіе чудаки: „Александръ Македонскій", Бутырскій, Девари, Зиминъ.—Дуэль Кешко съ Мартыновымъ.—Одесское общество. Одесскіе львы и львицы.—Красавицы.—Красавцы. Балы. — Занятіе старой Хаджибейской крѣпости.—Заключеніе.

Стр.

2) **С. Бориневичъ.** Кое-что о старой Одессѣ въ 30-хъ гг. 96—103

3) **Толченовъ.** Гоголь въ Одессѣ (1850—1851). Изъ воспоминаній провинціальнаго актера. (Перепечатано изъ журнала „Музыкальный Свѣтъ" 1876 г.) . . . . 104—125

4) **Тройницкій Н. Г.** Гоголь въ Одессѣ. (Перепечатано изъ брошюры „День памяти Пушкина", Одесса, 6 (26) іюня 1880 г. въ Императ. Новор. Университетѣ) . . . . 126—129

5) **Веселовскій М.** Протоіерей. Воспоминанія: о лиманахъ Куяльницкомъ и Хаджибейскомъ.— О Безъименной площади. — О чумѣ 1838 (1837?) г. . . . . 130—135

6) **Егоровъ А. Е.** Разсказъ о пребываніи въ Одессѣ Царской Фамиліи въ 1837 г., записанный со словъ старожилки . . . . 136—144

7) **Шимановскій М. В.** Графъ А. Г. Строгановъ и графъ М. Д. Толстой о А. С. Пушкинѣ . . 145—156

8) **Чудновскій С.** Два акта, извлеченные изъ архивовъ бывшаго одесскаго магистрата . . . . 157—160

9) **Палаузовъ Н. Х.** Изъ воспоминаній объ одесскихъ іерархахъ. (Преосвященный Иннокентій и Димитрій) . . . . 161—170

10) **Серафимовъ С.** Протоіерей. Изъ лѣтописи св. Александрійской церкви, что въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ (1852—1870) 171—189

11) **Скальковскій А. А.** Изъ портфеля перваго историка г. Одессы . . . . 190—261

1) Книжныя лавки.—Типографіи.—Первая газета въ Одессѣ.—Скачки.—Театръ и развлеченія. — Вечера на итальянско-французскій ладъ (conversazione). — Клубы. — Де-Рибасъ, Ришелье, Ланжеронъ.—2) Одесскіе недуги.— 3) Одесское общество въ періодѣ своихъ „черныхъ дней" (1812—1819).

Стр.

12) **Шершеневичъ І. Г.** Изъ памяти одесскаго старожила . . . . 262—293

О чумѣ 1829 г. — Одесскій полиціймейстеръ Василевскій. — Убійство архитектора Фраполи. — О бывшемъ частномъ приставѣ А. М. Х—скомъ и его загадочной смерти.—О бывшемъ попечителѣ одес. учебн. округа, Д. М. Княжевичѣ.—Нѣчто изъ воспоминаній о моихъ бывшихъ ученикахъ.

13) **Шрайтель В. И.** Воспоминанія о времени, когда въ Одессѣ еще не было ни мостовыхъ, ни водопроводовъ . . . . 294—298

14) **Ризо А. Д.** Записки . . . . 299—323

Одесскій институтъ въ 1810—1816 гг.—Разсказъ матери.—Одесса въ 1817—1827 гг.

15) **Бориневичъ С.** Еще два слова объ Одессѣ въ 30-хъ годахъ . . . . 324—329

Графъ П. А. Разумовскій.—Отливка колоколовъ.—Театръ.

16) **Ганзенъ В. Л.** Историческія данныя, касающіяся порта и карантина . . . . 330—341

17) **Де-Рибасъ М. Ф.** Разсказы одесскаго старожила. (Перепечатано изъ газеты „Правда" 1878 г.) 342—371

Неаполитанская королева Марія-Каролина въ Одессѣ.—Корсаръ Морали.—Одесскіе картежники и полковникъ Г***.—А. С. Пушкинъ. — А. Л. Давыдовъ и Раевскій.

18) **В. А. Яковлевъ.**—Кое что объ иноплеменникахъ въ исторіи г. Одессы. . . . . 372—393

19) Переводъ писемъ съ франц. на русскій языкъ (къ статьѣ А. А. Скальковскаго) 394 399

Когда чествуютъ юбиляра, то послѣ рѣчей и заздравныхъ тостовъ начинается, обыкновенно, интимная бесѣда о тѣхъ или другихъ выдающихся моментахъ изъ жизни виновника торжества. Выпускаемый нынѣ сборникъ разсказовъ о прошломъ г. Одессы это интимная бесѣда о жизни дорогаго нашему сердцу столѣтняго юбиляра. Въ этой бесѣдѣ нѣтъ формальности торжественныхъ рѣчей, нѣтъ ничего заранѣе обдуманнаго и нѣтъ ничего показного. Это просто случайный обмѣнъ воспоминаній, импровизированные разсказы о пережитомъ, свободно передаваемые собесѣдниками другъ другу, въ увѣренности, что ради симпатичности тэмы никто не посѣтуетъ на нихъ за несовершенство изложенія.

Составитель сборника ничего не прибавилъ къ нему отъ себя. Онъ только соединилъ въ немъ все то существенное, что было

прислано ему самими Одесситами, въ откликъ на его призывъ. Онъ даже не успѣлъ систематизировать присланное, потому что, вслѣдствіе недостаточности времени, пришлось печатать статьи въ простомъ порядкѣ ихъ полученія *).

Сознавая всю незначительность своего труда, составитель предлагаемаго сборника считаетъ себя, однако, счастливымъ, что ему удалось хотя немного расшевелить Одесскихъ старожиловъ и сорвать съ ихъ устъ хоть эту малую толику дорогихъ для всѣхъ насъ воспоминаній.

Ему остается сердечно поблагодарить гг. авторовъ за присланныя статьи, гг. редакторовъ Сборника — А. Е. Егорова, А. И. Кирпичникова и В. А. Яковлева за участіе въ изданіи настоящей книги и въ особенности нашего просвѣщеннаго мецената, давшаго средства на изданіе книги, и всѣхъ вообще лицъ, содѣйствовавшихъ изданію сборника.

Августъ, 1894.

*) Въ редакцію, кромѣ того, доставлены были весьма интересные матеріалы по исторіи нашего города, напр. Г. А. и Г. Н. Тройницкими, Н. Н. Потемкинымъ, І. Н. Галаганомъ, А. М. Бильфордомъ и друг., которые не могли войти въ сборникъ, такъ какъ по своему характеру не подходили къ общему его содержанію.

Городъ Одесса и одесское общество.

Воспоминанія одесскаго старожила.

Получивъ приглашеніе принять участіе въ изданіи одесскихъ мемуаровъ, потомкомъ незабвеннаго, для Одессы, адмирала де-Рибаса, я, какъ одесскій уроженецъ и старожилъ, постараюсь въ настоящей статьѣ передать потомству преимущественно такіе эпизоды изъ городской жизни, которые рѣдко помѣщаются въ оффиціальной хроникѣ и поэтому ускользаютъ отъ историка. Сознательныя воспоминанія мои начинаются съ 1837 года. Оканчиваю мои мемуары 1877 годомъ, такъ какъ все происшедшее послѣ этого свѣжо еще въ памяти не только старожиловъ, но и молодаго поколѣнія.

Первое воспоминаніе моего дѣтства и юношества—это Ришельевскій Лицей. При поступленіи моемъ во 2-й классъ гимназіи, зданіе Лицея Ришельевскій Лицей.

находилось въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ Вагнера-Ринка, и почти въ томъ-же видѣ, на углу Екатерининской и Дерибасовской улицъ.

Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ изложить описанiе замѣчательныхъ дѣятелей и выдающихся событiй изъ лицейской жизни, начиная съ 1837 по 1847 годъ,—окончанiя мною курса лицея.

Попечителемъ лицея и учебнаго округа я засталъ г. Покровскаго, директоромъ Н. И. Синицына, инспекторомъ г. Чанова.

Изъ числа наставниковъ, которыхъ я засталъ, единственный оставшiйся въ живыхъ и теперь проживающiй въ Одессѣ,—законоучитель, протоiерей Михаилъ Павловскiй. При поступленiи моемъ г. Павловскiй еще не былъ посвященъ въ санъ и являлся на уроки въ синемъ вицъ-мундирѣ. Николая Никифоровича Мурзакевича, занимавшаго впослѣдствiи высокiя должности, я засталъ надзирателемъ (педелемъ). Въ числѣ преподавателей были весьма оригинальныя личности. Законоучитель для католиковъ, итальянецъ, капуцинъ, Патре Ансельмо, старичекъ маленькаго роста, съ козлиной бородкой и такимъ-же голосомъ, былъ ужасно сердитый. Одѣвался въ монашескую суконную рясу, съ капюшономъ, подпоясанную толстыми вервiями съ концами въ формѣ огурцовъ. Этими огурцами онъ колотилъ безпощадно по чемъ попало провинившихся гимназистовъ. Преподавалъ онъ катехизисъ на французскомъ языкѣ, котораго почти никто изъ гимназистовъ не понималъ. Припоминаю, какъ однажды онъ гонялся по классу за мальчикомъ, который, по незнанiю французскаго языка, назвалъ патера, вмѣсто:

mon pére — mon cher. Чѣмъ больше колотилъ его Патре, тѣмъ жалобнѣе мальчикъ кричалъ: mon cher, mon cher!

Другой оригиналъ былъ учитель латинскаго языка, г. Кнорре. Громаднаго роста, съ лошадино-подобною физiономiей, онъ ходилъ подпрыгивая и обнюхивая все попадавшееся подъ руки и людей, съ которыми разговаривалъ. Необыкновенный ходокъ и конькобѣжецъ, онъ иногда по утрамъ совершалъ прогулку на Большой Фонтанъ и обратно пѣшкомъ. Однажды, когда море далеко замерзло, онъ на конькахъ сбѣгалъ въ Николаевъ къ брату, астроному. Съ гимназистами Кнорре любилъ забавляться въ промежуткахъ уроковъ. Я былъ въ числѣ его любимцевъ и не разъ, посадивъ меня къ себѣ верхомъ на шею, онъ бѣгалъ по корридорамъ.

Въ это время у насъ были въ большомъ употребленiи розги. Порка производилась ежедневно. Были субъекты, которыхъ пороли не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Случалось, что высѣченнаго, испачканнаго кровью, на простынѣ относили въ домашнюю больницу. Кромѣ формальной порки, на скамьѣ, посредствомъ двухъ служителей, производилось въ классахъ и корридорахъ сѣченiе по рукамъ линейкой или пучкомъ розогъ корешками. Въ этомъ дѣлѣ отличался надзиратель Демостико. Едва замѣтитъ какое-либо нарушенiе порядка, подбѣгаетъ къ виновному и тогда подставляй ладони, то одну, то другую. Хлопъ, хлопъ, хлопъ,—и побѣжалъ къ слѣдующему.

Вообще порядки были жестокiе. При погребенiи профессора Курляндцева всѣ лицеисты со-

провождали гробъ до кладбища. Это происходило въ ноябрѣ, при холодномъ вѣтрѣ съ снѣгомъ. Всѣ мы шли попарно въ однихъ сюртучкахъ, безъ фуражекъ. Какъ самый маленькій, я шелъ въ первой парѣ. Возвратившись домой послѣ этой прогулки, я схватилъ горячку и пролежалъ шесть мѣсяцевъ въ кровати. Еще былъ оригиналъ учитель греческаго языка Христохоосъ. Читая лекціи о греческихъ войнахъ, онъ, расхаживая по классу, изображалъ собою греческаго воина, показывая, какъ подкрадывались къ непріятелю, метали копья и т. п. Ежели ученики не посѣщали исправно классовъ, онъ не былъ въ претензіи, только передъ экзаменомъ необходимо было взять у него десятокъ частныхъ уроковъ по 2 рубля и на экзаменѣ онъ ставилъ хорошую отмѣтку. Н. Н. Мурзакевичъ, произведенный изъ надзирателя въ учителя русской Исторіи, болѣе всего обращалъ вниманіе на одежду учениковъ. Войдя въ классъ, онъ всѣхъ осматривалъ. У кого случалась оторванная пуговица или разорванное платье, всѣхъ такихъ собиралъ онъ къ классной доскѣ, становилъ въ рядъ, а на доскѣ дѣлалъ надпись мѣломъ: „ветошный рядъ". Тамъ они оставались во все время класснаго урока. Другой учитель, въ наказаніе за лѣность, ставилъ ученика тоже къ доскѣ и надъ головой его рисовалъ мѣломъ ослиныя уши.

Изъ надзирателей были замѣчательны: Пиллеръ — необыкновенный силачъ и Гревсъ (англичанинъ) вантрилокъ и мастеръ на всѣ руки.

Въ числѣ профессоровъ было нѣсколько знаменитыхъ ученыхъ и чудаковъ. Къ первой категоріи можно причислить профессора ботаники и зоологіи Нордмана и профессора математики Генриха Бруна; ко второй профессора химіи Гасгагена, коверкавшаго русскій языкъ и увѣрявшаго насъ, что корабли для прочности обиваютъ *медомъ* (вмѣсто мѣдью). Н. Н. Мурзакевичъ отличался необыкновеннымъ безкорыстіемъ, хотя и былъ очень бѣденъ. Когда пріѣхалъ въ Одессу харьковскій откупщикъ, богачъ, Кузинъ, съ намѣреніемъ помѣстить сына въ лицей и просилъ всѣхъ профессоровъ давать сыну частные уроки, Мурзакевичъ возмутился, сказалъ, что это подкупъ и не пошелъ даже на совѣщаніе профессоровъ по этому предмету. Въ совѣщаніи, одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ, профессоръ латинскаго языка Беккеръ, долго не соглашался на плату по 10 р. за урокъ, считая ее высокою. Къ удивленію всѣхъ, Кузинъ обидѣлся предложеніемъ такой низкой платы, заявивъ, что въ Харьковѣ онъ платилъ за урокъ не менѣе 25 руб.

Изъ студенческой жизни остались у меня слѣдующія воспоминанія. Студентовъ бывало не болѣе 30 — 50 человѣкъ. Большинство вели жизнь разгульную. Помню, какъ однажды собралъ всѣхъ насъ инспекторъ Соколовъ и произнесъ поучительную рѣчь, которую окончилъ слѣдующими словами: „Какъ только вижу въ календарѣ крестикъ, означающій праздникъ, такъ уже и жду на слѣдующій день поступленія жалобъ на студентовъ за буйства и т. п.".

Припоминаю двухъ студентовъ-силачей. Самсонъ Юргенсонъ и Лучичъ (сербъ). Сей послѣдній въ сущности былъ нрава кроткаго и даже застѣн-

чивъ, но только въ нормальномъ состоянiи; подвыпивши, онъ становился ужасенъ. Студенты насильно тащили его съ собою во время ночныхъ похожденiй. Въ случаѣ надобности, онъ ударомъ ладони вышибалъ какую угодно дверь. Можно себѣ представить, какое дѣйствiе производила эта ладонь на человѣческiя физiономiи и ребра!

Слишкомъ большое прилежанiе у насъ считалось неприличнымъ. Прилежныхъ студентовъ, обыкновенно любимцевъ профессоровъ, называли подлизами.

За то у насъ были своего рода правила чести. Оскорбить женщину, въ особенности молодую невинную дѣвушку, считалось преступленiемъ. Вступиться за товарища и, въ случаѣ нужды, отдать ему послѣднюю копѣйку,—священнымъ долгомъ. О бѣдныхъ студентахъ у насъ не было и рѣчи. Никакихъ подачекъ не требовалось.

Сравнительно мы были довольно религiозны и питали должное уваженiе къ родителямъ и старшимъ. Нигилизма не существовало и даже слово это еще не было произнесено Тургеневымъ.

Любимымъ мѣстомъ студенческихъ кутежей былъ кафе-ресторанъ Каруты въ Пале-Роялѣ. При недостаткѣ денегъ для кутежа, одинъ студентъ (Куро), придумалъ слѣдующую штуку: поссорился съ товарищемъ, студентомъ Кузинымъ, сыномъ харьковскаго откупщика, и вызвалъ его на дуэль. Молодой человѣкъ сильно испугался и просилъ у товарищей заступничества. Для примиренiя предложили Кузину дать всѣмъ товарищамъ завтракъ съ шампанскимъ у Каруты, на что онъ съ радостью согласился. Все это, разумѣется, было впередъ подготовлено. Подобныя продѣлки повторялись нѣсколько разъ и всегда жертвою былъ Кузинъ.

Еще припоминаю анекдотъ о профессорахъ Генрихѣ Брунѣ и Левтеропуло. Брунъ, извѣстный математикъ, превосходно игралъ въ карты, во всѣ коммерческiя игры (онъ и умеръ скоропостижно въ Одесскомъ „Англiйскомъ" клубѣ) и постоянно обыгрывалъ своего товарища Левтеропуло, профессора физики. Выведенный изъ терпѣнiя, физикъ придумалъ слѣдующую комбинацiю. Пригласивъ къ себѣ Бруна на карты, онъ поставилъ карточный столъ въ такомъ мѣстѣ, на которомъ, отъ соединенiя фокусовъ искустно развѣшенныхъ зеркалъ, онъ видѣлъ въ зеркалѣ всѣ карты Бруна. Понятно, что при такихъ условiяхъ Брунъ, къ удивленiю своему, постоянно проигрывалъ. Только къ концу зимы Левтеропуло объяснилъ ему въ чемъ дѣло и возвратилъ проигранныя деньги.

Танцамъ училъ насъ И. Бушъ, названный безсмертнымъ. Онъ танцовалъ и училъ до 90 лѣтъ*). Унаслѣдовалъ ему Адольфъ Цорнъ, который прибылъ въ Одессу въ 1839 г. и до сего времени въ Одессѣ живетъ и содержитъ танцъ-классъ. Говорятъ, что всѣ танцмейстеры долговѣчны. А. Цорнъ, кромѣ танцевъ, преподавалъ намъ гимнастику и училъ плаванью. Школа плаванiя была устроена на рейдѣ на плавающихъ бочкахъ. Для неумѣющихъ плавать была предоставлена средина купальни, окруженная барьеромъ, съ рѣшотчатымъ дномъ. Хорошiе пловцы дѣлали экскурсiю, вмѣстѣ съ учителемъ, въ открытое море, сопровождае-

*) Скончался въ Одессѣ въ 1877 году.

мые, на всякій случай, лодкою, съ опущенными концами веревокъ.

аружность города.

Въ 1836 г. кончалась постройкой колоссальная *Бульварная лѣстница*. Нижняя часть Николаевскаго бульвара представляла скалистый обрывъ. Вблизи моря, съ лѣвой стороны отъ лѣстницы, торчали скалы, на которыхъ раздѣвались купающіеся.

Памятникъ Дюка де-Ришелье уже стоялъ на теперешнемъ мѣстѣ. Возлѣ него ежедневно скоплялась толпа пріѣзжихъ мужиковъ-чумаковъ, считавшихъ долгомъ пойти поглазѣть на *Дюку*. Однажды въ толпѣ нашелся грамотный острякъ. На вопросы чумаковъ, почему это Дюкъ въ лѣвой рукѣ, со стороны городскаго дома, въ которомъ находились присутственныя мѣста, держитъ свертокъ бумагъ, а правою рукою указываетъ на море, — острякъ объяснилъ, что Дюкъ говоритъ: „якъ маешъ тамъ судыться, то лучше въ мори утопыться". Теперешній Пале-Рояль представлялъ площадь, окруженную въ два ряда деревьями. Въ концѣ, на мѣстѣ теперешняго театра стоялъ уже театръ, впослѣдствіи сгорѣвшій. На площади производился парадъ войскъ и ученія пѣхотныя и даже кавалерійскія. Главнымъ мѣстомъ гуляній и катаній была Ришельевская улица. Въ казенномъ, теперь Дерибасовскомъ саду, на мѣстѣ зданія Общества сельскаго хозяйства, находился ресторанъ. Впослѣдствіи ресторанъ перешелъ во флигель, выходившій въ садъ, принадлежавшій гостинницѣ „Европа" Вагнера (нынѣ принадлежитъ университету) и содержался знаменитымъ въ свое время Алексѣевымъ. По причинѣ порто-франко, существовали

при выѣздахъ изъ города три сухопутныя таможни (заставы). Херсонская, — противъ теперешнихъ скотобоенъ на Пересыпи; Тираспольская, — старое зданіе коей и теперь существуетъ, и Больше-Фонтанская. Эта послѣдняя вначалѣ была устроена въ концѣ Ришельевской улицы, близь внѣшняго бульвара, который въ то время составлялъ черту порто-франко, а потомъ, съ переводомъ черты порто-франко, недалеко отъ теперешней новой тюрьмы, близь лагеря. На Скаковомъ полѣ существовалъ ипподромъ, почти въ томъ-же мѣстѣ гдѣ и теперь, но только зданіе было обращено фасадомъ къ сѣверу, а не къ западу, какъ теперь, что было гораздо удобнѣе для зрителей.

Левшинскія плантаціи.

На Пересыпи существовали знаменитыя *Левшинскія плантаціи*, заслуживающія вниманія не только садоводовъ, но и городскихъ хозяевъ, вообще. До устройства этихъ плантацій все пространство по обѣ стороны дорогъ Николаевской и Балтской, на разстояніи 6 верстъ въ длину и двѣ версты въ ширину, представляло собою песчаное море. Отъ порывовъ вѣтра образовывались песчаныя волны такихъ размѣровъ, что затрудняли движеніе подводъ съ хлѣбомъ, и песокъ засыпалъ глаза проѣзжавшимъ. Долго придумывали какъ-бы пособить этому злу. Всѣ приходили къ убѣжденію, что необходимо засадить всю мѣстность деревьями; но это казалось почти невозможнымъ по качеству почвы и громаднымъ расходамъ не по средствамъ молодаго города.

Градоначальникъ А. И. Левшинъ, какъ видно, большой любитель садоводства и понимавшій дѣло, достигъ блестящихъ результатовъ, при самомъ не-

значительномъ расходѣ. Для этой цѣли онъ поселилъ на Пересыпи третью часть тогдашней рабочей арестантской роты (Драгутинской), которая постоянно работала. Оказалось, что почва земли была весьма пригодна для извѣстнаго сорта деревъ, а именно: Пирамидальной тополи, вербы и лозы разныхъ породъ и тамарикса. Посадка производилась прутьями подъ плугъ. Посажено было болѣе двухъ милліоновъ прутьевъ въ одинъ аршинъ длиною. На четвертый годъ уже, послѣ посадки, тополи выросли до 9 аршинъ. Всѣ работы и матеріалъ обошлись всего въ пять тысячъ руб. Мѣстность въ 253 десятины покрылась густымъ лѣсомъ, въ которомъ мы часто охотились на зайцевъ и вальдшнеповъ. Грустно было для меня видѣть, какъ черезъ десятокъ лѣтъ плантаціи стали приходить въ запущеніе, вырубливались и, наконецъ, совершенно уничтожились *).

Въ окрестностяхъ города растительность была весьма скудная. Въ чертѣ порто-франко существовали приморскія дачи: Ланжеронъ, Илькевича, барона Рено (Бухарина), Маразли, Лицейскій

*) На пересыпи, до начала плантацій, становилась, какъ и теперь 14 Сентября, *годовая ярмарка*, вовсе не похожая на теперешнія ярмарки. Пріѣзжала туда знаменитая серебряная и образная лавка Губкина изъ Москвы. Шелковыя издѣлія Кавказскія, Бухарскія и Персидскія, дорогіе сибирскіе мѣха. Во время ярмарки происходили состязанія крестьянскихъ воловъ и лошадей и выдавались призы за лучшіе образцы хлѣба въ зернѣ; тамъ-же продавалась крестьянская одежда, обувь, игрушки и пряники все привозное. Теперь изъ всѣхъ перечисленныхъ предметовъ можно найти только одежду, обувь, игрушки и въ особенности *пряники* мѣстнаго приготовленія.

хуторъ (университетскій), Ралевскій фонтанъ, хуторъ, Сенъ-При (Дунина), Стурдзы (кн. Гагариныхъ) Кортацци (Вагнеръ-Ринкъ), О. И. Чижевича (отца моего) въ количествѣ 85 десят. изъ коихъ онъ подарилъ 7 десят. для постройки дѣвичьяго монастыря. Почему-то Монастырь построили въ городѣ, но земля однако, осталась принадлежностью Монастыря; на дачѣ этой похоронена была графиня Эдлингъ и на ея средства построена Церковь, первое произведеніе молодаго Италіанскаго архитектора Моранди (живъ по сіе время). За чертою порто-франко, близъ Средняго Фонтана, была дача Феликса де-Рибаса, впослѣдствіи Саламбье, съ мойкой шерсти. Далѣе Монастырь, маякъ, большой фонтанъ у дачи Ковалевскаго, изъ коего впослѣдствіи проведена была вода въ городъ подземными трубами.

Водоснабженіе

Водою городъ пользовался изъ многочисленныхъ глубокихъ колодцевъ, устроенныхъ на перекресткахъ улицъ. Лучшій колодезъ былъ Томилина, на Молдаванкѣ. Лучшая вода добывалась изъ цистернъ, устроенныхъ при всѣхъ большихъ домахъ, въ которыя собиралась дождевая вода съ крышъ. Впослѣдствіи построенъ былъ водопроводъ Ковалевскаго. Лучшею водою для питья, стирки и чая считалась цистерновая. Остальная имѣла солоноватый вкусъ.

Воду развозили по домамъ водовозы. Обыкновенная цѣна на воду была отъ 3 до 5 коп. за пару ведеръ; но иногда доходила и до 20 коп. Однажды привезли воду изъ Николаева на пароходѣ.

Одесса страдала отъ недостатка воды вообще и хорошей воды въ особенности; недостатокъ

этотъ устраненъ только устройствомъ Днѣстровскаго водопровода.

манныя заведенія.

На Куяльницкомъ лиманѣ существовало уже лечебное заведеніе доктора Э. С. Андріевскаго. Завѣдывалъ этимъ заведеніемъ родной братъ его Викторъ Степановичъ. На Хаджибейскомъ лиманѣ тоже существовало небольшое городское заведеніе. Теперешнее гор. заведеніе съ паркомъ, насаженнымъ извѣстнымъ садоводомъ Десметомъ (назыв. „Люизвиль“) принадлежало богатому купцу Волохову, затратившему много денегъ на украшеніе парка.

десскія улицы и площади.

Я узрѣлъ Одессу въ томъ положеніи, въ которомъ описалъ ее Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Евгеній Онѣгинъ“. Городъ грязи, городъ пыли; я видѣлъ какъ

> Въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
> Смѣняетъ хилаго коня.

Грязь.

На нѣкоторыхъ улицахъ, въ центрѣ города, незнакомому съ мѣстными ухабами, покрытыми грязью нельзя было проѣхать безъ проводника. Я самъ видѣлъ въ концѣ Дерибасовской, противъ теперешней кондиторской Либмана, какъ выброшенный изъ опрокинувшихся дрожекъ господинъ въ цилиндрѣ попалъ въ яму головою внизъ и выскочилъ изъ нее, какъ изъ ванны, по шею въ грязи. Тамъ-же, на Дерибасовской, для перехода черезъ улицу появились носильщики изъ евреевъ, которые за гривенникъ переносили на спинѣ прохожихъ. Близъ Собора, противъ дома Папудова, на улицѣ какой то французъ поставилъ паромъ и стоялъ на немъ съ удочкой въ рукахъ. Въ сочельникъ Р. Х. ѣхавшіе ко мнѣ на кутью родные въ каретѣ попали въ такой ухабъ на Ришельевской улицѣ, что карета сломалась, лошадей выпрягли, а дамы, по колѣни въ грязи, вернулись домой пѣшкомъ и остались безъ ужина.

На Канатной улицѣ, близь дома Мѣшкова, въ которомъ я квартировалъ, стояло такое озеро, что весною, во время перелета, я на немъ стрѣлялъ бекасовъ. Самыя высокія галоши не помогали.

Пѣшеходы должны были носить высокіе сапоги. Бывали случаи, что пьяный, упавшій на улицѣ, захлебывался и тонулъ въ грязи.

Можно себѣ представить, что происходило въ предмѣстьяхъ города. Молдаванка иногда прекращала сообщеніе съ городомъ по цѣлымъ недѣлямъ. Оно возобновлялось послѣ сильныхъ морозовъ, когда грязь замерзала.

Глубоко завязшія въ грязи тѣлеги и экипажи, захваченные морозомъ, иногда оставались на улицахъ въ продолженіи всей зимы, и только весною, при совершенной оттепели, могли быть извлечены.

Припоминаю какъ однажды генералъ Безакъ, квартировавшій на Дворянской улицѣ, желая дать балъ, вынужденъ былъ вызвать цѣлую роту солдатъ для засыпки ухабовъ.

Шоссировкою улицъ завѣдывала не городская Управа, а строительный Комитетъ. Газеты молчали. Жалобы жителей оставлялись безъ послѣдствій. Въ отмщеніе за все это, кто то прислалъ изъ Константинополя на имя генералъ-губернатора посылку-ящикъ, въ которомъ оказался одинъ длинный сапогъ, выпачканный Одесскою грязью.

Пыль.

Лѣтомъ вся грязь превращалась въ глубокую пыль, которая, не менѣе грязи, безпокоила жителей.

Нельзя было отворить окна на улицу, и несмотря на это вся мебель и другія вещи въ комнатѣ безпрестанно покрывались толстымъ слоемъ пыли. Для перехода черезъ улицу требовались, какъ и въ грязь, высокія галоши, безъ каковой предосторожности невозможно было войти въ порядочную гостинную. Отъ пыли всѣ болѣе или менѣе страдали глазами.

Только послѣ выпавшаго дождика можно было отворить окно и подышать чистымъ воздухомъ.

Шоссировка улицъ.

Хотя Пушкинъ давно уже въ своихъ стихахъ объ Одессѣ сказалъ:

Уже дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней.

Но предсказаніе его осуществилось только черезъ 35 лѣтъ, когда стали мостить улицы гранитомъ. До этого, камень, который дробилъ молотъ, былъ такого качества, что въ одну осень и зиму превращался въ глинистую грязь и затѣмъ весною собирался съ улицъ арестантскою рабочею ротою и вывозился на чумную гору.

Немногимъ извѣстно, что наша т. н. чумная гора представляетъ собою грандіозный памятникъ одесскихъ шоссированныхъ улицъ, въ которомъ заключается нѣсколько милліоновъ городскихъ денегъ.

Названіе чумной горы она получила по тому случаю, что подъ ней, по срединѣ, находится нѣсколько могилъ, въ которыхъ похоронены трупы умершихъ въ чуму 1829 года.

Отношеніе горы къ чумному кладбищу такое, какъ еслибы на столѣ положить нѣсколько мертвыхъ мухъ и прикрыть ихъ самаго большаго размѣра подносомъ.

Драгутинская команда.

Шоссировка улицъ, а равно и всѣ почти городскія работы производились рабочею арестантскою ротою, извѣстною подъ названіемъ *Драгутинской команды*, по имени ея начальника.

Команда эта строила бульварную лѣстницу, развела и содержала левшинскія плантаціи и производила шоссировку и ремонтъ городскихъ улицъ. Начальникъ команды, знаменитый въ свое время капитанъ *Драгутинъ*, былъ необыкновенно практичный хозяинъ, искустный строитель и строгій начальникъ. Онъ принесъ своею командою городу большую пользу и себя не обидѣлъ. Послѣ выхода въ отставку онъ изъ ***маленькихъ*** сбереженій своихъ пріобрѣлъ ***большое*** имѣніе вблизи Одессы. Впослѣдствіи только выяснилось много злоупотребленій.

Такъ, напр., кучи щебня, принятыя въ одномъ мѣстѣ строительнымъ Комитетомъ, ночью перевозились подрядчикомъ на другую улицу и тамъ вторично принимались и т. п.

Злоупотребленія эти побудили строительный Комитетъ производить поставку щебня хозяйственнымъ способомъ. Порученіе это принялъ на себя городской голова Кортацци.

охищение катка.

При шоссировкѣ улицъ употреблялся для укатыванія щебня чугунный катокъ громадныхъ размѣровъ, въ который впрягались 12 паръ воловъ. По минованіи надобности этотъ катокъ оставлялся гдѣ нибудь на свободной площади, безъ всякаго присмотра, такъ какъ утащить его было почти немыслимо.

Въ одно прекрасное утро служащіе на Тираспольской заставѣ увидѣли, что катокъ выѣзжаетъ за городъ, запряженный 12 парами воловъ, въ сопровожденіи толпы бессарабскихъ молдаванъ съ кнутиками. На вопросъ, кула везутъ катокъ, они отвѣчали: въ Кишиневъ. Послѣ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что какіе то два еврея договорили молдаванъ, продавшихъ въ Одессѣ древесный уголь, вмѣстѣ съ каруцами, свезти катокъ въ Кишиневъ за 100 руб. Въ обезпеченіе исправной доставки они взяли съ молдаванъ залогъ 25 руб., съ тѣмъ, что залогъ этотъ, вмѣстѣ со 100 рублями за доставку, будетъ возвращенъ имъ въ Кишиневѣ по доставленіи туда катка.

Обманутыхъ мужиковъ заставили отвезти катокъ обратно на свое мѣсто, а сами мужики отправились въ Кишиневъ съ волами и кнутиками. Евреи, конечно, исчезли и не розысканы.

родской голова Кортацци.

Шоссировка улицъ имѣла пагубное вліяніе на судьбу Одес. городскаго головы — Кортацци, принявшаго на себя, какъ выше было сказано, заготовленіе щебня хозяйственнымъ способомъ.

Джемсъ Кортацци, истый англичанинъ, любимецъ князя Воронцова, состоялъ въ числѣ первыхъ негоціантовъ Одессы. Вначалѣ онъ содержалъ англійскій магазинъ, который впослѣдствіи

передалъ старшему приказчику Вильяму Вагнеру. Фирма эта и теперь существуетъ въ Одессѣ, а магазинъ принадлежитъ зятю Вагнера, Ринку. Кортацци имѣлъ свою коммерческую контору, большую приморскую дачу и жилъ на широкую ногу. Не зная русскаго языка, онъ даже на оффиціальныхъ бумагахъ подписывалъ свою фамилію по французски. Всѣхъ просителей по дѣламъ городскимъ онъ направлялъ къ секретарю думы г. К., къ которому питалъ большое довѣріе.

Такимъ образомъ секретарь былъ полновластенъ, и все дѣлалось по его благоусмотрѣнію. Это былъ искустный дѣлецъ и, соблюдая интересы города, не забывалъ и своихъ частныхъ интересовъ. Получая скудное содержаніе (кажется 600 р. въ годъ), онъ жилъ роскошно и задавалъ на славу обѣды и балы, на коихъ царицею была его дочь, красавица. Кортацци, не зная канцелярскихъ формальностей, производилъ заготовленіе щебня коммерческимъ способомъ, при своей конторѣ, а не канцелярскимъ порядкомъ, какъ слѣдовало по закону. Объ этомъ было донесено генералъ-губернатору графу Строгонову, который недолюбливалъ Кортацци за его надменные пріемы. Послѣдовало распоряженіе произвести слѣдствіе. Первое предварительное дознаніе было поручено мнѣ градоначальникомъ, при коемъ состоялъ я по особымъ порученіямъ. Послѣ подробнаго разслѣдованія я убѣдился, что Кортацци въ поставкѣ щебня дѣйствовалъ честно, въ интересахъ города, но велъ дѣло безъ соблюденія формальностей, требовавшихся по закону въ дѣйствіяхъ лица служащаго. Такъ, напр., въ своей конторѣ онъ выдавалъ мѣ-

щанамъ впередъ деньги на покупку воловъ и т. п., чѣмъ удешевлялъ стоимость щебня.

Послѣ представленія моего доклада генер.-губернаторъ поручилъ произвести формальное слѣдствіе своему чиновнику особыхъ порученій М. К. Катакази.

Когда Кортацци понялъ въ чемъ дѣло, то намѣревался чистосердечно объяснить свою ошибку, которая не повлекла бы за собою дурныхъ послѣдствій. Но секретарь думы, чиновникъ во плоти, обѣщалъ ему занести всѣ расходы въ шнуровую книгу, по формѣ, и затѣмъ представить все дѣло въ надлежащемъ видѣ. Кортацци согласился и книга была представлена слѣдователю. Разсматривая счеты и книги, М. К. Катакази случайно взглянулъ на бумагу противъ свѣта и увидѣлъ на ней водяной штемпель фабрики съ годомъ, который оказался гораздо позже времени составленія отчета. Обнаружился подлогъ, уголовное преступленіе, наказуемое ссылкою въ Сибирь. Послѣ обнаруженія этого подлога Кортацци былъ преданъ суду, посаженъ въ тюрьму, въ которой и просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не заболѣлъ опасно. Выпущенный изъ тюрьмы, онъ прожилъ не долго. Вся эта исторія произвела на публику весьма грустное впечатлѣніе, такъ какъ всѣ были увѣрены, что Кортацци дѣйствовалъ честно и палъ жертвою излишняго и неумѣстнаго усердія своего секретаря.

Одесса Порто-франко.

Привиллегія полученія всѣхъ заграничныхъ товаровъ безъ пошлины доставляла жителямъ Одессы громадныя удобства жизни дешевизною всѣхъ предметовъ роскоши и продовольствія. Это

привлекало въ городъ людей богатаго класса изъ всей Россіи. Рабочій классъ тоже благоденствовалъ отъ хлѣбной торговли. Заработки были до того велики, что видѣли биндюжниковъ и подсѣвальщиковъ закуривавшихъ папироски рублевыми бумажками, а одинъ подгулявшій биндюжникъ закурилъ даже десятирублевой. Въ оффиціальномъ отчетѣ д-ра Э. С. Андріевскаго, послѣ чумной эпидеміи 1837 года, о продовольствіи населенія, между прочимъ, сказано: «*въ Одессѣ нищихъ почти нѣтъ*, пришлось только давать продовольствіе рабочему классу, лишенному всякихъ заработковъ при закрытіи порта».

Въ особенности отличались дешевизной иностранныя вина, турецкій табакъ, оливковое масло, сахаръ, кофе и мануфактура. Изъ прейсъ-курантовъ винныхъ магазиновъ: Иснара, Вакье, Жюльена и друг. видно, что лучшія французскія вина Бордо и Бургонь продавались отъ 40 до 50 к. бутылка. Лучшее шампанское 1 р. 60 коп. бут. Ведро хереса и мадеры—5 руб., марсалы 4 руб. Греческія превосходныя вина были дешевле мѣстнаго вина.

Лучшій душистый турецкій табакъ крашеный, безъ бандероль, продавался отъ 20 до 40 к. ф. Французскія и англійскія сукна и ліонскіе шелки появились въ Одессѣ вмѣстѣ съ парижскими портными и модистками.

Портные Модистки.

Портные Лангле, Тамбюте, Мишель, Верель (теперь Лантье) не уступали лучшимъ парижскимъ портнымъ. Знаменитая въ свое время модистка Томазини создавала такіе туалеты, что получала заказы даже изъ С.-Петербурга. Нѣкото-

рыя изъ одесскихъ дамъ до того заискивали расположенія Томазини, что безъ свидѣтелей цѣловали ее въ ручку. И, дѣйствительно, Томазини одѣвала своихъ фаворитокъ съ такимъ вкусомъ, что онѣ тотчасъ отличались отъ другихъ туалетовъ. Г-жа Томазини, покончивъ съ Одессой, удалилась въ Парижъ и зажила роскошно, въ собственномъ отелѣ, съ ливрейнымъ швейцаромъ. Въ Одессѣ унаслѣдовала ей г-жа Пьетерсъ и Леонтина Лами. Одновременно съ Томазини славился своими матеріями и модами магазинъ Маріи Ивановны Страцъ, поставщицы на всю Новороссію. Въ числѣ лучшихъ парикмахеровъ-куаферовъ считался долгое время Трините, передавшій свою торговлю Лавиньоту, до нынѣ существующему.

Рестораны.

Старѣйшій лучшій ресторанъ, воспѣтый Пушкинымъ, Отона, находился въ городскомъ домѣ, что противъ театра. Тамъ-же нѣкогда въ нижнемъ этажѣ была знаменитая въ свое время кофейня Стефана, а напротивъ ея казино, воспѣтое Пушкинымъ, а потомъ и клубъ. Разсказывали, что въ кофейню Стефана ежедневно, въ извѣстный часъ, являлся одинъ богатый, но скупой купецъ и, принося свой табакъ, требовалъ только вещи, которыя отпускались безплатно: пустую трубку, фидибусъ (бумажка для закуриванія), стаканъ воды и ключъ отъ кабинета. Одновременно съ ресторономъ Отона

Коста.

существовалъ ресторанъ Косты, при „Новороссійской" гостинницѣ, противъ теперешняго Екатерининскаго сквера. Обѣды у Косты отличались отъ французской кухни Отона своею простотою и дешевизною. Здѣсь можно было найти превкусный борщъ, великолѣпную отварную говядину и въ

особенности рыбныя блюда, превосходно изготовленныя по гречески. Самъ хозяинъ Коста (грекъ) прислуживалъ гостямъ, а для своихъ фаворитовъ отрѣзывалъ лучшій кусочекъ изъ поданнаго блюда и на вилкѣ вкладывалъ имъ въ ротъ, приговаривая: „кус(ш)айте на здоровье". Гастрономы, обойдя всѣ рестораны, въ концѣ-концовъ возвращались къ Коста, кухня котораго никогда не пріѣдалась. Не смотря на то, что во всѣхъ ресторанахъ цѣна на порціи стала подыматься, Коста, до конца своего существованія, оставался при первоначальной цѣнѣ—10 коп. Но за то не хотѣлъ ни за что принять нововведенія, — стеариновыхъ свѣчей и продолжалъ жечь сальныя.

Кромѣ качества своихъ явствъ, Коста отличался большою оригинальностью и добротою: онъ кормилъ нѣсколькихъ бѣдныхъ гимназистовъ и чиновниковъ—безплатно и даже любовался ихъ здоровымъ видомъ. Въ числѣ любимцевъ Косты былъ адъютантъ генерала Лидерса—Аммосовъ, поэтъ, описавшій Косту въ стихахъ. Узнавъ, что Аммосовъ во время турецко-крымской войны сидитъ гдѣ-то въ Молдавіи безъ денегъ, проигравшись, Коста выслалъ ему порядочную сумму, рискуя потерять ее безвозвратно.

Послѣ постройки Пале-Рояля тамъ появился роскошный кафе-ресторанъ Каруты, а также гастрономическіе магазины: Шартренъ, Робленъ и кондиторская Замбрини съ хозяйкой-красавицей. Эти заведенія впервые стали посѣщать и дамы изъ высшаго общества.

Впослѣдствіи Карута держалъ Лондонскую гостинницу, а сосѣднюю съ нею, С.-Петербург-

скую, содержалъ Донати. Въ этомъ ресторанѣ началъ свою карьеру извѣстный въ наше время рестораторъ, содержатель Сѣверной гостинницы, А. С. Ящукъ.

Клубы.

До устройства теперешняго Англійскаго клуба существовалъ клубъ въ д. барона Рено, гдѣ нынѣ магазинъ Беллино-Фендериха и клубъ Пар. и Торг. Въ немъ давались балы, по подпискѣ. Члены Англійскаго клуба, до постройки собственнаго зданія, давали балы въ Биржевомъ залѣ, обыкновенные и маскарадные, посѣщаемые лучшимъ обществомъ, въ особенности подъ Новый годъ.

Насколько порто-франко было удобно и выгодно для живущихъ въ Одессѣ, настолько оно было непріятно и неудобно для окрестныхъ жителей и помѣщиковъ.

Таможни.

При выѣздахъ изъ города существовали, кромѣ портовой, три сухопутныя таможни, въ коихъ осматривали выѣзжавшихъ и взымали пошлину за всѣ иностранныя вещи, не бывшія въ употребленіи. Первое неудобство заключалось въ томъ, что послѣ захода солнца, шлагбаумъ опускался и, не смотря ни на какія экстренныя надобности, выѣздъ отлагался до слѣдующаго дня. Второе неудобство — перекидываніе вещей въ сундукахъ и чемоданахъ, отчего онѣ мялись и пачкались. Наконецъ, длинная процедура осмотра, взиманія пошлинъ и пререканія съ надзирателемъ. Самая непріятная таможня была Херсонская, при надзирателѣ Зосимѣ Ивановичѣ Педашенко, малороссѣ, отличавшемся грубымъ обращеніемъ съ проѣзжающими. Въ оправданіе своего поведенія, З. И. представлялъ то, что повидимому порядочные люди

старались обманнымъ образомъ провезти контрабанду. Въ этомъ преступленіи чаще всего попадались женщины. Напримѣръ, одна подвѣсила подъ платьемъ маленькія стѣнныя часы. Къ несчастію ея, во время осмотра часы стали бить 12, чѣмъ и выдали контрабандистку. Другая подвѣсила куда-то цѣлую головку сахару. Опять, къ несчастью, шпагатъ оборвался и въ таможнѣ выпала головка сахару на полъ изъ подъ юбокъ. Иногда попадались дамы, обмотавшія тѣло матеріей или кружевами. Послѣ такихъ продѣлокъ Зосимъ Ивановичъ позволялъ себѣ безъ церемоній щупать толстыхъ барынь, допрашивая: „а ще сіе у васъ натуралнэ, чи фалшивэ“? Послѣ Зосима Ивановича вступилъ надзирателемъ Юрій Константиновичъ Саморупо, съ качествами совершенно противуположными. Своею любезностью и снисходительностью онъ заслужилъ общую любовь и уваженіе. Ю. К. оставался надзирателемъ до закрытія порто-франко и въ настоящее время еще находится въ живыхъ.

Въ числѣ разныхъ ухищреній контрабандистовъ открыто было, что они переносили товары мимо таможни, моремъ, на Пересыпи, въ непромокаемыхъ мѣшкахъ, а чтобы скрыть себя получше отъ таможенной береговой стражи, шли по шею въ водѣ, надѣвая на голову стальную плоскую шапку, подходившую подъ цвѣтъ морской воды.

Послѣ уничтоженія порто-франко, сухопутныя таможни были упразднены, осталась одна портовая, взыскивавшая *привозныя* пошлины. Работа въ ней страшно закипѣла и не только казна стала получать милліоны, но и чиновники зараба-

тывали громадныя деньги. Даже писцы за какія то объявленія зарабатывали отъ 50 до 100 руб. въ день.

Къ сожалѣнію, деньги эти, столь легко зарабатываемыя, мало кому пошли въ прокъ, а большей частью немедленно прокучивались. Помню, какъ одинъ изъ подобныхъ писцовъ, Т., задавалъ намъ великолѣпные завтраки у Отона, съ устрицами, омарами и шампанскимъ, а потомъ я встрѣчалъ его на улицѣ оборваннымъ, больнымъ и просящимъ милостыню.

есская администрація и присутств. мѣста.

На моей памяти существовали въ Одессѣ канцеляріи генералъ губернаторовъ, градоначальниковъ или военныхъ губернаторовъ, полиція, магистратъ, дума, коммерческій судъ, приказъ общественнаго призрѣнія и др.

При мнѣ перебывало въ Одессѣ генералъ-губернаторовъ девять, градоначальниковъ или военныхъ губернаторовъ шестнадцать, полиціймейстеровъ 12 и городскихъ головъ шесть. Должность градоначальника долѣе всѣхъ исполнялъ, при 12-ти градоначальникахъ, предсѣдатель коммерческаго суда А. Ф. Митьковъ.

Ближе всего знакомы были мнѣ вѣдомства градоначальниковъ или военныхъ губернаторовъ, такъ какъ я, послѣ окончанія курса Ришельевскаго лицея, поступилъ на службу въ канцелярію военнаго губернатора Д. Д. Ахлёстышева и затѣмъ нѣсколько лѣтъ состоялъ по особымъ порученіямъ при градоначальникахъ и военныхъ губернаторахъ.

иновникъ Полянскій.

Изъ замѣчательныхъ товарищей по службѣ припоминаю военнаго чиновника особыхъ порученій полковника Полянскаго. Это былъ образованный

молодой человѣкъ, бывшій гвардеецъ, красавецъ собою и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный кутила. Въ его формулярѣ, между прочимъ, значилось, что онъ былъ отданъ подъ судъ за разрушеніе театра въ городѣ Гомелѣ.

Когда мы пристали къ нему за разъясненіемъ этого событія, онъ расказалъ намъ слѣдующее:

Проѣздомъ изъ С.-Петербурга по дѣламъ службы онъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ маленькомъ городкѣ Гомелѣ.

Изнывая отъ скуки въ дрянной гостинницѣ, онъ сталъ разспрашивать, какія тутъ въ городѣ есть развлеченія. Оказалось, что какая то несчастная провинціальная труппа актеровъ даетъ представленія въ старомъ маленькомъ деревянномъ городскомъ театрѣ, нѣчто въ родѣ балагана.

Полянскій тотчасъ послалъ къ содержателю труппы записку съ требованіемъ продать ему всѣ мѣста въ театрѣ на завтрашній спектакль. Содержатель, обрадованный такимъ предложеніемъ, поспѣшилъ его удовлетворить. Послѣ этого Полянскій потребовалъ списокъ всѣмъ главнымъ личностямъ въ городѣ. По обыкновенію таковыми оказались: городничій, военный начальникъ, почтмейстеръ, главный докторъ, предсѣдатели разныхъ судебныхъ мѣстъ и нѣсколько именитыхъ купцовъ и домовладѣльцевъ.

Всѣмъ имъ Полянскій, по достоинству, разослалъ билеты на ложи и кресла съ приглашеніемъ пожаловать на завтрашній спектакль. Отказовъ не послѣдовало. Между тѣмъ, Полянскій успѣлъ познакомиться въ ресторанѣ съ офицерами квартировавшаго полка и, послѣ угощеній, пріоб-

рѣлъ себѣ многочисленныхъ друзей. Вечеромъ, въ день спектакля, онъ и вся компанія, послѣ изрядной выпивки, отправились въ театръ, который былъ уже наполненъ приглашенною публикой. Вскорѣ послѣ начала представленія, одинъ актеръ, съ гитарой въ рукахъ, на сценѣ пропѣлъ какіе-то куплеты, которые не понравились Полянскому. Онъ вскочилъ на сцену, отобралъ у актера гитару и сталъ ему указывать, какъ должно пѣть эти куплеты, а затѣмъ началъ пѣть другіе куплеты и пѣсни легкаго содержанія. Публика и начальство съ недоумѣніемъ глядѣли на все происходившее, не понимая почему все это творится. Подвыпившая компанія офицеровъ хохотала и рукоплескала.

Наконецъ полиція была вынуждена вмѣшаться, и приставъ изъ-за кулисъ дѣлалъ Полянскому отчаянные сигналы, приказывая сойти со сцены.

Полянскій отвѣчалъ ему тоже сигналами отрицательно. Послѣ этого полиція вступила на сцену и начались пререканія. Приставъ утверждалъ, что Полянскій нарушаетъ общественную тишину и порядокъ и что публика выражаетъ свое неудовольствіе, а Полянскій утверждалъ, что здѣсь никакой публики нѣтъ, онъ здѣсь одинъ, какъ дома, съ своими пріятелями и знакомыми. Отъ словъ перешли къ дѣйствіямъ. Въ защиту Полянскаго появились на сценѣ офицеры-друзья. Вспрыгивая на сцену, они переломали контрабасъ и другіе инструменты въ оркестрѣ.

Пошла потасовка. Испуганная публика вдругъ шарахнулась изъ театра. Такихъ необычныхъ толчковъ старый балаганъ не выдержалъ, столбы де-

ревянные не выдержали и все зданіе рухнуло. Это происшествіе и получило названіе „разрушенія театра въ г. Гомелѣ“, за которое Полянскій былъ преданъ суду и понесъ какую то кару, вродѣ ареста на гауптвахтѣ, или чего то подобнаго.

Слѣдствія по уголовнымъ преступленіямъ.

Въ тѣ времена судебныхъ слѣдователей не существовало. Всѣ слѣдствія по уголовнымъ преступленіямъ производились чиновниками особыхъ порученій. Однимъ изъ первыхъ, возложенныхъ на меня порученій было произвести слѣдствіе надъ купцомъ П—ш—вымъ, за оскорбленіе Одес. полиціймейстера.

Г-нъ П—ш—въ, впослѣдствіи замѣчательный общественный дѣятель, ораторъ и подрядчикъ-строитель, съ молодыхъ лѣтъ выказывалъ уже крутой, несговорчивый нравъ. Въ обиду себя не давалъ и въ карманъ за словомъ не лазилъ. Получивъ однажды отъ полиціймейстера повѣстку съ надписью: женѣ купца П—а, онъ нашелъ эту надпись невѣжливою и возвратилъ повѣстку полиціймейстеру, съ надписью: «подобныя повѣстки пишутъ только дураки». Полиціймейстеръ К—съ, съ своей стороны, тоже обидѣлся и подалъ градоначальнику жалобу на П—а за оскорбленіе при исполненіи службы.

Градоначальникъ предписалъ мнѣ произвести формальное слѣдствіе. На предложенные мною П—у, по извѣстной формѣ, на бумагѣ, запросные пункты и между прочимъ вопросъ, почему онъ позволилъ себѣ оскорбить полиціймейстера браннымъ словомъ, П—ъ, противъ этого пункта написалъ слѣдующее: «Удивляюсь, какъ г. полиціймейстеръ могъ обидѣться такимъ вздоромъ. Человѣкъ, ко-

торому на бульварѣ, публично, еврей далъ пощечину, отъ которой слетѣла каска съ головы, кажется, не долженъ-бы обижаться такими пустяками». Этимъ отвѣтомъ, конечно, было нанесено новое, еще болѣе сильное оскорбленіе.

Не желая пользоваться увлеченіемъ г. П—ва, я пригласилъ его къ себѣ и насилу уговорилъ написать другаго рода отвѣтъ, а первоначальную бумагу изорвалъ.

Пожары и поджоги.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Одессѣ были въ большой модѣ пожары застрахованныхъ домовъ. Почти каждую ночь происходило по нѣсколько пожаровъ, причемъ пламя вдругъ охватывало все зданіе. Окна и двери лопались и выпускали языки разноцвѣтныхъ огней. Прибывавшей, съ нѣсколькими бочками воды, пожарной командѣ не оставалось уже ничего дѣлать. При такихъ пожарахъ сгорали не только всѣ деревянныя части постройки, но даже и стѣны послѣ пожара оказывались негодными. Страховая премія получалась сполна. Не трудно было догадаться, что это умышленные поджоги съ корыстной цѣлью, но труднѣе было доказать умыселъ и отыскать виновныхъ. Суда присяжныхъ не существовало, а въ виду тяжелой кары за поджогъ законъ требовалъ для обвиненія ясныхъ доказательствъ, уликъ, свидѣтелей поджога и т. п. Разскажу нѣсколько случаевъ изъ моей практики: на Ришельевской улицѣ сгорѣлъ двухъ этажный флигель при домѣ Бр—на при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Прибывшая пожарная команда застала картину, выше сего описанную. Пламя разноцвѣтное выходило изъ всѣхъ оконъ, даже стѣны горѣли. Потушить

не оказалось никакой возможности. Все сгорѣло до тла. Хозяинъ дома лежалъ больной въ своей квартирѣ въ плановомъ домѣ.

Изъ произведеннаго мною разслѣдованія обнаружилось, что недѣли за двѣ до пожара, домовладѣлецъ, подъ разными предлогами удалилъ изъ флигеля всѣхъ жильцовъ. Засимъ видѣли рабочихъ, производившихъ во флигелѣ какія-то работы при закрытыхъ дверяхъ и окнахъ. Кромѣ рабочихъ и домовладѣльца, во флигель никто не входилъ. Вечеромъ, за часъ до пожара, послѣ выхода рабочихъ, видѣли домовладѣльца вышедшаго послѣднимъ. Заперевъ двери, онъ взялъ къ себѣ ключъ, вернулся въ свою квартиру, послалъ за цирюльникомъ, приказалъ поставить себѣ пьявки и легъ въ постель.

Около 10 часовъ ночи жильцы услышали сильный трескъ и, выбѣжавъ во дворъ, увидѣли, что во флигелѣ всѣ окна потрескались и ставни выброшены во дворъ. Изъ отверстій показалось пламя разныхъ цвѣтовъ, точно бенгальскіе огни. Кромѣ этихъ свѣдѣній, удалось мнѣ даже узнать имена рабочихъ, способъ подготовленія зданія для поджога, а также имя подрядчика-поджигателя, прозваннаго по уличному Фейербрандъ. Но, къ сожалѣнію, не имѣя въ своемъ распоряженіи сыщиковъ, я долженъ былъ обращаться въ полицію, отъ которой всегда получался одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „по розысканіи, въ городѣ на жительствѣ не оказалось“. Въ данномъ случаѣ было ясно, что поджогъ сдѣлали по распоряженію самого домовладѣльца, но недоставало требовавшихся по закону уликъ и доказательствъ. При допросѣ мною до-

мовладѣльца, безъ свидѣтелей, онъ почти сознавался и умолялъ меня на колѣняхъ о пощадѣ, но при свидѣтеляхъ тотчасъ измѣнялъ тонъ и отрицалъ свою виновность.

Кончилось тѣмъ, что его выпустили изъ тюрьмы и былъ наказанъ онъ только тѣмъ, что не получилъ страховой преміи, такъ какъ слѣдствіемъ было доказано, что пожаръ произошелъ не случайно, а съ намѣреніемъ.

Другое подобное дѣло было въ моемъ производствѣ о пожарѣ на хуторѣ, близъ Дальника, отставного полковника артиллеріи, богатаго землевладѣльца Л—го. Хуторъ горѣлъ въ продолженіи трехъ дней при дождливой погодѣ и при вѣтрѣ, противномъ распространенію пожара. Изъ показаній свидѣтелей-сосѣдей оказалось, что когда огонь прекратился самъ собою (пожарная команда такъ далеко не выѣзжала), то опять загоралось другое зданіе. Поджигатели были бродяги изъ сосѣднихъ каменоломенъ. Все это было обнаружено, но опять полиція никого не розыскала, а г. Л—й даже обидѣлся, что его заподозрѣваютъ. Судьба, однако, жестоко наказала его по другому дѣлу. Онъ окончилъ свою карьеру въ Херсонскомъ тюремномъ замкѣ. Въ одномъ случаѣ я обнаружилъ, что агентъ страховаго общества, принимая на страхъ домъ за высокую сумму и зная навѣрное, что онъ скоро будетъ горѣть, взялъ съ страхователя подписку, что въ случаѣ пожара онъ довольствуется меньшею суммою вознагражденія, остальное поступало въ карманъ агента.

Понятно, что при такихъ дѣйствіяхъ полиціи и страховыхъ агентовъ, слѣдователь былъ безсиленъ

и преступленія оставались ненаказанными. Наконецъ, случай помогъ дѣлу. При одномъ пожарѣ поджигатель не успѣлъ уйти, какъ подъѣхала пожарная команда, и упалъ съ крыши на руки пожарныхъ, со спичками и разными препаратами для поджога. Улика была на лицо. Въ виду часто повторявшихся умышленныхъ поджоговъ, попавшійся поджигатель былъ преданъ военному суду и разстрѣлянъ публично на площади. Этотъ примѣръ вдругъ прекратилъ пожары и надолго отбилъ охоту къ подобнымъ аферамъ.

Градоначаль
А.И. Казначее

Изъ начальниковъ моихъ болѣе другихъ памятенъ мнѣ градоначальникъ Казначеевъ. Александръ Ивановичъ Казначеевъ былъ въ высшей степени честный и добрый человѣкъ, съ либеральнымъ, рѣдкимъ въ то время, направленіемъ. За то супруга его, Варвара Дмитріевна, была строгаго нрава и держала въ рукахъ не только мужа, но и всѣхъ его подчиненныхъ. Александръ Ивановичъ, самъ небогатый человѣкъ, былъ щедръ для бѣдныхъ до расточительности и, наоборотъ, Варвара Дмитріевна скупа и старалась, при полученіи мѣсячнаго жалованья, тотчасъ захватить его въ свои руки. Въ скорости послѣ вступленія въ должность, Казначеевъ получилъ отъ управляющаго мѣстнаго откупщика пакетъ, въ которомъ оказалась тысяча рублей.

Взятка.

Казначеевъ пришелъ въ бѣшенство отъ подобной дерзости и уже придумывалъ, какъ-бы построже наказать оскорбителя, какъ вошелъ къ нему въ кабинетъ старый другъ, директоръ Одесскаго театра, баронъ Рено.

Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ успокаивать Казначеева, представляя въ оправданіе откупщика, что этотъ поступокъ со стороны откупщиковъ практикуется повсемѣстно, а въ наказаніе предложилъ весьма практическую мѣру, — принять деньги съ благодарностью, какъ приношеніе въ пользу бѣдныхъ г. Одессы, съ обязательствомъ повторять его ежегодно къ праздникамъ Р. X. и Св. Пасхи. Казначееву эта мѣра понравилась и онъ привелъ ее въ исполненіе.

Такимъ образомъ у него образовался маленькій капиталъ для раздачи бѣднымъ, къ которому онъ добавлялъ ежемѣсячно, ежели удавалось совершить это тайно отъ Варвары Дмитріевны, еще сто рублей изъ своего жалованья.

Для контроля надъ самимъ собою въ израсходованіи этихъ денегъ, онъ держалъ ихъ въ одномъ ящикѣ своего письменнаго стола, отъ котораго ключъ вручалъ мнѣ. При такомъ порядкѣ онъ не могъ расходовать денегъ безъ моего вѣдома, а я безъ его согласія. При появленіи просителей, болѣе всего салопницъ, онъ дѣлалъ надпись на прошеніи, сколько выдать, а я выдавалъ деньги и записывалъ въ шнуровую тетрадь, хранившуюся въ томъ же ящикѣ. Передъ праздниками Св. Пасхи обыкновенно выстраивали на бульварѣ, во всю длину, рядъ босяковъ и я выдавалъ каждому по 20 к., которые, разумѣется, тотчасъ-же пропивались въ ближайшемъ кабакѣ.

...кража ...альной ...ушки.

Припоминаю слѣдующій курьезъ. На бульварѣ, у подножія памятника Дюка де-Ришелье, стояла мѣдная сигнальная пушка. Въ одно прекрасное утро пушка оказалась уворованною. Не

смотря на всѣ старанія полиціи, пушка не была розыскана. Впослѣдствіи узнали, что пушку распилили на куски и мѣдь употребили въ дѣло. Полиція и градоначальникъ были въ отчаяніи отъ этого скандала. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія явился къ градоначальнику изъ тюремнаго замка арестантъ „на секретъ“. Это уже не разъ случалось. Арестантъ сообщаетъ какую-нибудь тайну одному градоначальнику, безъ свидѣтелей.

Приведенный съ конвоемъ арестантъ, важный преступникъ, свирѣпаго вида, хотя и въ цѣпяхъ, казался мнѣ очень опаснымъ. Подобные субъекты иногда совершали новыя преступленія для того, чтобы оттянуть рѣшеніе стараго дѣла, въ надеждѣ ускользнуть. Казначеевъ, однако, не струсилъ и повелъ его въ сосѣднюю комнату. Выйдя оттуда, онъ разсказалъ, что арестантъ заявилъ ему, что можетъ указать свидѣтеля, который видѣлъ кто и когда уворовалъ пушку. За открытіе его онъ потребовалъ 5 руб., на что Казначеевъ согласился и приказалъ полиціймейстеру отправиться вмѣстѣ съ арестантомъ туда, куда онъ укажетъ. Арестантъ привелъ полицію на бульваръ и, какъ на свидѣтеля, указалъ на Дюка де-Ришелье, у ногъ коего стояла пушка. Казначеевъ сначала очень разгнѣвался, но потомъ расхохотался и выдалъ остроумному арестанту обѣщанные 5 руб.

Растрата денегъ въ коммерческомъ судѣ.

Другой случай, взволновавшій все общество, —растрата денегъ изъ кассы коммерческаго суда. Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ: градоначальнику Казначееву, котораго очень любили всѣ его подчиненные, кто-то изъ служащихъ сооб-

щилъ по секрету, что въ кассахъ присутственныхъ мѣстъ не ладно. Гдѣ то недостаетъ большой суммы денегъ. Чтобы скрыть это обстоятельство, кассиры, по соглашенію между собою, ко дню ревизіи кассы въ одномъ учрежденіи, сносятъ туда деньги изъ кассъ другихъ учрежденій и отъ ростовщиковъ, а по окончаніи ревизіи моментально переводятъ ихъ въ другое ревизуемое учрежденіе и такимъ образомъ вездѣ все обстоитъ благополучно. Собственно на отвѣтственности градоначальника лежала касса Общественнаго призрѣнія.

Коммерческій судъ составлялъ отдѣльное учрежденіе, неподвѣдомственное градоначальнику; только ежемѣсячная ревизія кассы была на обязанности градоначальника. Получивъ секретное предупрежденіе, градоначальникъ назначилъ ревизію кассы прихода Общественнаго призрѣнія. Къ этому дню, по условленному порядку, принесли деньги изъ другихъ кассъ, а также отъ ростовщиковъ, и все оказалось въ исправности. Послѣ ревизіи градоначальникъ опечаталъ кассу приказа Общ. призрѣнія и приставилъ къ ней караулъ, а за симъ отправился ревизовать кассу коммерческаго суда. При этой ревизіи обнаружился недочетъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей,— и возникло судебное слѣдствіе. Ростовщики остались при пиковомъ интересѣ. Дѣло, однако, осталось невыясненнымъ, такъ какъ посаженный въ тюрьму кассиръ коммерческаго суда скоропостижно умеръ. Говорили, что онъ отравился. А какъ другихъ, прямо отвѣтственныхъ лицъ не оказалось, то жертвою искупленія былъ кассиръ, С—а,

человѣкъ небогатый, семейный и пользовавшійся въ городѣ репутаціей честнаго человѣка.

Жандармскій полковникъ Граве.

Во времена военнаго губернатора Ахлёстышева и градоначальника Казначеева находилась въ Одессѣ весьма замѣчательная личность—жандармскій полковникъ Владиміръ Ивановичъ Граве.

Наружность его была внушительная и строгая. Длиннѣйшіе съ просѣдью усы и нависшія брови придавали ему какой-то грозный и страшный видъ. Подъ этой грозной наружностью скрывалось самое доброе сердце и мягкій, любезный характеръ.

Трудно теперь даже повѣрить, какимъ авторитетомъ и властью пользовался въ Одессѣ полковникъ Граве. Кто не могъ добиться правды ни въ судахъ, ни у администраціи, — обращался къ полковнику Граве; и ежели дѣло его было правое, онъ получалъ должное удовлетвореніе. Одна угроза: пойду пожалуюсь полковнику Граве,— часто останавливала попытку кого-нибудь надуть или обидѣть.

По своей прямой обязанности Граве придерживался системы предупредительной, а не карательной. Такая система практиковалась только въ англійской полиціи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Граве не обращалъ никакого вниманія на получаемыя донесенія и не принималъ никакихъ мѣръ, хорошо зная характеръ и наклонности лицъ, о коихъ шла рѣчь. Такъ, однажды онъ получилъ донесеніе о предстоящей дуэли между двумя молодыми людьми изъ высшаго круга одесскаго общества. Вмѣсто того, чтобы поспѣшить арестовать этихъ особъ и не допустить

до дуэли, онъ махнулъ рукою и сказалъ, что дѣло это не серьезное и дурныхъ послѣдствій не будетъ. Такъ оно и случилось. Молодые люди отправились за городъ, въ условленное мѣсто, сдѣлали тамъ по одному выстрѣлу на воздухъ и благополучно вернулись по домамъ.

Вообще, личность полковника, а потомъ генерала Граве никогда не изгладится изъ памяти одесскихъ старожиловъ.

Одесскія увеселительныя заведенія.

Кромѣ театра, засталъ я въ Одессѣ заведеніе, почему-то носившее названіе „Вокзала", на Канатной улицѣ. Въ зданіи этомъ происходили концерты и балы, посѣщаемые преимущественно дамами полусвѣта и разгульною молодежью. Содержалъ это заведеніе нѣкій князь Гагаринъ (не изъ одесскихъ кн. Гагариныхъ), большой любитель музыки и балета. Впослѣдствіи онъ устроилъ школу для балета и давалъ представленія.

„Вокзалъ".

Городской театръ.

Городской театръ, впослѣдствіи сгорѣвшій, стоялъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ и теперешній новый. Онъ былъ построенъ по образцу италіанскихъ театровъ и отличался хорошимъ резонансомъ и комфортабельнымъ устройствомъ ложъ и креселъ. Антрепренеръ итальянской оперы получалъ отъ города субсидію: во-первыхъ, на оркестръ 80 тысячъ руб. асс. или 20.000 р. сер. и маркитантство въ карантинѣ, которое доставляло ему не менѣе 100 тысячъ чистаго годоваго дохода. Понятно, что при такихъ условіяхъ труппа была отличная, а цѣны на мѣста дешевыя. Ложа бель-этажа 6 руб., бенуара 4 руб., первый рядъ креселъ отъ 1 руб. и до 60 к., партеръ 30 коп. и т. д. Первыми содержателями театра были

Сарато и К°, за ними слѣдовалъ Жульенъ, потомъ Андросовъ, Карута и наконецъ Серматеи и Фолетти, бывшій долгое время смотрителемъ театра. Въ это время субсидіи уже не существовало, а потому дѣла пошли дурно и Фолетти умеръ въ бѣдности. Засимъ театръ сгорѣлъ и послѣдовалъ длинный антрактъ до постройки новаго—великолѣпнаго театра. Первымъ директоромъ театра былъ баронъ Рено и оставался въ этой должности до своей смерти. Послѣ него занимали эту должность А. В. Самойловъ, А. Родзянко, Абаза, Маразли и гр. М. М. Толстой. Во время театральной антрепризы съ вышеупомянутою субсидіей, мы видѣли на одесской сценѣ такихъ артистовъ, какихъ уже болѣе не случалось видѣть, да едва-ли и увидимъ. Первыя знаменитости, которыхъ я засталъ, были: примадонна Тассистро, контральто Патери, баритонъ Марини и басъ Берлендисъ. Тассистро отличалась въ оперѣ „Норма".

Послѣ выѣзда Тассистро изъ Одессы, хроникеръ „Одес. Вѣст." вѣрно предсказалъ, что послѣ того, какъ на одесской сценѣ въ послѣдній разъ бросили Норму—Тассистро въ огонь, Норма для Одессы навсегда погибла. Баритонъ Марини долго состоялъ любимцемъ публики и отличался въ роли Неистоваго въ оперѣ „Фуріозо". Его арію „Raggio d'amor" напѣвали въ Одессѣ и старъ, и младъ. Басъ Берлендисъ отличался въ оперѣ „Норма" въ роли жреца Оровезо, а также въ роли Донъ-Базиліо въ „Севильскомъ цирюльникѣ". Къ этимъ временамъ можно отнести описаніе

одесскаго театра Пушкинымъ, которое онъ оканчиваетъ слѣдующими стихами:

„Гремитъ финалъ, пустѣетъ зала,
Шумя торопится разъѣздъ.
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривый,
Его невольно затвердивъ,
А мы ревемъ речитативъ“.

За мое время въ числѣ лучшихъ оперныхъ артистовъ можно наименовать: примадоны-сопрано: Тассистро, Фани-Леонъ, Сеччи-Корси Баседжіо, Тереза и Жозефина Брамбилла, Больдрини, Кортези, Массини и Понти дель-Арми. Контральто: Лачиніо, Тати, Гвардучи, Абаринова, Лавровская (знаменитая). Теноры: Джентили, Альберти, Витали, Сольери, Поццолини, Віано и Ноденъ, — впослѣдствіи европейскія знаменитости. Баритоны: Марини, Ронкони, Бенчили. Бассы: Берлендисъ, Рокитанскій, Маини. Буффо-комики: Граціани, Бартолучи, Скалези. Дирижеромъ оркестра долгое время былъ итальянецъ Буфье. Наружность вполнѣ артистическая: блѣдный, съ длиннымъ лицемъ, и маленькой эспаньолкой, онъ носилъ большіе откидные воротники въ родѣ пелеринки „a la mousquetaire“ и длинные, локонами, волоса, раздѣленные по женски, падающія на плечи. Однажды, во время пріѣзда въ Одессу Императора Николая Павловича, одесская полиція, знавшая, что Государь не любитъ всякія оригинальности, поусердствовала и почти насильно остригла бѣднаго Буфье. Припоминаю одно представленіе оперы „Эрнани“ (1848 г.), въ которой роль

Эрнани игралъ теноръ Віани, а роль Эльвиры— Баседжіо. Оба молодые, красивые, съ восхитительными свѣжими голосами и страстной игрою, они привели публику въ неописанный восторгъ. крикамъ и апплодисментамъ не было конца. Въ послѣднемъ дѣйствіи, когда старикъ Сильва затрубилъ въ рогъ сигналъ, по которому Эрнани поклялся лишить себя жизни и сталъ прощаться съ Эльвирой, восторгъ публики дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Послышались рыданія. Градоначальникъ Казначеевъ, мягкосердечный, до того расчувствовался, что не могъ перенести подобнаго финала и сгоряча крикнулъ полиціймейстеру чтобы тотъ отправился на сцену и не допустилъ Эрнани до самоубійства.

Въ то время, когда въ Одессѣ процвѣтала итальянская опера, только изрѣдка появлялись провинціальныя труппы русскихъ актеровъ. Первую изъ нихъ помню труппу Рыкановскаго съ трагикомъ Громовымъ. За симъ явилась труппа Мочалова — комика, брата знаменитаго московскаго трагика. Мочаловъ былъ очень любимъ одесскою публикой. Онъ выписывалъ въ Одессу на гастроли брата изъ Москвы и знаменитаго комика Щепкина. Не смотря на всѣ усилія удержать въ Одессѣ русскій театръ, бѣдный Мочаловъ прогорѣлъ и покончилъ самоубійствомъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, дирекція одесскаго театра, при антрепренерѣ Андросовѣ, командировала въ Москву и С.-Петербургъ извѣстнаго любителя и знатока театральнаго дѣла Алек. Ив. Соколова, для образованія русской труппы и кордебалета изъ числа воспитанницъ

Императорской театральной школы. Выборъ Соколова оказался чрезвычайно удачнымъ. Приглашены были: актеръ Шумскій, впослѣдствіи знаменитость, Воробьевъ — замѣчательный комикъ, Орловъ — трагикъ. Женпремьеры: Максимовъ и Толченовъ. Актрисы: Орлова — драматическая, Шубертъ, Левкѣева, Боченкова (танцовщица) — восхищали одесскую публику. Шестнадцать молоденькихъ хорошенькихъ балеринъ тоже доставляли публикѣ не мало удовольствія.

Припоминаю такой случай. Въ театрѣ во время балета, изъ ложи бенуара, что на самой сценѣ, абонированной золотою молодежью, кто-то выстроилъ на полу сцены рядъ бумажныхъ пѣтушковъ, различной величины, по числу балеринъ, забывая, что все это происходитъ на сценѣ въ виду всей публики. Балерины все время хихикали и сбивались съ такта.

Начальство потребовало отъ директора театра воспретить эту забаву. Директоръ, баронъ Рено, человѣкъ практичный, тотчасъ сообразилъ, что будетъ весьма неудобно дѣлать замѣчанія подгулявшей молодежи изъ аристократіи. Во избѣжаніе непріятныхъ разговоровъ, онъ послалъ за кулисы капельдинера, который ловкимъ движеніемъ метлы убралъ всѣхъ пѣтушковъ за кулисы. Озадаченная молодежь даже обидѣлась, когда послышался хохотъ въ публикѣ.

Одно время на театрѣ появилась русская оперная труппа, въ которой дебютировала, впослѣдствіи знаменитая, г-жа Лавровская. Въ оперѣ „Жизнь за Царя", въ роли Вани, она произвела такой фуроръ, что послѣ спектакля публика выпрягла изъ ея кареты лошадей и повезла руками въ „Петербургскую" гостинницу. Въ корню шли градоначальникъ Б. и городской голова Н., а на пристяжкахъ полицмейстеръ графъ С. и какой-то студентъ. Сзади карету подталкивали студенты. Послѣ прибытія въ гостинницу, многочисленная толпа на улицѣ, преимущественно студенты, вызвала Лавровскую на балконъ и требовала „слова". Лавровская нѣсколько разъ выходила на балконъ и, повторяя „благодарю, благодарю!", бросала въ публику цвѣтами. Я шелъ по бульвару рядомъ съ этой процессіей и былъ очевидцемъ всего происходившаго.

Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ существовала въ Одессѣ весьма удовлетворительная французская труппа драматическая и опереточная въ зданіи Маріинскаго театра, въ Театральномъ переулкѣ, противъ теперешняго городскаго театра. Изъ числа замѣчательныхъ артистокъ можно упомянуть объ опереточной примадоннѣ г-жѣ Келлеръ, которая долго была любимицей одесской публики.

Первый клубъ, какъ мы уже говорили, находился въ домѣ б. Рено, гдѣ теперь магазинъ Белино-Фендериха и клубъ пароходства. Въ немъ въ продолженіе зимы давались балы по подпискѣ. Впослѣдствіи образовалось общество одесскаго „Англійскаго клуба" на акціяхъ, который до постройки собственнаго дома давалъ балы въ биржевой залѣ. Клубные балы посѣщало лучшее общество. Наканунѣ Новаго года балы отличались многолюдствомъ и богатыми туалетами дамъ. Одесскіе клу[бы]

Изъ клубной жизни одесскаго „Англійскаго клуба“ припоминаю слѣдующіе эпизоды.

Айвазовскій.

Обѣдъ знаменитому художнику Айвазовскому (тогда называли его Гайвазовскимъ), на которомъ присутствовалъ одесскій градоначальникъ Казначеевъ. Извѣстно, что когда Казначеевъ состоялъ градоначальникомъ въ Ѳеодосіи, къ нему часто поступали жалобы отъ домовладѣльцевъ на какого-то мальчика, который безпрестанно пачкалъ бѣлыя стѣны домовъ и заборовъ, рисуя углемъ какіе-то кораблики. Провѣривъ эти жалобы, Казначеевъ заподозрилъ въ мальчикѣ талантъ къ живописи и, вмѣсто наказанія, взялъ его къ себѣ на воспитаніе, а потомъ отправилъ въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ. Бѣдный мальчикъ этотъ былъ Айвазовскій... Послѣ тоста, предложеннаго старшиною клуба за здоровье Айвазовскаго, сей послѣдній, указавъ на Казначеева, какъ на своего благодѣтеля, со слезами на глазахъ высказалъ ему свою признательность. Казначеевъ, съ своей стороны, высказалъ, что онъ съ избыткомъ вознагражденъ тѣмъ, что изъ его воспитанника вышелъ такой знаменитый художникъ, и т. п. Оба расплакались и долго стояли обнявшись. Сцена эта растрогала всѣхъ присутствовавшихъ. Въ память обѣда Айвазовскій подарилъ клубу картину, которая и теперь въ немъ находится.

Лессепсъ

Другой замѣчательный обѣдъ давали въ клубѣ въ честь знаменитаго Лессепса, путешествовавшаго по всей Европѣ, приглашая принять участіе въ устройствѣ проектированнаго имъ Суэцкаго канала. Въ своей рѣчи Лессепсъ указалъ на то, что Суэцкій каналъ долженъ принести большую пользу и для одесской торговли. Ему отвѣчалъ на французскомъ языкѣ членъ клуба, извѣстный ораторъ, херсон. губерн. предводитель дворянства Е. А. Касиновъ.

Покража клубной касс

Третье событіе, въ особенности для меня памятное, – покража клубной кассы. Старшинами клуба въ то время были: полковникъ баронъ Сакенъ, А. Ф. Митьковъ, А. Н. Казариновъ, И. Н. Еранцевъ и я. На Страстной недѣлѣ баронъ Сакенъ уѣхалъ въ отпускъ. Онъ былъ казначеемъ клуба и, уѣзжая, передалъ ключъ отъ кассы эконому, такъ какъ никто изъ старшинъ не хотѣлъ его принять. Наконецъ, меня упросили принять кассу, на что я согласился, хотя самъ и былъ намѣренъ, пользуясь праздниками, уѣхать на первый день Св. Пасхи въ деревню поглядѣть на свое хозяйство. Отъ эконома узналъ я, что въ кассѣ хранится болѣе десяти тысячъ рублей и въ томъ числѣ двѣ тысячи процентными бумагами запаснаго капитала, которыя, по уставу клуба, должны были храниться въ государственномъ банкѣ. Баронъ Сакенъ, какъ военный, не былъ посвященъ въ финансовые порядки, а потому не только не помѣстилъ обыкновенныхъ суммъ на текущій счетъ, но даже и запасный капиталъ хранилъ въ кассѣ, вопреки уставу. Исправить эту ошибку оказалось невозможнымъ, такъ какъ всѣ банки были уже закрыты. Въ Страстную субботу, вечеромъ, провѣривъ съ экономомъ кассу, въ которой дѣйствительно оказалось свыше десяти тысячъ рублей наличными и процентными бумагами, я къ нимъ добавилъ свои 600 руб., не

желая оставлять ихъ дома, на время поѣздки въ деревню; все это я завязалъ и сдѣлалъ надпись: клубныхъ 10,000 руб. и моихъ 600 р., и въ присутствіи эконома, уложивъ въ кассу, заперъ ее и взялъ къ себѣ ключи. Выходя изъ комнаты, я обратилъ вниманіе эконома на то, что въ комнатѣ этой выходящее на улицу окно не имѣетъ ни ставни, ни занавѣски, и что стоящіе на площади извощики могли видѣть все происходившее въ кассѣ и войти въ соблазнъ. На это экономъ отвѣтилъ, что окно очень высоко отъ земли, и съ улицы не видно, что происходитъ въ комнатѣ. Объясненіе это меня не успокоило, и я отправился домой съ закравшимся предчувствіемъ чего-то недобраго. На слѣдующее утро, день Св. Пасхи, я послалъ за почтовыми лошадьми и сталъ укладываться, когда доложили мнѣ, что пришелъ экономъ изъ клуба. Что случилось? спрашиваю. — „Деньги украли“.—А касса? — „Вмѣстѣ съ кассою“.

Поѣхалъ я тотчасъ къ полиціймейстеру (графу Стенбокъ) объявить и просить помощи, а затѣмъ въ клубъ. Чтобы вынести такую тяжелую кассу, въ 9 пудовъ, необходимо было не менѣе четырехъ человѣкъ. Какъ оказалось, кассу вынесли не черезъ парадный ходъ, а по узкой, витой, черной лѣстницѣ, мимо помѣщеній служителей, въ дворъ и черезъ садикъ на площадь. Что въ дѣлѣ этомъ принималъ участіе кучеръ видно было изъ того, что въ щели двери найденъ былъ ремешекъ, оторванный отъ кнута. Прибывшій полицейскій приставъ, Кракатица, извѣстный спеціалистъ по розыскамъ краденныхъ вещей, осмотрѣлъ слѣды дрожекъ или брички, по площади до гранитной мо-

стовой, снялъ мѣрку изъ шинъ колесъ, подковъ лошадей и пообѣщалъ что касса будетъ отыскана. Въ 12-мъ часу я опять отправился къ полиціймейстеру справиться, нѣтъ-ли какихъ свѣдѣній о нашей кассѣ. Полиціймейстера я засталъ сильно взволнованнымъ. „Что ваша касса“, отвѣтилъ онъ, „теперь всѣ кассы въ городѣ трещатъ“. Начался знаменитый еврейскій погромъ.

Еврейскій погромъ.

Въ продолженіе трехдневнаго еврейскаго погрома нечего было и помышлять о розыскѣ клубной кассы. Послѣ погрома долго еще полиція была занята отбираніемъ разграбленныхъ вещей и розысканіемъ зачинщиковъ. А когда все успокоилось, то клубная касса успѣла скрыться окончательно. Не только деньги не розысканы, но даже не найдена разбитая касса, что обыкновенно случается. Обстоятельство это можно было объяснить тѣмъ, что денегъ было много и было чѣмъ подѣлиться щедро съ кѣмъ слѣдовало. Покража, конечно, не обошлась безъ участія домашнихъ. Подозрѣвали лакеевъ, недавно выбывшихъ изъ клуба по нежеланію подчиниться распоряженію—сбрить усы. Члены клуба были весьма недовольны потерей, обвиняя дирекцію въ небрежномъ храненіи денегъ. Что-же касается запаснаго капитала въ двѣ тысячи рублей, который по уставу долженъ былъ храниться въ государственномъ банкѣ, то, по мнѣнію многихъ, сумма эта должна быть пополнена старшинами. Баронъ Сакенъ былъ въ отсутствіи. Казариновъ не далъ никакого отвѣта, а Митьковъ заявилъ торжественно, что онъ готовъ отдать голову за клубъ, но денегъ не дастъ ни копѣйки. Причитающіяся части по 400 р. внесли

только Еранцевъ и я. Такимъ образомъ, катастрофа эта обошлась мнѣ, вмѣстѣ съ 600 р., оставленными въ кассѣ на храненіи, въ тысячу рублей. Это нѣкоторымъ образомъ было какъ-бы наградой за 2-хъ-лѣтнюю службу мою клубу въ должности старшины.

Бомбардированіе Одессы.

Подробности этого событія вѣроятно будутъ изложены въ оффиціальной брошюрѣ, издаваемой по случаю столѣтняго юбилея; поэтому, какъ очевидецъ, ограничиваюсь изложеніемъ отдѣльныхъ эпизодовъ, оставшихся въ моей памяти. Приготовляясь отражать непріятеля съ моря, наши стратегики построили и вооружили береговыя батареи, начиная отъ дачи Ланжеронъ до бульварной лѣстницы, въ той увѣренности, что далѣе, къ Пересыпи, вслѣдствіе мелководья непріятельскіе корабли не пройдутъ. Послѣдняя батарея, знаменитая Щеголевская, находилась въ концѣ Практической гавани, прикрытая толстою стѣною, и состояла изъ четырехъ орудій. Такъ какъ батарею эту считали почти безполезною, то и назначили командиромъ ея одного изъ младшихъ офицеровъ, прапорщика Щеголева, а къ орудіямъ приставили отставныхъ артиллеристовъ и таможенныхъ солдатъ. Ко всеобщему удивленію, непріятельскій флотъ, минуя всѣ грозныя батареи, подошелъ къ самой Пересыпи, гдѣ его вовсе не ожидали, и оттуда сталъ бомбардировать гавань.

Вслѣдствіе такого непредвидѣннаго инцидента, орудія на всѣхъ батареяхъ, обращенныя въ пустое пространство моря, молча были только свидѣтелями бомбардировки. Могла дѣйствовать одна только самая незначительная батарея Щеголева. Молодой офицеръ совсѣмъ было растерялся, но солдаты при орудіяхъ, старые служаки, храбро и стойко исполняли свою обязанность. Впрочемъ, ретироваться было еще опаснѣе, чѣмъ оставаться на мѣстѣ, подъ прикрытіемъ толстой стѣны. Все пространство земли между батареей и бульваромъ было покрыто непріятельскими ядрами, какъ покатанное поле плугомъ. Биндюжники, подвозившіе снаряды на волахъ, бросили биндюги и убѣжали. Нашлись однако смѣльчаки, студенты Диминитру, Пуль и Скоробогатый, вслѣдствіи георгіевскіе кавалеры, которые сбѣжали по бульварной лѣстницѣ и подъ градомъ бомбъ подошли къ биндюгамъ и отвезли снаряды къ Щеголеву на батарею. Понятно, что бульваръ и ближайшія улицы были пусты, только нѣсколько военныхъ по службѣ и любопытныхъ, въ томъ числѣ и я, выглядывали изъ-за угловъ домовъ на все происходившее. Но когда одно ядро попало въ пьедесталъ памятника Ришелье и осколки разсыпались по площади, то мы упрятались совсѣмъ въ переулокъ. Было очевидно, что непріятель не желалъ разрушить города, а направлялъ свои снаряды въ гавань и въ тѣ мѣста, гдѣ показывались войска. Всѣ суда, стоявшія въ гаваняхъ, были обращены въ щепки. Выстрѣлы слѣдовали безпрерывно, залпами, и только по временамъ съ нашей стороны раздавались выстрѣлы изъ единственной, уцѣлѣвшей пушки Щеголевской батареи. Кажется непріятель не обращалъ никакого вниманія на эти выстрѣлы; но такъ какъ съ нашей стороны былъ единственный отпоръ, и случайно

отпоръ этотъ длился до окончанія бомбардировки, то тотчасъ въ первое время всѣ были увѣрены, что Щеголевъ одною пушкою отбилъ непріятельскій флотъ. Только послѣ бомбардировки Севастополя поняли, какъ трудно было одною или двумя пушками отбить непріятельскій флотъ. Прапорщикъ Щеголевъ сдѣлался героемъ дня. Наслѣдникъ Цесаревичъ въ письмѣ своемъ назвалъ его: „голубчикъ Щеголевъ". Посыпались на него поздравленія и подарки изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Дамы носили браслеты à la Щеголевъ, продавались папиросы à la Щеголевъ и т. п.

Когда непріятельскій флотъ, исполнивъ свою главную задачу,—разрушилъ гавани и всѣ стоявшія въ нихъ суда,—ушелъ, оставивъ только для блокады три парохода, мы начали приводить въ извѣстность наши потери. Въ городъ залетали видимо шальныя ядра вслѣдствіе сильной качки. Вѣрно стрѣляли только суда, сидѣвшія на мели. По причинѣ качества нашего мягкаго камня, ядра ложились въ него какъ въ подушку или только пробивали стѣны, не производя трещинъ.

Кромѣ уничтоженія въ гавани судовъ, значительныя поврежденія оказались на Пересыпи, въ маленькихъ домахъ, за которыми стояли войска для огражденія дессанта.

Спущенный на лодки дессантъ не высадился на берегъ благодаря прибытію на Пересыпь городской пожарной команды, которую непріятель принялъ за артиллерію.

Получивъ отъ военнаго губернатора Крузенштерна порученіе освидѣтельствовать поврежденія, для опредѣленія убытковъ частныхъ лицъ, я нашелъ, что на бульварѣ болѣе другихъ пострадалъ домъ князя Воронцова. Въ каделярію генер.-губернатора и домъ Маразли тоже попало нѣсколько ядеръ. Въ домѣ Столыпина (потомъ графа Строганова) ядро, пробивъ стѣну и прыгая въ залѣ по паркету, попортило его, а также повредило зеркала и мебель. Въ Лондонскую гостинницу, содержимую Карутой, попало нѣсколько ядеръ, надѣлавшихъ много вреда. Болѣе всего пострадали маленькіе дома на Пересыпи и бѣднымъ домовладѣльцамъ было выдано отъ казны вознагражденіе. На Новомъ базарѣ ядромъ убило одну женщину.

Въ скорости послѣ бомбардировки произошло слѣдующее замѣчательное событіе, которое мнѣ близко знакомо.

Взятіе парохода „Тигръ".

Въ одно туманное утро садовникъ мой, проходя берегомъ моря, услышалъ на границѣ моей дачи съ дачею Кортацци (нынѣ Вагнера) говоръ на незнакомомъ языкѣ, шумъ отъ веселъ и колокольный звонъ. Заподозрѣвъ присутствіе на водѣ непріятеля, онъ далъ знать объ этомъ ближайшему казачьему пикету. Оттуда поскакали въ городъ и въ скорости явилось на берегу военное начальство и казаки. Когда туманъ разошелся, къ величайшему удивленію, показался на разстояніи отъ берега не болѣе 50 саженей большой непріятельскій англійскій пароходъ „Тигръ". Оказалось, что пароходъ во время тумана вскочилъ на подводную скалу и врѣзался килемъ такъ сильно, что не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Стараясь быть незамѣченнымъ, непріятель боялся дать пушечный сигналъ товарищамъ, двумъ пароходамъ съ нимъ крейсировавшимъ, только звонилъ

въ колоколъ и тщетно употреблялъ всѣ усилія, чтобы сняться собственными средствами.

Стоя носомъ къ берегу, съ орудіями, обращенными по сторонамъ, непріятель не могъ стрѣлять по нашимъ изъ орудій и сталъ производить ружейную пальбу. На предложеніе сдаться командиръ парохода отвѣчалъ отказомъ и, въ надеждѣ прибытія помощи, продолжалъ отстрѣливаться. Но когда съ нашей стороны сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ легкихъ орудій и однимъ изъ нихъ командиру парохода, Джиффорду, оторвало ноги и многихъ ранило, флагъ былъ спущенъ, и пароходъ сдался.

Пароходъ „Тигръ", одинъ изъ лучшихъ, былъ нѣчто въ родѣ морской школы. На немъ находились преимущественно гардемарины и мичманы, принадлежавшіе къ самымъ аристократическимъ англійскимъ семействамъ. Для принятія плѣнныхъ отправлены были на лодкахъ казаки. Небывалое событіе! *Казаки* взяли въ плѣнъ пароходъ. Когда плѣнныхъ свезли на берегъ, оставленъ былъ на пароходѣ и на берегу сильный караулъ.

Разсказывали, что когда плѣнныхъ везли въ карантинъ для обсерваціи, чрезъ Михайловскую площадь, на которой послѣ праздниковъ оставались неубранными столбы отъ качелей, плѣнные вообразили, что это висѣлицы, приготовленныя для нихъ, а самые молоденькіе даже расплакались.

Капитанъ Джиффордъ отъ раны скончался. Главнокомандующій послалъ женѣ его въ Лондонъ медальонъ съ волосами покойника, при письмѣ, выражавшемъ глубокую скорбь о погибшемъ храбромъ морякѣ. Съ плѣнными обращались очень любезно и внимательно. Впослѣдствіи ихъ отправили внутрь Россіи.

Когда, послѣ плѣненія, для переговоровъ, послали къ нимъ нашего учителя англійскаго языка, одессита, то плѣнные отвѣчали, что не понимаютъ его языка. Была-ли это правда, или англійское упрямство—осталось не разъясненнымъ, но учитель былъ очень сконфуженъ.

На другой день послѣ взятія парохода, два другіе англійскіе крейсера увидѣли участь своего товарища. Чтобы не дать возможности воспользоваться призомъ, они порѣшили уничтожить свой пароходъ и стали въ него стрѣлять. Услышавъ пальбу, многіе—въ томъ числѣ и я—поѣхали изъ города поглядѣть, что происходило. Проѣзжая мимо лагеря, я замѣтилъ движеніе войскъ, но по дорогѣ никого не встрѣчалъ.

Пріѣхавъ на свою дачу, къ небольшому домику, я тотчасъ замѣтилъ, что черепичная крыша разбита ядромъ. Войдя въ комнату, я увидѣлъ слѣды крови и на полу солдатскій сапогъ, въ которомъ оказалась оторванная или отрѣзанная человѣческая нога. Вылѣзшій изъ погреба садовникъ разсказалъ мнѣ, что послѣ первыхъ выстрѣловъ съ пароходовъ, ко мнѣ на дачу прибылъ баталіонъ пѣхоты и батарея полевой артиллеріи. Такъ какъ сосѣдняя дача Кортацци была покрыта густою растительностью, а моя, наоборотъ, рѣдкою и съ прогалинами, то на ней помѣстили всѣ эти войска. Когда наши орудія стали стрѣлять

по пароходамъ,—они отошли дальше въ море и оттуда, находясь внѣ выстрѣловъ легкихъ орудій, стали пускать залпами съ цѣлаго борта снаряды изъ своихъ бомбическихъ пушекъ въ наши войска. Въ скоромъ времени у насъ было подбито нѣсколько орудій, убита лошадь и раненъ въ ногу артиллеристъ,—ту самую ногу, которую ампутировали и оставили на полу въ моемъ домикѣ.

Когда съ нашей стороны прекратили безполезную стрѣльбу, пароходы опять приблизились и стали пускать снаряды рикошетомъ по водѣ, весьма удачно попадая въ свой пароходъ и постоянно разрушая его болѣе и болѣе. Когда всѣ убѣдились, что выстрѣлы направляются исключительно на разрушаемый пароходъ и притомъ очень вѣрно, на берегу собралось много публики. Виднѣлись дамскія шляпки и зонтики, а смѣльчаки изъ простонародія бросались въ море и близко подплывали къ обстрѣливаемому пароходу. Картина была великолѣпная. Каждый пароходъ подплывалъ по очереди и, выпустивъ снаряды изъ всего борта, плылъ дальше, дѣлая полукругъ и вновь заряжая орудія. На его мѣсто немедленно являлся другой пароходъ и производилъ такой-же маневръ.

Когда вся надводная часть парохода была разрушена, бомбардировка прекратилась.

Все побережье было покрыто плавающими частями парохода, мебелью, боченками съ виномъ и ромомъ и т. п. Не смотря на оцѣпленіе берега и строгій надзоръ, вещи расхищались, въ особенности вино и ромъ. Было нѣсколько смертныхъ случаевъ между солдатами отъ излишняго употребленія алкоголя.

И мнѣ садовникъ принесъ въ городъ ромъ, который онъ вынесъ черезъ цѣпь въ садовой поливальницѣ. Привезли мнѣ тоже нѣсколько досокъ палисандроваго дерева отъ обломковъ парохода, изъ которыхъ сдѣлана мебель и до сихъ поръ существующая. Въ городѣ появилось въ продажѣ много вещей: шкатулокъ, столиковъ, сигарочниковъ и т. п. съ надписью: „Тигръ", 30 апрѣля 1854 г."

Во время бомбардировки весь берегъ былъ напичканъ засѣвшими бомбами — пятипудовыми. Многіе дома на дачахъ пострадали. На сосѣдней съ моею дачѣ С. И. Ралли непріятельское ядро, пробивъ стѣну дома, влетѣло въ спальню и упавши на кровать, завернулось въ одѣяло. Къ счастью, въ кровати уже никого не было и ядро нашла горничная, убирая комнату.

Сколько ни старались англичане уничтожить свой пароходъ, все-же осталась подводная часть и машина почти неповрежденною. Эту машину вытащили изъ воды и впослѣдствіи установили на Императорскую яхту, которой, въ память событія, дали наименованіе „Тигръ".

Изъ бомбическихъ орудій, снятыхъ съ парохода „Тигръ", извѣстный одесскій портовой боцманъ Джиджи-Мокки устроилъ на свой счетъ батарею въ концѣ Канатной улицы, изъ которой производили салюты прибывающимъ кораблямъ. Орудія эти однако вскорѣ полопались, какъ говорятъ, вслѣдствіе поврежденія чугуна во время горѣнія парохода.

Вторичное посѣщеніе Одессы непріятельскимъ флотомъ.

Во второй разъ посѣтилъ Одессу непріятельскій флотъ, послѣ разгромленія и взятія Севастополя, въ концѣ сентября 1855 г.

Въ это время я съ семействомъ находился въ отпуску, въ своемъ имѣніи и, ничего не подозрѣвая, отправился въ Одессу, предварительно одинъ для подготовленія квартиры къ пріѣзду семьи и другихъ хозяйственныхъ распоряженій. До этого я уже отправилъ въ Одессу подводы съ сѣномъ и провизіей. Экипажъ мой городской и лошади оставались въ Одессѣ. Подъѣзжая къ Одессѣ, верстъ за 20 (станція Ильинка) вижу впереди по дорогѣ медленно тянется ко мнѣ на встрѣчу длинный рядъ городскихъ экипажей, каретъ, фаэтоновъ, колясокъ и дрожекъ, точно похоронная процессія. Не могъ понять въ чемъ дѣло. Наконецъ, встрѣчаю своихъ лошадей, въ парадной упряжи, запряженными въ карету, наполненную дамами и дѣтьми, а на козлахъ съ кучеромъ сидитъ мой сосѣдъ по квартирѣ А. А. Вилинскій.

Остановился и спрашиваю, что все это значитъ.—Назадъ! назадъ! закричалъ мнѣ В., напрасно ѣдете въ Одессу, завтра тамъ не останется камня на камнѣ. Я позволилъ себѣ воспользоваться вашими экипажемъ и лошадьми, такъ какъ имъ предстояло погибнуть. Непріятельскій флотъ въ полномъ составѣ 90 вымпеловъ, стоитъ передъ Одессой и приготовляется къ бомбардировкѣ. Непріятель объявилъ, что въ прошлый разъ здѣсь онъ только пошутилъ, а теперь не оставитъ камня на камнѣ. Всѣ, кто можетъ, бѣгутъ изъ города подальше.

Я отвѣтилъ, что не вернусь, во-первыхъ, потому, что состою на службѣ и долженъ находиться на своемъ мѣстѣ, а во-вторыхъ,—отправилъ въ городъ подводы съ сѣномъ и провизіей, которыя будутъ ждать моего пріѣзда. Знакомый расхохотался. „Зачѣмъ сѣно везти, чтобы усилить пожаръ?“. Несмотря, однако, на всѣ его убѣжденія, я поѣхалъ впередъ, а не назадъ.

Спускаясь съ Жеваховой горы, я узрѣлъ великолѣпную картину: вечерѣло; при тихой, теплой погодѣ гладкая поверхность моря блестѣла отъ лучей заходящаго солнца. Весь заливъ, начиная отъ дачи Ланжеронъ до дер. Дофиновки, покрытъ былъ кораблями и пароходами соединеннаго англо-французскаго флота. Городъ какъ будто съ уныніемъ и покорностію ждалъ своей участи. Нельзя было сомнѣваться, что эта страшная армада съ двумя тысячами орудій, разгромившая Севастополь, можетъ въ одинъ день превратить беззащитную Одессу въ прахъ и пепелъ. Картина эта навела на меня ужасную грусть. Родной городъ! Завтра — однѣ развалины! Признаюсь, я даже заплакалъ.

Проѣздомъ вижу: всѣ дома пусты, ставни закрыты. Кое гдѣ торчатъ будочники и дворники. На бульварѣ пусто. Канцелярія военнаго губернатора перешла на Молдаванку, туда-же и другія присутственныя мѣста. Въ переулкахъ: Воронцовскомъ и Театральномъ разостлана солома и покоится баталіонъ пѣхоты на случай дессанта.

На другой день та-же картина. Непріятельскій флотъ стоитъ неподвижно. Изъ Одессы уходитъ кто можетъ, захватывая съ собой драгоцѣн-

ности. Само начальство предлагаетъ жителямъ оставить городъ. Общее бѣдствіе. Благоденствуютъ только подгородніе мѣщане, да нѣмцы-колонисты, которые появились съ тѣлегами и фургонами. За пару лошадей съ фургономъ или даже безъ фургона—подъ собственный экипажъ, за то, чтобы вывезти изъ города въ ближайшую деревню—брали по 200 рублей и болѣе. Возлѣ присутственныхъ мѣстъ стоятъ день и ночь нѣмецкіе фургоны, запряженные, готовые при первомъ выстрѣлѣ увозить бумаги и дѣла. Каждое утро на бульварѣ являются съ Молдаванки чиновники и граждане украдкой взглянуть, что происходитъ на морѣ, какъ ведетъ себя непріятельскій флотъ. Въ такомъ неприглядномъ состояніи городъ находился въ продолженіе шести дней. Съ своей стороны, я успѣлъ въ это время нагрузить на свои подводы, которыя явились съ сѣномъ и провизіей, лучшую мебель, люстры, зеркала, посуду и фортепіано. Все это прошло черезъ таможню безъ пошлины и потомъ уже оставалось въ деревнѣ. Лошади мои, городскія, отвезши г. Вилинскаго съ семействомъ въ м. Севериновку, вернулись и были въ моемъ распоряженіи.

На шестой день распустили слухъ, что завтра непремѣнно начнется бомбардировка.

Собираясь лечь спать, я старался пріискать въ квартирѣ наиболѣе безопасное отъ выстрѣловъ мѣсто. Жилъ я на Преображенской, въ т. н. чудномъ домѣ, рядомъ съ домомъ графа Толстого. Самою безопасною комнатою оказалась передняя. Чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, я приказалъ дворнику съ разсвѣтомъ взобраться на

крышу и посмотрѣть, что дѣлаетъ непріятельскій флотъ. Если замѣтитъ, что корабли строятся въ рядъ, то немедленно меня разбудить.

Около 6-ти часовъ утра явился ко мнѣ дворникъ съ донесеніемъ, что пароходы развели пары и сплочиваются въ одну линію. Нечего было далѣе сомнѣваться. Напившись наскоро чаю, я приказалъ запречь экипажъ, собралъ въ салфетку разные документы и цѣнности и отправился на бульваръ поглядѣть, что дѣлается, съ намѣреніемъ послѣ перваго выстрѣла уйти за городъ. На бульварѣ собралось уже довольно любопытныхъ, которые, подобно мнѣ, ждали перваго выстрѣла, чтобы удрать подальше. Вдругъ опустился на море сильный туманъ. Ничего не видно, но и выстрѣловъ не слышно. Въ такомъ выжидательномъ положеніи мы находились до 11 часовъ. Когда туманъ разсѣялся, то, ко всеобщему удивленію и радости, рейдъ оказался пустымъ и даже на горизонтѣ не видно было ни одного непріятельскаго судна. Потомъ уже стало извѣстнымъ, что все это была военная хитрость —привлечь къ Одессѣ войска изъ другихъ мѣстъ побережья. Въ тотъ же день въ 2 часа непріятельскій флотъ подошелъ къ Кинбурнской косѣ, а на другой день бомбардировалъ Кинбурнскую крѣпость, подбилъ всѣ крѣпостныя орудія и взялъ крѣпость вмѣстѣ съ 400 чел. гарнизона.

Замѣчательн личности и с бытія изъ частной жизн

Графъ А. Г. Строгановъ.

Около 40 лѣтъ прожилъ въ Одессѣ русскій вельможа и сановникъ графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ. Сначала въ должности генералъ-губернатора, потомъ гласнымъ городской думы (избранъ былъ первымъ городскимъ голо-

вою по новому городовому положенію, но отказался) и остальное время частнымъ человѣкомъ, съ новымъ титуломъ перваго *вѣчнаго* гражданина гор. Одессы.

Человѣкъ высокаго ума, графъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличался странностями и оригинальностью, о которой оставилъ по себѣ въ Одессѣ много анекдотовъ.

Первою оригинальностью можно считать его манеру никому не подавать руки для пожатія. Было-ли это вслѣдствіе гордости или врожденнаго отвращенія къ рукопожатіямъ, — такъ и осталось невыясненнымъ. По этому случаю многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ попадались въ просакъ. Во избѣжаніе такихъ непріятныхъ сценъ, графъ, видя приближеніе подобнаго лица, закладывалъ руки за спину.

Графъ терпѣть не могъ присутствія на своемъ письменномъ столѣ песку, который былъ въ то время въ большой модѣ, для засыпки чернилъ на бумагахъ и письмахъ. Однажды графъ распечаталъ надъ столомъ письмо, изъ котораго выпала куча песку. Письмо было отъ почтмейстера г. К., большого франта, посѣщавшаго всѣ салоны и знакомаго съ гр. Строгановымъ. Имѣя какую-то просьбу къ графу, онъ изложилъ ее въ длинномъ письмѣ и счелъ долгомъ обильно посыпать золотымъ пескомъ.

Разгнѣванный графъ приказалъ написать слѣдующій лаконическій отвѣтъ: „М. г.! Письмо ваше съ пескомъ получилъ". Слѣдуетъ подпись.

Одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ канцеляріи генералъ-губерн. за какой-то неблаговидный поступокъ былъ удаленъ отъ должности, послѣ чего явился къ графу просить о помилованіи. Графъ выслушалъ всѣ его оправданія и въ отвѣтъ задалъ вопросъ: „А гдѣ ваша медаль?" Послѣ крымской войны не только военные, но и гражданскіе чины въ Одессѣ получили бронзовую медаль, которую мало кто носилъ. Сконфуженный чиновникъ сталъ оправдываться и опять сталъ излагать свою просьбу. На все это гр. Строгановъ еще разъ ему сказалъ: „Гдѣ ваша медаль? Ступайте". Этимъ окончилась аудіенція.

Во время генералъ-губернаторства графа Строганова одесскія улицы были въ самомъ безобразномъ видѣ. Грязь и ухабы на многихъ улицахъ препятствовали движенію экипажей, особенно въ ночное время.

Всѣ жалобы начальству оставались безъ послѣдствій. Самъ графъ ложился спать въ 9 час., а если иногда и посѣщалъ театры, то проѣзжалъ по улицамъ вполнѣ исправнымъ. Тогда придумали напустить на графа одну изъ одесскихъ львицъ, жену австрійскаго консула Ч—и, къ которой и самъ графъ былъ неравнодушенъ.

При первомъ свиданіи г-жа Ч—и сказала графу, что наши улицы до того ужасны, что по вечерамъ опасно выѣзжать изъ дому. На это графъ прехладнокровно отвѣтилъ: „Порядочныя женщины по ночамъ сидятъ дома".

Когда впервые вошелъ въ употребленіе электрическій телеграфъ, гр. Строгановъ высказалъ о немъ такое мнѣніе, что нововведеніе это хорошо только для того, чтобы поздравлять съ именинами или увѣдомлять о благополучныхъ родахъ;

для торговли-же онъ не только не принесетъ пользы, но, пожалуй, еще и повредитъ. Какъ ни оригинально казалось это мнѣніе, однако, оно имѣло основаніе. До электрическаго телеграфа свѣдѣнія объ измѣненіи курсовъ и цѣнъ на хлѣбъ получались изъ Лондона черезъ 6 дней. Впродолженіи этого времени одесская биржа и торговля хлѣбомъ дѣйствовали спокойно и безъ перерыва. Когда-же электрическій телеграфъ сталъ приносить эти свѣдѣнія, иногда фальшивыя, не только ежедневно, но и по нѣсколько разъ въ день, то биржевики и хлѣботорговцы сами не знали, какъ имъ дѣйствовать, и дѣла ухудшились.

Послѣ выхода въ отставку, графъ Строгановъ рѣшился навсегда поселиться въ Одессѣ и пріобрѣлъ на бульварѣ домъ. Избранный въ гласные думы, графъ исправно посѣщалъ засѣданія и принималъ участіе въ преніяхъ до того либерально, что получилъ замѣчаніе и оставилъ службу. Въ думской залѣ постоянно занималъ онъ одно и тоже кресло рядомъ съ гласнымъ отъ мѣщанъ, малороссомъ, по фамиліи Демченко. Несмотря на то, что Демченко совершенно простой человѣкъ, малограмотный, являвшійся въ засѣданія въ какой-то сермягѣ, Строгановъ часто съ нимъ дружески бесѣдовалъ. Однажды графъ досталъ изъ кармана своего табакерку и собирался понюхать, какъ вдругъ Демченко, считая себя уже на дружеской ногѣ, тоже запустилъ пальцы въ табакерку; графъ оттолкнулъ его руку. „Куда лѣзешь? Вѣдь у тебя пальцы въ навозѣ“ — сказалъ Строгановъ и высыпалъ ему табакъ на ладонь.

Послѣ открытія одесской желѣзной дороги, исходатайствованной генералъ - губернаторомъ, графомъ Коцебу, городъ Одесса и дворянство Херсонской губерніи давали его сіятельству торжественный обѣдъ въ Биржевой залѣ. Участвующихъ было около 500 особъ. Въ числѣ почетныхъ гостей на обѣдѣ присутствовалъ графъ Строгановъ. Послѣ первыхъ тостовъ одинъ изъ уважаемыхъ одесскихъ медиковъ, домашній докторъ графа Коцебу, предложилъ тостъ за здоровье супруги генералъ - губернатора. Графъ Строгановъ, который вообще не долюбливалъ гр. Коцебу, нашелъ тостъ этотъ несоотвѣтственнымъ торжеству и спросилъ доктора, сидѣвшаго невдалекѣ: „За какія особыя заслуги г-жи Коцебу предложили вы тостъ?“ Сконфуженный докторъ отвѣтилъ, что Коцебу такъ ее любитъ. „Мало-ли кого онъ любитъ; изъ этого еще ничего не слѣдуетъ“. — Но она такая слабенькая и болѣзненная, добавилъ докторъ. — „Въ такомъ случаѣ посовѣтуйте ей перемѣнить доктора, это будетъ лучше; а тосты не помогутъ ей“. Картина!

Графъ Строгановъ имѣлъ также оригинальный взглядъ на пожертвованія. Проживъ въ Одессѣ около 40 лѣтъ и получивъ званіе вѣчнаго гражданина г. Одессы, и несмотря на большое состояніе, онъ ни при жизни, ни по завѣщанію не сдѣлалъ для города никакого пожертвованія. Въ частности онъ помогалъ тайкомъ знакомымъ. Говоря о пожертвованіяхъ вообще, онъ однажды высказался, что не считалъ-бы себя вправѣ распоряжаться имуществомъ, которое принадлежитъ его наслѣдникамъ.

Адъютантъ Е. В. Б—чъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ появился въ Одессѣ, въ званіи адъютанта корпуснаго командира графа Остенъ-Сакена, флотскій офицеръ Е. В. Б—чъ. Очень молодой еще человѣкъ, хорошо образованный, стройный, красивой наружности, ловкій танцоръ, онъ быстро, какъ говорятъ французы, распространился въ одесскомъ обществѣ. На его визитныхъ карточкахъ (французскихъ) подъ фамиліей красовалось добавленіе: „enfant de la mèr“ (дитя моря). О немъ въ памяти старыхъ одесситовъ осталось много анекдотовъ.

Состоя адъютантомъ при генералѣ Остенъ-Сакенѣ, онъ всегда сопровождалъ его въ праздничные и торжественные дни въ соборъ. Такъ какъ графъ Сакенъ былъ чрезвычайно набоженъ и оставался въ церкви до конца богослуженія, то Б—чъ обыкновенно пользовался этимъ временемъ, чтобы съѣздить въ каретѣ Сакена къ графу Толстому позавтракать. Однажды онъ заболтался и когда пріѣхалъ въ соборъ, дверь была уже заперта, и Сакенъ, какъ оказалось, уѣхалъ домой на извощикѣ въ дождь и безъ шинели, оставшейся въ каретѣ. Б—чъ въ отчаяніи вернулся къ графу Толстому разсказать о своемъ горѣ и спросилъ, не цвѣтетъ-ли случайно въ оранжереѣ графа бѣлая камелія. Оказалось, что одна такая камелія въ полномъ цвѣту. Получивъ прелестный букетъ, Б—чъ полетѣлъ къ графу Сакену. Жена графа была страстная любительница бѣлыхъ камелій. Когда графъ Сакенъ, встрѣтилъ Б—ча съ строгимъ видомъ и собирался его распекать, Б—чъ предупредилъ графа слѣдующими словами: „Ради Бога, простите, графъ. Хотѣлось сдѣлать сюрпризъ графинѣ - привезти ей букетъ камелій. Въ городѣ ихъ не оказалось, и я объѣздилъ нѣсколько дачъ, пока отыскалъ“. Смягченный графъ ограничился незначительнымъ выговоромъ.

Вскорѣ послѣ бомбардировки Одессы происходило освященіе исправленной знаменитой Щеголевской батареи. Всѣ суда были украшены флагами. На гавани духовенство, войска и масса публики. Ясная погода и тихое море. Все это представляло великолѣпную картину. Генералъ-губернаторъ Анненковъ пожелалъ имѣть эту картину на полотнѣ и, призвавъ своего адъютанта Б—ча, поручилъ ему немедленно съѣздить въ городъ и привезти какого-нибудь художника. Б—чъ, не догадываясь въ чемъ дѣло, исполнилъ порученіе буквально. Первый попавшійся ему на глаза художникъ былъ на Екатерининской площади—скульпторъ и мраморщикъ Ами, котораго Б—чъ и доставилъ Анненкову. Генералъ-губернаторъ долго объяснялъ художнику свое желаніе и когда окончилъ, то Ами доложилъ, что онъ не живописецъ, а скульпторъ и мраморщикъ. Анненковъ съ удивленіемъ взглянулъ на Б—ча и сказалъ: „Въ такомъ случаѣ, сдѣлайте бюстъ Б—ча“.

Былъ въ Одессѣ знаменитый въ свое время трактиръ - ресторанъ Алексѣева, съ оркестріономъ, въ казенномъ—теперь Дерибасовскомъ—саду, гдѣ зданіе, принадлежащее университету. Въ особенности славился онъ блинами и кулебяками и былъ rendez vous одесской золотой молодежи. Б—чъ тоже частенько туда заглядывалъ и задолжалъ большую сумму. Долго Алексѣевъ ждалъ уплаты, просилъ, терпѣлъ, наконецъ, не

выдержалъ и поѣхалъ къ генералъ-губернатору жаловаться. Въ пріемной встрѣтилъ его адъютантъ Б—чъ, постоянно дежурившій. „Куда?“—Да вотъ пришелъ жаловаться на васъ его превосходительству.—Въ это время Анненковъ вышелъ въ пріемную. Узнавъ Алексѣева, онъ благосклонно кивнулъ головою и спросилъ о причинѣ посѣщенія. Но адъютантъ, опередивъ Алексѣева, подскочилъ къ генералу и доложилъ, что Алексѣевъ явился къ его превосходительству съ покорнѣйшею просьбою сдѣлать честь пожаловать къ нему въ четвергъ на блины. „Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ!“ отвѣчалъ Анненковъ и повернулся къ другимъ просителямъ. Сконфуженный и озадаченный, Алексѣевъ ретировался. Тогда подбѣжалъ къ нему Б—чъ и, провожая до дверей, сказалъ: „Вотъ тебѣ урокъ, какъ на меня жаловаться! Если еще разъ вздумаешь жаловаться, то блинами уже не отдѣлаешься—я приглашу генерала со свитою на обѣдъ“.

Однажды во время торжественнаго сопровожденія изъ Одессы въ Касперовку, Херсонъ и Николаевъ всѣми чтимой и боготворимой Чудотворной Иконы Касперовской Божіей Матери,— слышали, какъ адъютантъ Б—чъ какъ-то легкомысленно выразился по поводу торжества. Возвратившись въ Одессу, вдругъ, безъ всякой видимой причины, здоровый и молодой человѣкъ потерялъ движеніе ногъ. Пролежавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ кровати и давъ обѣтъ отправиться на поклоненіе, онъ выздоровѣлъ. Послѣ этого событія легкомысленный юноша превратился въ серьезнаго человѣка съ религіознымъ направленіемъ.

Впослѣдствіи онъ написалъ много сочиненій въ религіозно-нравственномъ духѣ и долго служилъ старостою Исаакіевскаго собора въ С.-Петербургѣ; онъ-же подалъ первый проектъ Сибирской желѣзной дороги. Бывшій адъютантъ, въ генеральскомъ чинѣ, въ настоящее время живетъ и здравствуетъ и обѣщаетъ достигнуть глубокой старости.*)

Александръ Андреевичъ Шостакъ.

Въ продолженіи многихъ лѣтъ Александръ Андреевичъ Шостакъ былъ любимцемъ одесситовъ. Сначала онъ, въ чинѣ полковника, занималъ постъ полиціймейстера. Красивая, молодцоватая фигура, доброта сердечная, любезное и вѣжливое обращеніе съ публикой очаровывало всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо сношенія.

Упрекали его въ единственной слабости,— любви къ карточной игрѣ и притомъ азартной. Между прочимъ припоминаю случай, надѣлавшій въ свое время много шуму въ городѣ. Въ Одессу пріѣхалъ изъ Москвы знаменитый игрокъ Н—съ. Устроивъ квартиру при роскошной обстановкѣ, онъ завелъ у себя нѣчто вродѣ игорнаго дома.

Полиціймейстеръ Шостакъ не только глядѣлъ сквозь пальцы на это заведеніе, но и самъ изподтишка принималъ участіе въ игрѣ. Н—съ металъ банкъ очень счастливо и многіе изъ партнеровъ въ томъ числѣ и Шостакъ, сильно пострадали. Такое постоянное счастье становилось подозрительнымъ, не смотря на почтенный видъ хозяина и роскошную обстановку. Полиціймейстеръ, которому извѣстны были всѣ игорные вертепы и шулера, пригласилъ къ себѣ одного изъ артистовъ въ этомъ дѣлѣ, одѣлъ его прилично и по-

*) Это - генерал Богданович, известный придворный член распутинского кружка. См. „Падение царск. режима“, - протоколы Чрезв. следств. комиссии Врем. правит.

везъ съ собою на вечеръ къ Н—су. Послѣ нѣкотораго времени артистъ, слѣдившій внимательно за игрою, убѣдился, что дѣло не чисто и понялъ въ чемъ заключается кунсштюкъ, о чемъ и сообщилъ по секрету Шостаку.

Въ доказательство онъ сообщилъ ему впередъ, какая карта будетъ дана и какая бита. Убѣдившись въ истинѣ словъ артиста, Шостакъ сообщилъ объ этомъ пріятелю, богатому человѣку и страстному игроку, г. Волохову.

Послѣ новой перетасовки картъ и срѣзки банкометомъ, артистъ сообщилъ Шостаку, что навѣрное первою картою будетъ дана дама. Тогда Волоховъ поставилъ на даму тридцать тысячъ рублей. Банкометъ видимо сконфузился, но не потерялся. Получивъ колоду картъ онъ заявилъ, что не будетъ метать, пока не увидитъ всѣхъ денегъ на столѣ, и зная что Волоховъ при себѣ такой суммы не имѣетъ, собрался даже перетасовать колоду. Тогда вмѣшался Шостакъ, уже какъ полиційместеръ, и не позволилъ дотронуться до колоды уже приготовленной. Начались пререканія. Кончилось тѣмъ, что полиційместеръ потребовалъ, чтобы приготовленная колода картъ оставалась нетронутою до того времени, пока Волоховъ не представитъ всю требуемую сумму.

Такъ какъ дѣло происходило ночью, банкъ былъ запертъ, то деньги могли быть представлены только на слѣдующій день. Это однако не остановило рѣшенія. Полиційместеръ, при свидѣтеляхъ обернулъ въ бумагу и опечаталъ приготовленную колоду картъ, положилъ ее въ ящикъ стола, который тоже опечаталъ своей печатью и

взялъ себѣ ключъ. Для надзора возлѣ стола были поставлены квартальный надзиратель и два городовыхъ.

Всѣ свидѣтели этой процедуры собрались на другой день въ условленный часъ въ квартиру Н—са; деньги Волоховымъ были доставлены и при всѣхъ былъ распечатанъ столъ и карты. Началась игра. Можно себѣ представить тревожное состояніе заинтересованныхъ лицъ и напряженное вниманіе свидѣтелей.

Дама трефъ дана была въ соникахъ. Н—съ проигралъ. Оказалось, что онъ не въ состояніи былъ уплатить всей проигранной суммы. Продана была вся богатая обстановка квартиры, а Саша Н—съ исчезъ изъ города.

А. А. Шостакъ, произведенный въ генералы, состоялъ нѣкоторое время одесскимъ комендантомъ, а потомъ назначенъ былъ наказнымъ атаманомъ дунайскаго казачьяго войска.

Въ то время Дунай составлялъ границу Россіи съ Турціей. Изъ трехъ гирлъ Дуная, при впаденіи въ Черное море, Турціи принадлежало Сулинское гирло, Россіи—Килійское, а Георгіевское было нейтральнымъ. Сзади Килійскаго гирла находился островъ Лети, принадлежавшій Россіи. Состоя на рубежѣ, на карантинномъ положеніи, онъ охранялся карантинной стражей и казаками, а потому оставался необитаемымъ. Единственное жилище—домикъ лѣсника. При такихъ условіяхъ островъ этотъ, покрытый частью дубовымъ лѣсомъ на холмахъ, съ большими прогалинами, частью камышевыми плавнями,— переполненъ былъ всякаго рода дичью. Козы дикія рос-

томъ почти съ теленка (Даніельки) водились тамъ въ громадномъ количествѣ. Появлялись иногда олени, перебѣгавшие зимою по льду изъ Балканскихъ горъ. Въ камышевыхъ плавняхъ, длиною въ 40 верстъ, бродили стада дикихъ свиней, а по опушкамъ лѣса—дикие кабаны-одиночки громадныхъ размѣровъ; кромѣ того, лисицы, зайцы, барсуки, а въ рѣкѣ—выдры и стада лебедей и дикихъ гусей, проводившихъ здѣсь зиму.

Генералъ Шостакъ, страстный охотникъ, освѣдомившись о всемъ вышеизложенномъ и пользуясь своимъ правомъ посѣщать островъ Лети, предложилъ своимъ знакомымъ изъ одесскихъ охотниковъ отправиться туда вмѣстѣ съ нимъ на охоту.

Охота на островѣ Лети.

Охотниковъ набралось всего шесть человѣкъ: генералъ Шостакъ, ротмистръ гвардіи Безобразовъ, отставн. кирасиръ Терпелевскій, одесскіе купцы И. Мѣшковъ и Адольфъ Гуровичъ и я. Дѣло происходило въ концѣ января. Не смотря на зимнее время и предшествовавшіе сильные морозы, вдругъ наступила оттепель и даже накрапывалъ мелкій дождикъ. Отправились мы послѣ обѣда по дорогѣ къ г. Овидіополю на почтовыхъ саняхъ, тройками. Къ вечеру мы пріѣхали туда.

Почтовыя станціи въ то время держалъ извѣстный силачъ Пономаревъ, поборовшій въ Одессѣ, на сценѣ, знаменитаго французскаго атлета Дюпюи. На станціи, напившись чаю съ большимъ количествомъ рома, компанія потребовала запрягать лошадей. Предстоялъ переѣздъ черезъ лиманъ до г. Аккермана, 9 верстъ, по льду. Пономаревъ объявилъ намъ, что хотя ледъ еще толстъ,

но вслѣдствіе оттепели и дождя снѣгъ растаялъ и сверхъ льда идетъ на четверть аршина вода; дороги никакой не видно, а сбившись въ сторону, можно попасть въ море, не говоря о томъ, что существуютъ проруби, которыхъ ночью трудно замѣтить. Поэтому онъ считаетъ переѣздъ опаснымъ, не беретъ на себя отвѣтственности, да притомъ и ямщики не захотятъ ѣхать. Несмотря на всѣ убѣжденія, наша компанія, находившаяся въ веселомъ настроеніи духа, рѣшилась ѣхать, пообѣщавъ ямщикамъ по цѣлковому на водку. Изъ станціи отъѣхало пятеро саней. Въ первыя сани посадили повара и лакея Безобразова, съ провизіей. На вторыхъ саняхъ ѣхали главные храбрецы—Безобразовъ и Терпелевскій, въ третьихъ—я съ Исленьевымъ, въ четвертыхъ—Мѣшковъ и Гуровичъ, и въ послѣднихъ, по нашему настоянію, Шостакъ съ адъютантомъ. Подъѣхавъ къ берегу лимана и взглянувъ на безконечную массу воды, петербургская прислуга Безобразова рѣшительно отказалась ѣхать впередъ, и сани отъѣхали въ сторону. У саней Безобразова что-то приключилось и ямщикъ слѣзъ и сталъ поправлять. Сзади слышались крики: „Пошелъ! пошелъ!“ Нечего было далѣе ждать и пришлось мнѣ съ Исленьевымъ ѣхать первыми. Послѣ нѣсколькихъ скачковъ, коренная пробила ногой ледъ, но тотчасъ вытащила ногу, и вся тройка понеслась вскачь по водѣ. Ямщикъ держался по прямому направленію на огоньки, виднѣвшіеся по ту сторону лимана въ Аккерманѣ. Рисковали мы болѣе всего попасть въ одну изъ прорубей, имѣвшихся у береговъ для ловли рыбы. На всякій случай, не

обращая вниманія на холодъ, мы поснимали шубы. Лошади попались добрыя, и черезъ 20 минутъ мы были уже на противоположномъ берегу. За нами слѣдовала остальная компанія. Дальнѣйшій путь прошелъ благополучно до берега Дуная. Хотя морозило и узкій рукавъ Дуная былъ покрытъ льдомъ, намъ заявили мѣстные рыбаки, что ледъ тонокъ и переѣздъ опасенъ. Изъ предосторожности, лошадей выпрягли и повели въ рукахъ, сани потащили рыбаки, а мы перешли пѣшкомъ. Припоминаю, какъ я хохоталъ, ѣхавши послѣднюю станцію съ Терпелевскимъ. Этотъ господинъ, громаднаго роста, широкоплечій, толстякъ, сильно страдалъ зубной болью и ужасно стоналъ. Ямщикъ-великороссъ нѣсколько разъ оглядывался на него; наконецъ, пробормоталъ такъ, что мы слышали: „Ишь какой! На шеѣ хотъ ободья гни, а не сутерпитъ!" Прибывъ къ вечеру въ избу лѣсника, мы тамъ расположились ночевать. Напившись чаю, опять съ хорошей порціею рому, затѣяли играть въ карты. Уже поздно ночью кончили мы игру, и по картамъ-же опредѣлили очередь, гдѣ кому стоять во время облавы.

Къ намъ присоединились казаки со сворою гончихъ собакъ. На слѣдующее утро мы вышли на охоту, оставивъ дома одного казачьяго эсаула для надзора за прислугою и провизіею. Едва вошли мы въ рощу, какъ гончія залаяли и со всѣхъ сторонъ начали выбѣгать дикія козы по одиночкѣ и цѣлыми группами. Всѣ мы сгоряча разбрелись въ безпорядкѣ, и послышались выстрѣлы. Дичь, которую никогда не тревожили, казалась болѣе удивленною, чѣмъ испуганною. Я, какъ молодой

охотникъ, видѣвшій въ первый разъ дикихъ козъ, совершенно растерялся. Вмѣсто того, чтобы стрѣлять, мнѣ хотѣлось поймать ихъ руками. Замѣтивъ, какъ коза спряталась въ ближайшій кустъ, я подкрадывался и, подойдя ближе, къ удивленію, козы въ немъ уже не заставалъ. Наконецъ, охоту привели въ порядокъ. Стрѣлки становились по нумерамъ на опушкѣ рощи, а въ средину запускали гончихъ. Лисицы и зайцы выскакивали изъ подъ самыхъ ногъ, но по нимъ запрещено было стрѣлять, чтобы не спугнуть козъ. Застрѣливъ штукъ 15 козъ, мы отправились домой обѣдать. Хотя поваръ Безобразова былъ артистъ, но, какъ извѣстно, свѣжая коза отвратительна, и въ первый день козы мы не ѣли; намъ приготовили только превкусный борщъ изъ дикаго поросенка. Ко всеобщему неудовольствію, оказалось, что половина ведернаго боченка Марсалы выпита. Раскраснѣвшаяся физіономія толстаго эсаула служила ясной уликой.

На другой день отправились мы въ камыши на дикихъ кабановъ. Большаго пространства, по малочисленности охотниковъ, мы занять не могли. Сначала всѣ стали по номерамъ; но когда послышался въ камышѣ шумъ и хрюканье, охотники какъ-то невольно сошлись по два и по три.

Эта охота была неудачною. Изъ небольшаго, захваченнаго облавою участка, стада свиней съ шумомъ и хрюканьемъ шарахнулись въ глубь камышей и мы только слышали этотъ шумъ, а свиней даже и не видѣли.

Застрѣливъ еще нѣсколько зайцевъ и дикихъ гусей мы поспѣшили вернуться въ Одессу, пока

не тронется ледъ на лиманѣ. При обратномъ переѣздѣ стояла морозная погода и мы вернулись благополучно. За охотой послѣдовали въ Одессѣ званные обѣды. Каждый, кому посылали дикую козу, считалъ своею обязанностью пригласить охотниковъ на обѣдъ.

Островъ Лети, послѣ Крымской войны, вмѣстѣ съ южной частью Бессарабіи перешелъ во владѣніе Румыніи и только послѣ турецкой войны 1877 года возвращенъ Россіи.

Ильинъ и Соколовъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ въ одесскомъ обществѣ Ильинъ и Соколовъ, не занимая высокихъ должностей, пользовались громаднымъ авторитетомъ. Хотя они не состояли между собою въ родствѣ, но почему-то всюду появлялись вмѣстѣ. Званные обѣды, ученыя бесѣды, пирушки, литературные вечера и благородные спектакли не обходились безъ присутствія Ильина и Соколова. Оба были очень умные, всезнающіе, съ честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ направленіемъ, каламбуристы, ораторы и тончайшіе гастрономы. Соколовъ былъ знатокомъ театральнаго дѣла. Онъ былъ командированъ, какъ было сказано выше, въ Москву и С.-Петербугъ для образованія русской труппы и кордебалета и выполнилъ блестящимъ образомъ свое порученіе. Ильинъ отличался необыкновенною памятью и начитанностью. Въ особенности хорошо онъ зналъ генеалогію всѣхъ русскихъ дворянскихъ родовъ. Онъ былъ нѣчто вродѣ энциклопедическаго словаря. За всякими справками по исторіи и хронологіи обращались къ Ильину. Онъ превосходно игралъ въ карты, во всѣ коммерческія игры, но

не пользовался своимъ превосходствомъ и всегда игралъ по маленькой. Гастрономическій авторитетъ онъ заслужилъ какъ собутыльникъ Пушкина и графа Самойлова въ знаменитомъ ресторанѣ Отона, воспѣтомъ Пушкинымъ. Мнѣніе Ильина и Соколова о качествѣ вина, повара и ресторана, —рѣшало участь обсуждаемыхъ предметовъ.

Соколовъ, толстякъ и полнокровный, окончилъ жизнь мгновенно, апоплексическимъ ударомъ. Ильина постигла трагическая участь.

Его пріятель, князь Гагаринъ, получилъ мѣсто губернатора въ Кутаисѣ и пригласилъ къ себѣ Ильина чиновникомъ особыхъ порученій. Въ это время въ Кутаисѣ оканчивался судъ надъ княземъ Дадешкаліани, и рѣшеніе, неблагопріятное, должно было быть объявлено ему оффиціально. Князь Дадешкаліани, вполнѣ восточный человѣкъ, добрякъ, но вспыльчивый, заявилъ, что не совѣтуетъ никому принимать на себя обязанность объявлять ему подобное рѣшеніе. Съ княземъ Гагаринымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и умолялъ князя не принимать на себя этого порученія.

Князь Дадешкаліани убійца.

Гагаринъ однако не послушался, такъ какъ подобное съ его стороны дѣяніе было-бы во первыхъ признакомъ трусости, а во вторыхъ, уклоненіемъ отъ его обязанности. Гагаринъ вызвалъ кн. Дадешкаліани къ себѣ въ кабинетъ для объявленія рѣшенія, полагая, что такимъ способомъ, безъ свидѣтелей, рѣшеніе это будетъ менѣе оскорбительно и непріятно.

Едва окончилъ онъ чтеніе, какъ Дадешкаліани пырнулъ его шашкой въ животъ. Гагаринъ

отчаянно вскрикнулъ. Находившіеся въ передней полицейскіе должны были слышать этотъ крикъ, но, вѣроятно, побоялись придти на помощь. Прибѣжалъ изъ сосѣдней комнаты Ильинъ и бросился на Дадешкаліани, обнявъ его сзади руками. Началась отчаянная борьба, свидѣтелемъ которой былъ истекавшій кровью князь Гагаринъ. Дадешкаліани былъ атлетъ, но Ильинъ тоже здоровенный мужчина. Наконецъ, Дадешкаліани, освободивъ правую руку, сталъ рубить шашкою по рукамъ Ильина. Ильинъ выпустилъ противника и бросился бѣжать. Дадешкаліани, преслѣдуя сзади, сталъ рубить его шашкою по головѣ. Отсѣкъ уши и щеки. Ильинъ успѣлъ добѣжать къ умывальнику и началъ обливать голову водой. Здѣсь его и доконали. Затѣмъ Дадешкаліани бросился къ выходу. По дорогѣ онъ убилъ повара и нѣсколькихъ попавшихся на встрѣчу человѣкъ. Выбѣжавъ на улицу, онъ заперся въ какомъ-то домѣ. Потребовалась цѣлая рота солдатъ, чтобы овладѣть имъ.

Одесскіе чудаки, по теперешнему психопаты.

Александръ Македонскій.

Первый изъ одесскихъ психопатовъ, котораго я видѣлъ, будучи почти ребенкомъ, извѣстенъ былъ подъ именемъ „Александра Македонскаго.“ Болгаринъ по національности, изъ порядочной семьи, онъ считалъ себя царемъ Александромъ Македонскимъ. Расхаживалъ онъ по улицамъ въ красномъ костюмѣ съ конической шляпой, увѣшанной погремушками и съ длинной палицей, украшенной разноцвѣтными флагами. Сопровождала его обыкновенно толпа уличныхъ мальчишекъ, отъ которыхъ онъ по временамъ отбивался палицей. Остановившись гдѣ нибудь на

площади, онъ, обращаясь къ публикѣ, декламировалъ на непонятномъ языкѣ. Милостыни онъ никогда не просилъ, держалъ себя важно и спокойно, а потому и полиція оставляла его въ покоѣ.

Бутырскій.

Другой психопатъ былъ богатый домовладѣлецъ Бутырскій. Ему все мнилось, что ему въ ротъ собирается вскочить чертикъ, поэтому онъ всегда ходилъ и ѣздилъ, обвязавъ ротъ платкомъ. Кромѣ этой странности, встрѣтивъ на перекресткѣ улицы одинъ изъ многочисленныхъ, въ то время существовавшихъ деревянныхъ колодцевъ, онъ почему-то считалъ долгомъ трижды объѣхать вокругъ колодца и только послѣ этого пускался въ дальнѣйшій путь.

Девари.

Тоже въ продолженіи многихъ лѣтъ видѣли на одесскихъ улицахъ одного учителя, кажется, греческаго языка, г. Девари, одѣтаго какъ лѣтомъ, такъ и зимой, въ черный фракъ, съ цилиндромъ на головѣ. Наконецъ, старожилы одесскіе помнятъ бродившаго по улицамъ пожилого господина, полной комплекціи, съ гордой и насмѣшливой улыбкой на лицѣ, одѣтаго въ разнаго рода платья, одно сверхъ другаго. Сюртукъ, на немъ—фракъ, а сверху опять пиджакъ и т. п.; все это старое грязное и оборванное. Господинъ этотъ, по фамиліи Зиминъ, происходилъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, получилъ университетское образованіе и владѣлъ значительнымъ помѣстьемъ въ Херсонской губерніи. Уже съ молодыхъ лѣтъ началъ онъ чудить и безтолково тратить деньги. Напримѣръ, у него была страсть къ жилетамъ. Онъ мнѣ показывалъ ихъ 50 штукъ, изъ коихъ самый дорогой въ 300 р. былъ покрытъ арабесками, вышитыми

Зиминъ.

мелкимъ жемчугомъ. Когда зимой свѣжіе огурцы платились, какъ рѣдкость, по 1-му рублю штука, онъ ихъ покупалъ, но не для себя, а для своего лакея. Идеаломъ его былъ австрійскій магнатъ князь Эстергази, который заказалъ себѣ золотыя шины на колеса въ каретѣ. „Вотъ вкусъ, вотъ изящество! Вотъ человѣкъ, который умѣетъ жить!“—восклицалъ Зиминъ.

Живя въ своей деревнѣ, онъ производилъ надъ собою разные опыты. Однажды заѣхалъ къ нему по дорогѣ отдохнуть и покормить лошадей знакомый и пріятель, помѣщикъ Кардамичъ. Входитъ въ залу и видитъ посреди комнаты гробъ. Горятъ свѣчи и дьячекъ читаетъ надъ гробомъ молитву. Удивленный Кардамичъ перекрестился и сталъ подходить къ покойнику. Вдругъ изъ гроба приподнимается фигура Зимина.—„А, здравствуйте Сергѣй Дмитричъ, какъ поживаете, садитесь пожалуйста“.—„Что вы, Богъ съ вами, что вы дѣлаете съ собою?“—„А вотъ хочу испытать, какое чувство въ человѣкѣ, когда онъ близокъ къ смерти и скоро долженъ лежать въ гробу“.

Потерявъ все состояніе, Зиминъ долго существовалъ письменнымъ трудомъ. Обладая большими знаніями и владѣя искустно перомъ, онъ исполнялъ по заказу разные проекты и литературныя статьи. Состарѣвшись и потерявъ зрѣніе, онъ впалъ въ нищету, и хотя не просилъ, но принималъ милостыню, расхаживая по улицамъ въ оборванномъ платьѣ и въ калошахъ или валенкахъ вмѣсто сапогъ.

И въ этомъ положеніи Зиминъ не покидалъ своихъ старыхъ привычекъ. Получивъ хорошую

подачку, онъ немедленно отправлялся въ ближайшій ресторанъ или кондиторскую и требовалъ самыя дорогія гастрономическія блюда или сладости, причемъ издерживалъ всю полученную сумму. Наконецъ, дворяне, по складчинѣ, наняли ему годовую квартиру съ продовольствіемъ, въ которой онъ и окончилъ свое существованіе, доживъ до глубокой старости.

Дуэль Кешко съ Мартыновымъ

Въ концѣ сороковыхъ годовъ жилъ въ Одессѣ молодой человѣкъ лѣтъ 20, сынъ богатаго помѣщика Бессарабіи и Херсонской губ., Петръ Ивановичъ Кешко, дѣдъ теперешняго сербскаго короля Александра.

Въ то-же время гостилъ въ Одессѣ г. Мартыновъ, братъ Мартынова, убившаго на дуэли поэта Лермонтова, тоже отличный стрѣлокъ и дуэлистъ. Кешко жилъ при довольно богатой обстановкѣ и тратилъ много денегъ. Въ одной съ нимъ квартирѣ жилъ и пріятель его, капитанъ генеральнаго штаба С—въ. У Кешко часто по вечерамъ собиралась молодежь играть въ карты и случалось нѣсколько разъ, что Мартыновъ, проигравъ Кешко значительную сумму, долго не платилъ. Кешко ждалъ терпѣливо и никогда не выражалъ по этому поводу неудовольствія. Однажды, играя у Мартынова, Кешко проигралъ ему значительную сумму и тоже не могъ ее заплатить ни тотчасъ, ни даже на другой день. Онъ, впрочемъ, считалъ себя вправѣ такъ поступить, соображаясь съ тѣмъ, какъ не разъ уже поступалъ съ нимъ Мартыновъ. Однако сей послѣдній почему-то погорячился и послалъ Кешко оскорбительное письмо. Быть можетъ юноша и оставилъ-бы это безъ послѣдствій,

но пріятель его, С—въ, увѣрилъ, что подобнаго оскорбленія порядочный человѣкъ не долженъ оставить безъ удовлетворенія.

Послѣ дальнѣйшихъ взаимныхъ оскорбленій на бумагѣ, послѣдовалъ со стороны Мартынова вызовъ на дуэль. Бѣдный молодой человѣкъ, не умѣвшій вовсе стрѣлять изъ пистолета, поставленъ былъ въ грустное положеніе, сравнительно съ извѣстнымъ стрѣлкомъ и дуэлистомъ, но отступить не дозволяло самолюбіе и дуэль состоялась.

Не принимая участія въ качествѣ секунданта, я, однако, какъ пріятель, присутствовалъ въ сторонѣ при этой сценѣ. Дѣйствіе происходило въ старомъ Ботаническомъ саду. Разстояніе опредѣлено было въ 25 шаговъ. Послѣ 5 шаговъ съ каждой стороны — назначенъ былъ барьеръ. Первый подошедшій къ барьеру имѣлъ право стрѣлять въ противника. Мартыновъ, предполагая, что на разстояніи 20 шаговъ Кешко навѣрное промахнется, не трогался съ своего мѣста, намѣреваясь послѣ выстрѣла противника подойти съ своей стороны къ барьеру и уже на разстояніи всего 15 шаговъ, при своемъ искусствѣ, пустить пулю въ какую угодно часть тѣла, по своему усмотрѣнію. Судьбѣ угодно было, однако, распорядиться иначе. Взволнованный Кешко быстро подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ почти не цѣлясь. Пуля попала въ правую руку противника. Мартыновъ въ тотъ-же моментъ выстрѣлилъ раненою рукою и, конечно, промахнулся. Послѣ этого одесская публика, отправлявшаяся гулять на бульваръ, долго видѣла у раствореннаго окна нижняго этажа С.-Петербургской гостинницы, въ живописной позѣ, съ подвязанной рукой интереснаго дуэлиста.

Одесское общество.

Въ высшей степени замѣчательно и достойно удивленія все происшедшее въ Одессѣ, въ продолженіе столѣтняго существованія, относительно мѣстнаго общества.

Не знаю временъ Дюка де-Ришелье и графа Ланжерона, но могу утвердительно сказать, что съ самаго начала и до конца служенія князя Михаила Семеновича Воронцова въ званіи генералъ-губернатора, грязная и пыльная Одесса видѣла самое многочисленное аристократическое общество. Присутствіе въ городѣ богатыхъ дворянскихъ семействъ содѣйствовало процвѣтанію торговли въ магазинахъ, ресторанахъ, театральныхъ сборовъ и т. п. Извощики, прислуга и вообще бѣдный классъ народа благоденствовалъ не только отъ хлѣбной торговли, но и отъ щедрости богатыхъ людей, привыкшихъ сорить деньгами. Съ развитіемъ городскаго благоустройства, въ городъ нашъ стали прибывать со всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ заграницы больные, хроники, умопомѣшанные и всякій бѣдный людъ, особенно изъ евреевъ, желающій заполучить что-нибудь, но никакъ не раздавать. Для богатыхъ людей, до устройства великолѣпнаго новаго городскаго театра, ничего привлекательнаго въ Одессѣ не представлялось. Начиная съ семидесятыхъ годовъ, общественная жизнь въ Одессѣ стала падать и сократилась до нуля.

Число аристократическихъ и богатыхъ дворянскихъ семействъ въ Одессѣ измѣнилось отчасти вслѣдствіе отмѣны запрещенія польскимъ

магнатамъ западныхъ губерній проживать въ Варшавѣ и Кіевѣ, а также убытковъ, понесенныхъ дворянствомъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Къ тому-же въ нашихъ мѣстныхъ газетахъ, въ противуположность всѣмъ европейскимъ газетамъ, часто появлялись статьи, въ которыхъ родной городъ представлялся въ самомъ безобразномъ видѣ, чѣмъ, понятно, отбивалась охота у богатыхъ рантьеровъ въ немъ селиться.

Нельзя сказать, чтобы и теперь не было въ Одессѣ милліонеровъ и много весьма почтенныхъ семействъ, но не имѣется такого дома, который-бы принималъ у себя и соединялъ все одесское общество. Существуютъ отдѣльные кружки, между собою незнакомые.

Графъ, а потомъ князь М. С. Воронцовъ, аристократъ въ полномъ смыслѣ, состоявшій въ родствѣ съ высшей аристократіей въ Россіи и въ Англіи, владѣя громаднымъ состояніемъ, живя открыто, на широкую ногу, привлекалъ въ Одессу аристократовъ и богатыхъ людей изъ всей Россіи. Княгиня Воронцова, урожденная графиня Браницкая, съ своей стороны, тоже привлекала въ Одессу польскихъ магнатовъ. Постоянные пріемы, обѣды и балы въ салонахъ князя Воронцова соединяли и знакомили между собою все, что было порядочнаго въ Одесскомъ обществѣ.

Гостепріимство и любезность хозяевъ превышали всякія похвалы. Въ одномъ случаѣ князь былъ менѣе любезенъ, — это въ отношеніи курящихъ. Самъ онъ, какъ англоманъ, не курилъ и не переносилъ табачнаго дыма. По окончаніи званнаго обѣда онъ обыкновенно обращался къ мужчинамъ съ слѣдующею фразою: „Господа, кто имѣетъ скверную привычку курить, прошу въ отдѣльную комнату". Послѣ такого приглашенія курящихъ не оказывалось.

Кромѣ дома князя Воронцова, въ Одессѣ проживали нѣсколько семействъ богатыхъ дворянъ-помѣщиковъ, соперничавшихъ съ Воронцовымъ въ русскомъ хлѣбосольствѣ. Эти дома были господъ Куликовскаго и Иваненко.

Не только въ пріемные дни, но и ежедневно хорошіе знакомые могли безъ приглашенія являться къ завтраку, обѣду и ужину. Всегда находилось мѣсто и приборъ для каждаго. Къ числу домовъ, жившихъ открыто въ Одессѣ, на моей памяти, въ продолженіи болѣе 30 лѣтъ, могу поименовать слѣдующіе: князя Воронцова, гг. Куликовскаго, Иваненко, Пуля (негоціантъ), Исленьева (откупщика), графа Толстаго, Скаржинскаго (свой бальный оркестръ), Кирьяковыхъ, князя Манукъ-Бея, Абазы (откупщикъ), Папудова, барона Мааса, графа Лидерса, князя Барятинскаго, князя Гагарина, генерала Марини, генерала Пущина, помѣщика Родзянко (музыкальная семья: 9-ти лѣтъ Андрей Родзянко давалъ концерты на фортепьяно), князя Кудашева, барона Бервича, генерала Семеки, г. Вассала, Сикара, Тройницкаго, Чарноскаго, Инглези, Ралли, Маразли, Мавро-Кордато, Зарифи, Цицинія, Севастопуло, Мавро-Біази, Вучетича, Рафаловича и Бродскихъ. Кромѣ этихъ домовъ, проживали въ Одессѣ гг. Нарышкины, Шуазель, графъ Потоцкій, графъ Апраксинъ, князь Четвертинскій, мар-

кизъ Паулуччи, Милорадовичи, князья Голицыны, князья Кантакузины, графъ Браницкій, Столыпинъ, кн. Кутаисовъ, Кудрявцевы, графиня Алопеусъ, князь Абамеликъ, графъ Тышкевичъ, Курисъ, баронъ Рено, генералъ Фонтонъ, Митьковъ, Минчіаки, Аркудинскіе, Чарномскіе и много другихъ семействъ, принадлежавшихъ къ высшему кругу общества.

Изъ начальствующихъ лицъ жили болѣе или менѣе открыто, послѣ князя Воронцова, генералъ-губернаторы: графъ Коцебу, графъ Тотлебенъ, Дрентельнъ, Гурко и Роопъ; градоначальники: Крузенштернъ, Бухаринъ, Гудимъ-Левковичъ и графъ Левашовъ; городскіе головы: Папудовъ, Кортацци, Новосельскій и Маразли.

Одесскіе львы и львицы.

Къ числу одесскихъ львовъ можно отнести прежде всего нѣкоторое время гостившаго въ Одессѣ извѣстнаго во всей Россіи графа Самойлова. Красавецъ лицомъ, отлично сложенный, превосходный стрѣлокъ, танцоръ, искустный во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, съ высшимъ образованіемъ, онъ былъ героемъ дня во всѣхъ аристократическихъ салонахъ. При всѣхъ своихъ превосходствахъ графъ Самойловъ вовсе не былъ Донъ-Жуаномъ. Онъ предпочиталъ холостые кутежи въ обществѣ дамъ полусвѣта. Память объ этой личности сохранилась навсегда у тѣхъ, кто его однажды видѣлъ.

За симъ въ Одессѣ считались львами старшины перваго одесскаго клуба (въ домѣ барона Рено) господа Моршанскій, Исленьевъ и князь Александръ Кантакузенъ (мужъ красавицы). Моршанскій былъ не особенно красивъ, но отличался выразительнымъ лицомъ, стройнымъ станомъ и величественною осанкою. Онъ одѣвался съ особеннымъ шикомъ и былъ законодателемъ модъ. Носили à la Моршанскій плащи, шляпы и жилеты; въ магазинахъ продавали папиросы à la Моршанскій и т. п. Исленьевъ, вовсе не красивый лицомъ, отличался ростомъ, тѣлосложеніемъ и былъ ловкій танцоръ. Князь А. Кантакузенъ, средняго роста, очень красивый лицомъ, съ великолѣпною черною окладистою бородой, изящно одѣвался и слылъ хорошимъ танцоромъ.

Послѣ вышепоименованныхъ лицъ, въ одесскомъ обществѣ выступали въ качествѣ львовъ: графъ Ильинскій, Александръ Вассаль, г. Вучетичъ, адъютантъ Е. В. Богдановичъ, кавалергардъ Киріяковъ и отставной гусаръ Гирсъ, отличный танцоръ, дирижировавшій танцами на всѣхъ балахъ. Въ одесскихъ гостиныхъ самыми остроумными и забавными собесѣдниками считались, послѣ Щербинина, гг. Ильинъ, Соколовъ и Жеромъ Низгурицеръ, до сего времени проживающій въ Одессѣ.

Во времена графа и князя Воронцова, за мою память, считались въ Одессѣ львицами и красавицами: г-жа Щербинина, жена состоявшаго при Воронцовѣ чинов. особ. порученій, княгиня Голицына (Эсмеральда) и княгиня Марія Кантакузенъ (урожд. бар. Рено), жена князя Александра, впослѣдствіи княгиня Барятинская, княгиня Гагарина (жена князя Петра), г-жа Папудова, г-жа Ческини (жена австрійскаго консула), княгиня Манукбей, г-жа Столыпина, г-жа Юрьевичъ (урож. Барщевская, вторично вышла замужъ за П. Ро-

доканаки), баронесса Бервигъ и графиня Лидерсъ-Веймарнъ.

Красавицы.

Къ числу одесскихъ красавицъ слѣдуетъ прежде всего отнести г-жу Швейковскую (урожд. Лахманъ). Подобной красавицы мнѣ болѣе не случалось встрѣчать во всю жизнь. Красавицей она слыла не только въ Одессѣ, но и въ С.-Петербургѣ, и въ Парижѣ. Говорили, что императоръ Наполеонъ III былъ къ ней неравнодушенъ. Овдовѣвъ, она вторично вышла замужъ за маркиза де-Ноайль. Очень красива была и сестра ея, графиня Пршездецкая. Изъ польскаго общества были еще красавицы графиня Тышкевичъ, графиня Бѣлинская (урожд. Русяновская), съ замѣчательной длины золотистою косою, и г-жа Грабянка. Кромѣ поименованныхъ уже дамъ, считались красавицами и красивыми: г-жа Абаза, Савельева, д-ца Короева, дѣвицы Маврокордато—одна изъ нихъ блондинка, съ голубымм глазами (г-жа Севастопуло), другая—брюнетка, съ большими черными глазами и волосами цвѣта вороньяго крыла (г-жа Родоконаки), д-цы Трико (впослѣдствіи г-жи Линкъ и Филипенко), г-жи Цицинія, Зарифи, маркиза Паулучи (урожд. Мартынова), д-ца Сикаръ (впослѣдствіи кн. Кантакузенъ-Сперанская), г-жи Вучетичъ, Чарномская, Смольянинова и Починская (урожд. кн. Крапоткина) и т. д.

Красавцы.

Изъ мужчинъ къ числу красавцевъ прежде всѣхъ слѣдуетъ отнести офицера кирасирскаго орденскаго полка Ольховскаго. Къ сожалѣнію, онъ въ молодыхъ еще лѣтахъ былъ убитъ на Кавказѣ въ сраженіи подъ Дарго. Въ такомъ-же родѣ блондинъ, высокаго роста, бѣлолицый и румяный

былъ Болеславъ Маркевичъ. Затѣмъ появился въ одесскомъ обществѣ красавецъ—кавказскій офицеръ, въ черкесскомъ костюмѣ, г. Гербель. Онъ увезъ изъ Одессы красавицу, итальянскую актрису Гвардуччи. Въ числѣ красивыхъ молодыхъ людей можно еще поименовать князя Петра Гагарина, И. И. Куриса, Г. Г. Маразли и Александра Маврокордато. Изъ студентовъ были красавцы: Лачиновъ и Александръ Родзянко.

Балы.

Послѣ временъ Воронцова самымъ блестящимъ періодомъ одесскаго общества были конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ. Всѣмъ старожиламъ памятны балы въ домахъ гг. Скаржинскихъ, Абазы, Папудова и графа Лидерса, а также рауты и музыкальные вечера у графа Толстаго. Самымъ большимъ хлѣбосольствомъ отличались балы, обѣды и ужины у Абазы. Помню—на одномъ балѣ былъ устроенъ дамскій буфетъ въ большомъ павильонѣ, унизанномъ кистями сухаго винограда-малаги. Шампанскаго, обыкновенно,—разливное море. Танцами дирижировали: Кирьяковъ, Богдановичъ и Гирсъ. Въ особенности памятны костюмированные балы. На этихъ балахъ, у Абазы, Папудова и графа Лидерса, не бывало костюма дешевле тысячи рублей, а большинство отъ 3 до 5 тысячъ, не считая драгоцѣнныхъ камней. На балѣ Абазы припоминаю великолѣпные костюмы: самого хозяина—А. М. Абаза—турецкій, залитый золотомъ, и жены его—Е. А. Абаза—прелестный костюмъ одалиски. Г. Криворотовъ явился въ костюмѣ, на которомъ, какъ увѣряли, было навѣшено на 100 тысячъ рублей брилліантовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней. На балѣ у Папудова, который пов-

торился у графа Лидерса, отличались красотою и роскошью костюмы князя и княгини Баратынскихъ—русскихъ бояръ. Замѣчательна была кадриль, составившаяся изъ слѣдующихъ костюмовъ: Солнце—г-жа Папудова, кавалеръ ея Фебъ—баронъ Бервичъ; Полумѣсяцъ—г-жа Севастопуло и кавалеръ—Турокъ—г. Кумбари; Ночь—баронесса Бервигъ и кавалеръ ея—Лѣсной бѣсъ—молодой графъ Толстой; Звѣзда—графиня Лидерсъ-Веймарнъ и кавалеръ ея—Морякъ. На одномъ балѣ появился „Воздухъ“—костюмъ до того прозрачный, что многія дамы тотчасъ уѣхали съ бала; зато рой мужчинъ окружалъ прелестницу.

Однако, какъ извѣстно, не бываетъ и розъ безъ шиповъ. Такъ и въ нашемъ прелестномъ обществѣ приключился скандальчикъ, надѣлавшій большой переполохъ. Появился въ салонахъ нѣкій баронъ Минервини, итальянецъ, молодой человѣкъ красивой наружности и съ пріятнымъ голосомъ—теноромъ. Впервые увидѣли его на концертѣ, устроенномъ съ благотворительною цѣлью княгиней Воронцовой. Изъ благодарности за безкорыстное участіе княгиня пригласила его къ обѣду. Каждый принятый однажды въ домъ кн. Воронцова становился членомъ высшаго одесскаго общества. Баронъ Минервини, представившись всѣмъ аристократамъ, сдѣлался въ скорости самымъ моднымъ кавалеромъ или, какъ говорятъ французы, „дамскимъ коклюшемъ“. У насъ вообще аристократія питала большую слабость къ иностранцамъ. Вскорѣ Минервини сдѣлался домашнимъ другомъ во многихъ самыхъ почтенныхъ

семействахъ, занималъ у новыхъ пріятелей деньги и зажилъ припѣваючи.

Въ то-же время въ Одессѣ оканчивалъ науки студентъ Волосатовъ. Посѣщая часто итальянскую оперу, Волосатовъ влюбился до того въ одну изъ второстепенныхъ актрисъ, что рѣшился предложить ей руку и сердце. Посѣщая свою возлюбленную за кулисами, онъ часто встрѣчалъ тамъ барона Минервини, ухаживавшаго за той-же актрисой, но далеко не съ благородными намѣреніями. Извѣстно, что итальянцы вообще въ бесѣдѣ не разборчивы въ выраженіяхъ, и Минервини позволялъ себѣ говорить актрисѣ всякія сальности. Волосатову это не понравилось и онъ ему наговорилъ дерзостей. Нахальный итальянецъ не остался въ долгу, и кончилось тѣмъ, что Волосатовъ вызвалъ Минервини на дуэль. Нахалъ оказался, по обыкновенію, трусомъ и вызова не принялъ. Вскорѣ послѣ этого въ театрѣ, въ партерѣ, разыгралась слѣдующая сцена.

Послѣ антракта, передъ поднятіемъ занавѣса, когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, въ первомъ ряду креселъ преважно возсѣдалъ баронъ Минервини, лорнируя дамъ. Входитъ въ партеръ Волосатовъ и проходя возлѣ Минервини, отпускаетъ ему пощечину, которая, благодаря хорошему резонансу театра, раздалась на всю залу и конечно обратила всеобщее вниманіе. Баронъ Минервиви, не ожидая повторенія, вскочилъ съ своего кресла и выбѣжалъ изъ театра. Больше его въ Одессѣ и не видѣли. Тогда только стали наводить справки, что это за личность. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ паспортномъ отдѣленіи одесскаго градоначаль-

ника оказалось, что онъ былъ вовсе не баронъ, а просто Минервини, а по профессіи—комнатный живописецъ. Можно себѣ представить непріятное положеніе нашей аристократіи и въ особенности тѣхъ семействъ, въ которыхъ онъ состоялъ домашнимъ другомъ, при самыхъ интимныхъ отношеніяхъ.

Занятіе старой Хаджибейской крѣпости.

Оканчиваю свои мемуары событіемъ, громаднаго значенія для нашего города, подробности коего мало кому извѣстны. Событіе это совершилось ровно 17 лѣтъ тому назадъ. До того времени, впродолженіи 19 лѣтъ, городское управленіе вело безплодную переписку съ разными министерствами о передачѣ въ распоряженіе города мѣстности, носившей названіе *крѣпости*, въ количествѣ около 15 ти десятинъ земли, находившейся между окраиной города, Новой улицей, и дачей Ланжеронъ. Старая крѣпость, Хаджибейская, давно уже была упразднена и вышла изъ вѣдѣнія военнаго министерства, но не была передана другому вѣдомству и оставалась неизвѣстно кому принадлежавшею. Не смотря на это, военное вѣдомство намѣревалось строить тамъ военную больницу, юнкерское училище и казармы. Въ такомъ случаѣ, единственная, ближайшая къ дорогѣ возвышенная живописная мѣстность, на которой городскіе жители въ знойные дни могли-бы подышать чистымъ морскимъ воздухомъ, была-бы занята больницей и казармами. Къ счастью случай помогъ городу избѣгнуть этой опасности.

Послѣ неурожая 1874 г. и застоя въ торговлѣ, рабочій классъ отъ безработицы дошелъ до крайне бѣдственнаго положенія. Во избѣжаніе

усилившихся преступленій, воровства и грабежа, городская дума вынуждена была придти на помощь голодавшему населенію, и для этой цѣли ассигновала 10 тысячъ рублей на работы. Пріисканіе работъ возложено было на городскую управу, которая, съ своей стороны, возложила это на свое строительное отдѣленіе. Завѣдывавшій строительнымъ отдѣленіемъ, членъ управы (О. О. Чижевичъ) не могъ пріискать для чернорабочихъ другихъ работъ, какъ земляныя, такъ какъ въ городѣ подобныхъ работъ не находилось, то онъ предложилъ городской управѣ разрѣшить провести широкую прямую дорогу изъ города къ дачѣ Ланжеронъ, мѣсту общественныхъ гуляній и купаній. Получивъ разрѣшеніе думы и управы*) при первой возможности, въ началѣ весны 1874 года приглашено было 300 рабочихъ, розданы инструменты и приступлено къ работѣ. Дорога проходила чрезъ старую Хаджибейскую крѣпость. Срывали крѣпостные валы, засыпали рвы и быстро двигались впередъ. Препятствій ни съ чьей стороны не предъявлялось, такъ какъ мѣстность никому не принадлежала. Только когда рабочіе стали приближаться къ пороховому погребу Люблинскаго полка, прибѣжалъ къ члену управы командиръ полка Беграновъ и заявилъ, что по закону ближе 50 шаговъ къ пороховому погребу постороннимъ лицамъ подходить не дозволяется и что онъ прикажетъ часовому стрѣлять въ при-

---

*) Приговоръ думы о проведеніи дороги къ дачѣ Ланжеронъ состоялся 7 февраля 1875 г. по баллотировкѣ большинствомъ 28 противъ 1-го чел.

ближающихся рабочихъ, тѣмъ болѣе, что они курятъ трубки и папиросы.

Начались переговоры, окончившіеся соглашеніемъ перенести порохъ въ другое мѣсто, если погребъ будетъ построенъ на счетъ города. Такъ какъ сооруженіе погреба въ землѣ стоило не дорого, то городская управа разрѣшила исполнить требованіе полковаго командира. Погребъ устроенъ подальше, въ него перенесенъ складъ пороха и работы по проведенію дороги продолжались и окончились ко времени наступленія полевыхъ работъ. Такимъ образомъ совершилось фактическое занятіе городомъ старой Хаджибейской крѣпости для общаго пользованія. Впослѣдствіи исправлявшій должность городскаго головы Г. Г. Маразли возымѣлъ счастливую мысль устроить въ этой мѣстности *городской паркъ* и въ виду ожидавшагося посѣщенія города Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, повергнуть къ стопамъ Его Величества просьбу городскаго управленія: осчастливить городъ соизволеніемъ именовать паркъ „Александровскимъ". Для выполненія этого рѣшенія изготовленъ былъ проектъ плана парка и построенъ, на одномъ изъ крѣпостныхъ валовъ, роскошный павильонъ, въ коемъ предполагалось преподнести планъ этотъ на благоусмотрѣніе Его Величества. Предложеніе это думою принято.

Послѣ доклада Государю Императору ходатайства городскаго управленія, Его Величество изъявилъ на это соизволеніе.

При самой торжественной обстановкѣ, въ прекрасный осенній день (7-го сентября 1875 г.), при стеченіи всего городскаго населенія Государь Императоръ взъѣхалъ въ экипажѣ на возвышеніе къ павильону, одобрилъ проектъ парка, преподнесенный Григоріемъ Григорьевичемъ Маразли и собственноручно изволилъ посадить первое дерево, дубокъ, которое и теперь ростетъ на томъ-же мѣстѣ, огражденное желѣзною рѣшеткою.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ царскій павильонъ, красуется великолѣпная колонна изъ лабрадора, сооруженная городомъ Одессою въ память посѣщенія Государемъ Императоромъ Александромъ II и закладки Александровскаго парка, съ соотвѣтствующими надписями.

Послѣ этого событія всякія дальнѣйшія недоразумѣнія о принадлежности старой Хаджибейской крѣпости сами собою прекратились и приступлено къ насажденію парка.

Первыя работы производились подъ руководствомъ члена гор. управы извѣстнаго садовода Г. Г. Штапельберга.

Послѣ него завѣдывавшій садами товарищъ гор. головы баронъ Витте, большой любитель садоводства, съ большимъ успѣхомъ продолжалъ насажденія и устроилъ Александровскій бульваръ.

Завѣдывающій теперь садами товарищъ гор. головы В. Н. Лигинъ приводитъ засажденіе парка къ окончанію и устроилъ въ немъ арену для школьныхъ игръ и гимнастики.

Въ настоящее время Александровскій паркъ, съ бульваромъ, представляетъ собою лучшее украшеніе нашего города и любимое мѣсто народныхъ гуляній.

Не говоря уже о матеріальной стоимости этого пріобрѣтенія, которое можно оцѣнить не менѣе двухъ милліоновъ руб., считая по 60 р. за кв. саж. (32.000×60). Александровскій паркъ, по красотѣ мѣстности и чистотѣ морскаго воздуха, не имѣетъ себѣ подобнаго во всей Россіи. Гуляя здѣсь въ лѣтнюю ночь, невольно вспоминаешь стихи Пушкина:

....Тихо. Спитъ Одесса
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла,
Прозрачно легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ!

Существованіемъ городскаго Александровскаго парка городъ преимущественно обязанъ своему городскому головѣ Григорію Григорьевичу Маразли. Обстоятельство это должно на вѣчныя времена оставаться въ памяти потомства, и совершенно справедливо Одесская Дума порѣшила наименовать ближайшую къ парку улицу (Новую) именемъ Маразли.

Прослѣдивъ за постепеннымъ развитіемъ гор. Одессы съ ея основанія до настоящаго времени и принимая въ соображеніе дѣятельность лицъ, коимъ она главнымъ образомъ обязана своимъ развитіемъ, столѣтнюю жизнь нашего города можно подраздѣлить на четыре періода.

Первый періодъ—(1794—1824) адмирала *де-Рибаса, Дюка де-Ришелье* и графа *Ланжерона*. Дѣятельность ихъ будетъ подробно изложена въ исторіи Одессы къ столѣтнему юбилею. Въ общемъ они были основателями, первыми устроителями и начертали программу дальнѣйшаго развитія нашего города.

Второй періодъ—генералъ-губернатора графа (а потомъ князя) *Михаила Семеновича Воронцова*. Достойный преемникъ Дюка де-Ришелье, князь Воронцовъ, покровитель иностранцевъ, привлекъ въ Одессу много богатыхъ иностранныхъ торговыхъ домовъ и сдѣлалъ изъ Одессы главный торговый пунктъ юга Россіи.

Не только гор. Одесса, но и весь Новороссійскій край многимъ обязаны князю Воронцову.

Третій періодъ—генералъ-губернатора графа *Коцебу* и одесск. гор. головы *Н. А. Новосельскаго*. Къ этому періоду относятся: устройство близъ Одессы соляныхъ промысловъ, Общество Пароходства и Торговли, Одесско-Кіевско-Елисаветградская желѣзная дорога, замощеніе улицъ гранитомъ, днѣстровскій водопроводъ, канализація города и газовое освѣщеніе.

Четвертый періодъ – городскаго головы *Григорія Григорьевича Маразли* (1878—1894). Въ этотъ періодъ къ предшествовавшимъ благоустройствамъ въ Одессѣ прибавились нижеслѣдующія:

Первыя, послѣ столичныхъ, городскія конно-желѣзныя дороги (инниціаторы О. Чижевичъ и В. Машевскій), первыя благоустроенныя городскія скотобойни (коммисія: Чижевичъ, Санценбахеръ, Перельманъ), лучшій въ Россіи городской театръ (вѣнскій архитекторъ Фельнеръ), красивѣйшій по

мѣстоположенію и морскому чистому воздуху городской паркъ, „Александровскій“ (гг. Штапельбергъ, бар. Витте, Лигинъ), первый въ Россіи опытъ орошенія полей городскими нечистотами (членъ управы Велькоборскій). Первая въ Россіи Бактеріологическая станція (проф. Мечниковъ). Первая въ Россіи Химическая лабораторія для изслѣдованія жизненныхъ продуктовъ (проф. химіи Вериго). Первый въ Россіи городской Дѣтскій садъ съ безплатными играми и гимнастикой (чл. упр. О. О. Чижевичъ). Благоустроенныя лиманныя грязе-лечебныя заведенія: Андреевскаго и Хаджибейское (чл. управы Минчіаки). Городская Публичная библіотека (Г. Г. Маразли). Художественный музей (Г. Г. Маразли). Первая народная безплатная читальня (Г. Г. Маразли). Школа садоводства (Г. Г. Маразли). Дешевая столовая (Г. Г. Маразли). Инвалидный домъ, Пріютъ для обѣднѣвшихъ (въ память событія 17 октября), Народная аудиторія Славянскаго благотвор. общества, добавлено нѣсколько отдѣленій Богадѣльни (Г. Г. Маразли и баронъ Маасъ). Женская 2 гимназія, Женское городское дѣвичье училище съ рукодѣльными классами (В. Н. Лигинъ). Добавлено нѣсколько десятковъ училищъ и народныхъ школъ, Городской пріютъ для подкидышей и родильницъ, Исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ (О. О. Чижевичъ), Пріютъ для отбывшихъ наказаніе и безпріютныхъ дѣтей (Альбертъ), Больница и колонія для душевно-больныхъ, Убѣжище для особъ женскаго пола: „Всѣхъ скорбящихъ радость“, основанное и управляемое графиней А. П. Алопеусъ, Дѣтская больница д-ра Мочутковскаго, Глазная В. Санценбахера и т. д. Введено электрическое освѣщеніе (Г. Г. Маразли).

Многія изъ вышепоименованныхъ учрежденій построены на собственныя средства гор. головы Григорія Григорьевича Маразли.

Кромѣ этого, нашъ городъ обогатился многими благотворительными учрежденіями, созданными по иниціативѣ и стараніями одесскаго градоначальника Павла Алексѣевича Зеленаго и супруги его Наталіи Михайловны (зданіе пріюта Императрицы Маріи Ѳеодоровны, пріютъ для слѣпыхъ, спасательныя станціи и др.).

Въ послѣдніе годы этого періода Одесса достигла почти апогея своего благоустройства. При этомъ наличность городской кассы достигала одного милліона рублей (чл. фин. отд. Хари).

Остается пожелать, чтобы нашъ городъ не остановился на этой точкѣ и шелъ впередъ по пути, указанному незабвенными для Одессы Дюкомъ де-Ришелье и княземъ Воронцовымъ.

Ѳ. Чижевичъ.

Кое-что о старой Одессѣ въ 30-хъ годахъ.

(Подъ редакціей А. С. Бориневича).

Мнѣ теперь 84 года. Поселился я въ Одессѣ въ 1831 г. Слѣдовательно, вся почти жизнь ея прошла на моихъ глазахъ, о многомъ я могъ-бы разсказать, но непривычка излагать свои мысли на бумагѣ съ одной стороны, съ другой отсутствіе своевременныхъ замѣтокъ—лишаютъ меня возможности откликнуться на ваше приглашеніе въ той мѣрѣ, какъ я-бы того желалъ,—дать цѣнный матеріалъ для „Сборника воспоминаній о прошломъ г. Одессы, разсказовъ и статей о ея старинѣ", но полагаю, что и отрывочные несвязные факты все таки до извѣстной степени освѣщаютъ старину, а въ этомъ-то, какъ мнѣ кажется, и цѣль вашего изданія. Я ограничусь временемъ 30-хъ годовъ и буду по возможности кратокъ.

Я пріѣхалъ въ Одессу по Балтской дорогѣ черезъ Пересыпь и поднялся на гору. Нарышкинскій спускъ устроенъ былъ нѣсколько поз-

же, въ 1834 году, когда по случаю голода хотѣли дать населенію заработокъ. При этихъ работахъ мужчина получалъ 20 к. въ день ассигн. (5 коп. сер.), женщина 10—15 коп. и дѣти по 5 коп. (1½ коп.) Планировка города теперь не измѣнилась, но внѣшній его видъ былъ совершенно иной. Мнѣ въ памяти остались Малая Арнаутская улица, Успенская, Рыбная. По этимъ улицамъ, по обѣимъ сторонамъ, шли низенькіе заборы, во дворъ вели неказистыя ворота и рядомъ особая „форточка" въ стѣнѣ. Въ глубинѣ двора красовались землянки, какъ-бы вросшія въ землю; рѣдко можно было встрѣтить „верховую хату", еще рѣже на улицу выходилъ собственной архитектуры и собственной постройки небольшой домишко въ 2, много въ 3 окна. Двухэтажные дома были рѣдки. Дома были особнячки, квартиръ для найма почти не было, да и нанимателей не было. Даже въ концѣ 1830-хъ годовъ купецъ Рогожинъ, пріобрѣвъ двухэтажный домъ по Рыбной улицѣ (противъ дома Гладкова), не могъ найти жильцовъ ни на одну изъ 4-хъ квартиръ, и чтобы не расходовать на сторожа, онъ предложилъ одному небогатому семейству пользоваться квартирой безплатно и наблюдать за домомъ.

Такъ называемая Театральная площадь, гдѣ нынѣ Пале-Рояль, была обнесена барьеромъ. На этой площади городской гарнизонъ дѣлалъ разводы или играли мальчишки. Въ дни Св. Пасхи въ 1834, а можетъ быть и въ 1835 г., здѣсь были устроены „качели", т. е. пасхальныя гулянія, которыя теперь устраиваются на Куликовомъ полѣ (ихъ нѣсколько разъ устраивали и на Михайловской площади, возлѣ Михайловскаго монастыря).

Нынѣшней Приморской улицы въ 30-хъ годахъ не было. Море подходило почти къ самому обрыву и въ бурную погоду било о крутые берега. Почти до моря доходилъ Нарышкинскій садъ (нынѣ домъ подаренный городу Г. Г. Маразли) и чтобы волны не разбивали стѣнъ сада, были устроены контрофорсы. Море здѣсь было чистое, вода прозрачная. Это было излюбленное мѣсто купанія для одесситовъ. Единственныя купальни, устроенныя грекомъ Колфогло на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ купальни Исаковича, посѣщались мало, по преимуществу пріѣзжими поляками. Гавань была небольшая, судовъ въ портѣ мало. Я помню деревянный пароходъ „Петръ Великій", который дѣлалъ рейсы въ Крымъ. Этотъ-то пароходъ перешелъ впослѣдствіи въ руки г. Починскаго (подрядчика по устройству гранитныхъ мостовыхъ) и буксировалъ изъ Вознесенска баржи съ гранитомъ для одесскихъ мостовыхъ.

Портъ въ Одессѣ долго не былъ устроенъ, почему нагрузка и выгрузка сопряжены были съ большими неудобствами. Подводы съ хлѣбомъ подъѣзжали гуськомъ (иногда сваливались отъ тѣсноты въ море); хлѣбъ съ подводъ перегружался въ подвозныя лодки (по 200—300 четвертей каждая) и уже на этихъ лодкахъ перевозился къ судну, стоявшему у Карантинной гавани; съ лодокъ корзинами хлѣбъ подавался къ пароходу. Погрузка судна при такихъ условіяхъ шла очень медленно. Привозившееся на иностранныхъ пароходахъ въ боченкахъ масло и вино выгружалось упрощеннымъ порядкомъ, т. е. по просту боченки сбрасывались въ море, обвязывались канатомъ и буксировались къ берегу къ таможнѣ, гдѣ происходилъ досмотръ.

Въ Одессу доставлялось по преимуществу французское вино Особенно много было его привезено въ 1848 г. во время австро-венгерской войны. Восемнадцати-ведерный боченокъ хорошаго рейнскаго вина продавался тогда не болѣе 20 р., т. е. гораздо дешевле, чѣмъ аккерманское вино.

Нынѣшняя Старопортофранковская улица называлась Внѣшнимъ бульваромъ. Черезъ весь бульваръ, т. е. отъ Херсонскаго спуска и до приморскихъ дачъ были вырыты двѣ глубокія канавы, между ними была оставлена широкая полоса саженей въ 15. На возвышеніи надъ канавой были устроены каменные столбики въ высоту не болѣе аршина полтора или два, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Сквозь особыя дыры въ столбикахъ были протянуты толстые смоленные канаты, по два съ каждой стороны бульвара. Это называлось оградой для бульвара. Не знаю, кому принадлежала эта идея опоясать Одессу канатомъ. Не берусь судить и сколько стоило это опоясываніе, но просуществовала эта ограда не долго: чумаки, мальчишки, мимо-проходящіе изрѣзали и расхитили канаты весьма скоро. Канавы впрочемъ оставались и въ дальнѣйшемъ и даже еще въ 60-хъ годахъ въ нихъ застаивались дождевыя воды и мальчишки ловили лягушекъ.

Жизнь въ Одессѣ была дешева. Я остановился на квартирѣ въ семейномъ домѣ, не богатомъ, но и не бѣдномъ, у чиновника средней руки, и платилъ за столъ и квартиру 8 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ (2 руб. сереб.) Слуги нанимались по 2 и много 3 р. ассигнаціями въ мѣсяцъ. Въ 1837 г. я самъ купилъ 5 четвертей жита по 1 р. 20 к. четверть, съ доставкой на

вѣтряную мельницу. Въ голодный 1834 г. 3-хъ фунтовый печенный хлѣбъ продавался по 28 к. ассигнаціями (7 к. сер.) Это считалось дорого. Привозили изъ заграницы рисъ и онъ продавался по 6 к. ассигнаціями за фунтъ. Разнообразія въ сортахъ хлѣба не было. Изготовлялся хлѣбъ разовой или греческій (пекаря были греки) и петлеванный нѣмецкій. Крупчатка доставлялась только изъ Подоліи.

Учебныхъ заведеній было мало. Лицей, институтъ, городское дѣвичье и позднѣе уѣздное—вотъ казенныя и всѣ учебныя заведенія. Народныхъ училищъ не было. Частнымъ образомъ грамоту преподавали отставные солдаты, женщины. На Молдаванкѣ не было ни одного училища, почему священникъ Михайловской церкви о. Стефанъ Рутковскій, человѣкъ весьма просвѣщенный для того времени (въ началѣ 30-хъ годовъ) и открылъ въ церковномъ домѣ (домъ сохранился въ томъ-же видѣ и до настоящаго времени) школу грамотности, съ платою въ пользу учителя по 1 руб. сереб. въ мѣсяцъ съ ученика. Эта школа существовала не долго, до того времени, пока не было открыто на Молдаванкѣ казенное приходское училище.

Какъ привлекала Одесса, кѣмъ она населялась и какъ легко здѣсь было устраиваться, разскажу эпизодъ со словъ одного изъ первыхъ поселенцевъ города, который умеръ въ 60-хъ годахъ, болѣе ста лѣтъ отъ роду. Онъ жилъ близъ Кіева и занимался „шаповальствомъ", т. е. изготовлялъ шерстянные войлоки (подъ сѣдла, хомуты и пр.) Разнеслись, по его словамъ, слухи, что гдѣ-то у моря русскіе завоевали Хаджибей и много другихъ турецкихъ городовъ. Взялъ онъ своего товару и поѣхалъ въ Хаджибей. Пріѣхалъ, говоритъ, и вижу деревушка не большая, а народу много и народъ-то все больше бѣглый и до водки охочъ. Возвратился онъ домой и сейчасъ-же купилъ бочку водки и привезъ въ Хаджибей. Продажа водки была вольная, никакихъ правилъ для этого не было. Среди улицы или площади вставлялся кранъ въ бочку и подходи, кто хочетъ. Такъ привозилъ онъ водку болѣе двухъ лѣтъ, пока не рѣшилъ совсѣмъ переселиться въ Одессу, гдѣ и получилъ подъ застроеніе около двухъ десятинъ земли.

На углахъ улицъ, черезъ 3—4 и 5 кварталовъ, были выстроены круглыя или шести угольныя будки. Въ этихъ будкахъ жило по 2 солдата, въ большинствѣ случаевъ изъ евреевъ „неспособныхъ къ строевой службѣ"; они несли полицейскую службу. Отъ будки стражники получали названіе „будочники". При полиціймейстерѣ Михайловскомъ, будочники были вооружены особыми алебардами, которыя они должны были держать въ рукѣ, стоя на часахъ. Для чего они стояли, —судить не берусь, такъ какъ они не имѣли права отходить отъ будки и вся ихъ дѣятельность, кажется, ограничивалась отданіемъ чести мимо-проходящимъ офицерамъ и „квартальнымъ", какъ прежде назывались околоточные надзиратели.

Въ полиціи сосредоточивалась вся власть—и слѣдственная, и рѣшающая, и исполнительная. Если принять во вниманіе, что „квартальные" получали по 10 или 15 р. въ мѣсяцъ ассигнаціями, то легко представить, изъ какихъ людей состояла полиція и что она могла производить. Нужно было малѣйшаго повода, чтобы дѣло было возбуждено, достаточно было простого

заявленія сосѣда по квартирѣ, что его оскорбилъ такой-то, чтобы этотъ кто-то былъ сейчасъ-же арестованъ спеціально для того, чтобы жена или родственники пришли выручать. Болѣе серьезныя дѣла тянулись по десятку лѣтъ. Я не говорю этого о высшихъ чинахъ полиціи. Среди нихъ были даже рѣдкіе люди по своей энергіи, по своему добросовѣстному отношенію къ дѣлу. Не могу не вспомнить при этомъ полиціймейстера Василевскаго (кажется, въ началѣ 30-хъ годовъ). Онъ часто спалъ сидя въ креслѣ; близко стоявшіе къ нему люди говорили, что онъ иногда по нѣсколько сутокъ не раздѣвался. Чуть-ли не одновременно онъ бывалъ въ разныхъ концахъ города, верхомъ на лошади, сопровождаемый казакомъ; ни темная ночь, ни непогодь не служили для него препятствіемъ. На пожарѣ-ли, на происшествіи какомъ, Василевскій всегда былъ первымъ.

Бѣглыхъ солдатъ Василевскій узнавалъ по походкѣ; смѣривъ глазами приведеннаго арестанта, онъ почти всегда безошибочно узнавалъ бѣглаго солдата и сразу обращался съ вопросомъ: „ты солдатъ?" На что оторопѣвшій арестантъ отвѣчалъ: „Такъ точно, в. в. б.!" Не помню въ какомъ году, на Большой Арнаутской улицѣ былъ убитъ въ собственномъ домѣ архитекторъ Фраполи. Убійцы—кучеръ и продавецъ фруктъ — были розысканы. Пока велось слѣдствіе, Василевскій для устрашенія, надо полагать, населенія, приказалъ сшить для убійцъ брюки и куртки изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ разныхъ матерій, надѣлъ имъ на головы жестяные колпаки съ колокольцами и бубенцами и въ такомъ шутовскомъ нарядѣ, съ барабаннымъ боемъ, водили убійцъ по городу, по базарамъ и площадямъ.

Кромѣ полиціи, судъ и расправу чинили: уѣздный судъ, магистратъ и словесный судъ. Въ послѣднемъ рѣшались дѣла малыя гражданскія, словесно и безапелляціонно. Судъ этотъ въ сущности не имѣлъ никакого значенія. Словесный судъ опредѣлитъ, положимъ, взыскать съ такого-то такую-то сумму и увѣдомляетъ объ этомъ полицію—и только. Отъ полиціи зависѣло привести это рѣшеніе въ исполненіе или нѣтъ. Часто истецъ болѣе выгоднымъ находилъ простить долгъ, чѣмъ обращаться къ услугамъ квартальнаго.

С. Бориневичъ.

Гоголь въ Одессѣ.

1850—1851 г.

(Изъ воспоминаній провинціальнаго актера*).

(*„Музык. Свѣтъ“ 1876 г., №№ 29—33*).

Въ 1851 году я состоялъ въ числѣ актеровъ русской Одесской труппы. Въ началѣ января мнѣ встрѣтилась надобность повидаться съ членомъ дирекціи театра А. И. Соколовымъ. Дома я его не засталъ. Дай, думаю, побываю у Оттона (извѣстный въ это время ресторатор въ Одессѣ), не найду-ли его тамъ?... Дѣйствительно, Соко-

*) Перепечатываемъ эту небольшую статейку Толченова въ виду малаго распространенія журнала „Музыкальный Свѣтъ“ и почти совершеннаго отсутствія свидѣтельства современниковъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ. Прибавляемъ къ ней также нѣсколько строкъ о Гоголѣ одессита Н. Г. Тройницкаго изъ брошюры „День памяти Пушкина въ Одессѣ“. *Прим. ред.*

ловъ оказался у Оттона. Кончивъ немногосложное дѣло, по которому мнѣ надо было видѣться съ Александромъ Ивановичемъ, я полюбопытствовалъ узнать, по какой это причинѣ онъ такъ поздно обѣдаетъ? (былъ часъ восьмой вечера). „Вы, сколько мнѣ извѣстно, Александръ Ивановичъ, врагъ позднихъ обѣдовъ... Неужели вы засѣдаете здѣсь съ двухъ часовъ?“—Именно такъ—засѣдаю съ двухъ часовъ!.. Что вы смѣетесь? Здѣсь, батюшка, Гоголь!! Вотъ что!“ — Я знаю, что Гоголь въ Одессѣ еще съ конца прошлаго года, но...—„Да не въ томъ дѣло, что онъ въ Одессѣ, а въ томъ, что онъ здѣсь, въ ресторанѣ... По нѣкоторымъ днямъ онъ здѣсь обѣдаетъ и, по своей привычкѣ, приходитъ поздно—часу въ пятомъ, шестомъ... Ну, а у меня своя привычка, я такъ долго ждать не могу обѣда, какъ вамъ извѣстно,—вотъ я пообѣдаю въ свое время и сижу, жду; начнутъ „наши“ подходить понемногу, а тамъ и Николай Васильевичъ приходитъ, садится обѣдать—и мы составляемъ ему компанію... Вотъ почему я здѣсь и засѣдаю съ двухъ часовъ... Хотите, пойдемте, я представлю васъ ему... Онъ хотя не любитъ новыхъ лицъ, но вы человѣкъ „маленькій“, авось, онъ при васъ не будетъ ежиться... Пойдемъ!“ Мы пошли въ другую комнату, которая изъ общей, ради Гоголя, превратилась въ отдѣльную и отворялась только для его знакомыхъ. Робко, съ бьющимся сердцемъ, переступалъ я порогъ завѣтной комнаты. Всѣ собесѣдники Гоголя были болѣе или менѣе хорошо знакомы, но при мысли видѣть Гоголя, говорить съ нимъ, нервная дрожь пробирала меня и голова

кружилась. При входѣ въ завѣтную комнату, я увидѣлъ сидящаго за столомъ, прямо противъ дверей, худощаваго человѣка... Острый носъ, небольшіе пронзительные глаза, длинные, прямые темно-каштановые волосы, причесанные à la мужикъ, небольшіе усы... Вотъ что я успѣлъ замѣтить въ наружности этого человѣка, когда при скрипѣ затворяемой двери онъ вопросительно взглянулъ на насъ. Человѣкъ этотъ былъ Гоголь. Соколовъ представилъ меня. „А! добро пожаловать,—сказалъ Гоголь, вставая и съ радушной улыбкой протягивая мнѣ руки.—Милости просимъ въ нашу бесѣду... Садитесь здѣсь, возлѣ меня", добавилъ онъ, отодвигая и съ радушной улыбкой протягивая мнѣ свой стулъ и давая мнѣ мѣсто. Я сѣлъ, робость моя пропала. Гоголь, съ котораго я глазъ не спускалъ, занялся исключительно мной. Разспрашивая меня о томъ, давно-ли я на сценѣ, сколько мнѣ лѣтъ, когда я изъ Петербурга, онъ, между прочимъ, задалъ мнѣ также вопросъ: „А любите-ли вы искусство?"—Если-бы я не любилъ искусства, то пошелъ-бы по другой дорогѣ. Да во всякомъ случаѣ, Николай Васильевичъ, если-бы я даже и не любилъ искусства, то навѣрно вамъ въ этомъ не признался-бы.—„Чистосердечно сказано!" сказалъ смѣясь Гоголь: „но хорошо вы дѣлаете, что любите искусство, служа ему. Оно только тому и дается, кто любитъ его. Искусство требуетъ всего человѣка. Живописецъ, музыкантъ, писатель, актеръ—должны вполнѣ, безраздѣльно отдаваться искусству, чтобы значить въ немъ что-нибудь... Повѣрьте, гораздо благороднѣе быть дѣльнымъ ремесленникомъ, чѣмъ

лѣзть въ артисты, не любя искусства" *). Слова эти, не смотря на то, что въ нихъ не было ничего новаго, произвели на меня сильное впечатлѣніе: такъ просто, задушевно, тепло они были сказаны. Не было въ тонѣ Гоголя ни докторальности, ни напускной важности, съ которыми иные почитаютъ дѣломъ совѣсти изрекать юношамъ самыя истертыя аксіомы поношенной морали. Чувствовалось, что слова эти говорятся не изъ желанія дать молодому человѣку приличное наставленіе въ поученіе ему, а высказываются, какъ горячее убѣжденіе, благо случай представился высказать это убѣжденіе. Видя въ рукахъ моихъ бумагу, Гоголь спросилъ: „Что это? Не роль-ли какая?" —Нѣтъ, это афиша моего бенефиса, которую я принесъ для подписи Александру Ивановичу.—„Покажите, пожалуйста".—Я подалъ ему афишу, которая, по примѣру всѣхъ бенефисныхъ афишъ, какъ провинціальныхъ, такъ и столичныхъ, была довольно великонька. „Гм.! а не долго-ли продолжится спектакль? Афиша-то что-то больно велика",—замѣтилъ Гоголь, прочитавъ внимательно афишу.—Нѣтъ, пьесы не большія; только, ради обычая и вкуса большинства публики, афиша, какъ говорится, росписана.—„Однако, все, что въ ней обозначено, дѣйствительно будетъ?"—Само собой разумѣется.—„То-то! Вообще никогда не прибѣгайте ни къ какимъ пуфамъ, чтобъ обратить на себя вниманіе. Оно дурно и вообще въ

*) Большею частью я передаю, конечно, только смыслъ говореннаго Гоголемъ. Съ буквальной точностью я, къ сожалѣнію, словъ его не записывалъ.

каждомъ человѣкѣ, а въ артистѣ шарлатанство просто неприлично... Давно я не бывалъ въ театрѣ, а на вашъ праздникъ приду!" Разговоръ сдѣлался общимъ; Гоголь былъ, какъ говорится, въ ударѣ. Два-три анекдота, разсказанные имъ, заставили всю компанію хохотать чуть не до слезъ. Каждое слово, вставляемое имъ въ разсказы другихъ, было мѣтко и вѣско... Между прочимъ, услыхавъ сказанную кѣмъ-то французскую фразу, онъ замѣтилъ: „Вотъ я никакъ не могъ насобачиться по-французски!" — Какъ это насобачиться? спросили, смѣясь, собесѣдники. — „Да такъ, насобачиться... другимъ языкамъ можно учиться, изучать ихъ... и познакомишься съ ними... а чтобы говорить по-французски, непремѣнно надо насобачиться этому языку". — Разошлись по домамъ часовъ въ девять. Такова была моя первая встрѣча съ Гоголемъ. Я съ трудомъ могъ прійти въ себя отъ изумленія: такъ два часа, проведенные въ обществѣ Гоголя, противорѣчили тому, что мнѣ до тѣхъ поръ приходилось слышать о Гоголѣ, какъ о членѣ общества. Все слышанное мною про него въ Москвѣ и Петербургѣ такъ противорѣчило видѣнному мною въ этотъ вечеръ, что, на первое время, удивленіе взяло верхъ надъ всѣми другими впечатлѣніями. Я столько слышалъ разсказовъ про нелюдимость, недоступность, замкнутость Гоголя, про его эксцентрическія выходки въ аристократическихъ салонахъ обѣихъ столицъ; такъ живъ еще былъ въ моей памяти разсказъ, слышанный мною два года назадъ въ Москвѣ, о томъ, какъ приглашенный въ одинъ аристократическій московскій домъ, Гоголь, замѣтя, что всѣ присутствую-

щіе собрались собственно затѣмъ, чтобъ посмотрѣть и послушать его, улегся съ ногами на диванъ и проспалъ, или притворился спящимъ, почти весь вечеръ, — что въ головѣ моей съ трудомъ переваривалась мысль о томъ, чтобъ Гоголь, съ которымъ я только разстался, котораго видѣлъ самъ, былъ тотъ-же человѣкъ, о которомъ я составилъ такое странное понятіе по разсказамъ о немъ... Сколько одушевленія, простоты, общительности, заразительной веселости оказалось въ этомъ неприступно хоронящемся въ самомъ себѣ человѣкѣ. Неужели, думалъ я, это одинъ и тотъ-же человѣкъ, — засыпающій въ аристократической гостиной, и сыплющій разсказами и замѣтками, полными юмора и веселости и самъ отъ души смѣющійся *каждому разсказу* смѣхотворнаго свойства, — въ кругу людей, нисколько не участвующихъ и не имѣющихъ ни малѣйшей надежды когда нибудь участвовать въ судьбахъ Россіи.

До окончанія бенефиса, я не имѣлъ возможности, за хлопотами, видѣть Гоголя, но онъ сдержалъ слово и былъ въ театрѣ въ день моего бенефиса, въ ложѣ директора Соколова и, по словамъ лицъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ, высидѣлъ весь спектакль съ удовольствіемъ и былъ очень веселъ. Вслѣдъ за моимъ бенефисомъ, шелъ бенефисъ извѣстной актрисы А. И. Шубертъ; она выбрала для постановки „Школу женщинъ", Мольера. А. И. Соколовъ, зная какъ трудно молодымъ актерамъ, воспитавшимся совершенно на иныхъ началахъ, передавать такъ называемыя классическія произведенія, просилъ Николая Васильевича прочесть пьесу актерамъ, чтобъ дать имъ вѣрный

тонъ и тѣмъ облегчить для нихъ не совсѣмъ легкую задачу, которая представляется актерамъ. Гоголь изъявилъ свое согласіе и для чтенія пьесы порѣшили собраться въ квартиру режиссера А. Ф. Богданова, знакомаго Гоголю еще въ Москвѣ, такъ какъ Богдановъ былъ женатъ на родной сестрѣ М. С. Щепкина, а извѣстно, какъ близокъ былъ Гоголь къ дому Щепкина. Въ назначенный день актеры и актрисы, участвовавшія въ „Школѣ женщинъ", собрались у Богданова. Изъ неучаствовавшихъ актрисъ была приглашена только одна извѣстная артистка П. И. Орлова, а изъ постороннихъ театру лицъ одинъ Н. П. Ильинъ. Какъ прочихъ артистовъ, такъ и знакомыхъ Николая Васильевича не пригласили, изъ опасенія испугать Гоголя многолюдствомъ. Часовъ въ 8 вечера пришелъ Гоголь съ Соколовымъ. Войдя въ комнату и увидя столько незнакомыхъ лицъ, онъ замѣтно сконфузился; когда ему стали представлять всѣхъ присутствующихъ, то онъ совершенно растерялся, вертѣлъ въ рукахъ шляпу, комкалъ перчатки, неловко раскланивался и нечаянно увидавъ меня, —человѣка уже знакомаго ему, —быстро подошелъ ко мнѣ и какъ-то нервически сталъ жать мнѣ руку, отчего я въ свою очередь окончательно сконфузился. Впрочемъ, замѣшательство Гоголя продолжалось не долго. Какъ только окончилась скучная церемонія взаимнаго представленія, каждый сталъ продолжать прерванный разговоръ, поднялся общій говоръ, шумъ, смѣхъ, какъ будто между ними и не было *великаго* человѣка!... Замѣтивъ, что на него не смотрятъ, какъ

на чудо-юдо, что, повидимому, никто не собирается записывать его словъ, движеній, Гоголь совершенно успокоился, оживился и пошла самая одушевленная бесѣда между нимъ, Л. С. Богдановой, П. И. Орловой, Соколовымъ, Ильинымъ и всякимъ, кто только находилъ что сказать. Русскіе и малороссійскіе анекдоты, поговорки, прибаутки такъ и сыпались! Послѣ чаю, всѣ усѣлись вокругъ стола, за которымъ сидѣлъ Гоголь; водворилась тишина и Гоголь началъ чтеніе „Школы женщинъ". По совѣсти могу сказать—такого чтенія я до сихъ поръ не слыхивалъ. По истинѣ, Гоголь читалъ мастерски, но мастерство это было особаго рода, не то, къ которому привыкли мы, актеры. Чтеніе Гоголя рѣзко отличалось отъ признаваемаго при театрѣ за образцовое отсутствіемъ малѣйшей эффектности, малѣйшаго намека на декламацію. Оно поражало своей простотой, безъискуственностью и хотя порою, особенно въ большихъ монологахъ, оно казалось монотоннымъ и иногда оскорблялось рѣзкимъ удареніемъ на цезуру стиха, но зато мысль, заключенная въ рѣчи, рельефно обозначалась въ умѣ слушателя и, по мѣрѣ развитія дѣйствія, лица комедіи принимали плоть и кровь, дѣлались лицами живыми, со всѣми оттѣнками характеровъ. Впослѣдствіи, на одномъ изъ вечеровъ у Оттона (о которомъ рѣчь впереди), Гоголь читалъ свою „Лакейскую", и лицо дворецкаго еще до сихъ поръ передо мной какъ живое. Перенять манеру чтенія Гоголя, *подражать* ему, — было-бы невозможно, потому что все достоинство его чтенія заключалось въ удивительной вѣрности тону и

характеру того лица, рѣчи котораго онъ передавалъ, въ поразительномъ умѣньи подхватывать и выражать жизненныя, характерныя черты роли, въ искусствѣ оттѣнять одно лицо отъ другаго, т. е. въ томъ, что въ сценическомъ искусствѣ называется созданіемъ характера, типа. Тутъ подражанію не можетъ быть мѣста,—тутъ возможно только сознательное усвоеніе взгляда на данный характеръ, облегченіе въ пониманіи поэтическаго произведенія, ознакомленіе съ пріемами, при помощи которыхъ должно приступать къ изученію или созданію роли. Таковъ, по моему мнѣнію, идеалъ сценическаго учителя... Такой учитель не довольствовался-бы чтеніемъ съ его голоса, рутиннымъ умѣньемъ повышать и понижать голосъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, и ловкимъ употребленіемъ разъ навсегда установленныхъ эффектовъ, и потребовалъ-бы вѣрнаго олицетворенія мысли автора, созданія въ опредѣленной формѣ, со всѣмъ жизненнымъ разнообразіемъ чертъ созданнаго поэтомъ типа. Чтеніе часто прерывалось замѣчаніями какъ со стороны Гоголя, такъ и со стороны слушателей, а между тѣмъ пять дѣйствій комедіи были прочитаны незамѣтно. Вечеръ закончился ужиномъ, составленнымъ, ради Гоголя, почти исключительно изъ малороссійскихъ блюдъ. Чрезъ нѣсколько дней, когда уже роли у актеровъ изъ „Школы женщинъ" были тверды, Николая Васильевича пригласили въ театръ на репетицію и, не смотря на свое обыкновеніе ранѣе четвертаго часа изъ дому не выходить, онъ пришелъ на репетицію въ 10 ч. Кромѣ участвовавшихъ въ пьесѣ, на сценѣ никого не было. Гоголь внимательно вы-

слушалъ всю пьесу и, по окончаніи репетиціи, каждому изъ актеровъ, по очереди, отводя ихъ въ сторону, высказалъ нѣсколько замѣчаній, требуя исключительно естественности, жизненной правды; но вообще одобрилъ всѣхъ играющихъ; госпожею Шубертъ (Агнеса) онъ остался особенно доволенъ, но былъ серьезенъ, сосредоточенъ, ежился, кутался въ шинель и жаловался на холодъ, который, какъ извѣстно, дѣйствовалъ на него неблагопріятно. Да и самъ по себѣ театръ днемъ, тускло освѣщаемый однимъ дневнымъ свѣтомъ, съ прибранными декораціями, на мѣстѣ которыхъ остаются однѣ голыя кулисы, словно остовы, съ безмолвной, погруженной въ полумракъ зрительной залой, въ которой какъ-то дико раздаются голоса говорящихъ на сценѣ,—способенъ нагнать тоску на впечатлительнаго человѣка. Въ день представленія „Школы женщинъ", а также и въ бенефисъ Богданова, въ который шла „Лакейская", Гоголь, не смотря на свое обѣщаніе придти въ театръ, однако, не былъ... Въ кругу театральныхъ Гоголь былъ еще разъ у П. И. Орловой на вечерѣ, устроенномъ ею нарочно для Николая Васильевича, выразившемъ однажды желаніе поѣсть русскихъ блиновъ, которыми Прасковья Ивановна, какъ москвичка, и вызвалась его угостить. Гоголь съ большимъ аппетитомъ ѣлъ блины, похваливалъ, смѣшилъ другихъ и самъ смѣялся, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ нѣкоторыхъ, совершенно ему незнакомыхъ, господъ, внимательно вслушивался въ ихъ разсказы, разспрашивалъ самъ объ особенностяхъ мѣстной жизни, и меня съ любопытствомъ допрашивалъ о житьѣ-бытьѣ

одесскихъ лицеистовъ (въ то время мѣсто нынѣшняго Новороссійскаго университета занималъ Ришельевскій лицей), между которыми у меня было много знакомыхъ. Вообще къ молодежи Гоголь относился съ горячей симпатіей, которая сказалась мнѣ и въ разспросахъ меня о моей собственной жизни, о моихъ наклонностяхъ и стремленіяхъ и въ тѣхъ совѣтахъ, которыми онъ меня подарилъ. На вечерѣ у Орловой Гоголь оставался довольно поздно и все время былъ въ отличномъ расположеніи духа. Кромѣ этихъ исключительныхъ случаевъ, я бывалъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю въ обществѣ Гоголя на сходкахъ у Оттона*), въ той-же маленькой комнатѣ, въ которой я увидѣлъ его впервые, и куда Гоголь являлся обѣдать въ извѣстные, свободные отъ приглашеній, дни, раза два, три въ недѣлю. Гоголь приходилъ часовъ въ пять, иногда позднѣе, приходилъ серьезнымъ, разсѣяннымъ, особенно въ дни относительно холодные, но встрѣчали его обыкновенно такъ радушно, задушевно, что минутъ черезъ пять хандра Гоголя пропадала и онъ дѣлался сообщителенъ и разговорчивъ. Постоянными собесѣдниками Гоголя у Оттона были: профессоръ Н. Н. Мурзакевичъ, М. А. Моршанскій, А. Ф. Богдановъ, А. И. Соколовъ и Н. П. Ильинъ; иногда бывалъ еще кто-нибудь изъ общихъ знакомыхъ, но рѣдко. Я присутствовалъ въ этомъ кружкѣ въ качествѣ юноши, подающаго надежды. Изъ всѣхъ собесѣдниковъ Гоголя я скажу нѣсколько словъ только

*) Тотъ самый Оттонъ, одесскій рестораторъ, котораго прославилъ Пушкинъ въ своемъ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“.

о двухъ—о Соколовѣ и Ильинѣ, но ни того, ни другаго нѣтъ уже на свѣтѣ. Александръ Ивановичъ Соколовъ воспитывался въ московскомъ университетѣ и въ то время, о которомъ говорится, занималъ должность непремѣннаго члена одесскаго приказа общественнаго призрѣнія и директора русской драматической труппы въ Одессѣ. Собственно иниціативой Соколова, при содѣйствіи и ходатайствѣ бывшаго одесскаго военнаго губернатора Д. Д. Ахлёстышева, и была составлена дирекція русскаго театра въ Одессѣ, съ ежегоднымъ пособіемъ отъ города въ 8 т. р. До тѣхъ поръ бывали въ Одессѣ только труппы заѣзжія. Время директорства Александра Ивановича было блистательнымъ временемъ одесской сцены, которое болѣе не возвращалось и врядъ-ли возвратится. Довольно сказать, что во все время его директорства представителями русской труппы въ Одессѣ были такіе таланты, какъ П. И. Орлова, А. И. Шубертъ, С. В. Шумскій. Остальная труппа, составленная изъ бывшихъ воспитанниковъ петербургскаго и московскаго театральныхъ училищъ, по выбору Соколова, трудилась дружно и добросовѣстно подъ его руководствомъ. При его-же директорствѣ на одесской сценѣ одновременно гостили М. С. Щепкинъ, И. В. Самойлова, В. В. Самойловъ, В. И. Живокини. Трудно встрѣтить такое соединеніе первоклассныхъ талантовъ на провинціальной сценѣ (мѣсто Шумскаго, вызваннаго въ Москву, занялъ впослѣдствіи извѣстный провинціальный комикъ Соленикъ). Какъ любила и уважала Соколова вся труппа—трудно передать. Это былъ не начальникъ, а самый близ-

кій человѣкъ каждому изъ актеровъ. При страстной, глубокой, истинной любви къ искусству Соколовъ обладалъ полнымъ знаніемъ сцены и вѣрнымъ эстетическимъ чувствомъ въ оцѣнкѣ степени и характера таланта артиста. Удачу или неудачу актера, одобреніе или неодобреніе публики исполненію пьесы, Соколовъ принималъ къ сердцу также близко, какъ личное свое дѣло. Прибавьте: образованный, развитой умъ, мягкую, нѣжную благородную душу, невыразимую деликатность обращенія, почти юношескій жаръ въ вопросахъ искусства—и безграничная любовь актеровъ къ Александру Ивановичу будетъ понятна. Если-бы директоры театровъ обладали хотя половиною качествъ Соколова, то наши провинціальные театры имѣли-бы не то значеніе, которое они имѣютъ теперь. А. И. Соколовъ былъ болѣе или менѣе въ дружескихъ отношеніяхъ почти со всѣми извѣстными писателями сороковыхъ годовъ и профессорами московскаго университета. Николай Петровичъ Ильинъ, другъ и сотоварищъ Соколова, не занималъ въ Одессѣ никакого оффиціальнаго мѣста, но какъ образованный, начитанный,—живаго, хотя подъ часъ и парадоксальнаго, ума человѣкъ,—пользовался большой извѣстностью и общей любовью въ одесскомъ обществѣ того времени. Блестящій, увлекательный говорунъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ рѣдкой честности и превосходнаго сердца, онъ невольно привязывалъ къ себѣ каждаго, съ кѣмъ вступалъ въ сношенія. Самоотверженіе его въ дружбѣ не знало границъ; сама смерть его тому доказательствомъ: онъ былъ убитъ въ Кутаисѣ, въ

1857 году, стараясь защитить отъ ударовъ кинжаломъ бѣшенаго горца*) своею грудью князя А. И. Гагарина, бывшаго кутаисскаго генералъ-губернатора, при которомъ Ильинъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій и съ семействомъ котораго былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Соколовъ и Ильинъ переселились въ Одессу въ числѣ многихъ другихъ замѣчательныхъ молодыхъ людей въ блистательное время управленія Новороссійскимъ краемъ князя М. С. Воронцова, который, какъ извѣстно, любилъ окружать себя даровитой, образованной молодежью. Соколовъ и Ильинъ, со многими другими, въ числѣ которыхъ назову Льва Сергѣевича Пушкина, пользовались въ свое время большимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе Одессы, какъ въ дѣлѣ искусства, такъ и въ вопросахъ справедливости, и даже впослѣдствіи, не смотря на перемѣну обстоятельствъ, эти люди до конца своей жизни сохранили свободу слова и мнѣній, и свой авторитетъ. Вообще образованная молодежь, окружавшая князя Воронцова, много помогла развитію края. Воронцовское время вспоминается одесскими старожилами, какъ что-то баснословное по сравненію съ настоящимъ.

Съ приходомъ Гоголя, являлся самолично Оттонъ, массивный мужчина, въ бѣлой поварской курткѣ, съ симпатичнымъ лицомъ. Появленіе его производило общій восторгъ, такъ какъ онъ являлся только въ торжественныхъ случаяхъ. Съ подобающей важностью, съ примѣсью добродушнаго юмора, Оттонъ вступалъ съ Гоголемъ въ пе-

*) Князь Дадешкаліани.

реговоры, касательно меню его обѣда. Такое-то блюдо рекомендовалъ, такое-то подвергалъ сомнѣнію, на томъ-то настаивалъ, но увы!.. Всѣ его усилія склонить Гоголя къ вкушенію тончайшихъ совершенствъ кулинарнаго искусства пропадали даромъ и Гоголь составлялъ свой обѣдъ изъ простыхъ, преимущественно мясныхъ блюдъ. Оттонъ, тяжело вздохнувъ и пожимая плечами, удалялся для нужныхъ распоряженій. Передъ обѣдомъ Гоголь выпивалъ рюмку водки, во время обѣда рюмку хереса, а такъ какъ собесѣдники его никогда не обѣдали безъ шампанскаго, то послѣ обѣда —бокалъ шампанскаго. По окончаніи Гоголемъ обѣда, вся компанія группировалась около него и Николай Васильевичъ принимался варить жжонку, которую варилъ какимъ-то особеннымъ манеромъ—на тарелкахъ и, надо сознаться, жженка выходила превкусная, хотя самъ Гоголь и мало ее пилъ, часто просиживалъ цѣлый вечеръ съ одной рюмкой. Тутъ то собственно и начиналась бесѣда, веселая, одушевленная, безпритязательная. Анекдотъ слѣдовалъ за анекдотомъ, разсказъ за разсказомъ, острое слово за острымъ словомъ. Веселость Гоголя была заразительна, но всегда покойна, тиха ровна и немногорѣчива. Всѣ собесѣдники, какъ будто сговорясь, старались избѣгать всякаго намека на предметы, разговоръ о которыхъ могъ-бы смутить веселость Гоголя. Два раза было нарушено это правило: однажды я рискнулъ спросить его мнѣніе о современныхъ русскихъ литераторахъ, на что Гоголь отказался отвѣчать, ссылаясь на малое знакомство съ современной литературой, отозвавшись, впрочемъ, съ большой

симпатіей о Тургеневѣ. Въ другой разъ кто-то изъ присутствующихъ прямо и просто предложилъ ему вопросъ: „Чему должно приписать появленіе въ печати „Переписки съ друзьми?"—Такъ было нужно, господа,—отвѣчалъ Гоголь, вдругъ задумавшись и такимъ тономъ, который дѣлалъ неумѣстными дальнѣйшіе вопросы.

Иногда находили на него минуты задумчивости, разсѣянности, но весьма рѣдко; вообще-же мнѣ не привелось подмѣтить въ Гоголѣ, не смотря на частыя встрѣчи съ нимъ во время его пребыванія въ Одессѣ, ни одной эксцентрической выходки, ничего такого, что подавляло-бы, стѣсняло собесѣдника, въ чемъ проглядывало-бы сознаніе превосходства надъ окружающими; не замѣчалось въ немъ такъ-же ни малѣйшей тѣни самообажанія, авторитетности. Постоянно онъ былъ простъ, веселъ, общителенъ и совершенно одинаковъ со всѣми въ обращеніи. Новыхъ лицъ, новыхъ знакомствъ, онъ, дѣйствительно, какъ то дичился. Бывало, когда въ комнату, въ которой онъ обѣдалъ со своими постоянными собесѣдниками, входило незнакомое ему лицо, Гоголь замолкалъ и круто обрывалъ разговоръ. Но если присутствующіе встрѣчали вошедшаго дружески и радушно, Гоголь сейчасъ-же переставалъ дичиться и спокойно продолжалъ разговоръ. Если-же встрѣча вошедшему была оффиціально вѣжлива, то Гоголь уходилъ въ самого себя и рѣшительно не говорилъ ни слова, пока появившійся господинъ не скрывался. Говорилъ охотно Гоголь про Италію, о театрѣ, разсказывалъ анекдоты, большей частью малороссійскіе, слушалъ-же съ большимъ внима-

ніемъ всевозможные разсказы, особенно касавшіеся русской жизни; съ замѣтнымъ удовольствіемъ ловилъ въ разсказахъ характеристическія черты разныхъ сословій, съ любопытствомъ разспрашивалъ объ особенностяхъ одесской жизни, и, если предметъ его интересовалъ или былъ ему мало знакомъ, настойчиво добивался отъ разсказчика объясненія мельчайшей подробности, но самъ старательно избѣгалъ разговоровъ о литературѣ и самомъ себѣ. Не позволялъ себѣ никакихъ выводовъ изъ приводимыхъ фактовъ. Не могу, однако, не высказать, по поводу ихъ, двухъ—трехъ предположеній; Гоголя часто обвиняли въ самообожаніи, скрытности, замкнутости. Не проще-ли объяснить его сдержанность въ сношеніяхъ съ людьми условіями особенно петербургской жизни того времени, въ которой жилъ Гоголь? Кто не помнитъ, какъ осторожны, осмотрительны, сосредоточены были каждый и каждая въ Петербургѣ въ тѣ годы, даже съ лицами знакомыми. Не прерывалась-ли тамъ всякая бесѣда, всякій живой разговоръ при появленіи лица неизвѣстнаго? Петербургскій житель, даже въ провинціи, гдѣ языки и тогда работали гораздо свободнѣе, являлся всегда застегнутый на всѣ пуговицы; его сейчасъ можно было узнать, куда-бы онъ ни явился—въ театръ-ли, на гулянье-ли, или въ клубъ! Съ другой стороны, кому тоже не извѣстно, какъ жадно большинство читающаго русскаго люда сороковыхъ годовъ ловило каждую подробность, каждую черту изъ частной жизни общественныхъ дѣятелей того времени, особенно писателей, даже не такого размѣра, какъ Гоголь.

По обстоятельствамъ, извѣстнымъ каждому, печатное слово принималось болѣе или менѣе оффиціально, каждый, кто какъ умѣлъ, старался читать между строкъ. Отсюда развита, какъ нигдѣ, страсть къ письменной литературѣ, отсюда-же и жажда къ разузнаванію частной жизни вліятельнаго писателя, желаніе, часто назойливое, вызвать сокровенное мнѣніе писателя о данномъ предметѣ. Отговоркой: „Я высказываю свое мнѣніе печатно“ — нельзя было отдѣлаться отъ любознательности публики: она хотѣла знать именно то, что печатно не высказывалось. Боже мой! какихъ исторій, разсказовъ, анекдотовъ не ходило въ публикѣ того времени про Бѣлинскаго, Тургенева, Некрасова, Ѳ. Достоевскаго и др!.. Гоголь безъ всякаго самообожанія могъ знать, что каждая подробность о его жизни полна интереса для общества, что каждое слово, сказанное о комъ-нибудь или о чемъ-нибудь, непремѣнно подхватится, разнесется и можетъ получить такое значеніе, котораго онъ и не думалъ ему давать.

Надо взять въ соображеніе, что, кромѣ той части общества, которая дѣйствовала на различныхъ поприщахъ оффиціальной и публичной жизни, и на которую, за немногими исключеніями, передовые люди того времени и проводившіяся ими идеи имѣли весьма ограниченное вліяніе, въ большинствѣ возбуждая даже злобу и ненависть, — кромѣ этой части общества — выдвигалась на жизненной аренѣ другая публика, новое общество, только еще готовившееся дѣйствовать. Я говорю про молодежь, преимущественно недостаточную, даже бѣдную, трудившуюся и учившу-

юся въ одно и тоже время. Вотъ эта-то новая публика съ жадностью ловила каждую подробность изъ жизни любимаго писателя, и вотъ на эту-то публику, къ слову сказать, литература сороковыхъ годовъ имѣла огромное и благотворное вліяніе. Помню я эти годы, помню сколько знакомыхъ обѣжишь, бывало, во сколько кондиторскихъ забѣжишь въ первыхъ числахъ мѣсяца, чтобы только имѣть возможность прочитать вышедшую въ свѣтъ новую книжку „Отечественныхъ Записокъ". Съ какимъ терпѣніемъ, съ какою странною тоской сидишь, бывало, часа два-три въ кондиторской, медленно прихлебывая холодный чай, въ ожиданіи пока освободится завѣтная книжка.... и когда попадется она въ руки, прежде всего, разумѣется, съ жадностью читаешь статьи Бѣлинскаго, узнававшіяся какимъ-то чутьемъ, если можно такъ выразиться, такъ какъ Бѣлинскій подъ статьями не подписывался. Помню также, какое торжество бывало, когда учитель словесности, довольный учениками, приноситъ книжку „Отечественныхъ Записокъ" со статьей Бѣлинскаго: какъ береглась эта книжка! Сколько разъ перечитывалась! Какую энергію и жажду къ труду возбуждали разсказы о труженнической, почти мученической жизни Бѣлинскаго... Его неутомимая дѣятельность, несмотря на всевозможныя препятствія, его твердость въ перенесеніи различныхъ невзгодъ, преслѣдованій и физическихъ болѣзней, его страстная, гуманная, нѣжная душа, сквозившая въ статьяхъ, имѣли чарующее вліяніе на молодыя, воспріимчивыя сердца... Это вліяніе на многихъ осталось на всю жизнь...

Многихъ знаю я, которые до сихъ поръ, уже потертые, помятые жизнью, безъ умиленія не могутъ произнести имени Бѣлинскаго, и продолжаютъ честно трудиться во имя его... Мнѣ кажется, литература еще мало знаютъ о размѣрѣ вліянія на ту часть средняго, образованнаго общества, которое въ литературѣ не высказывается, мемуаровъ о себѣ не ведетъ и вообще таитъ про себя свои сокровенныя убѣжденія, руководясь только ими въ своихъ дѣйствіяхъ на жизненномъ поприщѣ. Возвращаюсь къ Гоголю. Я лично, при встрѣчахъ съ нимъ, не замѣтилъ въ немъ ни проявленія колоссальной гордости, ни самообожанія — скорѣе въ немъ замѣчались робость, неувѣренность, какая-то нерѣшительность — какъ въ сужденіяхъ о какомъ нибудь предметѣ, такъ и въ сношеніяхъ съ людьми... Слабости къ аристократическимъ знакомствамъ, въ это время, въ немъ тоже не было замѣтно... Сколько мнѣ случалось видѣть, съ людьми наименѣе значущими Гоголь сходился скорѣе, проще, былъ болѣе самимъ собою, а съ людьми, власть имѣющими, застегивался на всѣ пуговицы.

Жилъ Гоголь, въ Одессѣ, за Сабанѣевымъ мостомъ, въ домѣ Трощинскаго, гдѣ мнѣ привелось быть у него одинъ разъ. Выходилъ онъ изъ дому, по его словамъ, не ранѣе четвертаго часа и гулялъ до самаго обѣда. Изъ его-же словъ знаю, что онъ часто посѣщалъ семейства: князей Рѣпнина и Д. И. Гагарина.

Постоянный костюмъ Гоголя состоялъ изъ темно-коричневаго сюртука, съ большими бархат-

ными лацканами; жилетъ изъ темной съ разводами матеріи и темныхъ брюкъ; на шеѣ красовался шарфъ съ фантастическими узорами, или просто обматывалась черная шелковая косынка, зашпиленная крестъ на крестъ обыкновенной булавкой; иногда на галстукъ выпускались отложные, отъ сорочки, остроугольные воротнички. Шинель коричневая, на легкой ватѣ, съ бархатнымъ воротникомъ. Въ морозные дни енотовая шуба. Шляпа-цилиндръ съ конусообразной тульей. Перчатки черныя. Голосъ у Гоголя былъ мягкій, пріятный; глаза проницательные... впрочемъ, наружность его извѣстна. За нѣсколько дней до отъѣзда Гоголя изъ Одессы, на второй или на третьей недѣлѣ Великаго поста, постоянные собесѣдники Гоголя у Оттона давали ему тамъ-же прощальный обѣдъ. День выдался солнечный и Гоголь пришелъ веселый. Поздоровавшись со всѣми, онъ замѣтилъ, что недостаетъ одного изъ самыхъ замѣтныхъ, постоянныхъ его собесѣдниковъ — Ильина. „Гдѣ-же Николай Петровичъ?“—спросилъ Гоголь у Соколова. „Да ночью ему что-то попритчилось... захворалъ... шибко хватило, и теперь лежитъ.“

Внезапная болѣзнь Ильина видимо произвела дурное впечатлѣніе на Николая Васильевича, и хотя онъ старался быть и любезнымъ, и разговорчивымъ, но это ему не удавалось. Разсѣянность и задумчивость, въ которыя онъ часто погружался, сообщались и остальному обществу и потому обѣдъ прошелъ довольно грустно. Послѣ обѣда Гоголь предложилъ пойти навѣстить Ильина. Всѣ охотно согласились и отправились всей компаніей. Ильина нашли уже выздоравливающимъ.

Гоголь сказалъ ему нѣсколько сочувственныхъ словъ и тутъ-же хотѣлъ распрощаться со всѣми нами; но мы единодушно выразили желаніе проводить его до дому. Вышли вмѣстѣ. Гоголь былъ молчаливъ, задумчивъ и на половинѣ дороги къ дому, на Дерибасовской улицѣ, снова сталъ прощаться... никто не рѣшился настаивать на дальнѣйшихъ проводахъ. Гоголь на прощаньи подтвердилъ данное прежде обѣщаніе — на слѣдующую зиму пріѣхать въ Одессу. „Здѣсь я могу дышать. Осенью поѣду въ Полтаву, а къ зимѣ и сюда... не могу переносить сѣверныхъ морозовъ... весь замерзаю и физически, и нравственно“. Простился съ каждымъ тепло; но и онъ, и каждый изъ насъ, цѣлуясь прощальнымъ поцѣлуемъ, были какъ-то особенно грустны... Гоголь пошелъ, а мы молча стояли на мѣстѣ и смотрѣли ему вслѣдъ, пока онъ не завернулъ за уголъ. Не суждено намъ болѣе его видѣть. Чрезъ годъ Гоголя не стало.

Толченовъ.

Выдержка изъ брошюры „День памяти Пушкина“,

Одесса, 6/26 Іюня 1880 г.

въ Императорскомъ Новорос. университетѣ.

(Стр. 46—50).

.... взошелъ на каѳедру одинъ изъ старожилъ одесскихъ, г. Тройницкій, послѣдній ораторъ дня. По приглашенію того-же Славянскаго Общества, г. Тройницкій имѣлъ произнести свое

стихотворенiе, посвященное воспоминанiю о встрѣчѣ съ Гоголемъ, младшимъ современникомъ и и другомъ Пушкина, въ Одессѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ.

Раньше, чѣмъ произнести свое стихотворенiе. г. Тройницкiй сказалъ нѣсколько живыхъ словъ, вспоминая обстоятельства, вызвавшiя его музу.

„Честью находиться и говорить здѣсь я—началъ г. Тройницкiй – обязанъ случайному обстоятельству. У меня сохранилось стихотворенiе неизвѣстнаго въ литературѣ автора, посвященное Гоголю, въ память знакомства съ нимъ, при возвращенiи его изъ Италiи. Такъ какъ въ стихотворенiи встрѣчается нѣсколько стиховъ объ отношенiяхъ Пушкина къ Италiи, о его творчествѣ и смерти, то распорядители праздника и пожелали, чтобы стихотворенiе было прочтено сегодня. Вотъ поводъ и оправданiе, почему я читаю вещь, только косвенно относящуюся къ настоящему торжеству.

Братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, былъ замѣчательно остроумный человѣкъ и феноменальной памяти. Онъ зналъ на память и превосходно читалъ всѣ ходившiе тогда въ рукописи русскiе стихи. Онъ и познакомилъ автора съ Гоголемъ.

Послѣ продолжительнаго пребыванiя въ Италiи, Гоголь, по прибытiи въ Одессу, отправился съ парохода прямо въ карантинъ, котораго въ ту пору не могъ миновать ни одинъ пассажиръ изъ заграницы. *) Левъ Сергѣевичъ съ нашимъ авторомъ отправились въ карантинъ, гдѣ на ихъ звонокъ вышелъ изъ своего нумера Гоголь. Физiономiя Гоголя при первомъ взглядѣ на него, поражала своимъ саркастическимъ выраженiемъ. Онъ разсѣянно перебиралъ четками и привѣтствовалъ навѣстившихъ его знакомъ своей руки. Его отдѣляли отъ посѣтителей четверныя проволочныя рѣшетки на довольно значительное пространство, такъ что разговаривать окызывалось довольно неудобнымъ. Явственно доносился только плескъ береговой волны, а по ту сторону залива какъ-бы трепетала въ струяхъ знойнаго миража прилегающая къ морю степь.

*) Гоголь прибылъ сюда на русскомъ пароходѣ, въ сопровожденiи г. Базили.

Гоголь не разъ заходилъ къ автору стихотворенiя и Льву Сергѣевичу, въ домъ Крамаревой, на Дерибасовской, гдѣ они оба квартировали.

Гоголь вспоминалъ объ Италiи, о Пушкинѣ, о порядкахъ въ отечествѣ, о новѣйшихъ явленiяхъ въ русской литературѣ и разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Вообще ему было привольнѣе въ дружескомъ кружкѣ, чѣмъ въ большомъ обществѣ. Гоголь проживалъ у Сабанѣева моста, во флигелѣ дома, нынѣ принадлежащаго графинѣ Толстой, въ двухъ комнаткахъ. Въ одной изъ нихъ стоялъ только круглый ясеневый столъ, на котором лежала одна книжечка – Новый завѣтъ, на греческомъ языкѣ. Въ другой—кровать, два стула и у окна ясеневая конторка, на которой лежала толстая тетрадь и полулистъ. Гоголь уже находился тогда подъ разъѣдающимъ настроенiемъ того мистицизма, изъ котораго, повидимому, онъ и самъ не усматривалъ выхода, и который натолкнулъ его на злополучную рѣшимость сжечь

вторую часть „Мертвыхъ Душъ“ и ускорилъ его смерть.

Воспоминанія о знакомствѣ и бесѣдахъ съ Гоголемъ выразились въ слѣдующемъ стихотвореніи (приводимъ отрывокъ, имѣющій отношеніе къ Одессѣ).

. . . .
Ты, на пути въ свой край родимый,
На скиѳскій берегъ нашъ ступилъ,
И міръ иной, родной картиной,
Тебя отвсюду окружилъ.
Перебирая молча четки,
Ты намъ привѣтъ послалъ рукой
Сквозь карантинныя рѣшетки,
И здѣсь мы встрѣтились съ тобой:
Братъ знаменитаго поэта *)
Да я—ни чѣмъ не именитый,
Да ты—зашелецъ знаменитый.
Горячимъ воздухомъ одѣта,
Виднѣлась цѣпь черезъ заливъ;
Волны рокочущей отливъ
До слуха чутко доносился,
Пока ты съ нами не простился.

* * *

Былъ ясный день, и зной томилъ,
Когда ты кровъ мой посѣтилъ.
И незамѣтно время мчалось,
И многое припоминалось
Про зарубежный жизни строй,
И намъ присущій бытъ родной
И про твои *съ поэтомъ* встрѣчи.
О немъ—владыкѣ русской рѣчи,
Высокомъ, искреннемъ пѣвцѣ,
Въ терново-лавровомъ вѣнцѣ

*) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Унесшимъ въ глубь своей могилы
Такія творческія силы,
Намъ грустно было вспоминать
И раны сердца растравлять.

* * *

Ни люстръ, висящихъ съ потолка,
Ни бронзъ, ни утвари красивой,
Въ укромной сѣни уголка,
Когда въ Одессѣ суетливой
Ты проживалъ, я не видалъ.
О нихъ ты мало помышлялъ.
Всего двѣ горенки: въ одной
Завѣтъ Спасителя, въ другой—
Гдѣ воплощалась мысль твоя,
Лежала рукопись. Въ ея
Потомъ сожженные листы
Ты заносилъ свои мечты,
И думалъ ты, что трудъ упорный,
Многострадальный, плодотворный,
Свершенъ. Одинъ ударъ рѣзца
До вождѣленнаго конца,
Тѣбѣ, казалось, оставался.
И ты простился и разстался,
Разстался съ нами навсегда...
. . . .

Воспоминанія протоіерея Матѳея Веселовскаго.

I.

О лиманахъ Куяльницкомъ и Хаджибейскомъ.

Мои воспоминанія объ Одесскихъ лиманахъ доходятъ до 1841 года. А между тѣмъ, цѣлебность этихъ лимановъ, какъ видно, была извѣстна очень давно. Въ 1828 году Императрица Александра Ѳеодоровна, въ бытность свою въ Одессѣ во время войны Россіи съ турками, посѣщала дачу Десмета, нынѣ паркъ, какъ замѣчательную своими розами. Изъ этого видно, что застроеніе дачами лимановъ въ то время уже процвѣтало. Дачи преимущественно строились по южной сторонѣ лимановъ. Сѣверная сторона была заселена на Хаджибейскомъ лиманѣ двумя-тремя деревеньками, а на Андреевскомъ—нѣмцами-колонистами. На западной сторонѣ обоихъ лимановъ расположилось нѣсколько помѣщичьихъ усадебъ. О цѣлебности лимановъ сообщилъ мнѣ старожилъ гор. Одессы, имѣвшій дачу на западной сторонѣ

Хаджибейскаго лимана, Захарій Киріаковичъ Ставро, что онъ, по совѣту окрестныхъ мужиковъ-старожиловъ, страдая ногами, приказалъ вырыть яму въ нѣсколько аршинъ въ квадратѣ, глубиною до 1½ аршина. Этотъ резервуаръ онъ выложилъ досками и приказалъ наполнить водою изъ лимана. Купанье въ этой водѣ, подвергавшейся сильному испаренію отъ солнечныхъ лучей, онъ могъ производить не болѣе 5—6 дней, затѣмъ вода дѣлалась такой плотной и сильной и такъ рѣзала и щипала тѣло, что приходилось перемѣнять воду. Двухмѣсячное купанье въ этомъ резервуарѣ совершенно возстановило его ноги. Кромѣ того, практиковалось зарываніе въ песокъ, для чего прямо на берегу вырывалась неглубокая канава, которая оставлялась на время подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей; затѣмъ, въ то время, когда мокрый песокъ еще не совсѣмъ высыхалъ, въ эту канаву клали больнаго и засыпали пескомъ по шею, оставляя въ такомъ положеніи по нѣсколько часовъ.

Докторомъ Андреевскимъ была открыта цѣлебность Куяльницкаго лимана въ 1834 году и съ этого времени лиманъ сталъ называться Андреевскимъ. Въ 1841 году было обращено вниманіе на цѣлебность лимановъ и тогда-же приказомъ общественнаго призрѣнія былъ устроенъ на Андреевскомъ лиманѣ камышевый баракъ безъ потолка, крытый камышемъ, для помѣщенія двадцати больныхъ. При открытіи этого перваго лечебнаго заведенія я былъ приглашенъ освятить его въ присутствіи губернатора Ахлестышева, членовъ приказа, старшаго врача больницы Баленъ-де-Балю

и секретаря Врето. Больные пользовались только купаньемъ въ лиманѣ. Баракъ этотъ просуществовалъ всего одинъ годъ. По жалобѣ окрестныхъ дачевладѣльцевъ на безцеремонность больныхъ, отправлявшихся купаться изъ барака въ лиманъ и по дорогѣ раздѣвавшихся, приказомъ общественнаго призрѣнія лиманная лечебница была переведена съ Андреевскаго лимана на Хаджибейскій, который тоже въ это время былъ признанъ лечебнымъ, для чего была нанята дача Кальсберга, нынѣ Вернера, смежная съ паркомъ. Больные купались въ лиманѣ, который тогда былъ гораздо ближе. На этой дачѣ стали примѣнять уже грязь. Такъ какъ между этой дачей и лиманомъ была ложбина, наполнявшаяся во время дождей водой, то по окраинамъ этой ложбины было много грязи, гдѣ были разставлены деревянные ящики со стеклянными крышами. Грязь нагрѣвалась солнечными лучами. Въ эти ящики клали больныхъ на нѣсколько часовъ, послѣ чего обмываніе производилось въ самомъ лиманѣ. Такой способъ леченія производился года два или три. Затѣмъ устроены были для пользованія грязями корыта на самой дачѣ Кальсберга. По иниціативѣ смотрителя больницы, Майбороды, тамъ часто по праздникамъ совершаемы были мною молитвословія, пѣлись молебны, акаѳисты.

Когда общественное управленіе стало завѣдывать богоугодными заведеніями, то имъ была куплена съ торговъ за 12,000 руб. сер., по иниціативѣ попечителя Зарифи, дача Волохова, бывшая городскаго садовника Десмета, и грязелечебное заведеніе на Хаджибейскомъ лиманѣ стало

постепенно усовершенствоваться и, наконецъ, получило свой настоящій видъ. Врачами, завѣдывавшими заведеніемъ съ самаго его основанія, были Серединскій, Бертензонъ, Конопакъ, Яковлевъ, Григоровичъ, Сморчевскій, Мочутковскій, Акинъ, Грумбергъ, Зоринъ, Врублевскій и Чаушанскій. Кромѣ этого заведенія, лѣтъ 15 тому назадъ устроена самостоятельная еврейская грязелечебная больница. Существуетъ также около 40 лѣтъ, если не болѣе, дѣтскій пріютъ, но тамъ, кажется, дѣти только проводятъ лѣто. Извѣстно мнѣ также, что въ прежнее время лѣто проводилъ на лиманѣ и институтъ благородныхъ дѣвицъ, нанимая для этого помѣщеніе на дачѣ Дидрихса, нынѣ Звонарева. Частныхъ лечебницъ на Хаджибейскомъ и на Андреевскомъ лиманахъ, сколько мнѣ извѣстно, три: на Хаджибейскомъ — Друта, на Андреевскомъ—больница доктора Бертензона и доктора Яхимовича. Для леченія лиманомъ больные избирались большею частью изъ среды пользующихся въ больницѣ. Старшій врачъ по временамъ наѣзжалъ для наблюденія за пользованіемъ.

II.

О Безыменной площади.

Безъименная площадь находится на Херсонской улицѣ, близъ городской больницы. Мѣсто это прежде принадлежало греку-бѣдняку. На немъ разведенъ былъ садъ и небольшой домикъ. Грекъ-бѣднякъ тяготился этимъ мѣстомъ и болѣе потому, что на его обязанности лежало содержать

въ чистотѣ улицу, которыя тогда мостились щебнемъ, при сырости превращавшимся въ грязь, и домовладѣлецъ-грекъ собственными руками долженъ былъ собирать эту грязь и вывозить на чумную гору. Это заставило грека продать все это мѣсто Нарышкину за 8 тысячъ рублей ассигнаціями. Нарышкинъ нѣсколько времени выпасалъ на этомъ мѣстѣ лошаковъ, верблюдовъ, муловъ и дойныхъ коровъ. Впослѣдствіи, по совѣщаніи съ генералъ-губернаторомъ М. С. Воронцовымъ, Нарышкинъ продалъ это мѣсто городу для устройства на немъ площади съ магазинами кругомъ. Площадь эта необходима была потому, что въ то время хлѣбъ доставлялся въ городъ на воловыхъ подводахъ и городъ во время привоза буквально былъ запруженъ подводами такъ, что отъ нихъ ни проходу, ни проѣзду не было. Такимъ образомъ возникшая площадь стала наполняться подводами съ хлѣбомъ. Когда хлѣбъ сталъ поставляться вагонами, то и площадь потеряла свое значеніе.

III.

О чумѣ 1838 года.

Чума 1838 года занесена была въ городъ досмотрщикомъ карантина, у котораго умершее дитя отъ чумы погребалъ священникъ Покровской церкви, Бочаровъ. Принесеннымъ съ погребенія платочкомъ онъ занесъ чуму и въ семью свою. Когда заболѣли дѣти священника, тогда только узнали, что это чума. Послѣ этого приняты были мѣры: оцѣпленъ былъ городъ и спеціально дворъ

и все жилье Покровской церкви; донесено было градоначальникомъ Левшинымъ въ Петербургъ, но тутъ сдѣлана была ошибка: посланный пакетъ не былъ подвергнутъ окуркѣ. Говорятъ, покойный Императоръ Николай Павловичъ, получивъ донесеніе безъ окурки, три дня никого не допускалъ къ себѣ изъ опасенія подвергнуть заразѣ. Другая ошибка была сдѣлана посылкою парохода въ Крымъ къ генералъ-губернатору Воронцову, который сказалъ: „Чума въ Одессѣ, и въ Крымъ ее привезли".

Съ пріѣздомъ Воронцова закрыто было богослуженіе во всѣхъ церквахъ Одессы, заболѣвшихъ чумою отправляли въ Карантинъ. По поводу пропуска чумы наряжено было слѣдствіе, результатомъ чего было удаленіе врачей изъ Карантина. Градоначальникъ Левшинъ переведенъ былъ въ Иркутскъ. Когда на мѣсто его явился графъ Толстой и жители города обратились къ нему съ просьбою, чтобы онъ снялъ оцѣпленіе города, то онъ отвѣтилъ имъ, что забылъ ключи въ Петербургѣ.

Разсказъ о пребываніи въ Одессѣ Царской Фамиліи

въ 1837 году,

записанный со словъ старожилки.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 г. Одесса была осчастливлена пріѣздомъ Государя Николая Павловича и Супруги Императрицы Александры Ѳеодоровны и почти всей Царской семьи, пробывшихъ въ нашемъ городѣ, проѣздомъ въ Крымъ, цѣлую недѣлю. Теперешніе жители Одессы, прозванной красавицей юга, не могутъ себѣ составить приблизительнаго понятія о томъ, что изъ себя представляла эта красавица въ эпоху, о которой я говорю. Я, какъ старожилка, прожившая болѣе 50 лѣтъ въ ней и слѣдившая въ этотъ полувѣковый періодъ ея жизни за ея ростомъ и развитіемъ, могу засвидѣтельствовать, что съ тѣхъ поръ она преобразилась не только во внѣшнемъ видѣ своемъ, но и во внутреннемъ складѣ жизни ея произошло значительное измѣненіе. Въ то доб-

рое старое время въ Одессѣ почти не было многоэтажныхъ домовъ, улицы были изрыты выбоинами и на нихъ стояла либо невылазная грязь, либо густая, ѣдкая пыль. Вмѣсто прекрасныхъ мостовыхъ, содержимыхъ въ чистотѣ и поливаемыхъ водой изъ водопроводовъ каучуковыми шлангами, единственнымъ дезинфекторомъ города былъ только извѣстный маіоръ Драгутинъ съ его арестантской командой, отличавшейся замѣчательной дисциплиной и отсутствіемъ случаевъ побѣговъ, столь не рѣдкихъ въ то время не только между арестантами, но и между солдатами. Государь во время осмотра тюремнаго замка выразился даже, что арестанты въ тюрьмѣ содержатся такъ хорошо, что, пожалуй, и солдаты его арміи могли-бы позавидовать имъ... Но если внѣшній видъ Одессы былъ въ ту пору неказистъ, то зато ни по складу своей внутренней жизни, ни по составу своего общества современная Одесса не можетъ идти въ сравненіе съ тогдашней. Свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ *) и супруга его Елисавета Ксаверіевна, урожденная графиня Браницкая, съумѣли привлечь въ Одессу аристократическія фамиліи и окружить себя блестящимъ обществомъ. Около нихъ составился какъ-бы маленькій дворъ, въ ко-

*) Въ то время онъ былъ еще графомъ. Мих. Пав. Щербининъ, управлявшій на Кавказѣ его канцеляріей и написавшій его біографію, впослѣдствіи сенаторъ и начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, разсказывалъ мнѣ, что когда пріѣхалъ изъ Петербурга курьеръ съ извѣстіемъ о пожалованіи Воронцову княжескаго достоинства, то онъ съ неудовольствіемъ принялъ это извѣстіе, сказавъ, что графскій титулъ имѣетъ для него больше цѣны. *А. Е.*

торомъ видную роль играла родственница княгини, графиня Шуазель. Кромѣ баловъ, даваемыхъ ими у себя во дворцѣ, княгиня еженедѣльно являлась со всей своей свитой въ англійскій клубъ на семейные вечера, куда, слѣдуя ея примѣру, являлось и все лучшее общество старой Одессы. Въ то время въ Одессѣ былъ градоначальникомъ Алексѣй Ираклiевичъ Левшинъ, приходившійся родственникомъ моему мужу, а такъ какъ мужъ мой былъ адъютантомъ при Воронцовѣ *), то мнѣ, естественно, приходилось много вращаться въ обществѣ и быть знакомой со всѣми лучшими представителями и представительницами его. Служебное положенiе мужа, а также и личная извѣстность Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, по Смольному монастырю, откуда я была выпущена за три года до того и гдѣ мы съ сестрою пользовались высокимъ расположенiемъ Государыни, дали мнѣ возможность участвовать во всѣхъ празднествахъ по случаю прiѣзда Царской Семьи, о чемъ я и хочу разсказать, насколько припомню.

Какъ я уже сказала, прiѣздъ Царской Семьи въ Одессу ожидался въ сентябрѣ мѣсяцѣ. За долго передъ тѣмъ кн. Воронцовъ поручилъ мужу моему и еще двумъ лицамъ — Папудову и состоящему при штабѣ полковнику Семякину—раздѣлить между собою заботу о составленiи программы празднествъ и вообще подготовить все необходимое

*) Мужъ разказчицы, Дмитрій Петровичъ Гав—ко, былъ богатымъ помѣщикомъ Полтавской губерніи. Онъ былъ впослѣдствіи губернскимъ предводителемъ дворянства и скончался въ званіи камеръ-юнкера двора. *А. Е.*

для прiема высокихъ гостей. Прежде, чѣмъ прибыть въ Одессу, Государь и Царская Семья остановились въ Вознесенскѣ, гдѣ были маневры всей южной кавалерiи, начальникомъ которой былъ графъ Витте, жившій въ Одессѣ, въ домѣ кн. Гагарина, гдѣ теперь коммерческій клубъ. Въ Вознесенскѣ дворянство давало роскошный балъ, и мужа моего Воронцовъ командировалъ туда, чтобы посмотрѣть, какъ тамъ все устроено и донести ему. Мнѣ очень хотѣлось сопровождать мужа туда, да и онъ охотно взялъ-бы меня съ собой, но теща воспротивилась и не пустила меня. Упоминаю объ этомъ, чтобы показать, до какой степени мы въ наше время повиновались старшимъ. Многiя-ли изъ нынѣшнихъ молодыхъ дамъ слѣдуютъ этому!.. Но вотъ насталъ, наконецъ, и день прiѣзда въ Одессу Царской Фамилiи. Кромѣ Государя Николая Павловича и Императрицы Александры Ѳеодоровны, остановившихся во дворцѣ кн. Воронцова, прибыли: Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ супругой своей Еленой Павловной, Великая Княжна Марiя Николаевна, герцогъ Лейхтенбергскій, нѣсколько иностранныхъ принцевъ и огромная свита. Для всѣхъ ихъ были отведены квартиры вблизи дворца. У насъ, въ нашемъ домѣ, на Екатерининской улицѣ (нынѣ домъ Бенетато) остановился молодой красавецъ, герцогъ Лейхтенбергскій. Онъ какъ разъ въ то время былъ женихомъ Марiи Николаевны и свадьба ихъ состоялась въ томъ-же году въ Москвѣ, по возвращенiи Царской Фамилiи изъ Крыма. Цесаревичу и В. К. Марьѣ Николаевнѣ были, конечно,

отведены покои при ихъ Августѣйшихъ родителяхъ, а Михаилъ Павловичъ съ Еленой Павловной жили въ домѣ, бывшемъ кн. Гагарина, на Софіевской улицѣ, нынѣ купленномъ и подаренномъ одесскимъ городскимъ головой, Г. Г. Маразли, городу для устройства музея.

Въ первый-же день пріѣзда вся Царская Фамилія была вечеромъ въ театрѣ, гдѣ въ то время подвизалась итальянская опера съ такимъ составомъ пѣвцовъ, какого больше никогда не было въ Одессѣ. Здѣсь у мѣста будетъ сказать, что Одесса въ этомъ случаѣ опередила не только провинціальные города Россіи, но и столицы, и въ то время, какъ въ Петербургѣ итальянская опера только стала зарождаться, въ Одессѣ она уже давно процвѣтала. Почему-же теперь нѣкоторые считаютъ Одессу антимузыкальнымъ городомъ?— вотъ чего я себѣ никакъ объяснить не могу!.. Но возвращаюсь къ прерванному. На парадный спектакль я была приглашена Левшиными въ ихъ градоначальническую ложу, которая находилась vis-à-vis съ Царской ложей.

При появленіи въ ней Императрицы мы, конечно, всѣ встали и она, окинувъ взглядомъ всю залу, остановила свой взоръ на нашей ложѣ и кивнула въ нашу сторону головой. Ни Левшина, ни ея дочери не хотѣли допустить, чтобы вниманіе Ея Величества относилось ко мнѣ, сколько я ихъ не увѣряла, но на другой день онѣ воочію убѣдились, что я была права. Я уже сказала, что мы съ сестрой пользовались особеннымъ вниманіемъ Государыни въ Смольномъ. Мы были под-

ругами игръ В. К. Маріи Николаевны, а отецъ нашъ, командовавшій сначала Волынскимъ полкомъ въ Варшавѣ, а потомъ тамъ-же 3-й Гвардейской пѣхотной дивизіей*), былъ любимецъ Цесаревича Константина Павловича и Великаго Князя Михаила Павловича. Благоволеніе къ нему было такъ велико, что когда бывало отъ Двора отправлялся курьеръ къ Цесаревичу въ Варшаву, то ему вмѣнялось въ обязанность заѣзжать передъ отъѣздомъ къ намъ въ Смольный монастырь за нашими дѣтскими письмами къ отцу. Неудивительно поэтому, что Императрица меня тотчасъ узнала въ театрѣ, и когда на другой день мы всѣ ей представлялись, то она, обойдя представлявшихся ей дамъ, а именно: вдову корпуснаго командира Сабанѣеву, генеральшу Стихъ, гр. Шуазель, кн. Гагарину, полковницу Шостакъ и барышень Потоцкую и двухъ Комаръ, уже подойдя къ кн. Гагариной, взяла меня за руку и все время разговора съ нею и Шостакъ, за которой я стояла по очереди, не выпускала мою руку изъ своихъ рукъ.

— Je t'ai réconnue à tes yeux?—сказала она, обращаясь ко мнѣ. И когда Воронцова сказала ей, что мужъ мой состоитъ адъютантомъ при ея мужѣ, то велѣла представить его ей на предстоящемъ балу, а затѣмъ, по окончаніи представленія, приказала мнѣ слѣдовать за нею въ кабинетъ. Здѣсь В. К. Марія Николаевна кинулась мнѣ на

*) Генералъ-лейтенантъ Дмитрій Семеновичъ Есаковъ былъ впослѣдствіи комендантомъ въ г. Вильнѣ и скончался въ отставкѣ въ г. Кременчугѣ. *А. Е.*

шею и мы долго бесѣдовали съ нею объ общихъ подругахъ нашихъ.

— Et comment va ton allemand? — спросила меня съ улыбкой Государыня.

Чтобы понять этотъ вопросъ, надо сказать, что нѣмецкій языкъ мнѣ никогда не давался и я получала въ Смольномъ дурные баллы изъ этого языка. Это было извѣстно Государынѣ изъ еженедѣльныхъ свѣдѣній, доставляемыхъ ей во дворецъ, объ успѣхахъ въ наукахъ всѣхъ насъ, смолянокъ. Но удивляться надо ея памяти, не забывшей о такомъ ничтожномъ обстоятельствѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ моего выхода изъ монастыря. Я заливалась слезами радости и была сильно взволнована, что дало поводъ В. К. Еленѣ Павловнѣ ласково потрепать меня по щекѣ во время представленія моего у нея и назвать меня „petite pleureuse“.

Блестящимъ баломъ закончились празднества пребыванія въ Одессѣ Царской Фамиліи. Этотъ балъ былъ данъ въ биржевомъ зданіи, къ которому были сдѣланы временныя деревянныя пристройки со стороны садика, отдѣляющаго зданіе это отъ теперешней публичной библіотеки. Внутреннее убранство залъ было великолѣпно. Всѣ колонны были обдѣланы позолоченнымъ трельяжемъ, по которому вились живыя виноградныя лозы съ гроздями винограда всѣхъ мѣстныхъ породъ. Будуаръ Императрицы былъ роскошно отдѣланъ турецкими шалями. Я танцовала съ С. В. Сафоновымъ въ одной кадрили съ Вел. Кн. Маріей Николаевной, танцовавшей съ своимъ женихомъ—герцогомъ Лейхтенбергскимъ, съ красавицей Щербиной, урожденной Штиглицъ, и фрейлиной Потемкиной. Очень многіе туалеты остались у меня въ памяти. Такъ, Императрица была въ пунцовомъ креповомъ платьѣ, передъ котораго былъ весь осыпанъ бриллiантовыми шатонами. Пунцовый цвѣтъ, какъ извѣстно, былъ любимымъ цвѣтомъ ея. В. К. Елена Павловна и В. К. Марія Николаевна были въ бѣлыхъ платьяхъ, графиня Воронцова была въ бѣломъ неразрѣзнаго бархата платьѣ. Государь танцовалъ съ нею польское, а потомъ уже съ Еленой Павловной и Маріей Николаевной. Фрейлина Потемкина была въ креповомъ платьѣ съ бутонами розъ; Щербинина—въ тюль-иллюзіонъ съ гирляндами розъ; я—въ розовомъ. Въ сторонѣ у колонны стояла, не принимая участія въ танцахъ, знаменитая Марья Антоновна Нарышкина, урожденная кн. Четвертынская, пользовавшаяся когда-то особеннымъ расположеніемъ Государя Александра Павловича. Она поселилась въ Одессѣ и жила въ домѣ на Николаевскомъ бульварѣ, что нынѣ называется дворцомъ, построенномъ по ея плану ея приближеннымъ д. с. с. Брозинымъ. На балу она держала себя съ достоинствомъ и я видѣла, какъ къ ней подходилъ Михаилъ Павловичъ и разговаривалъ съ нею, а затѣмъ и Наслѣдникъ, поцѣловавшій у нея при всѣхъ ручку.

По отъѣздѣ Царской Фамиліи, въ Одессѣ открылась чума, которая въ слѣдующемъ 1838 году поглотила много жертвъ. Говорили даже, что были случаи заболѣванія ею уже во время пребыванія въ городѣ Высокихъ Гостей. За такой

недосмотръ градоначальникъ Левшинъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Иркутскъ, куда онъ, однако, не поѣхалъ. Впослѣдствіи онъ, какъ извѣстно, былъ Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Сообщилъ

Анатолій Егоровъ.

Графъ А. Г. Строгановъ и графъ М. Д. Толстой
о
А. С. Пушкинѣ.

Графъ Строгановъ и графъ Толстой очень давно были извѣстны, почти каждому одесситу, и даже пріѣзжему на временное жительство сообщалось, что въ Одессѣ живутъ представители этихъ двухъ родовитыхъ фамилій Россіи. Одесса этими двумя русскими фамиліями, если можно такъ выразиться, какъ-бы гордилась.

Многіе изъ одесситовъ знали лично обоихъ графовъ, а до многихъ доходили разнаго рода разсказы о ихъ характерахъ и наклонностяхъ.

Я еще съ дѣтства зналъ о томъ, что въ Одессѣ живутъ двѣ фамиліи графовъ, часто я ихъ видалъ на улицѣ или на бульварѣ, но лично я имѣлъ возможность лишь разъ во всю свою жизнь съ ними говорить и тогда я на самомъ себѣ испыталъ то, о чемъ я лишь слыхалъ объ этихъ двухъ представителяхъ русскихъ магнатовъ.

Событіе, о которомъ я хочу разсказать, связано съ именемъ того, передъ которымъ нынѣ благоговѣетъ вся Россія и имя котораго весьма дорого для гражданъ г. Одессы.

Дѣло касалось сооруженія памятника А. С. Пушкину, которымъ нынѣ украшается Николаевскій бульваръ.

Исторія сооруженія этого памятника хотя и весьма длинная, но ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ. Какъ обыкновенно, вначалѣ взялись горячо за дѣло, потомъ большинство остыло и послѣ долгаго перерыва, который наполненъ былъ лишь одними добрыми пожеланіями, идея сооруженія памятника начала получать реальное осуществленіе лишь въ 1887 г.

Еще въ 1881 г. было получено Высочайшее разрѣшеніе о сборахъ пожертвованій на памятникъ, а также было указано и мѣсто, гдѣ памятникъ долженъ быть поставленъ, даже и проектъ былъ уже премированъ, но дѣло не двигалось ровно до 11 октября 1886 г., когда коммисія по сооруженію памятника, слагая съ себя обязанность продолжать дѣло, просила Правленіе Славянскаго Общества созвать соединенное присутствіе Правленія Славянскаго Общества и Коммисіи для разрѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ веденіи дѣла по сооруженію памятника и о средствахъ къ осуществленію этого дѣла.

Я былъ въ то время предсѣдателемъ Славянскаго Общества. Такъ какъ 29 января 1887 года должно было исполниться 50 лѣтъ со дня смерти А. С. Пушкина, то я предложилъ не оставлять начатаго дѣла, а продолжать его и, какъ урожє-

нецъ г. Одессы, предложилъ свои услуги всецѣло заняться этимъ дѣломъ.

Само собою понятно, что прежде всего необходимо было организовать сборъ пожертвованій. Для этой цѣли были заказаны особенные подписные листы, розданы въ весьма значительномъ количествѣ гг. членамъ Общества, которые и приступили къ сбору пожертвованій среди своихъ знакомыхъ и друзей, — я-же, какъ предсѣдатель Общества, считалъ нужнымъ, вмѣстѣ съ другими лицами, побывать лично у болѣе или менѣе выдающихся гражданъ г. Одессы и лично просить о пожертвованіи.

Единственно съ этою цѣлью я и былъ у графа Строганова и у графа Толстого вмѣстѣ съ С. И. Знаменскимъ (нынѣ предсѣдатель Славянскаго Общества, а тогда товарищъ предсѣдателя).

Объ этихъ моихъ визитахъ я и хочу разсказать.

Я очень много слыхалъ о разныхъ весьма своеобразныхъ взглядахъ графа А. Г. Строганова, а также и о его дѣйствіяхъ, отличающихся странностью, но и не смотря на все это, а также и на заявленія многихъ, что къ графу Строганову можно и не ѣхать, такъ какъ Богъ вѣсть, какъ онъ можетъ посмотрѣть на нашъ визитъ, — но такъ какъ никто мнѣ никакихъ особыхъ соображеній не указывалъ, а все лишь ограничивалось указаніемъ на общія черты пріема и обращенія графа Строганова съ посѣтителями, а именно, что онъ можетъ и не принять, что онъ никому руки не протягиваетъ и т. п., то я настаивалъ на сво-

емъ. Я находилъ, что неприлично не ѣхать къ графу Строганову въ виду того, что онъ первый вѣчный гражданинъ гор. Одессы, а такъ какъ памятникъ сооружался на средства гражданъ, то къ первому гражданину не поѣхать съ просьбой принять участіе въ общемъ дѣлѣ, — значитъ оказать ему невниманіе. Такъ я понималъ это съ одной стороны, а съ другой я указывалъ и на то, что я, какъ предсѣдатель Общества, долженъ свою личность забыть и дѣлать все, что отъ меня зависитъ, на пользу общественную. Если-же при этомъ можетъ выйти для меня что-либо непріятное, то я къ себѣ лично этого относить не долженъ. Такъ я понималъ общественную дѣятельность тогда, такъ понималъ впослѣдствіи, такъ и до сихъ поръ поступаю, хотя, говоря откровенно, часто получалъ за свое малороссійское упрямство незаслуженныя оскорбленія.

Послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, я съ С. И. Знаменскимъ, въ одинъ воскресный день подъѣхали къ подъѣзду дома на Николаевскомъ бульварѣ, гдѣ жилъ графъ Строгановъ.

Вошли мы въ переднюю, мнѣ показавшуюся очень маленькой и темной, довольно просто убранную, и просили доложить, что пріѣхали предсѣдатель Славянскаго общества такой-то и товарищъ предсѣдателя такой-то. Не прошло и пяти минутъ, какъ человѣкъ предложилъ намъ подняться по лѣстницѣ во второй этажъ и ввелъ насъ въ небольшую угловую комнату, обставленную сверху до низу полками съ книгами. Я понялъ, что это была одна изъ библіотечныхъ комнатъ графа, о богатствѣ и разнообразіи библіотеки

котораго я много слыхалъ. Въ комнатѣ было не особенно свѣтло. Не долго намъ пришлось ждать. Портьера дверей сосѣдней комнаты поднялась, вошелъ графъ безъ палки, но держась прямо, въ генеральской тужуркѣ сѣраго цвѣта. Не протянувъ намъ руки, не кивнувъ даже головою и не сказавъ ни слова, онъ сталъ передъ нами въ позу человѣка, желающаго знать, что отъ него хотятъ. Отрекомендовавшись и отрекомендовавъ своего товарища, я приблизительно сказалъ слѣдующее: „Мы явились къ вашему сіятельству, чтобы просить васъ, не признаете-ли вы возможнымъ, какъ первый вѣчный гражданинъ г. Одессы, принять участіе въ томъ дѣлѣ, которое нынѣ совершается въ Одессѣ и въ которомъ принимаютъ участіе граждане города. Съ Высочайшаго разрѣшенія Его Императорскаго Величества между гражданами г. Одессы теперь идетъ подписка на памятникъ А. С. Пушкину, сооружаемый въ Одессѣ. Проектъ памятника-фонтана уже изготовленъ. Архитекторъ Васильевъ уже получилъ за него премію отъ городскаго общественнаго управленія. Уже было молебствіе и на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ стоять памятникъ на Николаевскомъ бульварѣ, положенъ камень съ надписью: „Мѣсто для фонтана-памятника А. С. Пушкину“.

Во все время, какъ я говорилъ свою тираду, я хотя и смотрѣлъ на графа, но его обыкновенно суровое выраженіе лица, на меня не произвело ровно никакого впечатлѣнія; оно было спокойно и я положительно на его лицѣ не уловилъ выраженіе того впечатлѣнія, которое мои слова на него произвели.

Не успѣлъ я кончить, какъ раздался громкій, рѣзкій, отрывочный, съ нотой повелительнаго характера, голосъ графа.

— „Я кинжальщикамъ памятниковъ не ставлю!... Я до этого еще не дошелъ!... Вы читали это геніальное его произведеніе?..

Эти слова меня положительно поразили. Все что было до ихъ произнесенія, всего этого я ожидалъ, но я никакъ не ожидалъ всего того, что я услыхалъ. Я растерялся... Произошла пауза Видя, что графъ молчитъ и ждетъ отвѣта, я посмотрѣлъ на Знаменскаго и увидѣлъ, что слова графа произвели на него такое-же впечатлѣніе, какъ и на меня. Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе. Наконецъ я, прійдя въ себя, сказалъ:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я произведеніе Пушкина „Кинжалъ" не знаю и не читалъ.

— Не читали, такъ прочтите... Совѣтую... Памятникъ?!!

И графъ вновь остановился.

Немного опомнившись и прійдя въ себя отъ перваго впечатлѣнія, я, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что я говорю, между тѣмъ сказалъ:

— Намъ приходится передъ вашимъ сіятельствомъ извиниться за то безпокойство, которое мы вамъ причинили своимъ посѣщеніемъ. Можетъ быть мы вызвали своей просьбой въ васъ какія-либо непріятпыя воспоминанія, я позволяю себѣ васъ увѣрить, что мы, если явились къ вамъ, то лишь исполняя свой долгъ какъ передъ нашимъ обществомъ, такъ и передъ вами. Мы не считали себя вправѣ не явиться къ вамъ, какъ вѣчному гражданину г. Одессы.

— Это хорошо... Но спрашиваю я васъ, что полиція смотритъ?.. Что она дѣлаетъ?.. Что-же это такое—Пушкину памятникъ!.. А?

— Я имѣлъ честь уже докладывать вамъ— сказалъ я—что подписка о сборахъ пожертвованій на памятникъ производится съ надлежащаго разрѣшенія. Мѣстная администрація и его высокопревосходительство генералъ-губернаторъ Хр. Хр. Роопъ глубоко сочувствуетъ этому дѣлу и для увеличенія сборовъ разрѣшили устройство гуляній, концертовъ и т. п.

— Все это хорошо. Я понимаю...—сказалъ графъ все тѣмъ-же голосомъ, рѣзкимъ и съ нотой начальническаго тона.—Но что-же полиція смотритъ?... Что она смотритъ?... Подписка!... И кому?... Нѣтъ, я не могу допустить подобнаго образа дѣйствій... Нужно сообщить полиціи...

Я украдкою посмотрѣлъ на моего товарища и на его лицѣ я прочелъ удивленіе и испугъ, а также, что слѣдуетъ намъ скорѣе оставить графа.

Происходившая сцена меня начала занимать и смѣшить, но видя, что дальше оставаться не слѣдуетъ, кланяясь, я сказалъ:

— Намъ остается еще разъ покорнѣйше просить ваше сіятельство, извинить насъ за безпокойство, вамъ оказанное.

— Ничего,—сказалъ графъ.—Я въ подпискѣ на памятникъ кинжальщику участвовать не могу.

При этихъ словахъ онъ намъ кивнулъ и мы чинно вышли.

Меня душилъ смѣхъ. Мнѣ казалось, что все то, что произошло, и та обстановка, при кото-

рой разыгралась эта сцена, были до крайности смѣшны и комичны.

Я ожидалъ многихъ странностей отъ графа Строганова. Но я положительно не могъ допустить, чтобы графъ Строгановъ и послѣ 50 лѣтъ со дня смерти А. С. Пушкина, могъ смотрѣть на него глазами современника, стараго боярина, не признававшаго въ поэтѣ его геніальности и даже человѣческаго достоинства. Заявленіе-же графа о томъ, „что смотритъ полиція?“ сразу нарисовало мнѣ образъ стараго барина, который застылъ, такъ сказать, въ условіяхъ жизни давно минувшихъ дней, не зная и не интересуясь тѣмъ, что и какъ дѣлается въ настоящее время. Все, что говорилъ графъ о полиціи, было такъ искренно съ его стороны и такъ наивно казалось мнѣ съ другой стороны, что невольно навело меня сейчасъ-же на размышленія серьезнаго свойства и то, что казалось смѣшнымъ въ началѣ предстало для меня въ совершенно иномъ свѣтѣ.

Когда мы вышли на улицу, я обратился къ Знаменскому и сказалъ: „Ну, знаете, добрѣйшій С. И., вѣдь это историческій фактъ. Мы съ вами во всѣхъ отношеніяхъ попали въ исторію. Я всего ожидалъ, но что я видѣлъ и слыхалъ — вѣдь это одна лишь прелесть!,.. Непремѣнно пойду къ какому - нибудь историку и разскажу о нашемъ визитѣ и попрошу его все записать и сообщить объ этомъ въ „Русскую Старину“. Я не знаю, что за причина такого взгляда графа Строганова на Пушкина, чѣмъ Пушкинъ его такъ противъ себя вооружилъ, но по

всей вѣроятности здѣсь что либо скрывается,— но что именно—я положительно не знаю“.

Говоря все это скороговоркою, я мало обращалъ вниманія на Знаменскаго. Но когда я окончилъ и посмотрѣлъ на него, то увидѣлъ, что Знаменскій былъ очень сконфуженъ. Я замолчалъ. Нѣсколько минутъ шли мы по бульвару молча. Наконецъ Знаменскій мнѣ говоритъ: „Знаете что, пожалуйста не говорите лучше никому объ этомъ пріемѣ“.—„Какъ,—отвѣтилъ я,—вѣдь это фактъ историческій!... Что вы? Непремѣнно разскажу его?“ Но Знаменскій стоялъ на своемъ.

Такъ разговаривая, мы подошли къ одному изъ домовъ Николаевскаго бульвара, гдѣ на второмъ этажѣ жило одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, куда намъ нужно было сдѣлать визитъ съ тою-же цѣлью. Когда я уже былъ на второмъ этажѣ и только что хотѣлъ позвонить, какъ я услыхалъ позади себя смѣхъ. Я оглянулся и на площадкѣ стоялъ С. И. Знаменскій, смѣющійся что называется, во всю физіономію и дѣлающій мнѣ знаки. Я остановился и думая въ первое время, что съ нимъ дурно, началъ спускаться къ нему.—„Погодите звонить—сказалъ Знаменскій—дайте успокоиться... Вѣдь это все дѣйствительно смѣшно!... Каковъ пріемъ! Вотъ курьезъ!.. Такъ много соберешь для памятника... Я началъ также смѣяться.

Вотъ и все о моемъ единственномъ въ жизни свиданіи съ графомъ Строгановымъ и то, что я услыхалъ отъ него о Пушкинѣ.

Многимъ я разсказывалъ этотъ эпизодъ изъ жизни графа Строганова, но никто не могъ дать

мнѣ болѣе или менѣе яснаго и точнаго объясненія взглядовъ графа Строганова. Все, что я слыхалъ, все были одни лишь предположенія чисто личнаго характера и мнѣ ровно ничего не разъяснили. Очень можетъ быть, что сообщаемому мною факту современемъ и придадутъ надлежащее значеніе и должнымъ образомъ его оцѣнятъ.

Послѣ визита на бульварѣ, гдѣ, впрочемъ насъ не приняли, такъ какъ хозяина не было дома, мы отправились прямо къ графу М. Д. Толстому, на Софіевскую улицу.

Насъ встрѣтилъ человѣкъ и, послѣ доклада, проводилъ въ кабинетъ въ нижнемъ этажѣ. Графъ Толстой со свойственной ему привѣтливостью и любезно улыбаясь шелъ намъ на встрѣчу, протянувъ руку и не давъ намъ отрекомендоваться, сказалъ: „Знаю, знаю. Съ Сергѣемъ Ивановичемъ служилъ въ Съѣздѣ,*) а о васъ (обращаясь ко мнѣ) слыхалъ. Садитесь. И усадивъ насъ, спросилъ: „Чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ“. Я объяснилъ въ чемъ дѣло.

— „Слыхалъ и читалъ. Я вполнѣ сочувствую этому дѣлу и съ удовольствіемъ пріиму посильное участіе... Вѣдь я помню А. С... Я его зналъ... Бѣдовый былъ... Вѣдь это былъ веселый человѣкъ. А помните-ли вы эти стихи...“ И графъ началъ декламировать то одно, то другое стихотвореніе Пушкина. Однимъ словомъ, графъ говорилъ, а мы только слушали. Хотя во всемъ томъ, что говорилъ графъ о Пушкинѣ и не было ничего

*) Графъ М. Д. Толстой былъ первый предсѣдатель Одесскаго Городскаго Съѣзда Мировыхъ Судей.

особеннаго, но послѣ той сцены, которая разыгралась у графа Строганова, до того все это показалось мнѣ новымъ и хорошимъ, что я, выждавъ минуту, когда графъ Толстой замолчалъ, сказалъ: „Вотъ, ваше сіятельство, вы насъ приняли ласково, посадили, говорите съ нами и пр., а мы сейчасъ были у графа Строганова, такъ тотъ насъ не такъ принималъ...“ — „У графа Александра Григорьевича были. Ну знаю, знаю. Вѣдь онъ чудакъ...“ — „Нѣтъ, сказалъ я, онъ не только плохо насъ принялъ, онъ даже выругался...“ — „Что вы! Не можетъ быть. Какъ-же это?“ Я разсказалъ подробно все, какъ было.

Во все время передачи мною сцены свиданія съ графомъ Строгановымъ графъ Толстой хохоталъ, наконецъ, не выдержалъ и сказалъ: „Ну, онъ просто . . . . . .“! Смѣхъ графа былъ настолько заразителенъ, что Знаменскій и я тоже начали смѣяться. Долго мы затѣмъ оставались у графа, такъ какъ графъ началъ вспоминать свою дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя городскаго съѣзда мировыхъ судей въ Одессѣ. Прощаясь съ нами, графъ, вручая мнѣ сто рублей на памятникъ, пожелалъ нашему дѣлу успѣха, а также чтобы онъ дожилъ до того времени, когда откроютъ памятникъ.

Когда мы вышли на улицу, я сказалъ Знаменскому: „Вотъ два современника А. С. Пушкина, знавшіе его лично, — и какая разница во взглядахъ. Да и какая разница между этими двумя современниками. Право, я не могъ себѣ представить ничего болѣе рельефнѣе, чтобы современ-

ники могли смотрѣть такъ различно на то, что потомство считаетъ своею гордостью и честью".

Оба графа дожили до момента открытія памятника Пушкину въ Одессѣ. Я не разъ видалъ графа Строганова, гуляющаго на Николаевскомъ бульварѣ, гдѣ стоитъ памятникъ, и графа Толстого, катающагося подлѣ памятника. Встрѣчая ихъ, я невольно вспоминалъ объ оказанномъ мнѣ пріемѣ, и задавалъ себѣ вопросъ: что они чувствуютъ и что они думаютъ, глядя на памятникъ А. С. Пушкина?..

Оба графа уже покоятся въ могилахъ на Одесскомъ кладбищѣ; если-же я позволилъ себѣ коснуться представителей этихъ двухъ графскихъ фамилій, то единственно лишь съ тою цѣлью, чтобы въ сборникѣ старины города Одессы было хотя нѣсколько словъ о тѣхъ двухъ старожилахъ города, которыхъ всѣ почти знали и которые въ жизни Одессы играли немаловажную роль.

М. В. Шимановскій.

ДВА АКТА,

извлеченные изъ архивовъ бывшаго Одесскаго магистрата. Помѣщаемъ ихъ полностью, съ соблюденіемъ правописанія. Они интересны для характеристики общественной жизни и администраціи старой Одессы Второй изъ документовъ можетъ служить добавленіемъ къ статьѣ В. А. Яковлева: „Изъ дѣлъ о бѣглыхъ въ г. Одессѣ". Новороссійскій Календарь за 1892 г.

I.

Подана іюля 23 д. объявить в присудствіи.

Въ Одесской Городовой магистратъ отъ iерея одесской Святониколаевской церкви Жижельнѣкова,

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ черашнего числа въ день тезоименитство Ея Императорского Величества Государыни Маріи Федоровны и Ея Императорского высочества благовѣрной княжни Марій Павловны, Усмотрено мною что при совершеніи литургій и молебствія изъ чиновъ гражданской Службы какъ-то град-

ского главы, греческого бургомистра и протчихъ магистратскихъ членовъ кромѣ старшаго бургомистра же Мигунова никого не было; Я подолгу званія моего извищая о томъ одесской Городовый магистратъ прошу собравъ всѣхъ оныхъ чиновъ въ присудствіе свое напомянуть имъ что ежели кто-либо изъ ныхъ впредъ въ государственные праздники не будетъ налитургій и молебствій, то да поступлено бы было съ таковымъ за пренебреженіе царскихъ Установленій по законамъ въ примѣръ прочимъ, о чемъ и я неоставлю куда слѣдуетъ отнестись;

Священникъ Сімеонъ Жижельнковъ.

іюля 23 дня 1797-го года.

(„Дѣло объ открытіи въ городѣ Одессѣ Городоваго Россійскаго Магистрата и Словеснаго Суда 1-го января 1796 года. № 1 Архива Управы на 192 листахъ").

II.

Прошеніе Одесскаго 2 г. купца Семена Руденко на имя дюка Ришелье, отъ 24 іюня 1812 г.

Назадъ тому тринадцать годъ, какъ причисленъ я въ Одесское мѣщанство, скотораго времени по нинѣ жительствѣ безпорочно въ городѣ одессѣ благо пріобрѣлъ себѣ капиталъ и домъ стоющій до десяти тысячъ рублей; почему сего года перечисленъ въ одесское купечество;—

Одесской градской полиціи господинъ квартальный надзиратель губернскій секретарь гаврило демяновичъ Фецинскій по случаю что не далъ я ему требуемыхъ во взятокъ 10 руб. узлобенъ

на меня безъ престанно дѣлалъ разные по должности своей мнѣ прижимки и нападенія; наконецъ найдя случай вразсужденіи полученнаго изъ Уманскаго суда сообщенія о высылки бѣжавшаго оттель назадъ тому два года человѣка семена руденка, который причислился въ одесское мѣщанство, а на прежнемъ мѣстѣ учинилъ преступленіе. и какъ сіе имя и прозваніе есть сходно съ моими;—и хотя уже господинъ Фецинскій болѣе восми лѣтъ знаетъ меня что я хозяинъ и живу въ одессѣ безпорочно; но жаднича мщеніемъ сначала требовалъ принесть ему на квартиру 25 р. которые я долженъ якобы въ Умань; потомъ видя что я сего не исполняю, 12-го числа сего мѣсяца взялъ и посадилъ меня въ яму гдѣ содержатся преступники, стѣмъ что будто бы я тотъ самый семенъ руденко котораго требуется, а на другой день когда жена моя объявила о семъ происшествіи моимъ пріятелямъ одесскимъ купцамъ Степану Петровичу и Кирилѣ Степановичу а сіи объявя протчимъ съ удивленіемъ что за 13 годовъ никогда не слишали дабы я былъ подъ карауломъ и пошли чтобъ за меня поручиться то г. Фецинскій говорилъ симъ купцамъ чтобъ за меня не ручались ибо дѣйствительно я смерто убійство учинилъ въ Умани и уже по старанію другихъ гражданъ освобожденъ; симъ г-на Фецинскаго дѣйствіями будучи я крайне обиженъ и опороченъ невинно въ смерто убійствѣ, принужденъ вѣчно носить на себѣ пятно;—

Для того вашего сіятельства всенижайше прошу благоразсмотрѣть обстоятельство сіе виновнаго безъ взысканія не оставить,—

Къ сему прошенію вмѣсто неграмотнаго одесскаго купца Руденка по его прошенію руку приложилъ и сіе прошеніе писалъ (подпись).

(Дѣло Строительнаго Коммитета за 1812 годъ № 70).

Сообщилъ

С. Чудновскій.

Изъ воспоминаній объ одесскихъ іерархахъ.

Мой лицейскій товарищъ Д. А. Каліо, изъ г. Троицка, Оренбургской губерніи, просилъ меня добыть ему проповѣди преосвященнаго Иннокентія. Это было въ началѣ весны 1848 г. Въ то время я служилъ въ тираспольской таможнѣ пакгаузнымъ надзирателемъ, когда существовало одесское порто-франко. Тираспольская таможня—это на окраинѣ Одессы зданіе, гдѣ нынѣ помѣщается Дальницкій полицейскій участокъ. Преосвященный Иннокентій проѣзжаетъ чрезъ таможню на Архіерейскую дачу, которую устраивалъ. Экипажъ подъѣзжаетъ подъ крытый подъѣздъ. Я по обязанности своей подхожу къ экипажу для нагляднаго осмотра, рекомендуюсь, прошу благословенія, и начинаю рѣчь о его проповѣдяхъ для товарища. Завязывается разговоръ, и когда преосвященный Иннокентій своими пытливыми допросами узналъ, что я болгаринъ и интересуюсь дѣлами своихъ соотечественниковъ, спросилъ меня: „а въ какомъ смыслѣ интресуетесь"—

я сказалъ: „вмѣсто прямого отвѣта, сообщу вашему преосвященству эпизодъ изъ моего посѣщенія родины въ 1845 году. Въ бытность мою въ г. Тырновѣ, въ Болгаріи, одинъ развитой болгарскій патріотъ, по занятію аптекарь, является ко мнѣ и предлагаетъ тысячу вооруженныхъ болгаръ съ цѣлью произвести возстаніе для начатія борьбы противъ турокъ На это я отвѣтилъ ему, что теперь не время помышлять объ этомъ, болгарамъ нужно учиться и путемъ образованія подготовить себя къ освобожденію отъ ига. Вотъ на этомъ послѣднемъ я и основываю свое участіе въ моихъ соотечественникахъ, отвѣтилъ я владыкѣ“. „Такъ и дѣйствуйте, а я вамъ буду помогать по возможности.“ Съ тѣхъ поръ преосвященный Иннокентій бывало никогда не проѣдетъ и не выѣдетъ чрезъ таможню, не подъѣхавъ для спроса меня, что новаго о болгарахъ, и всегда посовѣтуетъ что нибудь въ ихъ пользу, ободряя меня обо всемъ писать и сообщать ему, и приглашая приходить къ нему по вечерамъ.

Преосвященный Иннокентій любилъ строить церкви. Задумалъ, и построилъ одну за Тираспольскою таможнею, подъ названіемъ „Входо-Іерусалимская“, а другую на Пересыпи, около ярмарочнаго зданія, подъ названіемъ „Крестовоздвиженская“. Пользуясь тѣмъ, что я, по обязанности своей пакгаузнаго надзирателя, постоянно присутствую при осмотрѣ проѣзжающихъ и проходящихъ изъ города черезъ черту порто-франко, онъ снабдилъ меня книгою для сбора пожертвованій на построеніе церкви; я усердно собиралъ приношенія, и такимъ образомъ церковь въ концѣ 1854 года была уже вчернѣ построена; вскорости затѣмъ освящена и началось въ оной богослуженіе. Храмовой праздникъ ея — Вербное Воскресенье... За усердіе и благоразумное вниманіе на успѣшное построеніе этой церкви, какъ сказано въ выданномъ мнѣ свидѣтельствѣ, для внесенія въ формуляръ, изъявлена мнѣ бладарность его высокопреосвященства, а Святой Правит. Сунодъ преподалъ свое благословеніе....

Преосвященный предполагалъ въ навечеріи Вербнаго Воскресенія, именно въ субботу, совершать крестный ходъ съ вербою, набранною въ Архіерейской дачи „Гевсиманіи“ и принесенною во Входо-Іерусалимскую церковь, въ Каѳедральный Соборъ. Но не суждено было этому предположенію осуществиться, за преждевременною кончиною архипастыря.

Преосвященный Иннокентій страстно занимался устройствомъ Архіерейской дачи, насаждая всевозможныя деревья и кустарники, построилъ великолѣпный домъ и при немъ церковь во имя Семи Священномучениковъ, соорудилъ искусственные холмы и горки, напримѣръ: Чадыръ-дагъ, Пятигоріе, Семигоріе, пещеры и въ глубинѣ ихъ колодезь и каплицу, устраивалъ цистерны для воды, древесныя рощи и т. п. Работало на этой дачѣ множество народа наемнаго и штатнаго. Бывали случаи, что туда направляли на исправленіе такъ называемыхъ эпитемцевъ, т. е. провинившихся низшихъ церковно - служителей.

И вотъ, однажды, преосвященный, обходя дачу-паркъ для обозрѣнія и указаній, что дѣлать и какъ дѣлать, остановился невдалекѣ отъ усердно-работавшаго діакона-эпитемца. Видно, работа и наружность діакона произвели на Иннокентія впечатлѣніе. Архипастырь подходитъ къ діакону и говоритъ: „Ты усердно трудишься, можешь быть хорошимъ священникомъ. Какъ ты думаешь?". Діаконъ, оторопѣвъ, не знаетъ что отвѣчать; присланъ въ наказаніе, а тутъ владыка говоритъ о священствѣ. Недоумѣваетъ. „Готовься въ слѣдующее воскресенье въ священники,—я тебя рукоположу". И, дѣйствительно, изъ этого діакона вышелъ прекрасный священникъ, такъ что преосвященный Иннокентій поэтому случаю выразился: „Вотъ человѣкъ, который „палъ въ верхъ!"

Бывая часто у преосвященнаго Иннокентія по вечерамъ за совѣтомъ и содѣйствіемъ какъ и что дѣлать для помощи моимъ соотечественникамъ, такъ какъ тогда нужно было знакомить русское общество съ болгарскимъ народомъ, преосвященный вдругъ говоритъ мнѣ: „Представь себѣ, наши войска занимаютъ дунайскія княжества (1854 г.) и готовятся къ походу въ Турцію, а наши генералы и друг., столько разъ бывавшіе въ Турціи и въ Болгаріи, не знаютъ ни болгаръ, съ которыми должны имѣть дѣло, ни ихъ положенія, ни ихъ желаній, ни страны и т. п. Тебя пригласитъ къ себѣ графъ Сакенъ, объясни ему хорошенько кто такіе болгаре, что они думаютъ, чѣмъ могутъ быть полезны и пр. и что скажетъ,—доложи мнѣ". Явился я къ гр. Сакену, объяснилъ

положеніе болгаръ и Болгаріи, и составленная мною по порученію его записка, одобренная Иннокентіемъ и произведшая на гр. Сакена видимое впечатлѣніе, послана имъ въ С.-Петербургъ военному министру съ отправлявшимся фельдъ-егеремъ. Это было 20 января 1854 г. А въ февралѣ того-же года я былъ вызванъ командовавшимъ южною арміею княземъ Горчаковымъ въ главную квартиру, для сношеній по дѣламъ болгаръ. *)

Христосъ Воскресе!

Да воскреснетъ и Булгарія наша!

Благодарю Васъ за письма и извѣстія. Все, вами дѣемое, вполнѣ одобрительно. О Новомъ Завѣтѣ Болгарскомъ я уже писалъ въ Петербургъ. Вещей церковныхъ я набралъ множество: скоро пришлемъ цѣлые возы ихъ.

А мы вытерпѣли въ святую великую Субботу и Пасху ужасное бомбардированіе. Мой домъ былъ первый подъ выстрѣлами, ибо нападеніе было, откуда никто не ожидалъ, съ залива Пересыпскаго (!). Мнѣ не захотѣлось оставить домъ въ такія минуты и я видѣлъ все сраженіе, какъ на ладони. Теперь у меня полный столъ бомбъ, ядеръ, гранатъ и пр. Мило посмотрѣть. Какъ-то Господь не далъ мнѣ страху, и мы спокойно служили во всѣ эти дни, хотя все тряслось отъ выстрѣловъ.

---

*) Пребывая въ арміи, авторъ этихъ воспоминаній велъ переписку съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. Прилагаемъ здѣсь одно письмо владыки, писанное послѣ бомбардированія г. Одессы англо-французскимъ флотомъ. *Прим. ред.*

Даже въ виду флота непріятельскаго мы успѣли обсадить свой Городской садъ къ Страстной Седмицѣ, и они не разъ наводили на насъ свои трубки зрительныя.

Получили-ль Вы ваше письмо Мачинское? Давайте намъ больше матеріаловъ для подобныхъ писемъ. Это полезно.

Въ домѣ у Васъ благополучно: мы провѣдываемъ.

О Васъ и вашемъ положеніи бар. Сакенъ обѣщалъ писать къ Горчакову.

Благодать Господа съ Вами!

Иннокентій.

Едва пишу отъ боли въ рукѣ.

Апрѣль, 1854 г.

Преосвященный Иннокентій весьма часто и настойчиво повторялъ мнѣ о необходимости полной болгарской исторіи. Узнавъ отъ меня, что болгарскій патріотъ В. Е. Априловъ, пожертвовавшій значительный капиталъ въ пользу устроеннаго имъ вмѣстѣ со своимъ соотечественникомъ Н. С. Палаузовымъ училища въ городѣ Габровѣ, въ Болгаріи, назначилъ 2 тысячи рублей вознагражденія за исторію болгаръ, — поручилъ мнѣ, предъ началомъ крымской войны или вскорѣ послѣ оной, написать ему письмо какъ отъ душеприкащика Априлова, и просить сношеній съ президентомъ Императорской академіи наукъ, графомъ Блудовымъ, назначить конкурсъ на составленіе этой исторіи. Графъ Блудовъ отвѣтилъ

преосвященному Иннокентію, что для этой цѣли образована коммиссія изъ нѣсколькихъ ученыхъ. Но съ кончиною Иннокентія коммиссія эта ничего не выработала... Прошло много времени—и никто не проявлялъ желанія сочинить исторію болгаръ. Но идея, вложенная Иннокентіемъ и желаніе Априлова не покидало меня, и вотъ въ 1878 году появилась за-границей въ печати на нѣмецкомъ языкѣ полная исторія болгаръ, составленная племянникомъ знаменитаго чешскаго ученаго Шаффарика—доктора К. Иречка. Я, вмѣстѣ со своими товарищами - душеприкащиками К. Н. Палаузовымъ и В. Н. Рашеевымъ, воспользовались этимъ случаемъ и поручили заслуженному профессору Ф. К. Бруну и магистранту В. Н. Палаузову (нынѣ ординарному профессору Новороссійскаго университета) перевести эту исторію на русскій языкъ и напечатали въ хорошо изданномъ объемистомъ томѣ съ подробною картою Болгаріи, исполненною въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ, вліяніе Иннокентія проявилось и тутъ. Недаромъ онъ говорилъ, что слово и мысль—великая сила...

Въ одно изъ посѣщеній моихъ преосвященнаго Иннокентія—не помню, когда именно—представляется ему священникъ, кажется, изъ пригородныхъ селеній. Преосвященный Иннокентій встрѣчаетъ его слѣдующими словами: „Что ты, отецъ, дѣлаешь? Такъ долго томить народъ нельзя: ты отъучишь его отъ церкви“. Почему это было сказано—я не допытывался.

Разъ какъ-то прихожу къ преосвященному Иннокентію, и случилось такъ, что я вмѣстѣ съ протоіереемъ одесской греческой церкви о. Родостатомъ, пріятельски со мною знакомымъ, подходимъ къ преосвященному, и я, какъ ближайшій, наклонился для полученія благословенія, но владыка, обратясь къ о. Родостату, сказалъ: „Преимущество принадлежитъ почтенному іерею, а ты можешь подождать—моложе".

Послѣ преосвященнаго Гавріила, въ Одессѣ сталъ третьимъ іерархомъ высокопреосвященный Димитрій. Его смиренность и покорность всѣмъ извѣстна. Это былъ святой жизни святитель, съ великимъ терпѣніемъ переносившій всякія невзгоды и искушенія. Одинъ изъ примѣровъ представляетъ приводимое ниже собственноручное письмо ко мнѣ, имѣвшее мѣсто въ сентябрѣ 1874 года, когда пришло извѣстіе о перемѣщеніи его на каѳедру въ Ярославль. Жители Одессы этимъ извѣстіемъ крайне были опечалены. Городское общественное управленіе, въ виду всеобщаго огорченія, назначило экстренное собраніе городской думы, которое единогласно постановило отправить депутацію и адресъ къ Государю Императору въ Ливадію съ всеподданнѣйшею просьбою объ оставленіи преосвященнаго Димитрія навсегда въ Одессѣ. Это было 26 сентября 1874 года. Въ этомъ собраніи думы на меня, какъ на гласнаго, собраніемъ возложено было порученіе немедленно отправиться изъ засѣданія къ преосвященному Димитрію для доклада о послѣдовавшемъ единогласномъ рѣшеніи думы и для извѣщенія послѣдней объ отвѣтѣ его высокопреосвященства. Это порученіе я исполнилъ, сообщивъ, что преосвященный Димитрій, покорясь послѣдовавшему распоряженію, проситъ не возбуждать вопроса ни о депутаціи, ни объ адресѣ. На другой день, рано утромъ, я получилъ отъ преосвященнаго нижеслѣдующее письмо, которое я немедленно переслалъ занимавшему въ то время мѣсто городскаго головы, моему товарищу по лицею, А. С. Великанову.

Любезнѣйшій Другъ

Николай Христофоровичъ!

Бога ради, остановите отправленіе предположенной депутаціи и адреса. Цѣли эта поѣздка не достигнетъ, потому что сдѣланнаго передѣлать нельзя. Ни Государь Императоръ не захочетъ измѣнить своего рѣшенія, ни Сѵнодъ не осмѣлится дѣлать новое представленіе, противоположное прежнему. Между тѣмъ, эта попытка нашей Думы навлечетъ на меня негодованіе Сѵнода и Оберъ-Прокурора, которое будетъ сопровождаться непрестанными придирками и замѣчаніями, такъ что я долженъ же буду, чрезъ какой-нибудь годъ времени, оставить службу и выйти въ отставку. Повѣрьте мнѣ, что въ Питерѣ никакъ не повѣрятъ, чтобы это движеніе Думы не было возбуждено мною, т. е. моими жалобами, просьбами, искательствомъ. Тѣмъ болѣе, что, какъ я узналъ сейчасъ стороною, предстоящее перемѣщеніе

меня въ Ярославль состоялось именно по неудовольствію Сvнода на то, что я допустилъ появиться и развиться въ Херсонской епархіи такъ называемому штундизму. Итакъ, если почтеннѣйшіе сограждане наши имѣютъ ко мнѣ расположеніе, то я прошу и умоляю ихъ оставить предположенную попытку просить Государя Императора о перемѣнѣ сдѣланнаго назначенія меня въ Ярославль. Городское Общество можетъ выразить свое расположеніе ко мнѣ и заявить свои чувства инымъ какимъ-либо образомъ, не прерѣшая прямо волю Правительства и не пытаясь измѣнять его распоряженія. Еще и еще прошу Васъ, постарайтесь остановить предположенную поѣздку Депутаціи. Этимъ сдѣлаете мнѣ величайшее одолженіе и обяжете меня всегдашнею Вамъ благодарностію.

Димитрій, Архіепископъ Херсонскій.

27 сентября 1874 г.

Сообщилъ

д. с. с. Н. Н. Палаузовъ.

Изъ лѣтописи св. Александринской церкви,

что въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, съ краткимъ указаніемъ замѣчательныхъ событій въ самомъ заведеніи, съ 1852 года *).

Въ православной церкви издревле существуетъ обычай поминать въ молитвахъ благодѣтелей храма, съ возношеніемъ именъ ихъ. Для этой цѣли имѣлись въ ней и имѣются такъ-называемыя „поминальницы", или поминальныя книжки, въ которыхъ записаны были дорогія имена. (Диптихи древнихъ христіанъ). Въ этихъ помянникахъ мы видимъ зерно, или зародышъ (начало) церковныхъ лѣтописей, которыя суть тѣ-же почти помянники

*) „Лѣтопись" начинается 1852 г. и оканчивается 1870 г. 11 января, когда лѣтописецъ, оставивъ настоятельство институтской церкви, былъ переведенъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ г. Херсонъ. На каждый годъ имѣются по нѣсколько краткихъ замѣтокъ съ обозначеніемъ чиселъ, когда происходили обозначаемыя событія. Приводимъ изъ „Лѣтописи" только то, что имѣетъ болѣе важное общественное значеніе. „Лѣтопись" принадлежитъ Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей. *Прим. ред.*

только въ болѣе пространномъ видѣ. Никто, конечно, не усомнится въ пользѣ для исторіи такого рода записей. Безмолвное имя, съ молитвенною благодарностію возглашаемое, естественно возбуждаетъ вопросъ: что-же именно полезнаго и важнаго сдѣлалъ почившій (или здравствующій) собратъ нашъ? Отвѣтъ на это должна дать церковная лѣтопись. Въ ней обстоятельно и точно должно быть обозначено, напримѣръ: кто былъ основатель храма? А если храмъ при заведеніи, то—кто учредитель заведенія? Кто и когда въ немъ священствовалъ? Чѣмъ благимъ ознаменовано его священство? Кто изъ прихожанъ особенно содѣйствовалъ благолѣпію храма? Кто изъ высокихъ особъ посѣщалъ храмъ? Какія и когда происходили въ немъ особенныя религіозныя торжества? Какіе назидательные обычаи у прихожанъ, нравы и т. д.?... Въ прошломъ столѣтіи, именно въ царствованіе Екатерины II, св. сѵнодъ указомъ предписалъ причтамъ церквей заниматься веденіемъ лѣтописей. Въ недавнее время указъ этотъ вновь повторенъ.

Слѣдуя благому внушенію высшей церковной власти и собственному чувству, я рѣшился записать здѣсь все, что происходило замѣчательнаго въ глазахъ моихъ въ ввѣренной мнѣ церкви при одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ продолженіи 17-ти-лѣтняго моего служенія.

Протоіерей С. Серафимовъ.

Краткое свѣдѣніе о церкви св. мученицы царицы Александры, что при Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ:

1) Построена первоначально въ 1834 году внутри самаго институтскаго зданія; съ возведеніемъ-же въ 1859 году новаго зданія построена вновь и церковь. Освящена того-же года преосвященнымъ Антоніемъ, викаріемъ Херсонской епархіи.

2) Престолъ въ ней одинъ—во имя святой мученицы царицы Александры.

3) Причта при ней положено: священникъ одинъ (онъ-же и законоучитель) и дьячекъ.

4) Первымъ священнослужителемъ при ней былъ протоіерей Исидоръ Гербановскій. Его замѣнилъ въ 1835 году протоіерей Михаилъ Павловскій, магистръ богословія, изъ воспитанниковъ Кіевской духовной академіи. Онъ назначенъ былъ законоучителемъ въ 1833 году и исполнялъ эту должность, еще не имѣя священническаго сана до 1835 года; въ этомъ году рукоположенъ былъ во священника.

Преемникомъ о. Михаила Павловскаго, переведеннаго въ лицей, былъ протоіерей Николай Соколовъ, кандидатъ богословія, воспитанникъ Кіев. дух. академіи; назначенъ въ 1838 году.

При немъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, на первомъ священнослуженіи своемъ въ институтской церкви 1-го іюля 1848 года благословилъ воспитанницъ и все заведеніе Елецкою иконою Божіей Матери. По распоряженію настоятеля, протоіерея Серафима Серафимова, къ ней сдѣлана металлическая надпись:

„Благословеніе преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, воспитанницамъ Одесскаго института. 1-го іюля 1848 года".

Протоіерей Н. Соколовъ уволился въ 1851 году. Мѣсто его заступилъ протоіерей Серафимъ Серафимовъ, магистръ богословія, изъ воспитанниковъ Кіевской духовной академіи. Сюда переведенъ изъ одесской Покровской церкви.

1852 г. 21 декабря. Г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, по Высочайшему повелѣнію, обозрѣвалъ институтъ и произвелъ испытаніе дѣвицъ по закону Божію. Отвѣтами ихъ остался очень доволенъ, за что неоднократно благодарилъ законоучителя.

22 декабря. Г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, слушалъ литургію въ институтской церкви, а 24-го и 31-го числа—всенощное бдѣніе.

По мысли преосвященнаго Иннокентія и настоятеля институтской церкви, старшія воспитанницы стали читать въ церкви шестопсалміе и нѣкоторыя другія молитвы. Это благочестивое усердіе воспитанницъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Оно прекратилось по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ.

1853 г. 27 Декабря. Преосвященный Иннокентій архіепископъ херсонскій посѣтилъ институтскую церковь и осмотрѣлъ икону Геѳсиманское моленіе. Затѣмъ въ квартирѣ г-жи начальницы, вслѣдствіе тогдашнихъ толковъ о стологаданіи, изволилъ по предложенію г-жи начальницы выслушать сужденіе объ этомъ загадочномъ явленіи преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго. Статья эта ходила тогда по рукамъ и читаема была съ жадностью. Владыка, выслушавъ ее, сказалъ: „это любопытно"

1854 годъ. 5 Марта. Преосвященный Иннокентій посѣтилъ г-жу начальницу въ 7 часовъ вечера, для пастырской бесѣды. Когда-же ему доложено было, что воспитанницы, въ половинѣ 9-го часа читаютъ молитвы на сонъ грядущій, то онъ изъявилъ желаніе присутствовать при ихъ моленіи. По окончаніи его, архипастырь сказалъ: „Кто такъ прекрасно научилъ васъ молиться"?—и видимо довольный благословилъ всѣхъ и простился.

13 Марта. Вслѣдствіе открытія военныхъ дѣйствій и не спокойнаго положенія края, по опредѣленію совѣта, произведенъ былъ воспитанницамъ экзаменъ и затѣмъ выпускъ 70 дѣвицъ.

10 Апрѣля. Въ достопамятную для Одессы великую субботу, въ которую англо-французскій флотъ бомбардировалъ городъ, воспитанницы института, среди самаго грома выстрѣловъ, были вывезены въ г. Вознесенскъ и помѣщены въ тамошнемъ Царскомъ дворцѣ. Когда онѣ размѣстились по экипажамъ, законоучитель заведенія благословилъ ихъ, напутствуя своими немощными молитвами. Самъ-же онъ остался въ институтѣ до дальнѣйшихъ распоряженій начальства. По выѣздѣ воспитанницъ, въ корпусѣ институтскомъ помѣстились ученики Ришельевской гимназіи съ директоромъ и инспекторомъ своимъ.

30 Апрѣля. Назначенъ инспекторомъ классовъ института профессоръ лицея стат. сов. Димитрій Александровичъ Байковъ. Предмѣстникъ г-на

Байкова Генрихъ Карловичъ Брунъ скоропостижно скончался 30 января сего года. *)

7 Мая. Законоучитель института, по распоряженію епархіальнаго начальства, отправился въ г. Вознесенскъ, для отправленія священнослуженій въ институтѣ и, по мѣрѣ возможности, чтенія уроковъ Закона Божія оставшимся воспитанницамъ. Богослуженіе совершалъ онъ въ церкви гусарскаго Ахтырскаго полка, временно уступленной институту. Расположенная въ походной палаткѣ и въ саду, церковь наша напоминала вѣтхозавѣтную скинію.

4 Августа. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о размѣщеніи воспитанницъ одесскаго института по другимъ заведеніямъ, впредь до сооруженія новыхъ зданій института въ Одессѣ, и вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ. Законоучитель, совершивъ послѣднюю литургію, простился, сказавъ воспитанницамъ приличное наставленіе о покорности волѣ Провидѣнія въ скорби, постигшей институтъ.

11 Августа. Послѣдовалъ Высочайшій указъ объ отмѣнѣ предъидущаго распоряженія съ Всемилостивымъ Государыни Императрицы соизволеніемъ о сохраненіи одесскаго института хотя въ маломъ составѣ (воспитанницъ было 50). Настоятель церкви отправился въ Одессу для распоряженій относительно перевозки ризницы заведенской въ Вознесенскъ и другихъ дѣлъ, возникшихъ вслѣдствіе объявленной институту Высочайшей

*) Извѣстный профессоръ математики Ришельевскаго лицея.

воли. Совѣту предложенно учредить институтъ въ Вознесенскѣ.

7 Сентября. Законноучитель возвратился изъ Одессы, взявъ съ собою потребную для Богослуженія утварь. Предъ отъѣздомъ испросилъ архипастырское благословеніе на путь. Владыка Иннокентій, милостиво принявъ его, сказалъ: «И такъ вы рѣшились!?... Мнѣ жаль васъ. Но, съ Богомъ! Поклонитесь г-жѣ начальницѣ и вручите ей отъ меня изображеніе (недавно литографированное) Касперовской Богоматери.

Институтъ праздновалъ 25-лѣтній юбилей со дня своего учрежденія на новыхъ началахъ въ 1829 г., т. е. принятіе его подъ Высочайшее покровительство.... По этому случаю совершено было благодарственное молебствіе съ многолѣтіемъ Царственнымъ основателямъ.

Предъ молебномъ законоучитель сказалъ приличное слово изъ текста: „всѣмъ сердцемъ прославляй отца и не забуди болѣзней матери“. Къ 2-мъ часамъ наставники были приглашены начальницею на обѣдъ.

1855 г. Мая 19. Совершена закладка новыхъ зданій института преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ херсонскимъ. При этомъ онъ сказалъ приличную торжеству рѣчь.

Октябрь. Его Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ посѣтить въ Одессѣ старый институтскій корпусъ, обращенный тогда въ лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ.

1856 г. 15 Сентября. Посѣтилъ институтъ Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Стро-

гановъ. Осмотрѣвъ довольно удобныя помѣщенія институтокъ, онъ замѣтилъ: „хорошо-бы институту навсегда остаться въ Вознесенскѣ!..“ (Sic).

15 Ноября. Обозрѣвалъ институтъ, по Высочайшему повелѣнію, членъ опекунскаго совѣта князь Николай Ивановичъ Трубецкой. Между прочимъ, слушалъ урокъ по Закону Божію. Повидимому, остался доволенъ, ибо благодарилъ законоучителя въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ духѣ и направленіи воспитанницъ и ихъ отношеніи къ начальницѣ посѣтитель нашелъ нѣкую патріархальность въ самомъ добромъ смыслѣ этого слова.

1857 г. 10 Марта. Пріѣхалъ въ институтъ навѣстить болящую начальницу докторъ медицины Николай Ивановичъ Пироговъ (онъ-же и попечитель учебн. округа). Посѣтитель былъ въ классахъ и слушалъ уроки Закона Божія, гражданской исторіи и нѣкоторыхъ другихъ наукъ. По классу Закона Божія, выслушавъ изъясненіе законоучителемъ бесѣды Христа съ самарянкою, Николай Ивановичъ самъ предложилъ нѣсколько выводовъ изъ нея, и въ заключеніе просилъ законоучителя дѣлать въ толкованіи Евангелія примѣненія къ жизни...

27 Августа. Институтъ переведенъ обратно въ Одессу, послѣ трехлѣтняго странничества, и помѣщенъ на время въ зданіяхъ бывшаго лицея. На другой день законноучитель совершалъ молебствіе съ водосвятіемъ и окропилъ всѣ комнаты. При молебнѣ присутствовалъ градоначальникъ, графъ Алопеусъ.

Наканунѣ возвращенія института графъ А. Г. Строгановъ, пригласивъ къ себѣ настоятеля институтской церкви протоіерея С. Серафимова, поручилъ ему отслужить молебенъ по пріѣздѣ воспитанницъ и окропить покои ихъ святой водой.

22 Сентября. Исправлявшая должность начальницы Софья Антоновна Паульсонъ удостоилась получить Высочайшую награду — драгоцѣнную брошку за бывшій выпускъ. Чрезъ нѣсколько дней (27 окт.) получено Высочайшее соизволеніе объ утвержденіи ея настоящею начальницею. По этому случаю, согласно желанію ея, отслужено было благодарственное молебствіе, послѣ котораго законноучитель сказалъ новой начальницѣ пастырское привѣтствіе и слово назиданія.

1858 годъ. Февраля 5. Для обсужденія проекта инструкціи класснымъ дамамъ происходилъ педагогическій совѣтъ, въ которомъ участвовали: членъ по учебной части попечитель Н. И. Пироговъ, инспекторъ классовъ, начальница, законоучитель, врачъ заведенія и всѣ классныя дамы. Пироговъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующія мысли: 1) Полезно-бы было, если-бы классныя дамы вели ежедневныя біографическія замѣтки о поступкахъ и характерѣ каждой воспитанницы. 2) Каждодневное спрашиваніе уроковъ должно быть предоставлено учителямъ, а классная дама должна преимущественно заниматься слабенькими воспитанницами, помогая имъ въ пониманіи уроковъ. Сверхъ сего говорилъ, что цѣль изученія языковъ должна заключаться въ возможности читать полезныя книги; такъ-же надобно достигнуть того, чтобы въ женскихъ заведеніяхъ

всѣ предметы были преподаваемы женщинами и проч. и проч.

1859 г. 20 іюня. Институтъ переведенъ въ новыя зданія. Предъ тѣмъ, окропленъ былъ св. водою весь домъ, а по переселеніи воспитанницъ, вновь совершено было молебствіе съ водосвятіемъ.

27 іюля. Посѣтилъ институтъ министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій, въ сопровожденіи графа Строганова.

28 сентября. Его Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ соизволилъ удостоить своимъ посѣщеніемъ одесскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ часъ пополудни Монархъ прибылъ въ заведеніе и былъ встрѣченъ въ залѣ пѣніемъ „Боже Царя Храни". Затѣмъ онъ изволилъ осмотрѣть классныя комнаты, церковь, столовую, больницу и проч. Въ церкви настоятель церкви встрѣтилъ помазанника Божія съ крестомъ. Приложившись, Государь изволилъ спросить священника: „Сколько лѣтъ вы служите?" Потомъ онъ постоялъ съ минуту и сказалъ: „Церковь мала!" Между тѣмъ наступилъ часъ обѣда воспитанницъ. Государь благоизволилъ присутствовать при обѣдѣ и отвѣдать кушанья. Чтобы сохранить навсегда благодарную память о столь милостивомъ вниманіи Августѣйшаго Покровителя институтовъ, воспитанницы упросили начальство сдѣлать изъ ложки, которой Государь отвѣдалъ кушанье, колечки, съ надписью: „28 сентября", что и было исполнено. За найденную въ институтѣ исправность, Государь Императоръ изволилъ пожаловать начальницѣ фермуаръ, а экономическому члену Александру Ивановичу Орлаю св. Владиміра 3-й степени.

1861 г. іюнь. Высочайше разрѣшено отпускать воспитанницъ къ родителямъ на вакаціонное время. Говорятъ, что главный совѣтъ спрашивалъ предварительно мнѣніе г-жъ начальницъ институтовъ и большинство голосовъ было противъ отпусковъ.

20 августа. Воскресенье. Ихъ Императорскія Величества Государь и Государыня, Великая Княжна Марія Александровна и Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволили слушать Божественную литургію въ институтской церкви. Священнодѣйствіе совершалъ настоятель церкви протоіерей Серафимъ Серафимовъ съ соборнымъ діакономъ Иващенковымъ. Послѣ литургіи священникъ имѣлъ счастье поднести Августѣйшимъ Посѣтителямъ просфоры съ цѣлованіемъ рукъ ихъ; Монархъ взаимно поцѣловалъ руку священника. При выходѣ изъ храма, Государь отдалъ святой хлѣбъ одной изъ малолѣтнихъ воспитанницъ. По выходѣ изъ храма, Ея Величество милостиво разспрашивала воспитанницъ, кто въ какомъ классѣ, давно-ли въ институтѣ и т. под. А Императоръ осчастливилъ своею бесѣдою священника, именно: изволилъ спросить его: „Давно-ли вы служите?—Вы учите воспитанницъ и Закону Божію? —Были-ли вы въ Вознесенскѣ съ институтомъ?— Гдѣ вы тамъ служили?—Довольны-ли вы пѣніемъ дѣтей". Августѣйшіе посѣтители пробыли въ институтѣ около часа, обѣщавъ на другой день еще разъ посѣтить заведеніе. Изъ института Высокіе Гости отправились въ Соборъ.

21 августа. Государыня Императрица въ 12-ть часовъ утра вновь изволила посѣтить институтъ. Такъ какъ это было время обѣда воспитанницъ, то Ея Величество изъявила желаніе присутствовать во время обѣда. По занятіи воспитанницами своихъ мѣстъ, Государыня изволила сѣсть на первомъ мѣстѣ, какъ мать среди дѣтей, и ласково разговаривала съ начальницею. По окончаніи обѣда начальница имѣла счастье представить Императрицѣ классныхъ дамъ и учителей. При видѣ законоучителя, Государыня спросила его: „Сколько лѣтъ служите?" За симъ посѣтила церковь и взглянула на величественный образъ моленія о чашѣ; наконецъ, осмотрѣвъ больницу и ласково поговоривъ съ болящею воспитанницею, простилась. За найденную въ институтѣ исправность г-жѣ начальницѣ пожалована драгоцѣнная брошка.

1862 г. 24 іюня. Посѣтилъ институтъ Его Императорское Высочество принцъ Ольденбургскій. 25 и 26 числа посвятилъ на обозрѣніе его по всѣмъ частямъ. Краткія испытанія произвелъ по всѣмъ предметамъ; по Закону Божію спрошены были воспитанницы 1-го и 7-го классовъ; отвѣтами высокій посѣтитель остался доволенъ. 26 числа, въ 12-ть часовъ, онъ изволилъ обозрѣвать городское дѣвичье училище, а за симъ изъявилъ настоятелю институтской церкви желаніе, чтобы отслужено было молебствіе о здравіи великой княгини Александры Іосифовны, такъ какъ въ этотъ день празднуется день рожденія ея высочества. Тотчасъ собраны были воспитанницы въ церковь и въ присутствіи его высочества пропѣли стройно молебенъ, съ многолѣтіемъ всему

Царствующему Дому. Вечеромъ того-же дня, въ 8 час. посѣтитель далъ дѣтямъ балъ; приглашены къ участію въ немъ и учителя. Въ заключеніе праздника, раздавъ дѣтямъ лакомства, простился.

1864 г. 8 февраля. По несчастію обрушился новопостроенный сводъ надъ лѣстницею, ведущею въ классы и спальни. Господь сохранилъ дѣтей, которыя за минуту предъ этимъ прошли по лѣстницѣ. По этому случаю отправлено было благодарственное молебствіе и затѣмъ законоучитель сказалъ слово объ Ангелѣ-Хранителѣ дѣтей. Воспитанница Надежда Серафимова (дочь законоучителя) пожертвовала въ храмъ заведенія икону св. великомученика Ѳеодора Стратилата, память котораго совершается 8 февраля—стоитъ на жертвенникѣ. Она была въ числѣ дѣтей, поднимавшихся по лѣстницѣ за минуту предъ страшнымъ событіемъ.

1867 г. 12 марта. Исполнилось 50 лѣтъ со дня основанія Одесскаго городскаго дѣвичьяго училища, состоящаго въ вѣдомствѣ учрежденій Ипператрицы Маріи. По этому случаю законоучитель въ залѣ училища совершилъ, наканунѣ, панихиду объ упокоеніи душъ основателей и благодѣтелей заведенія въ присутствіи членовъ совѣта института. А на другой день, послѣ Божественной литургіи въ соборѣ, преосвященный Димитрій, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, прибылъ въ училище и совершилъ благодарственное молебствіе съ многолѣтіемъ Августѣйшимъ Покровителямъ скромнаго разсадника образованія, въ присутствіи г. генералъ-губернатора П. Е. Коцебу, градона-

чальника Одессы, г-жи начальницы института, инспектора классовъ, исправляющаго должность городскаго головы Палаузова и другихъ почетныхъ лицъ. Предъ окончаніемъ молебствія законоучитель заведенія, протоіерей Серафимъ Серафимовъ, произнесъ соотвѣтственную торжеству рѣчь. Генералъ-губернаторъ, выслушавъ рѣчь протоіерея С. Серафимова, сказалъ: „Вы хорошо сказали; дай Богъ, чтобы дѣти руководились вашими мыслями". Въ заключеніе учитель Николай Петровичъ Вороничъ прочелъ краткую историческую записку о началѣ и судьбѣ училища. Затѣмъ розданы были дѣтямъ лакомства, а въ комнатахъ смотрительницы предложена была посѣтителямъ скромная закуска.

15 іюня. Ея Величество Императрица Марія Александровна осчастливила институтъ своимъ посѣщеніемъ. Августѣйшая Покровительница Маріинскихъ учрежденій прибыла въ заведеніе въ часъ пополудни въ сопровожденіи Великой Княжны Маріи Александровны. Всѣ дѣти были собраны въ залѣ. Государыня преимущественно обратила вниманіе на дѣвицъ, окончившихъ въ этомъ году курсъ ученія, ласково съ ними разговаривала и удостоила нѣкоторыхъ материнскимъ поцѣлуемъ въ голову. Затѣмъ, г. начальница имѣла счастіе представить ей инспектора классовъ, законоучителя и классныхъ дамъ. Законоучителя Государыня спросила: „Сколько лѣтъ вы служите въ институтѣ?". Наконецъ Ея Величество изволила войти въ больницу; выходя отсюда, испросила благословеніе преосвященнаго Димитрія, который въ этотъ день совершалъ литургію и молебенъ въ институтской церкви, по случаю выпуска воспитанницъ.

25 августа. Въ пять часовъ пополудни изволилъ прибыть въ институтъ Его Высочество главноуправляющій учрежденіями Императрицы Маріи, принцъ Ольденбургскій. Дѣти всѣ собраны были въ залѣ. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о состояніи заведенія, Высокій Посѣтитель осмотрѣлъ нѣкоторые классы. Между тѣмъ, по случаю наступающаго праздника коронаціи, началось въ церкви всенощное служеніе; пѣли воспитанницы; пѣніемъ ихъ принцъ остался доволенъ. Предъ самымъ началомъ Божественной службы настоятель церкви имѣлъ счастіе представиться Его Высочеству, который сказалъ ему: „Я съ вами знакомъ съ 1862 г.".

На другой день, 26 числа, принцъ изволилъ слушать литургію и молебенъ въ институтской церкви и затѣмъ отправился въ соборъ. Возвратясь, началъ экзаменъ, продолжавшійся до 5 час. На третій день, 27 числа, Его Высочество слушалъ литургію въ институтской церкви, и по окончаніи обѣдни, опять производилъ экзаменъ до 5 час., а въ 8 прибылъ на дѣтскій балъ, данный на счетъ Его Высочества. Предъ прощаніемъ, принцъ изволилъ собственноручно раздать дѣтямъ лакомства. Все въ институтѣ найдено въ удовлетворительномъ порядкѣ; только о классныхъ дамахъ польскаго происхожденія Его Высочество замѣтилъ, что онъ не имѣетъ къ нимъ довѣрія... А потому онѣ были уволены вскорѣ. Сверхъ сего, приказалъ наглухо застроить рѣшетку институтскаго сада, обращенную на бульварную улицу.

25 октября. Ея Величество Государыня Императрица, въ обратный проѣздъ свой изъ Крыма чрезъ Одессу, вновь удостоила Одесскій институтъ своимъ посѣщеніемъ, причемъ благоволила осмотрѣть нѣкоторые классы и войти въ церковь, въ которой настоятель имѣлъ счастье встрѣтить Ея Величество съ крестомъ и со св. водою. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ словъ о состояніи учебнаго дѣла, простилась съ осчастливленными ею дѣтьми.

1868 г. 15 іюня. Обычный выпускъ воспитанницъ, по распоряженію совѣта, перенесенъ на 15-е число іюня въ память посѣщенія института Государынею Императрицею въ прошломъ 1867 году 15 іюня.

1869 г. 23 марта. Получено изъ 4-го отдѣленія предписаніе о производствѣ экзаменовъ по новымъ правиламъ, именно: велѣно производить формальныя испытанія только въ 3-хъ высшихъ классахъ, а въ прочихъ ограничиваться репетиціями. Также велѣно учредить ежемѣсячныя педагогическія конференціи.

17 іюня. Прибылъ Его Высочество принцъ Ольденбургскій. 18-го числа представлены были ему преподаватели, при чемъ Его Высочество спросилъ законоучителя: „Вы изъ Кіевской академіи?" потомъ: „Вы служите въ институтѣ съ основанія его?" Вечеромъ Его Высочество далъ дѣтямъ балъ, на который были приглашены и преподаватели. Когда законоучитель явился, принцъ подалъ ему руку и изъявилъ свое удовольствіе за участіе въ вечерѣ, присовокупивъ: „Это невинное удовольствіе".

19 іюня. Его Высочество еще разъ посѣтилъ институтъ; былъ въ столовой... Вообще при обозрѣваніи заведенія обращалъ преимущественно вниманіе на экономическую часть. Его Императорское Высочество простился, обѣщавъ быть еще съ Государемъ Наслѣдникомъ.

23 іюня. Происходилъ скромный актъ въ городскомъ дѣвичьемъ училищѣ въ присутствіи его высокопреосвященства, городскаго головы Новосельскаго и проч... Городской голова высказалъ законоучителю заведенія мысль, что „евреекъ полезно принимать въ училище въ томъ отношеніи, что христіанки будутъ имѣть на нихъ благотворное вліяніе". Владыка роздалъ дѣвицамъ, при благословеніи, изображенія Божіей Матери.

4 августа. Посѣтилъ институтъ князь румынскій или молдо-влахійскій Карлъ. Съ любопытствомъ осмотрѣлъ церковь, столовую, больницу и проч... Затѣмъ воспитанницѣ Кушъ, знавшей по молдавски, сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ.

29 августа. Въ десять часовъ изволилъ прибыть въ институтъ Его Высочество Принцъ Ольденбургскій. Шла обѣдня. Высокій Гость, постоявъ въ церкви до Херувимской пѣсни, удалился и осмотрѣлъ заведеніе. Прощаясь, обѣщалъ еще посѣтить институтъ съ Государемъ Наслѣдникомъ.

Примѣчаніе. Слушая заупокойную эктинію о воинахъ, возносимую 29 августа, принцъ спросилъ: „Кажется сегодня православные поминаютъ и родителей?"

4 сентября. Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Александръ Александровичъ и Супруга Его Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна осчастливили институтъ своимъ посѣ-

щеніемъ. Прибыли они въ 4 часа прямо съ поля маневровъ. Его Высочество былъ въ казачьемъ мундирѣ, роста высокаго, стройнаго; цвѣтъ лица бѣлый, физіономія открытая, выражающая нѣкую строгость, но съ благостію и добродушіемъ. Великая Княгиня роста средняго, черты лица весьма пріятныя, но казалась крайне истомленною. Послѣ нѣсколькихъ словъ въ общей залѣ, Высокіе Гости посѣтили и храмъ Божій, въ которомъ были встрѣчены съ честнымъ крестомъ. Великая Княгиня изволила спросить священника: „Сколько лѣтъ вы служите?“ За тѣмъ сказала: „Какой здѣсь хорошій городъ!“ Посѣтили спальни дѣтей, больницу и проч. Его Высочество Принцъ Ольденбургскій встрѣтилъ Великаго Князя у подъѣзда въ полной формѣ и велѣлъ начальницѣ подать Великой Княгинѣ рапортъ о благосостояніи заведенія.

8 октября. Въ часъ пополудни Его Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ одесскій институтъ, въ сопровожденіи Великаго Князя Алексія Александровича. Августѣйшій Гость нигдѣ, кромѣ Собора и института, не былъ. Воспитанницы съ дѣтскою любовію окружили Монарха-Отца и смѣло упрашивали Его оставить имъ что-либо на память. Въ церкви настоятель имѣлъ счастье встрѣтить (уже 3-й разъ) Помазанника съ крестомъ и со св. водою. Приложившись, Государь сказалъ: „Здѣсь 8 лѣтъ тому мы слушали обѣдню!“. Затѣмъ воспитанницы пропѣли „Спаси Господи люди твоя!..“ Монархъ выслушалъ священную пѣснь съ умиленіемъ. Потомъ

въ залѣ, Его Величеству угодно было, чтобы воспитанницы пропѣли еще что либо. Онѣ довольно стройно, безъ помощи регента, исполнили торжественно гимнъ свят. Амвросія Медіоламскаго: „Тебѣ Бога хвалимъ!“ Государь милостиво похвалилъ ихъ за усердіе къ пѣнію, Осмотрѣлъ опыты рисованія, вошелъ въ больницу и за тѣмъ простился. Выходя изъ храма, Государь спросилъ настоятеля: „Во имя какого святаго храмъ?...“

1870 г. 1 января. Резолюціею преосвященнаго архіепископа Димитрія протоіерей Серафимъ Серафимовъ перемѣщенъ въ г. Херсонъ настоятелемъ Собора, съ правами каѳедральнаго протоіерея и утвержденъ въ должности смотрителя тамошняго духовнаго училища, бывъ единогласно избранъ правленіемъ одесской семинаріи.

Изъ портфеля перваго историка г. Одессы*).

. . . . . Наконецъ, естественнымъ путемъ, при развитіи потребности въ чтеніи, явились книжныя лавки: француза Рубо, швейцарца Коленъ, русскія небольшія у Ширяева. Ширяевъ продавалъ свои книги вмѣстѣ съ посудою и хомутами, какъ товаръ, приходящій къ нему изъ одного и того-же источника—Москвы. Рубо въ одной половинѣ магазина предлагалъ книги и иностранные журналы, т. е. пищу духовную, въ другой—вино, ликеры, сыръ и консервы французскіе, т. е. пищу вещественную. И сказать правду, послѣдняя сторона его магазина усерднѣе посѣщалась первой. Продажа предметовъ изящныхъ искусствъ—кар-

*) Отрывки изъ личныхъ воспоминаній, богатаго собранія матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи нашего города и Новороссіи, маститаго „нестора" Новой Россіи тайн. сов. А. А. Скальковскаго. Къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности напечатать всей его статьи „Шестидесятилѣтіе общественной жизни г. Одессы". *Прим. ред.*

тинъ, мраморовъ и т. п.—также съ трудомъ производилась.

Постепенно явилась нужда въ типографіи, сперва для казенныхъ только работъ, далѣе для частныхъ, а именно для печатанія афишекъ, прейсъ-курантовъ, мореходныхъ листовъ и, наконецъ, календарей и другихъ періодическихъ изданій. Первымъ частнымъ одесскимъ типографомъ былъ Карлъ Морицъ-Сейнъ, который взялъ въ свое завѣдываніе городскую типографію въ 1820 году*) и получалъ даже по 2,400 руб. ассигнаціями годоваго пособія. Ему мы обязаны двумя или тремя видами Одессы, которые теперь очень рѣдки. Сколько намъ извѣстно, до 1832 года, т. е. календаря, изданнаго П. Т. Морозовымъ, который съ того времени съ небольшимъ только промежуткомъ времени выходитъ постоянно, былъ изданъ только разъ въ 1822 г. по образцу и размѣрамъ Бердичевскаго календаря и сдѣлался теперь библіографической рѣдкостью. Какія книги издавались до 1828 г.—намъ не извѣстно, а объ изданіи первой газеты скажемъ здѣсь нѣсколько словъ, какъ о явленіи, доказавшемъ уже большее общественное развитіе города, и какъ образчикъ литературныхъ произведеній того времени.

Журналъ этотъ на французскомъ языкѣ, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, основанъ въ 1820 г. № 1-й явился 1-го апрѣля. Издателемъ была какая-то небогатая компанія, подъ

*) Первую типографію въ Одессѣ завелъ кол. сов. Россетъ; его жена, послѣ смерти мужа, продала ее городу въ 1814 году за 4,000 р. ассигнаціями.

руководствомъ весьма образованнаго француза Ивана Даваллона (I. B. Davallon). Онъ былъ агрономъ и хозяинъ овчарнаго заведенія во Франціи. Но испытавъ разныя потери, искалъ средствъ существованія отъ своего пера. Газету свою онъ назвалъ „Messager de la Russie Meridionale, ou Feuille commerciele", которая выходила по вторникамъ и пятницамъ сперва на 1 полулистѣ—по невозможности, какъ сказано въ программѣ, издавать ее при недостаткѣ типографскихъ средствъ цѣлыми листами, т. е. на 4 страницахъ печати, какъ это дѣлается теперь. Она посвящена была преимущественно торговлѣ, а потому въ ней объявляли о прибывшихъ и отошедшихъ кораблях, курсѣ векселей и монетъ, цѣнахъ на товары, о продажахъ съ публичнаго торга, изрѣдка небольшія обозрѣнія о торговлѣ мѣстной и заграничной, но политическихъ извѣстій помѣщать ему не дозволено. Для нуждъ мѣстныхъ жителей присовокуплялись извѣстія о пріѣзжающихъ и выѣзжающихъ изъ Одессы и, что всего любопытнѣй, нѣкоторыя статейки о театрѣ, музыкѣ и увеселеніяхъ частныхъ и общественныхъ. Цѣна была довольна высока для того времени: годовая 45 р. ассигн. и 25 р. за полгода *).

Газета эта издавалась на французскомъ языкѣ; были попытки изданія и на русскомъ языкѣ. Сынъ бывшаго харьковскаго профессора Г. П. Гибаль, товарищъ Даваллона, былъ редакторомъ. Она

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что онъ издавалъ свою газету до 1823 г. и сдалъ ее типографу Сейцу уже по пріѣздѣ князя Воронцова.

вышла 1 іюля 1821-го года, подъ названіемъ: „Вѣстникъ Южной Россіи и пр.", но это доброе предпріятіе было весьма неудачно, какъ можно судить по слѣдующему наивному сознанію издателей въ въ № 41 1822 г. 29 апрѣля (10 мая).

„Въ прошедшемъ году, по требованію нѣкоторыхъ русскихъ купцовъ, мы предприняли изданіе нашего „Messager de la Nouvelle Russie" на русскомъ языкѣ. Хотя число подписчиковъ достигло только *семи*, изданіе наше продолжалось въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ. Мы ласкали себя надеждою, что русское купечество оцѣнитъ всю пользу журнала, издаваемаго для нихъ на отечественномъ языкѣ и поддержитъ наше предпріятіе —но ожиданіе наше не сбылось и мы, потерявъ болѣе 800 руб., его прекратили. Въ нынѣшнемъ году мы повторили еще разъ этотъ опытъ и хотя самъ г. полицмейстеръ, считавшій его полезнымъ, собиралъ подписку, но пріобрѣлъ не болѣе 5-ти охотниковъ получать газету, всѣ остальные отозвались, что они чрезъ евреевъ также хорошо получали нужныя извѣстія о торговлѣ, какъ и изъ газеты. Изъ чего мы заключили, что для Одессы еще не пришло время для изданія отечественнаго журнала".

Это грустное явленіе тѣмъ замѣчательнѣе, что и въ 1820 г., какъ и теперь, число купцовъ русскихъ (т. е. чисто русской крови) было всегда втрое больше иностранныхъ, не говоря уже о жителяхъ городскихъ изъ другихъ званій, особенно дворянахъ и чиновникахъ.

Чтобы дать понятіе о составѣ и духѣ собственно литературнаго отдѣла журнала нами опи-

сываемаго, мы приведемъ здѣсь двѣ или три статейки, сочиненныя какъ видно самимъ издателемъ, или кѣмъ нибудь изъ его главныхъ сотрудниковъ. Но для вящшей точности мы не рѣшаемся ихъ переводить, а предлагаемъ въ подлинникѣ:

№ 97. 24 марта 1822 г.

„Fêtes de Pâques".

„Les fêtes de Pâques ont durées 8 jours, elles viennent de finir. Ceux de nos lecteurs qui n'ont pas été présents aux fêtes d'Odessa, seront peutêtre bien aises que nous leurs donnions des details de ces fêtes. Le temps a été très beau, point de pluie, un beau soleil, une temperature entre 9 et 10 degrès au dessus de zero, engageait toutes les classes des habitants à se rendre sur le terrain fixé pour le lieu de réunion. Le katchaïe*) etait situé sur une éminence, près de la forteresse, d'où l'on voit la ville et la mer. Dans le centre étaient érigeés toutes les machines usitées pour ces occasions: ballançoirs, etc. etc. autour desquelles des boutiques non couvertes pour la vente des oranges, pommes, noix, pain d'épices, eau de vie etc. Un autre rang de tentes où les promeneurs pouvaient se reposer et trouver toute sorte de raffraichissements. Au dessus de ces tentes flottaient des pavillons de diverses nations. Comme la fondation n'est que d'environ un quart de siècle, sa population se compose d'étrangers de toutes les nations, les regnicols sont peu nombreux (??).

„Nous avons remarqué que pendant toute la durée des fêtes il n'ya eu ni rixe ni tumulte, le plus grand ordre y a constamment regné; tous ces étrangers réunis sous les lois

*) Т. е. качели. Эспланада бывшей крѣпости, теперь мѣсто занимаемое гор. театромъ, гдѣ устраивались качели на Пасху и на Троицынъ день.

protectrices et paternelles de notre pays semblaient être tous frères et de la même famille.

„Pendant les premiers jours de fêtes la pousière ques le vent fai ait lever incommodait les promeneurs, mais M· le maitre de Police, dont l'activité mérite des éloges et la reconnaissance des habitants de cette ville, a voulu bien ordonner qu'on arrose l'emplacement de katchaïe.

„Entre les tentes et les petites boutiques on avait laissé un espace libre pour la circulation des voitures et des cavaliers. Le plus grand nombre des équipages était très beau et attelé de superbes chevaux, les voitures meublés des dames en grande toilette et nous ajouterons toutes fort jolies.

„Les plaisirs n'ont point fait oublier aut veuves leurs defuntsépoux, aux enfans leurs pères et mères. Hier (въ Ѳоминъ понедѣльникъ) ont été visités les tombeaux; cet antique usage, nous ésperons existera toujours malgrè l'opinion de quelquels philosophes modernes".

Для сравненія совѣтуемъ прочитать описаніе гулянья подъ качелями, помѣщенное въ „Одесскомъ Вѣстникѣ", 1827 г. 16-го апрѣля № 29, по русски, писанное, какъ кажется, Туманскимъ.

Читая похвалы экипажамъ и лошадямъ, я невольно вспомнилъ стихи Пушкина, написанные имъ въ Одессѣ, вскорѣ послѣ прибытія его въ городъ:

„А въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
„Смѣняетъ хилаго коня".

Хорошихъ лошадей и хорошихъ экипажей даже въ 1827 году было очень и очень мало, какъ мы убѣдились во время перваго нашего посѣщенія этого города.

Въ другомъ нумерѣ (18 января № 3), въ отвѣтъ на критику о театрѣ, сказано, между прочимъ, по случаю постановки оперы „Гризельда“ *):

„. . . . Vous avez observé avec raison qu'on ne pouvait rien reprocher à un nouveau décorateur, lorsque nous n'avons vu que des vieilles décorations... Quant au tailleur (du theatre) je suis d'avis comme vous, que les vieux rideaux dont on a fait les justes-aux-corps de chevaliers n'ont pas produit l'effet d'optique, qu'on se proposait; j'en ai parlé au tailleur qui est un de mes amis, mais il defend ses coutures et est pret à se battre à coups des ciseaux contre tous ceux qui oseront se prononcer contre les grosses fleures rouges, qu'il a cousu sur un fond vert, sur la poitrine et sur le dos de ses héros. Ce brave homme a des connaissances en histoire et pretend que c'était le vrai costume des italiens du temps de la pièce. „Rien de plus beau que le vrai et le vrai seul est aimable“— m'a-t-il dit. — Non, M-r, je ne puis être de votre avis: et je citerai pour exemple celui des montagnards Ecossais qui ferait un effet extraordinaire sur la scène et surtout dans un ballet...

„Le 1-er Janvier on a donné „Le Barbier de Seville“: il a été executé comme si nous étions déjà au carnaval. Quelques acteurs ont mis dans leurs rôles beaucoup de gaité, même trop de gaité: on a cru y reconnaitre les esprits volatiles d'un vin de champagne mousseux, de fabrique Anglaise... Je suis loin de vouloir prohiber le vin de champagne, je l'aime beaucoup moi-même, mais ne pouvait on pas conseiller à ceux qui doivent paraitre le soir sur la scène, ou s'asseoir dans les fauteuils, de le reserver pour le souper le jour du spectacle...“

Въ другомъ нумерѣ начали появляться хвалебные гимны и даже акростихи въ честь пѣ-

---

*) Критика подписана такъ: „Pauvre ignorant, en musique, qui n'est pas même abonnée au théatre mais à qui cependant on accorde quelque fois une place dans la salle“.

вицъ, услаждавшихъ своею красотою или своимъ голосомъ глаза и слухъ одесскихъ любителей театра. Эти стихи были уже столь часты и столь посредственны, что вызывали самыя ѣдкія и забавныя журнальныя замѣтки. Главныя пѣвицы были: одна M-lle Adeline Arighi, soprano, вышедшая впослѣдствіи замужъ за одного богатаго и весьма почтеннаго генуэзскаго негоціанта, торговавшаго въ Одессѣ; другая была— Каталани (родственница знаменитой европейской пѣвицы). Вотъ нѣкоторые изъ этихъ поэтическихъ цвѣтовъ Одессы:

№ 4.

Adeline, tes chants attendrissent les **c**oeurs
De tes accens divins la touchante **h**armonie
Même de tes envieux fait tes **a**dmirateurs.
Image de neufs soeurs sur notre âme **r**avie
Règne par tes talens ta douce **m**élodie.
Arrighi dont les traits representent l'**a**mour,
Brillante des beautés d'appas et de **n**oblesse
Les charmes de ta voix nous ravissent **t**oujours
Et nous admirons tous ta grace **e**nchanteresse.

Другіе были брошены къ ногамъ другой пѣвицы Каталани, и вотъ одинъ изъ весьма многихъ хвалебныхъ гимновъ:

№ 1.

Antique adorateur des Beaucis d'Ausonie,
De nos jeunes talents injuste de tracteur,
Maître Adam s'érigeait en Dieu de l'harmonie:
Il frappait de sa foudre et chanteuses et chanteurs,
Rarement à nos jeux on le voyait sourire:
Aprésent il se tait, il écoute, il admire!
Barbare! enfin du goût tu reconnais l'empire!
Lui dis-je... et la raison?—la raison?—la voici:
Elle est fort simple: hè bien?—„j'ai vu Catalani“.

Есть еще гимнъ въ честь какой-то красавицы — пѣвицы Бартолуччи, но онъ слишкомъ длиненъ, чтобы его помѣстить.

Такое наводненіе поэзіи было причиною довольно остроумныхъ критикъ, ибо общество меломановъ раздѣлилось на два враждебные стана и рѣшилось искать неподкупныхъ судей. Оно рѣшилось избрать коммисію, подъ предсѣдательствомъ нѣкоего г. Жиле (Jillet)*). Вотъ образчикъ приговора этого новаго ареопага, возсѣдавшаго (до 1823 года) на берегу Понта Эвксинскаго:

„La commission chargée de prononcer sur les acrostiches insérés dans le „Messager“ a cru devoir adjuger le prix à celui qui a été publié, dans le № 4 de ce Journal... Elle a été decidée par le mèrite qu'a eu l'auteur de triompher d'une grande difficulte :– celle de reunir dans un seul acrostiche les ldeux mots donnés admirable et charmante (вмѣстѣ Arrighi и Catalani). La commission a vu aussi avec plaisir louer dans a même pièce des vers deux actrices qui ont des droits incontestables à la reconnaissance du public“...

А вотъ и такъ называемые épingles (колкія замѣтки), весьма любимыя современною публикою.

„M. Monari (le ténor) a chanté bien le rôle d'Almaviva (dans le Barbier) il ne lui manque qu'un pied de plus pour ressembler à un grand d'Espagne“.

„L'entrepreneur a économisé le tonnêre et les éclairs et le morceau de l'orage **) a passé incognito“.

*) Едва-ли не Remy Jillet, инспекторъ классовъ и помощникъ аббата Николь въ Ришельевскомъ лицеѣ.

**) Одна изъ превосходнѣйшихъ піесъ въ оперѣ Barbier, во второмъ актѣ.

„Notre jeune souffleur a moderé le diapason de sa voix... Autrefois il a été trés utile aux sourds, qui venaient voir l'opéra, car s'ils n'entendaient pas les acteurs ils entendaient au moins les soufleurs et ils ètaient par l'à au fait de la pièce“.

„La gelée est arrivée fort à propos pour le carnaval, pour les piétons, pour l'entrepreneur et surtout pour ses chevaux isabels. La semaine dernière le Char de Thespis était souvent enfoncé dans la boue, ce qui est triste pour les arts“.

Эти несчастные лошади самаго неслыханнаго фіолетоваго цвѣта, купленныя, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, у знаменитаго одесскаго скупца, бывшаго консула и кавалера К..., возили актеровъ и актрисъ на репетиціи и представленія и своею худобою, равно какъ и размѣрами кареты, составляли ежедневное наслажденіе школьниковъ и другихъ мальчишекъ Одессы.

Музыка и театръ итальянскій составляли главнѣйшій источникъ одесскихъ удовольствій. Этому служитъ доказательствомъ и другой документъ, найденный нами въ упомянутой газетѣ. Это — объявленіе о новомъ періодическомъ изданіи:

„Charles Maurie Seitz imprimeur et lithographe de cette ville, fera paraitre à dater du 1 Juin (1822) un journal de musique sous le titre de „Troubadour d'Odessa“. Le journal qui paraitra régulierément tous les mois, sera composé soit de meilleurs airs des operas italiens executées dans cette ville, ou de pieces fugitives pour le forte-piano, harpe et guitare.

„L'editeur invite les amateurs tant de cette ville que de l'interieur à lui adressser les productions de leurs talents; il se fera un plaisir de les inserer gratis dans son journal, si toutefois elle n'excedaient pas 6 pages d'impression.

„La première livraison sera composée: 1) des „Quel dirmi“—de l'opera „La pietra di paragona“ de Rossini, 2) „La placida campagna“ de Pacita, arrangée pour le forte-piano ou la harpe par M. Jean Belloli maître de musique de cette ville, 3) une Anglaise, 4) une quadrille française pour le piano: par M-me Octavie Piller et 5) une valse par *XX*“.

Слово gratis, неоцѣненно, вмѣстѣ съ предостереженіемъ на счетъ размѣра піесъ,—не больше 6 страницъ,—доказываетъ большое развитіе страсти не только къ слушанію, но и къ сочиненію музыкальныхъ піесъ въ Одессѣ. Мы уже не разъ намекали объ одесскомъ театрѣ,—время сказать нѣсколько словъ о его устройствѣ въ Одессѣ. Зданіе театра начато въ Одессѣ въ 1804 году по рисунку извѣстнаго архитектора Томона, построившаго здѣсь Соборъ и городскую больницу, Императоръ Александръ I пожаловалъ на его содержаніе по 38.000 руб. ассигнац. изъ городскихъ доходовъ.

До его открытія была временная зала въ большомъ магазинѣ помѣщицы Ржевусской, на Ришельевской улицѣ, существовавшемъ еще въ 1830 году. *) Здѣсь давали представленія свои пріѣзжіе актеры: польскіе, французскіе и, какъ говоритъ маркизъ де-Кастельно, однажды въ недѣлю — итальянцы. „Польская труппа,—говоритъ онъ,—есть совершенство въ своемъ родѣ, истинное гаерство въ плачевныхъ мелодрамахъ. Для актеровъ все равно, что слушатель, пришедшій плакать, смѣется надъ его піесой. Они, вѣроятно, взяли себѣ образцы изъ школы перипатетической, которые обучали своихъ слушателей, прогуливаясь. Наши польскіе актеры сильно потираютъ руки, усердно бѣгаютъ по авансценѣ и декламируютъ, что хотятъ, ошеломленнымъ слушателямъ. Несмотря на столь слабыя средства, содержатель театра зарабатываетъ много. Здѣсь все съ жадностью посѣщаетъ театръ и даже человѣкъ, съ хорошимъ вкусомъ, чтобы не сидѣть одному дома, слѣдуетъ за толпою, хотя зѣваетъ, когда она хохочетъ, или смѣется, когда она плачетъ“ *). Содержателемъ театра былъ сперва князь А. И. Шаховской, послѣ Монтовани. Его дочь и многіе актеры въ 1812 г., одни изъ первыхъ, поражены были чумною заразою. Дочь спасена, но почти всѣ актеры погибли, купивъ у еврейскихъ факторовъ уворованные съ судовъ заграничные платки и шали. Впослѣдствіи, когда театръ былъ возобновленъ, онъ былъ ввѣренъ купцу Ризничу, весьма образованному человѣку, и артисту Ф. Фіорини, которые съумѣли придать сценѣ столь изящное направленіе, что одесскій театръ имѣлъ счастье видѣть въ своей ложѣ Императора Александра I, щедро его одарившаго. Прибывшій въ 1822 году сардинскій архитекторъ Боффо перестроилъ всю сцену, прибавилъ l'arco harmonico, возобновилъ внутреннее ея устройство, повѣсилъ люстру съ кенкетами вмѣсто свѣчей и проч. **) Представленіе въ немъ открылось оперою: „Matrimo-

*) Въ этомъ домѣ былъ и родъ гостинницы съ общественною залою для вечернихъ собраній, которая, до постройки дома Рено, называлась „Старый клубъ.“

*) „Histoire de la n. Russie“, т. III, 34—35. Онъ говоритъ о театрѣ 1812 и 1814 гг.

**) Боффо построилъ домъ князя Воронцова, зданія присутственныхъ мѣстъ на бульварѣ и др.

nio segreto", 8 апр. 1822 г., далѣе пошли многократныя представленія „Севильскаго цирюльника" и другихъ произведеній Россини. Вотъ чрезвычайно любопытная статейка объ одесскомъ театрѣ (№ 80, 13 іюля 1822 г.), которая представляетъ сравнительное положеніе одесскаго театра въ двѣ эпохи, раздѣленныя промежуткомъ времени въ 16 лѣтъ *).

„Monsieur le Redacteur!

„Permettez au plus vieux et au plus ancien habitant d'Odessa de se feliciter de voir cette ville marcher rapidement vers la perfectibilité, si pompeusement annoncée par M-me Staël je ne parle point du froment, des laines, ni même des suifs. C'est sur la litterature qui je dois faire compliment à mes concitoyens de leurs progrès. Votre journal s'enrichit journellement des productions ingenièuses d'un grand nombre d'aristarques dont quelques uns parlent de ce qu'ils savent, et d'autres de ce qu'ils ne savent pas. Paris a possedé un aristarque fameux; c'etait le grand Geoffroy. Nous avons ici 12 petits Geoffroys (en me comptant ou sans me compter) or, comme 12 petits valent un grand, Odessa vaut Paris, la conséquence est claire, et le corollaire prouve la proposition. Je conçois du reste, l'humeur de tous nos connaisseurs ou de ceux qui se donnent pour tels. En effet notre spectacle actuel est si mauvais!!! Nous avons, il est vrai, 3 prima-donna excellentes, mai rien que trois; c'est bien peu: 2 secondes fort bonnes, 2 troisièmes qui voudraient bien l'être. Nous possedons 4 Bouffes dont 2 du premièr ordre, 2 bons tenores que nous connaissons, un que nous ne connaissons pas, et le protée Schikitanss. Notre orchestre est composé de 24 musiciens, d'un bon maître de chapelle et d'un excellent violon dirigeant. Et enfin notre entrepreneur, quoiqu'il se fache quelque fois contre moi à cause de notre ami commun le tailleur; n'en merite pas moins la reconnaissance du public par le zèle éclairé qu'il montre, les depenses qu'il fait pour embellir et enrichir la scène, et le soin qu'il prend pour monter les pièces et varier les représentations. Mais qu'est ce que tout cela prouve? et peut-on raisonnablement comparer notre Thêatre actuel avec celui que nous avons eû ici autrefois? Heureux les jeunes gens qui n'ont rien á regretter et qui peuvent jouir de ce qu'ils ont! moi je suis trop vieux pour avoir les jouissances de l'expérience. Hélas! il y a 16 ans, du tems de nos ayeux nous avions aussi un spectacle à Odessa! et quel spectacle!!! je m'en rappelle encore avec delice et émotion. La salle était magnifique; elle avait été arrangèe dans une vieille caserne; on en avait cependant negligé la toiture, et en temps d'orage chaque spectateur était obligé d'apporter son paraplué; mais dans les grandes chaleurs c'était très rafraichissant: Une douzaine de poutres de differentes grandeurs, posés artistement sur quatre immenses tonneaux, formaient le plancher de la scène; ces tonneaux ayant été empruntés à l'Otkoupschik de la ville et n'ayant pas été parfumés, donnaient par leurs exhalaisons spirituelles ou spiritueuses de tendres souvenirs aux spectateurs. Parlons un peu de nos decorations d'alors; elles étaient magnifiques: le fond de la salle était, il est vrai, le mur des anciennes cuisines des Cazérnes, mais par l'humidité naturelle du batiment ce mur était tellement moisi, qu'on y remarquais de grandes taches vertes qui le soir ressemblaient à un beau jardin. Quatre vieilles échelles formaient les

---

*) Въ первое мое пребываніе въ Одессѣ, въ 1816 году, проѣздомъ на должность въ Константинополь, изъ всѣхъ тогдашнихъ зданій юнаго города украшеніемъ былъ театръ, видъ коего съ моря рѣзко отличался классическою своею архитектурою отъ другихъ мелкихъ строеній, около него разсѣянныхъ, и напоминалъ зрителю съ моря древній греческій храмъ на возвышеніи береговъ Архипелага. Я тогда пробылъ только дня два или три въ Одессѣ, но былъ въ театрѣ и наслаждался представленіемъ старинной оперы Аблесимова: „Мельникъ", очень хорошо сыгранной русскими заѣзжими актерами.

coulisses; elles étaient recouvertes par des superbes bandes de papier peintes d'un coté en bleu clair (c'etait le ciel) et de l'autre coté en verd foncée (c'etait la forêt). Pour le salon on ajoutait sur ses bandes de papier des fenêtrés et des portes traceès avec du charbon, cela faisait un effet surprenant. La salle était parfaitement illuminée par quatre belles chandelles à 7 à la livre: mais je dois cependant avouer que les 70 quinquets de M. Buonavoglia donnent plus de clarté, et c'est l'effet du progrès des lumières. L'orchestre n'etat pas nombreux. Il ne consistait qu'en deux amateurs, le flageolet du bataillon grec et le tambour de la Police, mais aussi quels artistes! quels sons harmonieux ils savaient tirer de leurs instruments! avec quelle exécution ils auraient pu suivre et même imiter les roulades des prima-dona. Nos acteurs admirables dans le tragique, representaient d'après nature, Esther et Ashalie, ils ètaient tous enfans d'Israël, et avaient conservé un accent hebreu qui faisait fort bien dans les morceaux d'ensemble et dans les finales de tragédiés. Notre jeune premier avait beaucoup d'éxperience, on aurait pu s'en apercevoir à ses cheveuz blancs: mais pour jouer les amonreux il empruntait la perruque du directeur qui alors restait dans sa loge en bonnet de coton. Le tyran était un petit jeune homme blond de 18 ans, haut de quatre pieds 8 pouces de France et dont la voix flutée faisait frémir dans les morceaux de rage. La première actrice était en longueur, juste le double du tyran, et quand elle portait une toque avec des plumes elle s'élevait jusqu'au Ciel; elle avait une voix rauque de basse très prononcée et delicieuse dans les declarations d'amour. On jouait tout sur notre theâtre, drame, melodrame, farces, comedies, tragedies, ballets. C'etait une varieté surprenante: je ne me manquais pas une seule représentation, et toujours je trouvais de quoi m'égayer. Par exemple jè defie Buonavoglia et toutes ses troupes de nous donner une farce aussi divertissante que celle dont j'ai été le témoin en 1806. On jouait la veuve de Malabar: je passe sur l'execution admirable des 4 premièrs actes; j'àrrive au denouement: on avait construit un superbe bucher, moitié en bourriane moitié en Kizik, Lanassa, en se dessinant monte sur ce bucher par le moyen de la seule chaise de paille rembourée que l'on posseda alors au Comité de la ville et qu'on avait pretée au theâtre pour cette occasion. Mais le premièr machiniste, qui étais un vieux invalide de la Police, au lieu de mettre le feu au bucher, alluma les jupons de la première actrice: elle se sauve, en faisant des cris affreux, d'abord dans la salle, et de la salle dans la rue: la queue de sa robe aurait pufaire l'effet de celles des renards de Samson et mettre le feu à toutes les maisons, s'il y avait eû alors des maisons dans la ville. Le grand prêtre courut après Lanasse; le général français courut après le grand pretre, le directeur du teâtre courut après le général, le maitre de Police courut après le directeur, et l'on ne sait pas comment tout cela eût fini si un vaisseau qui était dans la rade, et qui apperçut l'incendie n'eut dirigé ses pompes sur l'actrice enflammée et sauvée le reste de ses vetemens. Ah! mes chers concitoyens que n'êtes vous nés plutot, pour avoir eû comme moi une juste idée de la perfection où un theâtre peut être porté; que vous êtes malheureuz d'en être reduits à M-mes Catalani, Arrighi et Riccardi etc; et à M-eurs Bartholucci, Riccardi, Monari, Quadri, Morandi etc.!!! Mais cependant faites vous une raison, prenez votre malheur en patience et contentez vous du peu que vous avez".

Кромѣ театра, были еще въ Одессѣ и другія увеселенія, а именно: балы, вечера (conversazione) и даже конскія скачки, какъ можно судить по сдѣланному въ 1821 г. объявленію: „Одесскія конскія скачки будутъ произведены 16 сентября. Господа, желающіе привести лошадей для участія въ скачкахъ, должны до 7 сентября адресоваться въ контору газеты „Messager", чтобы узнать объ условіяхъ, на которыхъ состязаніе лошадямъ будетъ опредѣлено".

Мы пріобрѣли одинъ весьма любопытный документъ о томъ, что были такъ-называемые вечера на итальянско-французскій ладъ (conversazione). Въ 1814 г. у одного Одесскаго негоціанта было собрано небольшое, но самое избранное общество. Въ немъ участвовалъ самъ герцогъ де-Ришелье и всѣ главныя красавицы города. Какъ видно по нѣсколькимъ намекамъ, дамы были въ костюмахъ. Забава называлась „Секретарь“, т. е. одно или два лица составляли именной списокъ гостей, а другіе, видно записные (beaux-ésprits) дѣлали о нихъ замѣчанія въ прозѣ и стихахъ. И вотъ въ тотъ вечеръ на одной запискѣ написаны были имена главнѣйшихъ гостей, на другой даны были имъ наллежащіе девизы или лозунги, а на третій стихи — итальянскіе или французскіе — въ честь наименованныхъ лицъ.

Гости были:

Мужчины:

1. Герцогъ Ришелье.
2. Комендантъ Г. М. Кобле.
3. Почтмейстеръ.
4. Статскій совѣтникъ Трегубовъ, впослѣдствіи одесскій градоначальникъ.
5. Австрійскій консулъ.
6. Н. Ив. Штиглицъ.
7. Купцы: Лоде, Понсіо, Гаторно, Рено и др.
8. Графы: де-Рошешуаръ и де-Растиньякъ, родственники герцога.

Дамы:

1. Трегубова 1.
2. Трегубова 2.

3. Гр. Кастилю, урожденная Бларамбергъ, жена испанскаго консула.
4. Милашевичъ, урожденная Башилова.
5. Г-жа Катли.
6. Г-жа Аркудинская.
7. Помѣщица Еліяшевичъ.
8. M-lle Кобле.
9. Дѣвица Бриммеръ, впослѣдствіи гр. Ланжеронъ.

Вотъ 14 нумеровъ девизовъ и сочиненныхъ къ нимъ экспромтовъ:

1. Герцогу:

Девизъ: „All'Idol degl'Evviva!“

(„Предмету нашихъ ура!“ Стихи обращены къ графу Растиньяку, недавно выздоровѣвшему).

„Viva l'aura che ravivva
Rostignac ognor valente!
Viva pur, è tuo parente,
Emol tuo nella virtu!“

2. Коменданту Кобле (любившему угощать себя и другихъ):

Девизъ: „A l'ami des amis“.

„Bien pour nous que vous jouissez;
Qu'on vous aime en coeur, en âme.
Mais de nous, quand vous buvez
Qui est celui qui mieux se pâme?“

3. Австрійскому консулу (пожилыхъ лѣтъ человѣку):

Девизъ: „A l'esprit du bon gout“.

„Pendant une aimable jeunesse
On n'est bon qu'á se divertir,
Et quand le bel âge nous laisse
On n'est bon qu'à se repentir“.

4. Почтмейстеру (господину малаго роста, съ большимъ носомъ и большому волокитѣ):

Девизъ: „A mon maitre de Postes".

„En mille endroits détournés
L'amour vous mêne par le nez".

5. Графинѣ Castiglio (красавицѣ французженкѣ съ черными чудесными глазами);

Девизъ: „Al occhio d'Odessa!"

„Vani son gli sforzi tuoi!...
Se la maschera ti cela,
Tutto in te, il tuo pur ci svela
L'occhio tuo non e che a te".

6. Г-жѣ Трегубовой:

Девизъ: „A la plus aimable!"

„Mademoiselle, ayant appris que vous aimez á seconder avec beaucoup de gout les charmes que vous avez en partage de la belle nature, je me fais un honneur de vous prier à vouloir bien aggreer mes services en qualité de coiffeur, de même que celui de vous envoyer mon adresse qui est ci-jointe: à la plus aimable! Chez M. Toupet". (Она кокетничала великолѣпіемъ своихъ волосъ).

7. Трегубовой второй:

Девизъ: „A la bien deguisée"!

„Si à l'esprit je fais hommage,
C'est au coeur que je me rends;
Car de deux la belle image,
Est bien loin de tout vivant".

8. Г-жѣ Милашевичъ, богатой красавицѣ, сохранившей, какъ Нинона, красоту въ глубокой старости:

Девизъ: „A la Minerve d'Odessa!"

„Pour l'idole le plus aimable
Que vaudra un peu d'encens?
Ton égal est dans la fable,
Jupiter est ton amant".

9. Женѣ англійскаго купца Катли, славившейся своимъ стройнымъ станомъ:

Девизъ: „à la Diane d'Odessa!"

„l'ochio parla, il cor rissente,
Dov'ha influsso l'astro argente".

10. Полковницѣ Аркудинской (нынѣ генеральша Пущина):

Девизъ: „A la celeste beauté".

„De Venus chez vous ont voit les grâces
La fraicheur et sou enjouement
Toujours on verra sur vos strace
Se Dieu du tendre sentiment".

11. Полковницѣ и помѣщицѣ Еліяшевичъ:

Девизъ: „A la grâce seduisante!"

„Vous avez tout reçu sans être plus fière
Beauté, grâce, raison, il ne vous manque rien;
Qui counait ésprit vous admire et s'eclaire
Qui counait votre coeur, ni peut garder le sien?"

12. Дѣвицѣ Кобле (нынѣ маркиза Паулуччи, вдова генералъ-адъютанта):

Девизъ: „à l'innocence!"

„Je vous aime, je vous le dis
Je vous prefere au paradis".

13. Г-жѣ Солодовниковой:

Девизъ: „Al cor sensibile!"

„L'innocente torterelle
Filomele pui di quelle
Dire al ciel, all'Eco, all'ore
Cosi volga il tuo bel core!"

14. Дѣвицѣ Елизаветѣ Бриммеръ (нынѣ графиня Ланжеронъ):

Девизъ: „à l'étoile du jour!"

„Jeune coeur, croyez moi, laissez vous enflammer...
Tôt ou tard, il faut aimer".

Въ то-же время въ Одессѣ начали заводить постоянныя собранія по примѣру итальянскаго казино и московскихъ клубовъ и построено для того особое изящное помѣщеніе. Бывшій консуломъ французской республики въ Одессѣ, а послѣ заслуженнымъ торговцемъ, ком. совѣт. Рено купилъ одно изъ первыхъ, хорошо сооруженныхъ въ Одессѣ зданій, принадлежавшее до 1805 г. князю Гр. Сем. Волконскому и построенное на мѣстѣ бывшаго здѣсь турецкаго комендантскаго дома. Перестроивъ и украсивъ его, онъ выстроилъ еще для вечернихъ собраній особую овальную залу въ итальянскомъ вкусѣ, съ галлереями вокругъ и хорами, истинно изящной архитектуры; въ этой залѣ одесскіе граждане имѣли счастье принимать въ 1816 г. Императора Николая, бывшаго тогда Великимъ Княземъ, а въ 1818 г. и Императора Александра I, почтившаго балъ и самую залу Своимъ лестнымъ отзывомъ. Другую половину его дома занималъ гр. Ланжеронъ и въ

ней имѣлъ пребываніе Императоръ Александръ I въ маѣ 1818 г. Этотъ домъ Рено, въ которомъ до 1835 г. давали балы и концерты, сгорѣлъ въ ночь съ 27 на 28 августа того-же года. Вскорѣ явилась потребность и въ другихъ болѣе постоянныхъ собраніяхъ. Вотъ что сказано объ этомъ предметѣ въ одномъ февральскомъ нумерѣ одесской газеты 1822 года.

„Говорятъ объ учрежденіи въ Одессѣ трехъ новыхъ обществъ. Первое, подъ названіемъ „Рессурсы", съ опредѣленнымъ числомъ членовъ, не болѣе 40—платящихъ по 200 р. асс. ежегодно. Въ немъ будетъ кабинетъ для чтенія журналовъ, зала для билліарда и игры въ карты. Второе—подъ названіемъ: „Клубъ изящныхъ искусствъ" (Club des arts)—будетъ основано и управляемо содержателемъ нашего театра *) Наконецъ, говорятъ, основывается и 3-е собраніе, подъ названіемъ: „Хаджибейскаго клуба" (Club de Kodjabej). Число подписчиковъ въ немъ не ограничено, съ платою только по 50 руб. ассигн. ежегодно. Въ немъ будутъ: кабинетъ для чтенія періодическихъ изданій, билліардъ, кофейня и музей для храненія моделей и рисунковъ новыхъ изобрѣтеній и образчиковъ всевозможныхъ произведеній отечественной и иностранной промышленности".

Издатель газеты оканчиваетъ эту интересную статейку слѣдующимъ любопытнымъ заключеніемъ: „Такъ какъ многіе иностранцы могутъ не

*) Содержателемъ театра былъ, какъ мы сказали выше Г. Ризничъ, въ домѣ котораго чаще всего бывалъ Пушкинъ, но въ концѣ 1821 г. онъ уступилъ театръ купцу Негри.

знать, что такое за названіе Kodjabej, то мы считаемъ нужнымъ извѣстить, что это было небольшое турецкое селеніе и крѣпостца, на пепелищѣ которыхъ построенъ нынѣшній городъ Одесса. И это селеніе, лежавшее нѣкогда въ настоящей пустынѣ, преобразовалось какъ-бы волшебствомъ въ богатый городъ, лишь только этотъ клочекъ оттоманскихъ владѣній перешелъ въ отеческое владѣніе Россіи!"

Въ 1823 г. въ домѣ Рено, въ квартирѣ гр. Ланжерона, устроенъ былъ клубъ, т. е. „Рессурса", которая, соединившись съ клубомъ Хаджибейскимъ, сдѣлалась коммерческимъ собраніемъ подъ названіемъ Casino de commercio. Впослѣдствіи между 1823 и 1828 г. графъ Ланжеронъ построилъ себѣ собственный домъ близь лицея*), отчего и улицу, идущую отъ театра къ городскому саду, и спускъ по той-же улицѣ къ Карантинной гавани назвали Ланжероновскими.

Первый начальникъ и „собиратель" Одессы адмиралъ де-Рибасъ жилъ сперва въ небольшомъ одно-этажномъ домикѣ на Польской улицѣ, который онъ, уѣзжая изъ Одессы, подарилъ своей ключницѣ Блавацкой (теперь на его мѣстѣ находится хлѣбный магазинъ иностраннаго гостя Вучина), послѣ построилъ онъ себѣ двухъ-этажный домъ съ садомъ (нынѣ домъ г. Исаковича), отчего и улица, идущая отъ Соборной площади на Ришельевскую улицу, названа Дерибасовской. Въ 1801-мъ году, когда де-Рибасъ былъ уже адмираломъ и жилъ въ Петербургѣ,

*) Теперь домъ Склаво.

домъ его купленъ былъ городомъ и въ немъ помѣщалась канцелярія и квартира градоначальника, когда это званіе отъ должности генералъ-губернатора въ 1820 г. было отдѣлено. Ришелье усердно занимался садомъ*), развелъ тамъ бѣлую акацію и посадилъ собственноручно цѣлые ряды дикихъ каштановъ (maroniers), которые погибли въ засуху 1847 г. Въ этомъ домѣ де-Рибаса г. Одесса встрѣтила въ августѣ 1823 г. новаго своего начальника, князя М. С. Воронцова.

Ришелье, по пріѣздѣ въ Одессу, 9-го марта 1803 г., остановился въ небольшомъ красивомъ полутораэтажномъ домикѣ, который выстроилъ насупротивъ упомянутаго дома кн. Волконскаго (послѣ Рено) начальникъ портовой таможни кол. сов. М. М. Кирьяковъ**). Герцогу этотъ домикъ такъ понравился, что онъ купилъ его для города и оставался въ немъ во все время пребыванія въ здѣшнемъ краѣ. Домъ этотъ въ 1820 годахъ былъ уже полуразрушенъ и занимаемъ былъ театральнымъ управленіемъ; только балкончикъ съ колоннами, на которомъ ежедневно подъ вечеръ герцогъ находился и принималъ посѣщенія всѣхъ одесскихъ жителей, оставался цѣлымъ до 1827 г. На этомъ мѣстѣ выстроено въ 1830 годахъ казенное зданіе изящной архитектуры въ чисто венеціанскомъ вкусѣ, въ 3 этажа, подъ названіемъ „дома градоначальника". Но его никогда градоначальники не занимали, а обращали въ большую гостинницу, подъ названіемъ „Ришельевской";

*) „Городской", подаренный городу братомъ адмирала Феликсомъ.

**) Нынѣ Городской домъ—противъ гор. театра.

такъ-же названа и улица, ведущая отъ театра до бывшей таможенной заставы, а теперь развалины съѣзжаго дома 1-й части города. Одинъ очевидецъ, посѣтившій герцога въ 1813 г., немедленно послѣ окончанія чумной заразы, такъ описываетъ жилище этого доблестнаго сановника. „Въ маленькой передней стоялъ часовой и лежала великолѣпная собака, въ залѣ дюжины 2 стульевъ и круглый столъ для обѣда. Здѣсь меня весьма привѣтливо встрѣтили адъютантъ герцога Гельфрейхъ *), Селиховъ и аудиторъ Юрковъ, который былъ настоящимъ factotum по хозяйству герцога. Ришелье принялъ меня въ кабинетѣ, т. е. комнатѣ, похожей на раззоренную непріятелемъ кладовую. На столѣ изящной работы съ бронзами—кучи бумагъ и плановъ; и тутъ-же стояли: правитель канцеляріи Шеміотъ (впослѣдствіи Екатеринославскій губернаторъ) и полковникъ Стемпковскій, другой адъютантъ герцога, управлявшій военною перепискою. Недалеко отъ камина простая софа безъ спинки, на ней кожаная подушка и военная шинель составляли, какъ я узналъ послѣ, постель градоначальника. У того-же стола было кресло совершенно вытертое и нѣсколько весьма старыхъ стульевъ; на стѣнѣ великолѣпный портретъ Императора Александра и нѣсколько драгоцѣнныхъ миніатюръ. Герцогъ былъ въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ, волосы вились натуральными буклями, самая привѣтливая улыбка меня встрѣтила. Я прибылъ изъ Крыма. „Ну, что у васъ хорошаго, все спокойно, неправда-ли? Чума и у

*) Бывшій послѣ командиръ 4 пѣхотнаго корпуса и генералъ-отъ-кавалеріи.

у васъ кончилась, слава Богу? А татары сидятъ тихо, не правда-ли!“—Онъ намекалъ на желаніе маркиза де-Траверсе, въ части исполненное,—вывести съ южнаго берега Тавриды татаръ крымскихъ за горы... Я у него обѣдалъ вмѣстѣ съ Стемпковскимъ и Юрковымъ; обѣдъ состоялъ изъ бульона, большаго количества зелени, бараньихъ котлетокъ и рыбы. Герцогъ былъ веселъ и не разъ восхищался аппетитомъ и молчаливостью своего аудитора. Во все время до обѣда, во время стола и послѣ приходили разные люди высшаго и простаго класса, по дѣлу и безъ дѣла—и всѣхъ онъ принималъ ласково, терпѣливо, хотя, видимо, усталость его одолѣвала. Въ 6 часовъ вечера пошелъ къ морю купаться, закутанный въ свою старую шинель, весьма изношенную и всѣмъ хорошо извѣстную“.

Таковъ былъ Ришелье; все вокругъ него блистало, все кипѣло неслыханною дѣятельностью. Онъ былъ тихъ, кротокъ и неутомимъ; здоровье имѣлъ желѣзное. Одно только выводило его изъ терпѣнія—это дурное обхожденіе съ деревьями, которыя онъ засадилъ по всѣмъ почти улицамъ. Однажды, въ отдаленномъ кварталѣ, замѣтилъ онъ печально завядшую молодую акацію; онъ вошелъ въ домъ, противъ котораго она росла и просилъ хозяина полить бѣдное дерево. „Если тебѣ некогда,—сказалъ онъ,—то дай мнѣ кружку воды, я самъ орошу страдающее дерево“.

Его скромность лучше всего выразилась въ рѣчи, которую онъ сказалъ въ собраніи всего города, по случаю сбора приношеній на пользу отечества въ тяжкую годину войны 1812 года.

„Вы были свидѣтелями, господа, что въ теченіи 9-ти лѣтъ, какъ я начальствую въ здѣшнемъ краѣ, я не щадилъ ничего, чтобы устроить благоденствіе здѣшнихъ жителей. Я сдѣлалъ все, что въ силахъ моихъ было, льщусь надеждою, что заслужилъ нѣкоторыя права на вашу признательность. Для блага новаго отечества, для спасенія его, я жертвовалъ и жертвую всѣмъ. Покажите и вы единодушно въ нынѣшній день, что вы истинные россіяне, и я не буду ожидать лестнѣйшей награды за попеченія, которыя имѣлъ объ васъ“. Но онъ не дождался этого возмездія; онъ даже не видѣлъ плодовъ главнѣйшихъ своихъ начинаній: лицея и порто-франко, о которыхъ хлопоталъ всю жизнь, проведенную въ Одессѣ. Ему оставалась одна радость: отгадать и основать великую будущность возсозданнаго имъ города и знать о вѣчной благодарности къ нему его жителей и ихъ потомковъ.

Преемникъ его, въ званіи генер.-губернатора и градоначальника, графъ Ланжеронъ въ 1788—1791 г. сражался на стѣнахъ Измаила подъ командою Суворова. Но вступивъ въ дѣятельную военную службу, не оставлялъ ее до самаго вѣнскаго мира и назначенія его въ Одессу. Храбрый въ дѣлѣ, твердый въ опасности, онъ въ частной жизни былъ очень горячъ, нетерпѣливъ и неимовѣрно разсѣянъ.

Онъ любилъ блескъ и роскошь. Къ тому-же онъ былъ женатъ дважды: сперва на знатной барышнѣ княжнѣ Трубецкой, а послѣ на знаменитой одесской красавицѣ Елисаветѣ Адольфовнѣ Бриммеръ; до назначенія своего въ Одессу, онъ уже былъ корпуснымъ командиромъ, Андреевскимъ кавалеромъ и имѣлъ орденъ св. Георгія 2-го

класса, слѣдственно, къ знатности своего рода, онъ присовокуплялъ личное военное значеніе. Отъ того жить скромнымъ философомъ и цинцинатомъ, какъ Ришелье, ему было невозможно. Наконецъ, онъ имѣлъ радость видѣть въ стѣнахъ своего города царствовавшаго и будущаго Русскихъ Монарховъ, принца Гессенъ-Гомбургскаго, Великаго Князя Михаила Павловича и многихъ знатнѣйшихъ сановниковъ Имперіи, тогда какъ Ришелье, кромѣ вѣнчанной эмигрантки Каролины, королевы неаполитанской, искавшей не блеска, а самой скромной безвѣстности и уединенія, да знаменитыхъ эмигрантовъ, своихъ спутниковъ: Дамаса, Полиньяка, Рошешуара, Граммона и, наконецъ, русскихъ и польскихъ помѣщиковъ: Радзивилла, Чарторижскаго, Любомірскаго, князя Волконскаго, князя Вяземскаго, гр. Борха и др.— никого не угощалъ въ своей дорогой Одессѣ. Одно только имѣли общее—это бѣдность и щедрость. И одинъ и другой послѣдней копѣйкой дѣлились съ бѣдными и не бѣдными. Кромѣ небольшаго дома и едва устроеннаго хутора, Ланжеронъ ничего не оставилъ своей женѣ. Ришелье продалъ свою дачу въ Крыму „Гурзуфъ“, за невозможностію содержать ее, а свою аренду, на дорогу пожалованные деньги и свою одесскую дачу роздалъ, какъ мы сказали выше, по чувствамъ своего сердца и убѣжденія. Одинъ и другой разстались съ жизнію, дождавшись того, чего наиболѣе желали: возстановленія Бурбоновъ во Франціи и неслыханнаго развитія города, котораго видѣли колыбель и младенчество. . . . . .

II.

Одесскіе недуги.

(Писано въ 60-хъ гг.)

А въ Одессѣ добре житы,
Мишкомъ хлиба не носиты *),
Подушнаго не платиты;
На паньщину не ходиты,
Ни за плугомъ, ни за раломъ...
Называютъ мене паномъ.

Нар. пѣснь, соб. Максимовича.

Нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря славной борьбѣ 1854—1856 годовъ, вся почти Россія познакомилась съ Одессою. Вся, вѣроятно, русская армія перебывала въ ней, очистила ея модные и „галантерейные“ магазины, облегчила свои карманы отъ лишнихъ денегъ и побранила ее порядкомъ за ея пыль, грязь, недостатокъ тѣни, а еще болѣе за приманку роскоши и невольной расточительности **). Матеріальныя бѣдствія Одессы были уже извѣстны и великому поэту Россіи — Пушкину, воспѣвшему ее въ 1820 годахъ.

Пушкинъ зналъ одесскую грязь, одесскую пыль и одесскій зной весьма близко, когда, повѣривъ лорнету своего друга В. Туманскаго, такого-же какъ и онъ самъ поэта, рыскалъ по городу и окрестностямъ, отыскивая сады, очаровавшіе

---

*) Намекъ на рабочаго, идущаго, изъ предосторожности, съ кускомъ хлѣба въ мѣшкѣ.

**) Мы видѣли коммиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, покупавшихъ по 5 и 6 золотыхъ часовъ и цѣпочекъ, по сознанію самыхъ купцовъ, въ 2 и 3 раза дороже обыкновеннаго.

его за-глаза. Отъ того онъ и говоритъ, что его другъ Туманскій

„Очаровательнымъ перомъ
Сады одесскіе прославилъ....
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая кругомъ;
Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь“...

Кромѣ того, онъ лично убѣдился, что Одесса пять или шесть недѣль сряду

„Потоплена, запружена
Въ густой грязи погружена“.

Наконецъ, великій поэтъ хотя сознается, что въ этой Одессѣ влажной

„Еще есть недостатокъ важный,
Чего-бъ вы думали? воды“....

Но въ утѣшеніе добрыхъ русскихъ путешественниковъ прибавляетъ, что это не большое еще горе, —

„Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено“.

Вотъ и всѣ предметы сѣтованій нашего Овидія. Въ его время всѣ одесскіе недуги „tristitiae“, какъ-бы сказалъ римскій юноша, подобно Пушкину поэтъ скиталецъ—ограничивались: зноемъ, т. е. недостаткомъ зелени и тѣни садовъ, грязью, которая на 5 или 6 недѣль потопляла Одессу, и недостаткомъ воды, которую замѣняло чужеземное вино, безъ пошлины привезенное, слѣдственно дешевое и, вѣроятно, хорошее, цѣльное, лучше нынѣшняго, потому что нашъ поэтъ, по своему

изящному вкусу, дурнаго вина вѣроятно-бы и не помянулъ.

Счастливый поэтъ и счастливое было время для Одессы, когда все ихъ горе ограничивалось только тремя и то отрицательными недостатками: грязью, мучившею городъ всего 35 или 45 дней; зноемъ, отъ котораго можно было скрыться въ тѣни каменныхъ хорошо-построенныхъ комнатъ, и скудостью воды, которой никто, подобно мнѣ, никогда не пьетъ. Чтобы сказалъ безсмертный русскій орфей, если-бы пожилъ съ нами въ 1850 годахъ; если-бы насладился всѣми, уже не отрицательными, но настоящими, архи-положительными бѣдствіями Одессы. Кто повѣритъ, что Одесса, которая въ теченіе одной четверти столѣтія, съ 1830 по 1858 г. внесла въ хозяйство юго-западной Россіи болѣе 200.000.000 руб. сер. за отпущенные изъ ея гавани земледѣльческіе продукты, и болѣе 30.000.000 въ государственный доходъ, питаетъ цѣлыя тысячи самыхъ несчастныхъ смертныхъ, какіе могутъ существовать на Руси — за исключеніемъ разумѣется осужденныхъ на каторгу людей. Мы рѣшаемся коснуться этой „деликатной матеріи", какъ говорятъ евреи-дипломаты; мы рѣшаемся обнажить всѣ, даже сокровенныя язвы Одессы, въ надеждѣ, что явится какой-нибудь благотворный врачъ для ихъ исцѣленія.

Для вящшей ясности, мы раздѣлимъ сужденіе наше на двѣ категоріи: на изученіе физическихъ недуговъ или матерьяльнаго интереса, и не вещественныхъ или духовныхъ недуговъ этого города.

I.

Главнѣйшіе матеріальные недуги Одессы происходятъ отъ ея климата и отъ свойствъ ея почвы. Одесса подвержена и неимовѣрно знойному лѣту и самой суровой зимѣ: морозы ея доходятъ до 22°, а жары превышаютъ 28° Реомюра. И что всего труднѣе для охраненія здоровья—это внезапные переходы отъ жары къ холоду, отъ сырости къ зною и засухѣ. Наконецъ, сѣверные, сѣверовосточные и восточные вѣтры хотя благодѣтельны въ торговомъ, а часто и въ гигіеническомъ отношеніи, составляютъ, иногда въ теченіи многихъ дней сряду, самую мучительную пытку для всякаго возраста, пола и состоянія одесскихъ жителей. Здѣсь времена года должно раздѣлять не по календарю, т. е. на весну, лѣто, осень и зиму, а слѣдующимъ образомъ, начиная съ января:

Январь. Сибирскіе морозы. Вѣтеръ. Тепло. Снѣгъ таетъ; потоки воды и грязи.

Февраль. Вѣтеръ, морозъ, мятель, дождь и грязь.

Мартъ. Жарко. Снѣгъ. Морозъ. Вѣтеръ сухой.

Апрѣль. Морозъ. Жаръ. Дождь. Засуха.

Май. Жарко. Вѣтеръ. Засуха.

Іюнь. Жарко. Зной удушливый. Африканскіе пыльные ураганы.

Іюль. Потоки дождя. Африканскій зной. Проливной дождь. Сѣверный вѣтеръ.

Августъ. Все засохло. Душно. Опять проливные дожди.

Сентябрь. Жарко. Сушь. Равноденственные ураганы.

Октябрь. Почти весна. Теплота средняя. Дождя нѣтъ. Все засохло.

Ноябрь. Морозъ. Вѣтеръ. Тепло. Дождь и грязь. Снѣгъ.

Декабрь. Снѣгъ. Тепло. Потоки тающаго снѣга. Вѣтеръ и бури!...

Если не вѣрите, спросите всякаго не только одесскаго, но и сельскаго жителя, т. е. хуторянина. Онъ скажетъ, что не разъ посѣялъ озимь въ ноябрѣ, а яровой хлѣбъ въ половинѣ января. Въ іюлѣ жатва тонетъ въ потокахъ грязи на поляхъ; въ октябрѣ-же у насъ и цвѣтутъ розы, и воетъ скотъ отъ голоду, скитаясь по засохшей, безмѣрной пустынной степи.

Весны нѣтъ; послѣ невыносимыхъ сибирскихъ вѣтровъ февральскихъ и даже мартовскихъ, вдругъ знойные дни: окна вскрыты, все дышетъ югомъ, зелень пробилась... И опять снѣгъ съ морозомъ, гололедица; ни ѣздить ни ходить нельзя по улицамъ; камины пылаютъ, дымъ стелется на дворѣ и въ комнатахъ; начинаются насморки, гриппъ (influenza), дѣтскіе поносы. Но опять солнце; въ 3 или 4 часа вся громада снѣга обратилась въ грязь, бурные потоки мчатся по улицамъ, унося и шоссе, и камни, и даже повозки*). Вездѣ провалы, особенно въ погребахъ и такъ-называемыхъ „минахъ", т.-е. вырытыхъ подъ улицами длинныхъ подземныхъ корридорахъ, со сводами и безъ сводовъ, для храненія вина. Но, слава Богу, и послѣдній снѣгъ стаялъ, земля и деревья ожили— сперва сирень, послѣ бѣлая, желтая и, наконецъ, розовая акація разцвѣли, — ну, весна въ полномъ разгарѣ; тутъ является вторая наша язва—пыль. Кто изъ васъ, господа, не знаетъ одесской пыли? Кто не испыталъ ея послѣдствій и ощущеній, кто не видалъ отчаянія щеголихъ, возвращавшихся съ прогулки съ сѣрыми—вмѣсто розовыхъ, бѣлыхъ и черныхъ—шляпками и платьями? Кто не слыхалъ глухихъ стоновъ или громкихъ проклятій ключницъ и горничныхъ, убирающихъ комнаты по 6 разъ въ день, не смотря на глухо закрытыя окна? Кто не видалъ фантастическихъ образовъ: извозчика, чумака, приказчика изъ конторъ (commis de caisse) или чаще всего бѣднаго чиновника-пѣшехода, бѣгущаго на службу или съ поникшею головой медленно плетущагося домой въ холодную или душную избу, съ тощимъ желудкомъ и къ голодному семейству!? Кто не видалъ нашихъ деревьевъ внутри и внѣ города, зачахшихъ подъ густымъ слоемъ грязной, сѣро-желтой пыли и тучъ ея, покрывающихъ подъ вечеръ всѣ дачи отъ Ботаническаго сада до хуторовъ Папудова и Мавро? Кто, наконецъ, не улыбался, глядя на озадаченныхъ англійскихъ или голландскихъ матросовъ, сметавшихъ цѣлыя тучи городской пыли съ палубы, снастей и коекъ своихъ судовъ, привыкшихъ къ раздолью океана или влажной атмосферѣ своихъ доковъ и каналовъ.

А грязь?! Одесская грязь, столь прославленная Пушкинымъ, была еще украшена карандашемъ

*) Это не метафора. Дважды мнѣ случалось быть переносимому на рукахъ почтеннаго будочника, раздѣтаго донага, которому, на большой улицѣ, вода доходила до пояса.

знаменитаго Раффе (Raffet), французскаго художника, сопровождавшаго Демидова въ 1837 г. Онъ представилъ одну изъ многолюдныхъ улицъ Одессы: на ней, среди потопленныхъ дождемъ каменныхъ кучъ, идущихъ въ бродъ жидовъ и бабъ, усерднаго и человѣколюбиваго будочника, вытаскивающаго полуутонувшую дѣвочку на тротуаръ,—и тамъ-же красуется самъ художникъ по колѣни въ грязи, въ модномъ фракѣ и круглой шляпѣ, съ зонтикомъ въ одной рукѣ, а другая указываетъ на краткую, но весьма краснорѣчивую легенду, поставленную внизу:

„Je me fixe ici!“

Наши мостовыя или шоссе изъ мѣстнаго дикаря, т. е. известковаго камня уже 5-ть или 6-ть разъ были покрыты новымъ слоемъ щебня въ полъ-аршина толщины, и все это исчезало въ 3 или 4 недѣли послѣ окончанія работъ. Статистики высчитали, что это мощеніе стоитъ городу болѣе 1,000,000 р. сер. Если-бы послѣдовали совѣту бывшаго посломъ въ Константинополѣ графа Строганова, приславшаго графу Ланжерону въ 1818 году цѣлые грузы настоящаго босфорскаго гранита, которымъ вымостили два спуска: Ланжероновскій и Херсонскій, сохранившіе доселѣ свою броню,—и мостили въ прокъ только по 2 улицы въ годъ, то, въ теченіи 40 слишкомъ лѣтъ, весь городъ былъ-бы давно спасенъ отъ грязи и пыли.

Не меньшій матеріальный недугъ Одессы есть скудость прѣсной воды. Но не подумайте, чтобы на городской землѣ не было хорошихъ ея ключей; напротивъ, въ 1849 г. я самъ считалъ

всѣ наши источники и нашелъ, что Одесса владѣла тогда:

4 настоящими фонтанами;

152 систернами и

1086 колодцами, изъ которыхъ $^1/_3$ на живыхъ, неизсякаемыхъ ключахъ, открытыхъ еще турками. Съ того времени устроено болѣе 30 весьма большихъ систернъ, въ томъ числѣ общественныя при церквахъ, биржѣ и проч.; вода, такъ называемаго Большаго Фонтана, проведена посредствомъ паровыхъ машинъ и трубъ внутрь города, гдѣ продается бочками и въ видѣ водопоя для скота, въ 5-ти или 6-ти резервуарахъ. И что-же? воды все таки мало; она гораздо дороже, нежели была за 25 лѣтъ назадъ и втрое хуже. Почетный гражданинъ Ковалевскій, издержавшій 200 или 300 тыс. руб. сер. на свой водопроводъ, продаетъ по 10 коп. сер. бочку (прежде по 6, даже по 5 к.), но во-первыхъ, эта вода весьма посредственнаго вкуса, а для мытья бѣлья и вовсе не годится; а во-вторыхъ—не можетъ удовлетворить большому требованію жителей. Колодцы наши, почти на всѣхъ улицахъ вырытые, еще съ первыхъ дней города, даже на самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, даютъ воду солоноватую, хотя довольно обильную*). Но въ Одессѣ есть урочище, называемое „Водяная Балка“; тамъ въ 1790 годахъ русскіе войска нашли предмѣстья или лучше сказать „кишлы“ (хутора, дачи) христіанскія и турецкія, принадлежавшія къ Хаджибейскому зам-

*) Около дома, стоявшаго на 21 саж. выше уровня моря, было 8 колодцевъ, но только 3 съ чистою водою.

ку, взятому въ 1789 году. Тамъ, при основанiи нашего города, уцѣлѣло до 100 богатѣйшихъ колодцевъ, и съ такою водой, какой только на востокѣ знаютъ цѣну. Ею прежде довольствовалась вся Одесса и ради ея тамъ образовалось огромное предмѣстье Молдаванка *), жители которой, уже болѣе полстолѣтiя, въ числѣ своихъ главнѣйшихъ заработковъ, считаютъ продажу у колодцевъ или доставку въ городъ этой хрустальной воды. Люди, занимающiеся этимъ промысломъ, самые честные изъ всѣхъ одесскихъ чернорабочихъ, и при чрезмѣрномъ возвышенiи цѣнъ на всѣ первыя потребности жизни, свой товаръ, т. е. воду продаютъ съ небольшою, или даже ничтожною прибавкой. Но тутъ вышла другая бѣда. Улицы у насъ дурно вымощенныя никогда не починяются и оттого не только на предмѣстьяхъ, но и въ центрѣ города, какъ я сказалъ, покрыты бездонною грязью. Бѣдные извозчики, которые трудомъ и гибелью скота должны тащить бочки отъ фонтановъ или колодцевъ, зарабатывая едва по 1 рублю сер. въ день, весьма обрадовались, увидя, что Ковалевскiй провелъ свою „машину" въ двѣ или три части самаго города. Вмѣсто 5-ти верстъ, нужно было дѣлать только ½ версты, и его воду они покупали дешевле сперва по 4 и 5, теперь по 10 к. съ бочки и могли сдѣлать 5 или 6 концовъ и слѣдственно выручать отъ 2-хъ до

*) Въ предмѣстьи Молдаванка съ выселкомъ ея Новою Слободкой, болѣе 20.000 жителей. На этой балкѣ были посажены герцогомъ Ришелье деревья, до сихъ поръ существующiя въ основанной имъ и подаренной городу дачѣ. (Дюковскiй садъ).

3-хъ руб. сер. въ сутки, безъ особеннаго изнуренiя своихъ клячь. Зато хозяева большихъ молдаванскихъ колодцевъ потеряли свои значительные доходы, простиравшiеся отъ 200 до 600 р. сер. въ годъ, и хозяйки наши весьма недовольны замѣною прежней ключевой „машинною" водой, считая ее негодною для чаю, а еще болѣе для мойки бѣлья.

Кто проѣзжалъ изъ Одессы въ Кишиневъ по Тираспольской улицѣ, тотъ не могъ не замѣтить на всемъ протяженiи, отъ Черепенникова моста до Таможенной заставы, рядъ огромныхъ колесъ по обѣимъ сторонамъ улицы и во всякомъ почти домѣ. Это остатки турецкихъ колодцевъ, обращенныхъ въ водопои „чигири" посредствомъ коннаго привода. Они и теперь еще даютъ нѣкоторый доходъ своимъ хозяевамъ, особенно отъ водопоя скота при фурахъ, проѣзжихъ чумаковъ и извощиковъ. Внутри города водопой лошадей и коровъ производится на дому привозимою водой или-же, и большею частью, перешелъ къ резервуарамъ Ковалевскаго.

Дурное освѣщенiе города, до сихъ поръ производимое, весьма скудно, посредствомъ простыхъ масляныхъ и частью спиртовыхъ фонарей, есть тоже настоящiй недугъ, не только для жителей, но и для самого общественнаго хозяйства, ибо стоитъ весьма дорого *); но оно уже прямо зависитъ отъ мѣръ правительственнаго хозяйства и мы объ этомъ предметѣ не скажемъ ничего. Но

*) Ведро спирта, заготовленнаго для освѣщенiя, платится по 4 р. с., деревянное масло пудъ отъ 6½ до 7 р. с.

самая большая язва матеріальная—это дороговизна: она есть настоящая болѣзнь нашего города и, слѣдственно, предметъ самаго ближайшаго изученія. Мы имъ и займемся, для окончанія свода матеріальныхъ недуговъ нашего города.

Дороговизна всѣхъ предметовъ жизни, или, лучше сказать, всѣхъ предметовъ первой потребности, какъ-то: продовольствія, помѣщенія, отопленія и прислуги, была почти всегдашнимъ недугомъ Одессы, за исключеніемъ небольшаго періода между 1835 и 1847 годами. Въ первыя 15 лѣтъ существованія города поселившіеся военные и чиновники, изъ угожденія правительству занимавшіе здѣсь мѣста подъ постройку хлѣбныхъ магазиновъ, русскіе и польскіе вельможи: гр. Кушелевъ-Безбородко, князья: Волконскій, Чарторыжскій, Любомірскій, графы: Борхъ, Потоцкіе, Комары, Нарышкины и др., прибывъ въ Одессу на постоянное или временное жительство, предпочитали купить хотя небольшой домикъ, нежели нанимать его по баснословнымъ цѣнамъ. Г. Томъ, назначенный австрійскимъ консуломъ въ Одессу, въ одной оффиціальной бумагѣ 1807 года показалъ, что покупка дома обошлась ему дешевле, чѣмъ двухлѣтній только наемъ бѣдной квартиры. Правда, что мебель, хорошія стекла въ домахъ и дрова стоили еще дороже, чѣмъ квартиры. Одна изъ весьма богатыхъ подольскихъ помѣщицъ, г-жа Урбановская, разсказывала мнѣ слѣдующій анекдотъ. Она пріѣхала въ 1808 году въ Одессу, желая полюбоваться моремъ, котораго она никогда не видѣла и основать хлѣбный магазинъ на Почтовой улицѣ, гдѣ ея мужу былъ отве-

денъ большой участокъ городской земли, подъ застроеніе. Не скоро ей нашли приличную комнату, и она ожидала въ каретѣ, запряженной 8-ю бѣлыми лошадьми, цугомъ, пока мужъ воротился изъ поисковъ квартиры. Между тѣмъ, голодъ началъ ее безпокоить; она имѣла съ собою шоколадъ и кофе, варенье и вино, но хлѣба не было. Съ трудомъ нашли ей свѣжую булочку, и заплатили за нее 15 к. сер., ибо свѣжій хлѣбъ продавался только у марсельскаго хлѣбника, Жирардена, который, послѣ полудня, запиралъ лавку и отправлялся въ клубъ для чтенія газетъ. Чтобы лучше скушать свою булочку съ вареньемъ, она вышла изъ кареты и положила хлѣбъ на ступеньки... но увы! голодная собака бросилась на карету и вмигъ схвативъ драгоцѣнные припасы, убѣжала. Г-жа Урбановская, 20-лѣтняя красавица, въ бархатномъ салопѣ, бросилась за собакою и, при помощи двухъ матросовъ, догнала ее, отняла свою булочку и съѣла съ такимъ удовольствіемъ, какого, по ея словамъ, не испытывала многіе годы. Тогда, какъ и теперь, Одесса была завалена пшеницею, но хорошую муку, маримонтскую, везли сюда изъ Варшавы, а хлѣбникъ былъ одинъ; греческій-же хлѣбъ былъ еще хуже, чѣмъ теперь.

Другой примѣръ разсказывалъ мнѣ мой отецъ. Въ 1817 г., по случаю весьма богатой торговли, имѣвшей сильнѣйшее вліяніе на все благосостояніе не только Одессы, но и всей юго-западной Россіи, онъ отправилъ изъ имѣнія своего и своей жены до 800 четвер. пшеницы; цѣна ея въ Одессѣ доходила до 40 р. ассигн., т. е. до 10 руб. сер.,

но доставка ея обходилась на тогдашнія деньги, за 300 верстъ, 12 р. ассигн. Къ счастью, своихъ подводъ набралось довольно, и сосѣди помогли немного, такъ что пшеница была выгодно продана, и отецъ, съ порядочнымъ запасомъ червонцевъ (которыми тогда платили), собирался домой. Но тутъ пришло такъ называемое un quart d'heure de Rabelais. Въ отвратительной гостинницѣ „Старый Клубъ" онъ заплатилъ за одну комнату по 3 р. сер., слугѣ за два или три часа службы по 3 р. сер., за обѣдъ по 2 р. сереб. въ сутки, фактору за коммисію по 3 руб. и т. д., такъ что онъ издерживалъ въ сутки цѣнность двухъ или трехъ четвертей пшеницы. Другіе платили еще дороже. Въ 1820-хъ годахъ, до поселенія въ окрестностяхъ Одессы болгаръ и усиленія хозяйства въ Бессарабіи, капуста была неизвѣстна, соленые огурцы привозились изъ Подоліи, свекла и морковь—моремъ изъ Херсона. Простой народъ дѣлалъ супъ или похлебку изъ баранины, съ крымскимъ лукомъ или уксусомъ. Вмѣсто каши варили мамалыгу, т. е. пудингъ изъ кукурузы. Все-же лѣто рабочій классъ питался маслинами или арбузами съ хлѣбомъ. Зато пили огромное количество молдавскаго (полыннаго) вина, котораго ведро въ раздробь стоило не дороже 1 р. сер., и водки, отличной и чистой, которую откупъ (принадлежавшій городу) могъ безъ всякой подмѣси продавать по $2^1/_2$ р. с. ведро.

Стараніями герцога Ришелье, графа Ланжерона и князя Воронцова, вся городская земля покрылась дачами, городъ наполнился ремесленниками и рабочими, хлѣбники составили себѣ значительныя

состоянія, начали даже отпускать галеты (т. е. морскіе сухари въ родѣ лепешекъ) цѣлыми грузами за границу. Въ окрестностяхъ населеніе увеличилось; всѣ берега Кучургана, Куяльника и Днѣстра покрылись садами или селеніями съ баштанами. И что-жъ? При усиленіи на 200% городскаго рабочаго населенія, благосостояніе внутренней жизни уменьшилось на 50%, а цѣны жизненныхъ потребностей, упавшія было на 20% и болѣе, поднялись уже на 200 и до 300%. Сравнимъ базарныя цѣны напр. 1827 и 1857 годовъ:

	1827—1829.		1857—1858.	
Хлѣбъ простой фунтъ . .	— р.	1 к.	— р.	2 к.
„ бѣлый.	— „	4 „	— „	6 „
Фунтъ говядины	— „	$1^1/_2$ „	— „	5 „
Филе въ 5 фунтовъ. . . .	— „	15 „	— „	50 „
Поросенокъ	— „	20 „	— „	70 „
Курица, пара циплятъ . .	— „	20 „	— „	40 „
Гусь	— „	15 „	— „	50 „
Индѣйка	— „	40 „	— „	— „
Свѣчъ сальныхъ пудъ. . .	4 „	— „	5 „	60 „
Мыла пудъ	3 „	15 „	4 „	— „
Овса четв.	2 „	— „	$3^1/_2$ „	— „
Муки пшенич. лучшей пудъ	1 „	— „	2 „	30 „
Муки пшеничной средней.	— „	60 „	1 „	50 „
Отрубей для коровы пудъ	— „	15 „	— „	40 „
Сѣна возъ	2 „	50 „	9 „	— „
Дровъ сажень	20 „	— „	35 „	— „
Вина франц. прост. ведро	2 „	— „	5 „	— „
Портеру бутылка	— „	30 „	— „	50 „
Квартиры: въ гостинницѣ	1 „	50 „	3 „	— „
„ „ домахъ, въ пропорціи	100 „	— „	300 „	— „

А между тѣмъ, въ 20-хъ годахъ и гостинницъ, и домовъ было меньше, и базаръ снабжался труднѣе, и многіе припасы надобно было привозить издалека по совершенной пустынѣ, окружавшей тогда Одессу,—„quaeque ipse miserrima vidi!“....

Какая была причина столь внезапнаго возвышенія цѣнъ на базарѣ и въ магазинахъ—увидимъ ниже; замѣтимъ только, что не смотря на чрезмѣрное усиленіе привоза заграничныхъ товаровъ, на ихъ неслыханную дешевизну на фабричныхъ рынкахъ,—цѣны ихъ въ Одессѣ возвышались почти ежегодно и дошли, наконецъ, до размѣровъ, которые изгнали отсюда всѣхъ иногороднихъ потребителей, особенно польскихъ помѣщиковъ, снабжавшихъ нашъ рынокъ своимъ отличнымъ хлѣбомъ. Чѣмъ болѣе привозили иностранныхъ товаровъ, чѣмъ болѣе правительство понижало пошлину или даже отмѣняло свое запрещеніе, тѣмъ товары были дороже и несравненно хуже. Правда, это обогатило многихъ отъявленныхъ пройдохъ и контрабандистовъ, но и разорило многихъ честныхъ, но безсильныхъ торговцевъ.

Нѣкоторые объяснительные факты читатели увидятъ въ слѣдующей главѣ, которую берусь начертать несмѣлою рукой, слѣдуя единственно чувству уваженія къ правдѣ и тому обществу, среди котораго живу уже тридцать лѣтъ, и, можетъ быть, сложу свои кости въ могилу, похитившую уже двухъ изъ моихъ дѣтей.

II.

Причинами неурядицы, дороговизны и усиливающагося моральнаго разрушенія были многіе невещественные недуги, изученіе которыхъ было бы весьма полезно даже для самой администраціи города. Мы рѣшаемся сдѣлать первый опытъ этого изученія, но считаемъ необходимымъ сдѣлать небольшое вступленіе.

Всѣмъ хорошимъ врачамъ извѣстно, что чѣмъ сильнѣе организовано тѣло, тѣмъ сильнѣе поражаетъ его болѣзнь; матеріальная-же язва легче излечима при благоразумной подачѣ помощи. Объ Одессѣ можно сказать то-же. Мы увѣрены, что Одесса съ первыхъ дней своихъ была составлена изъ сильныхъ органическихъ элементовъ и могла-бы развить ихъ далеко, еслибъ тому не воспротивились нѣкоторыя обстоятельства...

Одесса не имѣла младенчества. Основанная людьми энергическими, подъ страхомъ благоразумной военной силы; устроенная мужемъ совѣта и чести—Ришелье, она съ первыхъ дней направлена была по прямому пути къ благосостоянію и матеріальному развитію, хотя и духовныя цѣли не были забыты, но ихъ развитіе происходило медленно, а когда данъ былъ толчекъ настоящему образованію, оно могло дѣйствовать только на немногихъ, ибо происходило отъ иностранцевъ и, что всего замѣчательнѣе, отъ чужезем-

наго духовенства. Къ тому-же Одесса была основана и развивалась въ эпоху величайшихъ смутъ въ Европѣ, порожденныхъ французскою революціей, войнами Наполеона,—и доблестный начальникъ этого города, зная элементы, изъ какихъ составилась община, ему ввѣренная, употреблялъ всѣ усилія, чтобы она избѣгала всякаго вліянія извнѣ, моральнаго и политическаго, а потому давалъ ей всегда чисто матерьяльное, свойственное и самой мѣстности, направленіе, именно къ торговымъ и другимъ промышленнымъ предпріятіямъ.

Благодаря весьма благопріятнымъ обстоятельствамъ, это влеченіе увѣнчалось, и очень скоро, удачей, такъ что въ эпоху всеобщаго мира (1815—1817 г.) Одесса была уже настоящимъ городомъ, устроеннымъ по возможности внутри и имѣвшимъ свою собственную торговлю продуктами земли Новороссіи, и была не лишена высокихъ понятій о любви къ отечеству, привязанности къ своимъ монархамъ и мѣстнымъ интересамъ, чему давала доказательства, жертвуя большія суммы, въ 1807 и 1812 годахъ на устройство защиты государства, въ 1812—1813 гг.—при всеобщихъ бѣдствіяхъ отъ чумы, а на другомъ поприщѣ жертвуя значительныя деньги на устройство мужскихъ и женскихъ училищъ, постройку церквей, госпиталей и богадѣленъ.

Знаменитые торговые періоды 1809—1817 гг. хотя и сопровождались нѣсколькими годами застоя, а послѣ—бѣдствіями турецкой войны 1827—1830 гг.,—указали окрѣпшей уже Одессѣ ея прямое назначеніе—быть значительнѣйшимъ торго-

вымъ рынкомъ хлѣбныхъ товаровъ, а впослѣдствіи шерсти и маслобойныхъ сѣмянъ, не говоря уже о торговлѣ скотомъ. Тогда торговля этими продуктами поглотила все вниманіе жителей. И въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе 60-ти-лѣтняго своего существованія, за исключеніемъ весьма небольшой группы чиновниковъ и учителей (и то съ нѣкоторыми еще въ ихъ сословіи исключеніями), всѣ вообще слои общества—помѣщики, дворяне, купцы, колонисты, евреи, поселяне, даже иностранцы всѣхъ званій—сдѣлались двигателями или участниками хлѣбной торговли. Изъ исторіи Одессы мы знаемъ, что первыми купцами основаннаго де-Рибасомъ города были дворяне высшаго класса: графы: Протъ, Северинъ и Потоцкіе, помѣщики: Липковскій, Урбановскій, Гр. Подосскій, Ярошинскій, баронъ Безнеръ, графъ Моцениго, полковникъ Кесъ-Оглу, маіоръ Панголо и др. За ними уже послѣдовали иностранцы: итальянцы, греки, славяне задунайскіе и, наконецъ, французы, указавшіе настоящія формы и пріемы европейской торговли. Такими были сперва Фурнье и Жомъ, послѣ Антуанъ (изъ Херсона), д'Епене, наконецъ, Сикаръ, Рено и нѣсколько марсельскихъ мелкихъ промышленниковъ, большею частью ремесленниковъ и овцеводовъ.

Русское духовенство въ 1790 годахъ не только въ такой отдаленной провинціи, какъ Новороссія, но и въ центрѣ Имперіи, не имѣло лишнихъ представителей науки и хотя отличалось чистотою нравовъ, домашнею жизнью безъ упрека со стороны паствы, но не могло имѣть никакого нравственнаго вліянія на образованіе, въ

которомъ и не участвовало. Митрополитъ, къ каѳедрѣ котораго принадлежала и Одесса, былъ грекъ, а его преемники жили въ Екатеринославѣ, Новоміргородѣ или Кишиневѣ. Приходскія училища содержали греки, іезуиты прихода католической церкви, евреи и, что всего страннѣе, раскольники, переселившіеся изъ Елисаветграда и Кременчуга.

Кромѣ того, начальство города, отъ губернатора до городскаго головы, состояло большею частью изъ иностранцевъ. Губернаторы были: де-Рибасъ, герцогъ Ришелье, графъ Ланжеронъ; комендантъ англичанинъ Кобле, предсѣдатель коммерческаго суда графъ де-Сенъ-При, пэръ Франціи; инженеры: Де-Воланъ, Ферстеръ, Кругъ, Фонъ-деръ-Флиссъ, городскіе головы: Кесъ-Оглу, Дестунисъ, Кафеджи, Велизарій; начальникъ карантина Россетъ, директоръ училищъ сперва де-Вольсей, а послѣ Минутъ, Флуки; наконецъ, знаменитый педагогъ-аббатъ Николь. Женскія учебныя заведенія, основанныя итальянкою Поцци, устроены француженками: графинею де Фонтене и де-Майе. Первый журналъ издавался по французски Даваллономъ; первый театръ, правда, былъ русскій, но при участіи небольшой итальянской оперы. Наконецъ, архитекторы были: Фраполи, Боффо, Торичелли.

Русское торговое общество было весьма многочисленно, но, подобно всему русскому купечеству Имперіи, не смотря на хорошій примѣръ, данный ихъ сотрудниками-чужеземцами, не развило ни своей собственной торговли, ни своего отечественнаго образованія. Но что оно съ первыхъ дней имѣло желаніе и понимало нужду въ практическомъ образованіи, можете судить по приговору, сдѣланному одесскимъ городскимъ обществомъ въ 1816 году. Собранное купечество, преимущественно русское, опредѣливъ изъ городскихъ доходовъ по 6,500 р. асс. на Коммерческую гимназію и 5,000 р. асс. на „дѣвичье“ народное училище, просило „о введеніи въ гимназіи навигаціоннаго класса, какъ такой науки, которая, по положенію города и занятіямъ жителей, наиболѣе ему полезна“.

Итакъ, съ первыхъ шаговъ на поприщѣ гражданственности одесскіе жители получили чисто матеріальное, т. е. промышленное направленіе, и оно, постепенно развиваясь, перешло уже границы потребностей и поглотило въ массѣ всѣ другія влеченія. Хотя природный одесситъ—русскій или католикъ, христіанинъ или еврей—уважаетъ церковь, любитъ творить милостыню, но если торговля будетъ дѣятельна, погрузка хлѣба обильна, смѣло можно сказать, что онъ не пойдетъ ни къ обѣднѣ, ни къ вечернѣ, не взглянетъ даже на нищаго, не поговоритъ съ пріятелемъ, не поцѣлуетъ жены, не приласкаетъ дѣтей. Многіе купцы мнѣ сознавались, что все лѣто, когда они со всѣмъ семействомъ жили на дачахъ, они обѣдали въ гнустномъ трактирѣ, чтобы не опоздать съ письмами или отправленіемъ судовъ, часто не зная, что ѣдятъ и пьютъ, лишь-бы скорѣе и дешевле. Вечеръ-же они никогда не проводятъ дома, а въ казино, гдѣ нѣтъ другой бесѣды, кромѣ торговой. Въ низшихъ слояхъ то-же самое: прикащики бѣгутъ домой или по трактирамъ, за-

кусятъ какъ-нибудь и спѣшатъ опять въ конторы; вечеромъ семейная жизнь ихъ не привлекаетъ, ибо они сидятъ опять за работой, другіе—гдѣ-нибудь въ кофейнѣ, изрѣдка въ театрѣ, и то по особому случаю. Наконецъ, самые низшіе слои—магазинщики, укладчики товаровъ и проч.—по цѣлымъ мѣсяцамъ не видятъ семействъ, боясь оставить магазины или гавань. Если кому-нибудь изъ насъ, непричастному торговлѣ смертному, случалось тогда бывать въ обществѣ вмѣстѣ съ главами или членами настоящаго торговаго сословія, то ихъ легко было узнать по непривычкѣ къ фраку, по нетронутымъ бѣлымъ перчаткамъ, дурно причесанной или вовсе не чесанной и всегда по полуплешивой головѣ, по робкому взгляду и разговору, привыкшему говорить съ маклерами, факторами и такими-же, какъ и сами, торговыми искустниками, ибо всякая серьезная сдѣлка есть цѣлая дипломатическая баталія. Такіе люди—весьма умный и способный народъ, даже не чуждый образованія, часто знаютъ многіе иностранные языки, читаютъ газеты, бывали за-границей,—но безплодны для общественнаго моральнаго развитія... Всякая торговая фирма,—„контора", какъ ихъ называетъ здѣсь простонародье,—съ своею семьею это—уединенный средневѣковый замокъ нѣмецкихъ или французскихъ бароновъ, куда нѣтъ входа никому, кромѣ приглашенныхъ или идущихъ за дѣломъ профановъ. Съ чужимъ человѣкомъ говорятъ они стоя, наскоро, не глядя въ глаза и стѣсняясь всякимъ постороннимъ предметомъ. Въ комнату, кофейню, на биржу входятъ они, не снимая шляпы, не кланяются. За 25 лѣтъ назадъ

ни одинъ пріѣзжій въ Одессу не проникалъ въ этотъ замкнутый кругъ итальянцевъ, грековъ или евреевъ-негоціантовъ, а въ Таганрогѣ, Маріуполѣ и Бердянскѣ это отчужденіе сохраняется доселѣ и будетъ сохраняться еще цѣлое столѣтіе. Русское купечество, не перенявшее отъ иностранцевъ ничего полезнаго, тоже воспитало свои семейства на восточный ладъ, и одинъ, лучшій изъ нихъ, только послѣ 30-ти-лѣтняго супружества, рѣшился на званомъ обѣдѣ посадить жену и дочерей за одинъ столъ съ гостями мужскаго пола.

Но если такое меркантильное образованіе сдѣлало большую и самую умную часть одесскаго общества—почти чуждою другъ другу, зато таже торговля и неминуемыя заграничныя сношенія съ болѣе образованными людьми, познакомили его съ выгодами жизни, съ роскошью и корыстью западной Европы. Одесскіе жители, съ первыхъ дней, отъ столкновенія съ заграничными судами и людьми и естественнымъ подвозомъ чужеземныхъ товаровъ, т. е. предметовъ потребленія,—познакомились съ припасами и мануфактурными издѣліями, которыя въ другихъ, болѣе удаленныхъ отъ моря областяхъ и городахъ Имперіи были еще долго неизвѣстны. Такъ, не говоря уже о морской рыбѣ и плодахъ юга: арбузахъ и дыняхъ, которые они нашли въ изобиліи у самыхъ своихъ хижинъ, или землянокъ,—всякое пришедшее изъ заграницы судно знакомило ихъ съ маслинами, апельсинами, перцомъ, даже рисомъ и кофе, къ которому здѣшніе жители питали особое пристрастіе, пока чайные трактиры (съ при-

бавкою водки) не отвлекли ихъ отъ этого напитка. Мы уже не говоримъ о туземномъ (бессарабскомъ) и молдавскомъ виноградномъ винѣ, которое продавалось отъ 75 к. до 1 р. сер. ведро, т. е. втрое дешевле самаго простаго хлѣбнаго вина въ кабакахъ. Съ основанiемъ Одессы явились здѣсь фабрики макаронъ и галетовъ, т. е. пшеничныхъ сухарей въ видѣ лепешекъ; макароны здѣсь долго замѣняли кашу, вовсе не извѣстную на югѣ, и перешли даже на русскiе военные корабли. Съ открытiемъ отпуска, явился привозъ иностранныхъ тканей, особенно ситцевъ и суконъ, несравненно дешевле и крѣпче въ цвѣтахъ, чѣмъ отечественныя произведенiя, привозимыя съ ярмарокъ въ первую четверть XIX столѣтiя. Ко всѣмъ этимъ предметамъ роскоши, здѣшнiе слуги и рабочiе (не говоря уже о высшихъ слояхъ трудящихся людей), скоро привыкли, а мясо и превосходная баранина столь рѣдкiя на средней полосѣ Имперiи, были неимовѣрно дешевы, отъ 50 до 60 к. сер. за пудъ.

Но чтобы наслаждаться всѣми такими благами жизни, надобно имѣть деньги и, довольно значительныя, и сказать правду, одесскiе служители торговли или семействъ, мужчины или женщины, легко и въ большомъ изобилiи добывали себѣ деньги, по избытку требованiй на работу и по совершенному недостатку людей для ея исполненiя. Купецъ, которому нужно было погрузить два или три судна вдругъ, платилъ за работу вдвое и втрое больше, чѣмъ грузившiй одно, или только подготовлявшiй товаръ къ погрузкѣ. Не смотря на значительный и годъ отъ году усиливавшiйся наплывъ рабочихъ, эта

конкуренцiя продолжается и теперь. Бывали годы, какъ напр. 1817, 1847 и 1853—1854, когда извозчику платили артельщики по 6 р. серебр. въ сутки, когда подсѣвальщику давали по 3 руб., а бабѣ, увязывавшей мѣшки, по 1 р. 20 к. сер. въ сутки! Какъ люди, могущiе заработать отъ 40 до 180 р. сер. въ мѣсяцъ, будутъ думать о будущемъ, объ экономiи, о хозяйствѣ! Какъ они станутъ служить въ скромномъ семействѣ чиновника или учителя отъ 60 или 70 р. сер. въ годъ! А трактиры, кофейни, клубы, конторы и легко богатѣвшiе заѣзжiе негоцiанты? Тамъ слуга, хотя и получаетъ видимаго жалованья не много, но зарабатываетъ втрое и даже вдесятеро отъ картъ, обмана гостей и хозяина, отъ разныхъ тайныхъ порученiй, отъ довѣрiя, наконецъ, когда новый гость Одессы имѣетъ нужду въ ловкомъ и смышленномъ слугѣ, для изученiя мѣстности и жителей... Отсюда мы знаемъ десятки артельщиковъ, слугъ, магазинеровъ, мелкихъ портныхъ, даже маклеровъ, которые нажили и прожили по два и по три состоянiя, оставивъ дѣтямъ порядочное движимое и недвижимое имущество, въ то самое время, когда высшiя сословiя: начальники города, чиновники, учителя, даже нѣкоторые негоцiанты —остались сами и ихъ дѣти столь-же бѣдными, какъ и вначалѣ своего поприща. Если-бы не дружныя усилiя откупа, трактировъ и картъ, всѣ наши мѣщане были-бы богаты; но увы! противъ столь грозныхъ витязей они устоять не могли... Тотъ-же самый извозчикъ, который заработалъ 500 или 600 р. сер. въ теченiе лѣтней погрузки хлѣба, къ зимѣ, а тѣмъ болѣе къ веснѣ, оставался

безъ хлѣба и рубашки, и самъ и дѣти и жена требовали помощи отъ благотворительныхъ заведеній, или отъ модныхъ баловъ, спектаклей и выставокъ „съ благотворительною цѣлью". Также часто, мелкій портной, торгашъ или маклеръ, который скопилъ въ 5 или 6-ть торговыхъ компаній порядочный капиталецъ, пустившись въ банковыя и биржевыя заграничныя спекуляціи, — составляетъ себѣ или дѣтямъ имя настоящаго банкрота или обобранной овечки... Излишняя прибыль отъ заработной платы, роскошь жизни, чадъ дѣятельности и разгула породили требованіе новыхъ и новыхъ рабочихъ силъ, и цѣлыя тысячи поселянъ, съ билетами и безъ билетовъ, стекаются въ нашъ городъ со всѣхъ концовъ Россіи, и, вкусивъ одесскихъ наслажденій, не возвращаются вспять. Вотъ новая язва—бродяжничество, и его послѣдствія: привычка къ обману, скрытность и взаимное недовѣріе.

Бродяжничество въ началахъ своихъ безвредное,—ибо свойственно русскому человѣку,—въ приложеніи къ практикѣ сдѣлалось причиною многихъ и многихъ преступленій. Противъ него никакія полицейскія мѣры не были довольно сильны, и только полная свобода передвиженій, съ законными паспортами, гдѣ будетъ обозначено, кому, гдѣ и сколько должно уплатить оброка помѣщику или общинѣ,—можетъ его прекратить или сдѣлаться началомъ прочной и полезной для Имперіи колонизаціи.

Изъ всего вышесказаннаго легко видѣть, какіе главнѣйшіе моральные недуги явились въ нашихъ слояхъ общества и сильно гнетутъ высшіе,

противъ нихъ безсильные. Эти недуги суть слѣдующіе:

1) Бродяжничество.

2) Отсутствіе религіознаго образованія.

3) Излишество заработной платы.

4) Трудность надзора за низшими слоями промышленнаго класса.

5) Роскошь и дороговизна всѣхъ предметовъ жизни.

Мы раздѣлимъ окончательный разборъ нашъ на двѣ категоріи: на недуги моральные и вещественные, и еще разъ обращаемся къ нимъ.

Главною причиною разврата, строптивости, неточности и неуваженія ко всему, кромѣ богатства нашихъ слугъ и рабочихъ, было и долго еще будетъ отсутствіе религіознаго образованія и, наконецъ, всякой дисциплины.

Отсутствіе религіознаго образованія, по истинѣ, велико: покойный Димитрій, архіепископъ кишиневскій, которому подчинены были одесскія церкви до 1838 г., былъ увѣренъ (какъ онъ говорилъ мнѣ не разъ), что $^1/_3$ одесскихъ семействъ не была освящена бракомъ, что подтвердилъ и преосвященный Гавріилъ, говоря, что духовенство только предостереженіемъ за наслѣдованіе недвижимымъ имуществомъ дѣтей, въ такомъ союзѣ прижитыхъ, могло убѣдить простой народъ къ строгому исполненію таинства брака. Значитъ, что и въ этомъ случаѣ большинство поступало подъ вліяніемъ матеріальныхъ угрозъ... Мы вполнѣ увѣрены, что за исключеніемъ тѣхъ немногихъ мѣщанъ и купцовъ, которые учились въ какомъ нибудь училищѣ, а число ихъ весьма не велико, всѣ прочіе

не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о предметахъ вѣры православной и не знаютъ даже молитвъ. Отъ того съ такою злобою, или лучше сказать, презрѣніемъ, смотрятъ на насъ всѣ секты раскольниковъ! Въ 1820-хъ годахъ еще, я помню хорошо, кромѣ великопостныхъ дней, всѣ церкви были пусты, за исключеніемъ старообрядческихъ, особенно Успенской, которая никогда не помѣщала и половины своихъ прихожанъ. Основаніе особой архіерейской каѳедры въ Одессѣ, тщательное преподаваніе религіи въ „лицеѣ“ архимандритомъ Порфиріемъ, а въ училищахъ священниками: Павловскимъ, Знаменскимъ, Соколовымъ и др., имѣли сильнѣйшее вліяніе на развитіе высокихъ чувствъ религіи въ высшемъ классѣ, — но отъ этого ничего не перешло въ низшіе, особенно рабочіе классы. Всякій слуга, всякій чернорабочій также охотно обманетъ своего духовнаго отца, какъ и родныхъ: брата, мать, не только своего господина.

Кромѣ того, скудость религіознаго и слѣдственно всякаго нравственнаго чувства совпадаетъ, во-первыхъ, съ бродяжничествомъ, во-вторыхъ — излишествомъ и легкостью заработка. Изъ 50 или 60 т. одесскихъ мѣщанъ, если положить половину отъ естественной прибыли населенія въ теченіе полстолѣтія: рожденія, приписки вольноотпущенныхъ евреевъ и иностранцевъ, — другая половина, нѣтъ сомнѣнія, произошла изъ бродягъ всякаго податнаго сословія, зашедшихъ сюда сперва на заработки по билетамъ и уже оставшихся навсегда, и просто бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ и сельскихъ обществъ. Чтобы остаться на постоянномъ здѣсь жительствѣ, или „приписаться“, какъ

выражаются эти люди, надобно было тайнымъ образомъ войти въ составъ уже существующихъ мѣщанскихъ семействъ, а потому ихъ приписывали на мѣсто умершихъ или бѣжавшихъ за-границу отцовъ или дѣтей. Слѣдственно, съ перваго своего шагу, т.-е. со вступленія въ одесскую общину, уже многія сотни, а послѣ и цѣлыя тысячи совершали два преступленія: бѣжали отъ своихъ семействъ и общинъ и подъ ложными именами добывали законное жительство. Такіе люди не могли вступать законно въ супружескій союзъ, ибо духовенство требовало письменнаго удостовѣренія: кто именно и изъ какого сословія приступаетъ къ таинству, не женатъ-ли въ другомъ мѣстѣ, не состоитъ-ли въ родствѣ и проч.

Наконецъ, мало-по-малу въ теченіе 60-тилѣтняго своего существованія большая масса населенія податныхъ сословій, укрѣпленная съ ихъ потомками нѣсколькими народными переписями съ 1794 по 1858 г. сдѣлалась уже настоящею одесскою городскою общиною. Что именно на это бродяжничество имѣло вліяніе? Что ихъ влекло и влечетъ постоянно въ этотъ городъ? — богатство заработка.

Мы уже сказали, какая непомѣрная плата выдавалась рабочимъ не только въ годы особой торговой дѣятельности 1817 — 1839, 1847, 1853 — 1854, но и въ обыкновенное время. Заработки эти не только вполнѣ обезпечивали семейное существованіе простолюдиновъ, но могли и обогатить ихъ при воздержности и бережливости. Сравнимъ, напр., бытъ простаго человѣка: домашнюю прислугу,

подсѣвальщиковъ хлѣба, лодочника, извозчика съ горькою долею чиновника или учителя гимназіи.

Лакей или кучеръ получаютъ отъ 5 до 20 р. въ мѣсяцъ, или отъ 60 до 240 р. въ годъ. Кромѣ того квартиру, столъ, отопленіе, освѣщеніе и пр., что вмѣстѣ составитъ еще по 5 руб. въ мѣсяцъ, или 60 руб. въ годъ. Всего отъ 120 до 300 рублей.

Подсѣвальщики получаютъ не менѣе 2 р. сер. въ сутки; отчисливъ праздники и воскресенья, которые они не всегда сохраняютъ, или не болѣе 180 дней, будетъ всего 360 р. сер. Но они часто получаютъ отъ 3 до 6 р. въ сутки.

Извозчики получаютъ не менѣе 10 р. с. въ мѣсяцъ, пищу и уголокъ не хуже писца полиціи или земскаго суда, итого 180 р. Но часто болѣе 250 р. въ годъ.

Лодочникъ еще на 20—30 руб. болѣе извозчика.

Среднимъ числомъ плата заработная лакея, кучера, лодочника, подсѣвальщика простирается отъ 120 до 750 р. сер. въ годъ, при самыхъ умѣренныхъ нуждахъ въ внѣшнихъ предметахъ, какъ то: платьѣ, бѣльѣ и т. п.

Многіе чиновники полиціи, уѣзднаго суда, магистрата, консисторіи, даже высшихъ начальствъ, какъ-то: градоначальника, генералъ-губернатора, получаютъ отъ 36 до 180 р. сер. въ годъ. Учителя низшаго разряда получаютъ не болѣе 200 или 250 руб., а развѣ труды ихъ легче, а нужды ихъ тѣже, что простаго поденьщика, и развѣ въ началѣ своего поприща они должны имѣть тоже приготовленіе, что поденьщики?...

Отъ того всякій слуга, всякій извозчикъ, всякій чернорабочій, ни во что ставятъ свои условія, когда видятъ впереди выгоду. Условившись служить въ домѣ погодно, или помѣсячно, лакей черезъ 2 или 3 недѣли явится къ хозяину и хладнокровно скажетъ: „Я нашелъ мѣсто получше и чрезъ 2 часа иду отъ васъ“, — и хозяинъ долженъ покорно выслушать и исполнить волю своего служителя! Но не только лакей или кучеръ, но кухарка, не дождавшись даже, чтобы обѣдъ былъ изготовленъ и поданъ, кормилица не смотря на крикъ бѣднаго малютки и слезы матери, бросаютъ самыя почтенныя и щедрыя для нихъ семейства, бѣгутъ въ хлѣбные магазины для того, чтобы увязывать мѣшки, сидѣть на улицахъ и подбирать изъ нарочно прорѣзанныхъ мѣшковъ падающій хлѣбъ; идутъ на шерстомойни и проч. Ихъ манитъ къ себѣ скорая прибыль, вмѣстѣ съ разгульною жизнью въ кабакахъ и трактирахъ. Еще болѣе развращаютъ слугъ[1] клубы, казино, кофейни, трактиры и дома, гдѣ происходитъ большая картежная, хотя и такъ называемая „коммерческая игра“. Слуга въ этихъ домахъ и заведеніяхъ получаетъ весьма небольшое жалованье, а иногда и вовсе безъ жалованія, но получаетъ отъ 1½ до 2 руб. сереб. за одну игру картъ. Есть дома, гдѣ розыгрываютъ 3, 4 до 5 игръ, это составляетъ отъ 4½ до 10 р. сер. въ одинъ вечеръ, отчисливъ половину гостепріимному хозяину и на уплату за карты, останется доходу 50-тъ, а иногда и до 100 р. въ мѣсяцъ слугѣ или слугамъ, не считая кормовъ и постороннихъ доходовъ, какъ-то займа денегъ, „à la petite semaine“ и проч.

Какимъ-же образомъ такой слуга можетъ остаться на службѣ у чиновника и учителя, даже могущаго платить по 6 рублей серебр. въ мѣсяцъ? Одинъ изъ русскихъ начальниковъ, вельможа по роду и сердцу, спросилъ однажды, какое жалованье получаетъ здѣсь мелкій чиновникъ? Ему отвѣчали, что даже у генералъ-губернатора, т. е. въ самой высокой канцеляріи, 50 чиновниковъ получаютъ отъ 10 до 20 р. сер. въ мѣсяцъ, что 50 чиновниковъ, дѣйствующихъ въ управленіи царскаго намѣстника, въ южной Россіи, имѣющей 3.800.000 жителей, получаютъ ровно половину содержанія лакеевъ того-же намѣстника. Какъ удивляться послѣ того, что у него чиновники настоящіе нищіе,—а въ другихъ вѣдомствахъ олицетворенныя лица изъ „Очерковъ" Щедрина.

Вотъ еще нѣсколько цифръ по этому предмету: каменщики и плотники получаютъ въ Одессѣ отъ 80 к. до 1 р. 50 к. въ сутки. Солдатъ, снимающій мѣшки съ возовъ, зарабатываетъ иногда до 2 р. с. въ день, а простая поденная плата возвысилась отъ 70 коп. мѣдью до 75 коп. с. въ сутки. Во время уборки хлѣба или сѣнокоса рабочая плата косца или жнеца достигаетъ до 1 р. сер. въ сутки при готовой пищѣ и 3-хъ чаркахъ водки. Женщина получаетъ въ городѣ до 50 к., въ полѣ до 40 к. сер. въ день, теплую пищу и водку на равнѣ съ мужчинами.

Естественно, при дороговизнѣ заработной платы и обиліи денегъ въ промышленныхъ классахъ всѣ предметы жизни дорожаютъ, ибо самые мелкіе торговцы, зная биржевыя цѣны, размѣръ погрузки и выгрузки товаровъ, транспортную плату и проч., согласно съ тѣмъ назначаютъ и свои цѣны. Отъ того Одесса есть настоящее Эльдорадо для ростовщиковъ, торгующихъ деньгами и кредитомъ, для мелкихъ промышленниковъ и рабочаго класса, а настоящимъ адомъ для скромныхъ и честныхъ жителей, чиновниковъ, отставныхъ офицеровъ и всякаго рода вдовъ и сиротъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе энергической дѣятельности полиціи, особенно наружной (то, что въ Европѣ называется édilité) многое было-бы исправлено или измѣнено, но для того нужно правительству образовать сперва особый классъ такихъ полицейскихъ чиновниковъ, вполнѣ обезпеченныхъ, знающихъ законы, государственныя нужды и требованія. Но это утопія, отъ которой мы еще весьма, весьма далеки...

Мы указали всѣ, по возможности, тяжкіе недуги нашего прекраснаго города, богатаго внутренними силами и обогащающаго Имперію торговлею, откупомъ и разными промыслами,—а, слѣдственно, достойнаго теплыхъ попеченій высшей власти. Но Одесса имѣетъ многія и весьма многія достоинства, о которыхъ уже говорили другіе и о которыхъ поговорить придется еще много разъ.

III.

Одесское общество

въ періодѣ своихъ „Черныхъ дней"

1812—1819 гг.

(Писано въ 70-хъ годахъ).

Многіе, даже серьезные читатели періодической литературы, недовольствуются теперь историческимъ изложеніемъ какого-нибудь, даже весьма важнаго событія, а требуютъ еще внутренняго его значенія: спрашиваютъ: каково было въ то время или что дѣлало само общество—среда событія. Легко сказать, легко задать вопросъ; но какъ трудно его исполнить. Постоянные и случайные корреспонденты, излагавшіе мировыя событія въ родѣ крымской или франко-германской войны, намъ современные, русскіе и иностранные корреспонденты газетъ, сопутствовавшіе русской арміи за Дунаемъ и за Балканами, избаловали такъ читающую публику, что она не можетъ вообразить ни войны, ни мира, ни конгреса, ни даже заразы, безъ повѣствованія: что дѣлали въ это время всякій изъ насъ, не только главные двигатели событій. Вотъ и отъ насъ „худѣйшаго" изъ лѣтописцевъ требуетъ печать, чтобы мы въ качествѣ личныхъ свидѣтелей двухъ пе-

ріодовъ „Черныхъ дней Одессы", разсказали, хотя вкратцѣ, что происходило тогда внутри страдавшаго города („Citta dolenta") но внѣ оффиціальныхъ сферъ и властей. Желая хотя въ части исполнить столь справедливое желаніе читателей, мы предлагаемъ здѣсь отрывокъ изъ записокъ современника чумы 1812 года.

„Моя сестра—сказано въ упомянутыхъ запискахъ,—поселившаяся въ Одессѣ, съ первыхъ дней ея развитія, вызвала меня въ этотъ городъ для покупокъ различныхъ предметовъ роскоши, входившихъ тогда во всеобщее употребленіе, и которыхъ мы, деревенскіе жители, даже не богатые, могли добывать въ Одессѣ по весьма дешевымъ цѣнамъ, а главное, въ обмѣнъ на пшеницу, которую у насъ на расхватъ покупали греки и итальянцы. Мои покупки: сахаръ, кофе, апельсины и лимоны, прованское масло, вина, а также перчатки, платья и прочее, куплены были весьма скоро и отправлены въ деревню. Пшеница сдана почти не мѣренная, и я остался еще погостить въ городѣ, чтобы полюбоваться моремъ, послушать итальянскую оперу, только что устроенную, и, правду сказать, покушать вина и никогда прежде не виданныхъ устрицъ.

Такъ прошелъ весь іюль мѣсяцъ, а въ началѣ августа я уже собирался во свояси, но одесскія удовольствія и особенно морскія купанія постоянно меня задерживали. 4-го или 5-го августа, не помню, мы были съ сестрою и нѣсколькими знакомыми на приморскихъ хуторахъ, т. е. простомъ обрывѣ, живописно склонявшемся къ морю, но

сохранившемъ еще кустарники и деревья отъ истребленія ихъ турками и нашими солдатами.*) Тамъ мы пили чай и шоколадъ, ѣли холодную дичь и мороженное, не говоря уже о стаканахъ весьма хорошаго и тогда дешеваго**) французскаго вина и уже собирались танцовать на травѣ подъ звуки флейты одного изъ нашихъ гостей, когда къ нему прибѣжалъ запыхавшись какой-то матросъ итальянецъ и, отведши его въ сторону, что-то шепнулъ, съ прибавкою обычныхъ гримасъ и жестовъ. Нашъ гость ужасно поблѣднѣлъ, и на скоро простившись, стремглавъ пустился по тропинкѣ на гору, гдѣ ожидали насъ кой-какіе экипажи. „Что такое“,—спросили мы у матроса. „Va male signori“,—отвѣчалъ итальянецъ,—va male malaria!“ — повторилъ онъ и убѣжалъ. Это извѣстіе, для меня непонятное, но многимъ изъ гостей хорошо знакомое, всполошило всѣхъ и мы рѣшились ѣхать поскорѣе въ городъ, чтобы узнать истину. Сестра въ дорогѣ сказала мнѣ: вѣрно опять въ городѣ чума, но ты не бойся, ее изъ карантина не выпустятъ. Еще не зналъ я всего могущества слова „чума“ и не видалъ страха, наводимаго имъ. Но лишь только переступилъ я за черту городскую и очутился на большихъ улицахъ, то уже замѣтилъ, что вѣрно

*) На скатѣ этого берега и въ ближайшей долинкѣ основана была впослѣдствіи бывшимъ консуломъ французской республики Рено (Baron Renaud), прекрасная дача, памятная для Одессы пребываніемъ въ ней въ 1827 году Царской семьи.

**) Бордо стоило 30 к., а шампанское 1 руб. 20 коп. бутылка.

что-то необыкновенное происходитъ въ городѣ, ибо и городъ, какъ лицо человѣческое, имѣетъ свою наружную физіономію. Многія повозки, жидовскія брички и экипажи, наскоро нагруженныя, спѣшили къ заставамъ по разнымъ направленіямъ. Полицейскіе, тогда весьма малочисленные, скакали верхами, какъ полуумные, разгоняли нещадно народъ, толпящійся на улицахъ и заставляли хозяевъ запирать всѣ дома. Ограда Соборной церкви была заперта*), —явленіе, признаюсь, доселѣ невиданное въ Одессѣ. Когда я дошелъ до театра, то замѣтилъ, что самъ комендантъ разставлялъ часовыхъ по улицамъ, какъ будто непріятель былъ у воротъ нашихъ; въ домѣ-же герцога Ришелье, какъ видно, было большое собраніе, ибо много экипажей и много народа стояло у подъѣзда. Не смотря на всеобщее любопытство и невольное желаніе узнать скорѣе о происшедшемъ, народъ, однако-жъ, стоялъ молча, не толкался, и всякій разговаривалъ съ недовѣрчивостью и въ приличномъ отдаленіи другъ отъ друга. Вдругъ поднялось зарево на небѣ и клубы дыму извѣстили о пожарѣ; но ни звонъ колоколовъ, ни барабанный грохотъ, не подняли тревоги. Чудное дѣло: чернь, даже оставшаяся кой-гдѣ на улицахъ, хладнокровно глядѣла на пламя пожара. Обо всемъ, кромѣ чумы, никто не думалъ и не говорилъ. Ночь пришла свѣтлая тихая, на всемъ пространствѣ Одессы, никто не помышлялъ о покоѣ.

*) До 50-хъ годовъ Соборная площадь была обнесена деревянною оградою. *Прим. ред.*

„Всю эту ночь мы занимались приготовленіями, какъ-бы оградить себя отъ бѣдствія. Домъ моей сестры былъ среди города. Со слезами на глазахъ простились со мною наши добрые знакомые, чрезъ высмоленную перчатку пожали мы имъ на прощанье руки и заперли домъ для всѣхъ. Наше жилище превратилось въ строжайшій карантинъ, только сестра жила въ комнатахъ, слуги въ отдѣльномъ флигелѣ готовили пищу, мы сами одѣвались и убирали въ комнатахъ. Обои, ковры, занавѣси, столовое бѣлье были окурены тщательно и спрятаны. Сестра сшила мнѣ клеенчатый плащь и нарукавье. Еще не видавши всего ужаса заразы, я предчувствовалъ всю тягость предстоявшаго мнѣ и всѣмъ одесситамъ поприща. О, сколько въ эту минуту проклиналъ я и торговлю, и южное небо, и портъ, такъ близкій къ Цареграду, и всю приманку золота, и выгодной жизни! . . .

„Среди приготовленій и безпокойствъ быстро промчалась ночь, и солнце съ неимовѣрнымъ блескомъ освѣтило траурную Одессу. Съ какою завистью глядѣла бѣдная сестра моя на дальніе холмы тамъ за лиманами и мечтала о зеленыхъ рощахъ Украйны, гдѣ мы недавно такъ мирно веселились, гдѣ о чумѣ говорятъ только въ сказкахъ Въ 6 часовъ утра колокольный звонъ на Соборной башнѣ пробудилъ наше вниманіе. Одинъ изъ гражданъ, одѣтый въ высмоленное платье, съ жестянною медалью на груди, постучалъ въ мои ворота и спросилъ: „Что, вы живы еще?“ Я открылъ окно и взялъ въ руки платокъ, вымоченный въ уксусѣ. — Что угодно, почтеннѣйшій? —

„Дюкъ васъ назначилъ коммиссаромъ надъ однимъ участкомъ города и проситъ васъ скорѣе пожаловать въ собраніе“.

Удивляло меня и это порученіе и „собраніе“ въ такую печальную минуту, но долгъ меня звалъ туда: повторяю, что мои родные всѣмъ были обязаны Одессѣ, и я радовался, что могъ быть ей полезенъ.

Герцогъ, чиновники и коммиссары, т. е. стража надъ здоровьемъ города, собрались въ оградѣ соборной церкви. Герцогъ отъ имени Бога и Государя просилъ насъ блюсти усердно городъ, нашу теперь родину, и употреблять всѣ усилія, чтобы предохранить народъ отъ павшаго на него гнѣва Господня. Мы положили закрыть городъ, не впускать и не выпускать никого, запереть церкви, лавки, трактиры, всѣ присутственныя мѣста и такимъ образомъ прекратить всѣ сходбища народныя. Даже рѣшились на мѣру ужасную—превратить Одессу въ обширный карантинъ и болѣе 25,000 обитателей запереть въ своихъ жилищахъ. Вообразите себѣ это неописанно-печальное зрѣлище! Обширный городъ превратился въ какое-то великолѣпное кладбище, безмѣрныя улицы казались рядами саркофаговъ, особенно грустна казалась Одесса въ прекраснѣйшее время года—осенью. Но если-бъ вы, мирные обитатели Сѣвера, взглянули хоть разъ на кортежи, ежедневно посѣщавшіе улицы наши! Черная высмоленная повозка съ чернымъ флагомъ и колокольчикомъ, нагруженная трупами, движется медленно, а впереди полицейскій чиновникъ предупреждаетъ немногихъ идущихъ, чтобы бѣжали

прочь отъ приближенія заразы. Даже печальное торжество погребенія было остановлено, трупъ умершаго зарывался тайно, ибо здѣсь и любовь, и молитва могли быть добрымъ проводникомъ смерти. За городомъ, на обширной степи, особое кладбище отдѣлено было и туда ежедневно поступали несчастныя жертвы *). Уже тысячи гробовъ спустили въ землю, а еще ни мы, ни лекаря стражи общественнаго здоровья не знали какъ и чѣмъ пособить всемогущему злу.

Одесса была молода, 10.000 трудящихся людей, большей частью зашедшихъ изъ сѣверныхъ губерній, украшало ее зданіями и жило отъ труда ежедневнаго, теперь съ закрытіемъ города и домовъ, прекратились работы, и 10 тыс. людей лишились хлѣба. Но бѣдствіе случилось въ Россіи, землѣ русской, гостепріимной, это мать-хозяйка своихъ гостей. Правительство, предавъ Одессу всей строгости очистительнаго карантина, для спасенія Имперіи, позаботилось о продовольствіи заключеннаго народа. Должность коммисаровъ состояла въ томъ, чтобы, сосчитавъ число обывателей своего участка, доставить всякому пищу и другія потребности. Мнѣ досталась въ удѣлъ часть города, близъ Собора, вдоль по Преображенской улицѣ. Въ моемъ раіонѣ умирало не много, за то страху и бѣдности было во сто разъ болѣе, нежели въ другихъ частяхъ Одессы.

---

*) Это чумное кладбище теперь очутилось внутри города, но оно засыпано высокимъ холмомъ земли, муссора и и т. п.

Всякое утро, сопровождаемый повозками, нагруженными всевозможными припасами, я пускался къ моимъ заключеннымъ и выслушивалъ тысячи жалобъ, требованій, нареканій, часто проклятій... Черные „мортусы", какъ порожденіе геенны, съ роковою повозкою приближались къ воротамъ и среди всеобщаго ужаса, воплей, вытаскивали мертвое тѣло и почти опустошали его жилище. Всѣ его ближніе, родные, слуги, переходили въ строжайшій карантинъ, весьма похожій на Дантово чистилище, а имущество бѣдной жертвы предавалось огню. Часто, когда смертность сильнѣе падала на какую-нибудь семью и устрашенные опасностью, ни мы, ни медики, ни даже карантинные служители, не рѣшались входить въ домъ, для его очищенія, тогда являлся герцогъ-правитель, въ военномъ сюртукѣ, съ весьма небольшими предосторожностями, онъ входилъ первый, увѣщевалъ, утѣшалъ, молился за погибшаго и подавалъ надежду, что скоро бѣдствіе прекратится, что эта жертва будетъ, быть можетъ, послѣдняя. Въ особенности былъ неугомоненъ простой народъ, лишенный вседневнаго труда, вседневной заботы, въ бездѣйствіи, хотя получалъ все необходимое, но по обыкновенію роптал; не смотря на явную гибель, не вѣрилъ заразѣ, или притворно увѣрялъ другъ друга, что чумы нѣтъ, и что ихъ напрасно держатъ какъ на привязи.

Но бѣдствіе не прекращалось, не смотря на надежды и обѣщанія, а между тѣмъ, осень прошла. Декабрь привелъ въ степь жестокую зиму (зиму 1812 года), а съ нею пришло другое бѣд-

ствіе,—недостатокъ дровъ и тѣснота домовъ. Кто знаетъ новороссійскія степи, тотъ легко постигнетъ, откуда родится недостатокъ въ зимнее и осеннее время, какія препятствія снѣгъ и грязь рождаютъ въ нашихъ безконечныхъ равнинахъ. Пути и такъ загорожены были карантинами, но корысть превозмогала всѣ препоны: припасы живо тащили въ городъ, ибо правительство платило вѣрно и всякое усиліе торговца вознаграждалось сторицею. Но вскорѣ чума вверглась въ деревни; Бугъ былъ запертъ; всѣ границы Имперіи были стерегомы съ величайшимъ стараніемъ, ибо люди умирали въ деревняхъ, такъ какъ и въ Одессѣ, хоть и въ гораздо меньшемъ количествѣ.

Но я боюсь наскучить вамъ исчисленіемъ всѣхъ подробностей. Я читалъ недавно „I promesi sposi“ знаменитаго Манцони, и увѣряю васъ, что его картины списаны съ природы и краски не преувеличены. Величайшее бѣдствіе, когда между имъ и минутою разсказа, промчится 20-ть лѣтъ жизни, и жизни трудной, полной заботъ, — о! тогда и злополучіе покажется воспоминаніемъ, грустнымъ ужаснымъ, но уже не явится какъ грозный призракъ, прерывающій сонъ вашъ и лишающій покоя среди бѣлаго дня. Многія такія ночи и многіе такіе дни проводили мы.

Но обращусь къ одному—это ужасу, какой наводитъ чума въ первую минуту. Ничто не можетъ сравниться съ этимъ жестокимъ страхомъ! Боишься глядѣть, не только коснуться незнакомыхъ, не смѣешь дотронуться до руки жены и дѣтей; часто я невольно вздрагивалъ, когда среди

страха и грусти, сестра подходила ко мнѣ и брала меня за руку. Зачумленные, даже съ явными признаками смерти, еще старались удаляться другъ отъ друга, въ надеждѣ на спасеніе.

Я видѣлъ ужасныя зрѣлища! Уже ослабѣвала въ городѣ, но еще длилась въ провинціи смертоносная зараза. Герцогъ объѣзжалъ неутомимо всѣ угрожаемыя мѣста, жертвуя собою, но давая примѣръ самоотверженія, невольно внушалъ бодрость въ несчастныхъ. Съ нимъ однажды отправился и я. По дорогѣ, казалось, на всякомъ шагу выростали могилы. Коблевка, прекрасное село на берегу моря въ 40 верстахъ отъ Одессы, превратилась въ кладбище и пустыню; въ другомъ мѣстѣ жители, открывъ у себя заразу, разбѣжались, разнесли смерть въ другія села и погибли самымъ ужаснымъ образомъ. Въ одной деревнѣ нашли мы домъ помѣщика, окопанный и стерегомый подобно осажденному замку. Вокругъ его умиралъ народъ, и всякій день прибавлялись могилы; несчастные жители, забывъ благодѣянія своего владѣльца и его собственную опасность, забывъ, что и въ сію годину несчастія, онъ раздѣлялъ послѣдній хлѣбъ съ ними, окружали ежедневно его жилище, наполняли воздухъ проклятіями и угрозами, и умершихъ, какъ-бы въ укоръ, хоронили у самыхъ воротъ его дома. Но гдѣ ступала нога добраго нашего герцога Ришелье, тамъ скоро воцарялся порядокъ, а карантинныя строгости прекращали заразу. Усердно помогали ему во всемъ коммиссары уѣздные, истинные питомцы Говарда, рѣшившіеся, несмотря на суровость осени и зимы, исполнять столь тяжкую должность

по уѣздамъ. Одинъ изъ нихъ, богатый владѣлецъ уже въ лѣтахъ, отецъ прекраснаго семейства, могшій спокойно жить за Бугомъ въ своемъ имѣніи, вдали отъ чумы и опасеній всякаго рода, пожертвовалъ своимъ покоемъ благу общему, ибо никто, подобно ему, не умѣлъ дѣйствовать успѣшнѣе *). Онъ оставилъ свою семью за Бугомъ, въ мѣстахъ, которые тогда мы звали „благополучными", т.-е. внѣ зараженнаго края, а самъ день и ночь, какъ вѣрный и чуткій стражъ покоя, заботился о ввѣренномъ ему округѣ несчастныхъ деревень. Часто, особенно зимою, когда замерзшій Бугъ позволялъ безопасно приблизиться къ другому берегу, онъ вызывалъ свое семейство на самую средину рѣки и тамъ, въ разстояніи двухъ саженей отъ нихъ, въ кожаномъ платьѣ, имѣлъ рѣдкія минуты свиданія со всѣмъ, что было ему дорого въ мірѣ. Со слезами на глазахъ глядѣли мы съ герцогомъ, какъ жена, сестра и дѣти бѣжали ему на встрѣчу, какъ почтенный мужъ протягивалъ издали къ нимъ руки и какъ маленькія дѣти, чуждыя еще понятій о бѣдствіяхъ рода человѣческаго, кричали: „Папа, пойди къ намъ!" Сладкое зрѣлище среди образа всеобщаго разрушенія и нищеты!

Въ самомъ городѣ случалось многое, достойное лѣтописи. Въ одномъ домѣ, близъ греческаго базара, жило очень почтенное семейство. Однажды утромъ дворецкій, коему порученъ былъ домъ, подошелъ къ дверямъ своихъ жильцовъ и про-

*) Кол. сов. Михаилъ Кирьяковъ, умершій въ Москвѣ въ 1825 году.

силъ хозяина поговорить съ нимъ, соблюдая, однако-жъ, величайшую осторожность. Въ это печальное время слово: „осторожность" равнялось слову „смерть" и наводило ужасъ невыразимый; однако-жъ, хозяинъ вышелъ на дворъ и, отдѣлившись по возможности, просилъ слугу говорить скорѣе. Дворецкій сказалъ ему слѣдующее: „моя жена заболѣла, и я совершенно увѣренъ, что у нея чума. Я вѣрно умру съ нею, если не отъ заразы, то съ горя, ибо чума—не бѣда послѣ такой потери. Я сейчасъ держалъ ее на рукахъ своихъ и теперь участь моя рѣшена. Но вы не бойтесь; клянусь вамъ Богомъ, что никто изъ вашихъ не „сообщался" съ нами отъ самаго начала чумы. Если хотите, то можете спокойно продолжать жить здѣсь. Прощайте и помолитесь о насъ; теперь я принадлежу чумному кварталу карантина". Напуганное семейство рѣшилось выдержать строжайшій карантинъ у заставы городской и уѣхало изъ Одессы.

Узнавъ о несчастіи, мы поспѣшили къ зараженному дому и нашли женщину уже умершею, а мужа ея въ самомъ жалкомъ положеніи: въ отчаяніи онъ покрывалъ почернѣвшій трупъ жарчайшими поцѣлуями, рвалъ ея одежду, надѣвалъ ее на себя и всѣми усиліями призывалъ къ себѣ заразу и смерть. Но Провидѣніе пощадило его: онъ остался живъ"....

Записки не были кончены,—слогъ ихъ немного витіеватый, обычный 1820-мъ годамъ.

А. Скальковскій.

Изъ памяти одесскаго старожила.

Я родился въ Одессѣ, въ 1819 г.; слѣдовательно, мнѣ теперь 75 лѣтъ, т. е. три четверти столѣтія. На этомъ основанiи я смѣло могу считать себя старѣйшимъ жителемъ города Одессы и думаю, что въ этомъ отношенiи не найду соперника. Но этого еще мало: я и выросъ въ Одессѣ, и воспитывался въ ней, и окончилъ курсъ въ бывшемъ тогда Ришельевскомъ лицеѣ, въ немъже началъ службу, сперва младшимъ учителемъ, потомъ старшимъ, потомъ помощникомъ инспектора лицея, далѣе директоромъ. Въ 1866 году уѣхалъ въ Варшаву, по приглашенiю бывшаго намѣстника Царства Польскаго графа Берга, на видную должность по учебной части, и въ 1872 г. возвратился въ родную Одессу. Во время моей службы въ Ришельевскомъ лицеѣ, который тогда помѣщался въ домѣ теперь Вагнера на Дерибасовской улицѣ, подъ моимъ надзоромъ и попеченiемъ прошло много молодежи; многiе изъ нихъ

еще живы и занимаютъ въ Одессѣ почетныя должности. Теперь перейду къ разсказу о чумѣ.

I.

О чумѣ, бывшей въ Одессѣ въ 1829 году.

Помню, что въ то время, когда явилась чума, мы, то-есть мои родители, я и старшiе братья, жили въ небольшомъ домѣ, принадлежавшемъ Католической церкви и въ настоящее время ей принадлежащемъ, только уже въ иномъ видѣ, на углу улицъ Екатерининской и Полицейской. Домикъ былъ небольшой съ деревянною крышею и два нашихъ окна выходили на церковную площадь, а четыре на Екатерининскую улицу. Насупротивъ нашего дома, по другую сторону улицы, тоже на углу, гдѣ теперь домъ въ 2 этажа Фельдмана, стоялъ маленькiй ветхiй домикъ, въ которомъ жилъ сапожникъ-еврей и рядомъ съ нимъ часовой мастеръ, тоже еврей; далѣе были другiе небольшiе дома, но кто въ нихъ жилъ—не помню. Какимъ образомъ занесена была въ Одессу чума, я не помню; говорили, будто судно изъ Турцiи завезло ее *). Какъ-бы то ни было, но въ городѣ стали умирать и распространилась паника. Къ чести городскаго начальства, оно не дремало, да и карантинъ тогда былъ хорошо устроенъ, занималъ внизу бульвара большое мѣсто, огороженное желѣзными рѣшетками, со всѣми необхо-

*) Судно, привезшее къ намъ заразу, именовалось „Тритонъ“; на немъ былъ шкиперъ Б. Якуличъ, флагъ австрiйскiй. Оно прибыло изъ Кюстенджи 13 мая, съ казенною военною аммуницiею.

Прим. ред.

димыми постройками, какъ съ наружной, такъ и внутренней стороны ограды.

Распоряженія начальства были слѣдующія. Весь городъ (тогда еще не такъ великъ былъ) раздѣленъ былъ на кварталы, или участки. Выходить изъ дому на улицу было строжайше запрещено. Кто не исполнялъ этого, тотъ, не смотря ни на чинъ, ни на званіе, былъ арестованъ и препровождался въ карантинъ. Такая строгая мѣра была необходима. По улицамъ, во всѣ дворы, ворота которыхъ должны были быть заперты и ключъ отъ нихъ находился не у жильцовъ, а у одного изъ назначенныхъ городомъ смотрителей, входили какіе-то люди въ сопровожденіи полицейскаго и безжалостно убивали все живое, что только находили во дворѣ: кошекъ, собакъ, куръ, гусей и проч. и вывозили куда-то за городъ. Окна на улицу должны были быть заперты на глухо, исключая одного, которое необходимо было жильцамъ для сообщенія съ міромъ; но и это окно отворялось только съ улицы, но не изъ комнатъ. Убитыхъ во дворѣ животныхъ вытаскивали на улицу длинными палками съ крючьями какіе-то люди, одѣтые въ черное, осмоленное платье; даже лица ихъ были закрыты, только для глазъ и рта были оставлены отверстія. Очень живо помню, какъ я стоялъ возлѣ окна на скамеечкѣ, безъ которой не могъ видѣть, что дѣлалось на улицѣ. Это окно было первое отъ воротъ. Глядя такимъ образомъ, я вдругъ увидѣлъ, что одинъ изъ черныхъ людей, вышедши изъ нашего двора на улицу, несетъ за ноги мою любимую кошку, которая неистово кричитъ, и съ размаху бьетъ ее голо-

вою о столбъ, стоявшій передъ воротами, возлѣ улицы. Убивши кошку, онъ опять ушелъ во дворъ для поголовнаго избіенія куръ, собачекъ и тому подобныхъ тварей. Глядя на любимую кошку, лежащую съ разбитой головой и еще вздрагивающую, я не выдержалъ и громко зарыдалъ; ко мнѣ прибѣжалъ отецъ и сталъ утѣшать, какъ могъ. Такіе-же порядки происходили во всѣхъ дворахъ и по всему городу. Нѣкоторымъ изъ жителей, извѣстнымъ городу и надежнымъ, дозволено было выходить на улицу; для этого ихъ снабжали значками, на красной ленточкѣ, которые они носили на груди. Отецъ мой былъ въ томъ числѣ, но рѣдко и неохотно пользовался этимъ правомъ. Два окна нашей квартиры, выходившія на церковную площадь, въ то время усаженную густо акаціями, были снаружи забиты, но ставни внутри не забивались, такъ что я отъ скуки часто смотрѣлъ на площадь. Хорошо помню, что надзирателемъ въ нашемъ кварталѣ былъ назначенъ нѣкто Варатасій, кажется изъ грековъ, очень хорошій, добрый человѣкъ и знакомый моего отца. Теперь является вопросъ: что-же при такомъ затворничествѣ мы будемъ ѣсть и гдѣ доставать припасы? Для этого было сдѣлано такое распоряженіе: каждое утро, въ извѣстный часъ, надзиратель подходитъ къ окну, которое отворялось и стучитъ; это значило, что нужно изъ комнаты отворить окно. За надзирателемъ слѣдуютъ двѣ повозки: одна съ говядиною и разнаго рода птицею, а другая съ хлѣбомъ и зеленью. Сидящій на повозкѣ, кричитъ: „говядина, баранина, телятина, куры, гуси рѣзаные, потроха!“ Все это

онъ выкрикивалъ съ особеннымъ и всегда одинаковымъ напѣвомъ, который я твердо заучилъ; особенно послѣднее слово: „потроха“ онъ произносилъ съ какою-то, всегда одинаковою пѣвучестью. Сидящій на другой повозкѣ, кричитъ: „хлѣба, хлѣба, хлѣба!“ Надзиратель спрашиваетъ у жильцовъ, что нужно и сколько чего? Узнавъ, что нужно, онъ самъ идетъ къ повозкѣ, беретъ, взвѣшиваетъ говядину и все приноситъ вамъ къ окну. Хлѣбникъ-же самъ приноситъ хлѣба столько, сколько сказано. Казалось-бы, дѣло очень просто; но тутъ опять рождается вопросъ: какимъ-же образомъ можно было принимать эти вещи прямо съ повозки неочищенныя никакими дезенфекціонными средствами? Это значило-бы имѣть ежедневное сообщеніе съ городомъ, въ которомъ гуляетъ чума. Въ виду этого, установлено было слѣдующее: въ каждомъ домѣ, на томъ окнѣ, которое назначено для пріема провизіи, санитарнымъ медицинскимъ управленіемъ, помѣщались: металическая чаша съ уксусомъ, другая съ хлоромъ, желѣзные щипцы и еще кое-что, не припомню. Когда надзиратель передаетъ вамъ купленные припасы, то нужно-же расплатиться. Какъ-же это сдѣлать? А вотъ какъ: если у васъ деньги бумажныя, то вы зажигаете хлоръ, надъ дымомъ его подержите бумажку и передаете надзиртелю; если-же платите серебромъ, или мѣдью, то бросаете ихъ въ чашу съ уксусомъ, изъ которой продающій вынимаетъ безбоязненно; если-же онъ долженъ дать сдачи мѣдью или серебромъ, то также бросаетъ ихъ въ чашу съ уксусомъ, а вы вынимаете. Деньги-же бумажныя окуриваются надъ хлорнымъ дымомъ. Теперь читатель вправѣ спросить: почему-же купленная провизія: хлѣбъ, говядина, зелень, битая птица и проч., принимались покупателями неочищенною, безъ всякой дезинфекціи? Это потому, какъ я узналъ отъ отца, что эти предметы считались почему-то непринимающими заразы. На сколько это справедливо, я и теперь не знаю, но тогда были въ томъ увѣрены. По окончаніи этой операціи, окно наружное запиралось, и такъ до слѣдующаго дня. Роль надзирателя этимъ не ограничивалась. Окончивъ дѣло съ провизіею въ своемъ кварталѣ, онъ передавалъ продавца слѣдующему кварталу, гдѣ другой надзиратель дѣлалъ то-же самое, и такъ дѣло шло, переходя отъ одного квартала къ другому. Теперь еще было другое дѣло поважнѣе. По полудни тотъ-же надзиратель, но уже въ сопровожденіи доктора, полицейскаго чиновника и еще двухъ какихъ-то отъ города довѣренныхъ лицъ, являлись къ тому-же окну и приказывали отворять. Полицейскій чиновникъ, у котораго въ рукахъ былъ списокъ всѣхъ жильцовъ дома, вызывалъ по этому списку каждаго жильца по очереди, а докторъ, смотря на вызваннаго пристально и внимательно, велѣлъ ему то помахивать головою взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ, поднимать и опускать руки, ноги, ходить и прыгать. Это дѣлалось для того, чтобы убѣдиться, не чувствуетъ-ли испытуемый гдѣ нибудь боли, потому, что во время чумы бываютъ нарывы на шеѣ, подъ мышками, въ пахахъ брюха и на ногахъ; эти нарывы очень болящіе и больной, при движеніи головою, ощущаетъ боль въ шеѣ, при движеніи руками, а въ особенности

при поднятіи ихъ къ верху, чувствуетъ боль подъ мышками; если-же поднимаетъ ноги, то подъ животомъ и въ пахахъ, при ощущеніи боли, больной не выдержитъ: по лицу докторъ замѣчаетъ его страданія, и тогда несчастнаго страдальца выводятъ, сажаютъ на двухколесную телѣжку и везутъ въ карантинъ; если умретъ, то тамъ его и хоронятъ. Говорятъ, что мѣсто этого чумнаго кладбища и теперь еще видно не далеко отъ стрѣльбища охотничьяго общества.

Я выше сказалъ, что черезъ дорогу противъ дома, въ которомъ мы жили, былъ небольшой домикъ, гдѣ жилъ часовой мастеръ еврей и рядомъ съ нимъ сапожникъ. Оказалось, что сапожникъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Была-ли это чума или иная болѣзнь—неизвѣстно; почему онъ не былъ взять въ карантинъ тоже не знаю, но думаю, что смерть его была скоропостижная. Однажды, стоя по обыкновенію у окна, я все глядѣлъ на улицу съ дѣтскимъ любопытствомъ и вдругъ вижу, что эти оба домика оцѣплены солдатами и полицейскими. Въ то-же время подъѣзжаетъ двухколесная тѣлежка съ чернымъ флагомъ*) и на ней два человѣка въ черныхъ осмоленныхъ курткахъ, въ такихъ же брюкахъ; въ рукахъ у нихъ были предлинные шесты съ крючьями на концѣ. Они вошли черезъ ворота въ комнаты и выволокли оттуда на улицу тѣми-же крючьями мертваго человѣка, бросили его на телѣгу, какъ бросаютъ падаль, и увезли, вѣроятно, на кладбище. Стража

*) Черный флагъ означалъ умершаго, а красный больнаго.

оставалась у дома до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали люди съ какими-то дезинфекціонными средствами, которыми жестоко надымили на улицѣ и въ комнатахъ, заперли ворота, поставили часоваго съ ружьемъ и куда-то уѣхали. Такъ поступали вездѣ въ городѣ при подобныхъ случаяхъ.

Теперь я разскажу еще одинъ печальный случай и вмѣстѣ поучительный, показывающій особенное свойство чумы и особенность человѣческаго организма, или, лучше сказать, способность заразиться, или не заразиться при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Былъ у отца старый знакомый и другъ дома нѣкто Гагинъ, человѣкъ замѣчательно честный, добрый и замѣчательно образованный. Какъ теперь вижу его: высокаго роста, худощавый, блондинъ, съ добрыми и пріятными чертами лица. Онъ былъ назначенъ въ одномъ участкѣ города чѣмъ-то въ родѣ надзирателя: его обязанность была приходить къ окну, постучать, чтобы ему отворили форточку и спросить, все-ли благополучно. Однажды онъ пришелъ, ему отворили форточку, а онъ говоритъ отцу: „Григорій Осиповичъ, другъ мой, я пришелъ проститься съ вами".—Что такое? уѣзжаете куда-нибудь?—„Да, говоритъ, уѣзжаю туда, откуда никто не возвращается".—Какъ и что?—„Я, говоритъ, чувствую, что умру, и очень скоро: я заразился".—Какъ и что?—„Я, говоритъ, чувствую и не ошибаюсь". Всѣ убѣжденія отца остались напрасны,—и дѣйствительно онъ скоро умеръ. Что-же это было? Онъ былъ человѣкъ женатый, но бездѣтный; жена его впослѣдствіи была классною дамою въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. По разсказу его жены,

дѣло было такъ: онъ подошелъ къ одному дому, гдѣ была, но еще не обнаружена, зараза и постучалъ въ окно; ему отворили не форточку, а окно; онъ-же, послѣ извѣстныхъ вопросовъ, забывшись, своими руками затворилъ окно. И потому только, что прикоснулся къ ставнямъ, которыхъ касались жильцы дома, самъ заразился. И не чудо-ли еще другое, что жена отъ него не заразилась? Такія бываютъ странности этой ужасной болѣзни. При этомъ я разскажу еще замѣчательный и важный для медицины случай съ моимъ отцомъ. Еще въ молодости своей, одинокій, хотѣлъ онъ побывать въ Европѣ, увидѣть свѣтъ и людей; но какъ это устроить въ то время, когда навигація по Черному морю была еще въ младенчествѣ,—да и отецъ никогда еще и не плавалъ по морю и боялся пускаться вдаль. Не знаю, гдѣ именно отецъ жилъ въ то время, но, судя по его разсказамъ, онъ жилъ у своего отца въ деревнѣ. Въ то время турки пріѣзжали часто караванами въ Хотинъ и тамъ сбывали свои товары, а взамѣнъ брали другіе и черезъ европейскую Турцію возвращались къ себѣ. Въ то время турки были еще народъ честный, добрый и гостепріимный. Отецъ отправился въ Хотинъ и условился съ однимъ изъ начальниковъ турецкаго каравана за извѣстное вознагражденіе доставить его въ Константинополь, а оттуда уже надѣялся поѣхать дальше. Такимъ образомъ, караванъ съ моимъ отцомъ отправился и доѣхалъ благополучно до турецкой деревни Капаклы (я и теперь нашелъ эту деревню на картѣ Европ. Турціи. Пріѣхали уже вечеромъ и остановились въ знакомомъ имъ домѣ, въ родѣ гостин-

ницы. Закусили, напились кофе. Мой отецъ, чувствуя усталость, обратился къ начальнику каравана съ вопросомъ: гдѣ онъ переночуетъ? „Иди, говоритъ турокъ, я тебѣ укажу", и указалъ ему маленькую комнатку, темную, въ родѣ ниши, безъ оконъ; тамъ стояла кровать съ подушкою. Уставшій отецъ наскоро раздѣлся, легъ и крѣпко уснулъ; турки-же остались въ большой комнатѣ и тоже легли спать. На-утро отецъ всталъ, одѣлся и вышелъ въ большую комнату, гдѣ турки уже пили кофе. Поздоровавшись съ нимъ, начальникъ каравана спрашиваетъ, хорошо-ли онъ спалъ, здоровъ-ли и не болитъ у него что-нибудь. Эти вопросы удивили отца и онъ сталъ допытываться, почему онъ задаетъ ему такіе вопросы. „А ты не будешь бояться,—спросилъ турокъ. „Не буду, только объясни мнѣ". „Ну, такъ иди за мною". Мы, — говорилъ мнѣ отецъ, — вошли съ туркомъ въ мою бывшую спальню, онъ взялъ подушку, на которой я спалъ, перевернулъ ее, и указывая на большое кровавое пятно и слѣды какой-то желтой жидкости, говоритъ: „Смотри, вчера отсюда вынесли умершаго отъ чумы". Какъ онъ мнѣ это сказалъ, такъ я, — говоритъ отецъ, — такъ и обмеръ и говорю ему: Зачѣмъ-же я поѣду, лучше останусь здѣсь: все равно, гдѣ умирать". „О, какіе пустяки,—говоритъ турокъ,—поѣзжай, не всякому Аллахъ посылаетъ смерть". Мы, говорилъ мнѣ отецъ, уѣхали, добрались до Константинополя и я благополучно отправился дальше. Какимъ образомъ понять капризы такой страшно заразительной болѣзни, какъ чума? Бѣдный Гагинъ умеръ только отъ прикосновенія къ

ставнямъ, до которыхъ дотронулся зараженный человѣкъ, а отецъ отъ такой зараженной постели не заразился и дожилъ до 90 лѣтъ! Еще одно странное свойство чумы. Въ Одессѣ жилъ и имѣлъ свой домъ купецъ, грекъ (жалѣю, что забылъ его фамилію). Онъ когда-то въ Турціи заразился чумою, но выздоровѣлъ, что рѣдко случается. У него послѣ болѣзни остались слѣды „бубоновъ" (такъ назывались чумные наросты), но онъ былъ совсѣмъ здоровъ. „Странное дѣло, говорилъ онъ,—какъ только я пріѣзжаю въ турецкій городъ или въ деревню, гдѣ есть чума, или недавно была, то у меня бубоны болятъ, и я, часто пользуясь этимъ, предупреждаю объ опасности жителей той мѣстности, черезъ которую я проѣзжаю". Эти свои чумные знаки, какъ подарокъ заразы, онъ иногда показывалъ любопытнымъ. Вотъ задача для медицины!

II.

Воспоминанія о бывшемъ одесскомъ полиціймейстерѣ Василевскомъ *).

Не будетъ, мнѣ кажется, съ моей стороны ошибкою, если я скажу, что въ настоящее время трудно найти человѣка, который бы относился къ своему дѣлу съ такою любовью, съ такимъ самоотверженіемъ и умѣніемъ кстати приложить его на пользу ввѣренныхъ ему интересовъ об-

*) Служилъ въ 30-хъ годахъ.

щества, какъ бывшій одесскій полиціймейстеръ Василевскій. Я сказалъ „трудно найти", но не невозможно, есть и теперь свѣтлыя личности, съ честью служащія родинѣ, но много-ли ихъ? Никто не зналъ, обѣдаетъ-ли когда нибудь Василевскій, спитъ-ли онъ или отдыхаетъ: общее мнѣніе было, что онъ не знаетъ ни того, ни другого, ни третьяго. Служба для него была его жизнь, его удовольствіе. Изъ всего, мною видѣннаго, читатель убѣдится, правъ-ли я, или нѣтъ. Начну съ слѣдующаго. Не помню хорошо, въ какомъ именно году я жилъ въ казенной квартирѣ въ домѣ Ришельевскаго лицея (теперь домъ Вагнера). Это одинъ изъ старѣйшихъ домовъ въ Одессѣ; я же въ немъ началъ ученіе свое съ 1-го класса гимназіи. Въ немъ помѣщался лицей и Ришельевская гимназія съ пансіономъ. Я былъ въ то время уже помощникомъ инспектора гимназіи, и квартира моя была въ нижнемъ этажѣ по Дерибасовской улицѣ, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь банкирская контора Грубера, или даже еще дальше отъ угла, лѣвѣе. Изъ моей квартиры былъ выходъ на улицу. Весь этотъ кварталъ, занимаемый домомъ Вагнера, былъ по улицѣ вымощенъ, ради опыта, деревянными кубиками, плотно соединенными какимъ-то цементомъ, похожимъ на смолу, и ѣзда по этой мостовой была мягкая, безъ шума; словомъ, очень пріятна; жаль только, что эта мостовая оказалась непрочной и была передѣлана. Было лѣто. Сижу я, однажды, довольно рано, у окна и гляжу на улицу. Вдругъ, вижу: летитъ по улицѣ во всю прыть верхомъ Василевскій (онъ иначе

и не ѣздилъ, какъ верхомъ), а за нимъ тоже во весь опоръ мчится верховой казакъ съ нагайкой внушительныхъ размѣровъ; они летѣли на пожаръ куда-то далеко. Смотрю на Василевскаго: что за чудо? мундиръ на немъ одѣтъ передомъ на задъ, на спинѣ видна рубашка, пуговицы не застегнуты, штабъ-офицерскіе эполеты болтаются на груди. Люди, бывшіе въ то время на улицѣ, съ изумленіемъ смотрѣли на эту картину, а рабочіе, расчищавшіе тротуары отъ камней, даже крестились. Скоро я узналъ, что Василевскій былъ на пожарѣ, деспотически тамъ распоряжался, не переодѣваясь до окончанія пожара. Казалось-бы, что это фактъ не важный и не стоитъ разсказа, но онъ даетъ понятіе о Василевскомъ, какъ о человѣкѣ и какъ о лицѣ, наблюденію котораго была ввѣрена охрана города и его порядки.

Спустя нѣсколько дней, я пошелъ за чѣмъ-то на базаръ и проходилъ какъ разъ около того мѣста, гдѣ теперь станція конки, на углу Почтовой и Преображенской улицъ. На этомъ мѣстѣ стояло деревянное строеніе, въ которомъ продавался деготь, и около него лежало много разныхъ желѣзныхъ гирь, начиная отъ двухпудовыхъ и поменьше, и тутъ-же были большіе вѣсы, много боченковъ и другихъ вещей. Я шелъ по тротуару по лѣвой сторонѣ улицы и вижу, что по дорогѣ какой-то мужикъ везетъ мусоръ на повозкѣ, запряженной въ одну чахлую лошаденку. Видно, бѣдное животное не въ силахъ было тащить дальше и остановилось. Мужикъ въ досадѣ начинаетъ ее хлестать кнутомъ изо всей силы; лошадь только сопитъ и вертитъ головой. Какъ разъ въ это время мчится верхомъ Василевскій и за нимъ неразлучный казакъ. Увидѣвъ эту сцену, Василевскій подскакиваетъ къ мужику и спрашиваетъ: За что ты бьешь лошадь?—Та якже, панэ, колы не везе!—А! не везе? Ступай сюда. Мужикъ подошелъ.—Бери оглобли. Онъ взялъ. —Тащи повозку!—Ой, не можу, панэ.—Не можешь? а лошадь можетъ? Казакъ, влѣпи ему! Казакъ влѣпилъ раза два, но мужикъ не двинулъ и опять кричитъ: нэ можу, панэ!—Не можешь? Ступай сюда (ведетъ его къ гирямъ). Поднимай гирю. Мужикъ поднялъ съ усиліемъ: гиря была двухпудовая. Поднимай другую!—Нэ можу, панэ.—А, не можешь? Казакъ, влѣпи ему! Казакъ влѣпилъ, но безъ успѣха.—Теперь знаешь, что значитъ „нэ можу“? Ступай за мной. Сбрасывай на улицу половину мусору. Тотъ сбросилъ. Теперь отвези тотъ, что на повозкѣ, куда слѣдуетъ, и чтобъ ты мнѣ возвратился и забралъ остальной до чиста, чтобъ я и пылинки не увидѣлъ на улицѣ.

Раздѣлавшись съ мужикомъ, Василевскій поѣхалъ дальше къ базару, гдѣ тогда были мясные ряды. Я поспѣшилъ за нимъ, такъ какъ и мнѣ нужно было купить кое-что, а главное увидѣть еще какую-нибудь сценку. Не доѣзжая шаговъ сто до рѣзницъ, Василевскій увидѣлъ какую-то бабу, шедшую отъ рѣзницъ съ корзиною, въ которую она часто заглядывала и съ отчаяньемъ махала руками. Василевскій подъѣхалъ къ ней и спросилъ, что съ нею случилось. „Да вотъ, говоритъ, что: я купила говядины, и была она, кажется, хорошая, а тутъ въ корзинкѣ совсѣмъ не та, а какая-то черная и совсѣмъ не свѣжая“.—

А ну-ка, покажи!—„Вотъ посмотрите, баринъ".— Онъ взялъ говядину, посмотрѣлъ, покачалъ головою и говоритъ: — А ты помнишь, у кого купила?—„Какъ-же, помню, помню".—Веди ка меня туда.—Доѣхавши до лавки, Василевскій сошелъ съ лошади, отдалъ ее казаку, подозвалъ бабу, вынулъ мясо и спрашиваетъ у торговки: „Это ты продала говядину этой женщинѣ?" — Торговка сильно струсила, но все-же говоритъ: „Да, я продала". — Этотъ-ли кусокъ ты ей продала и сколько фунтовъ?—„Да, кажется, четыре". Такъ ты продаешь вонючую говядину? а? говори!— „Я, баринъ, не знаю, какъ это случилось".—Тутъ какъ-разъ подошла еще какая-то женщина и говоритъ: „Ваше благородіе, эта торговка—мошенница: она и меня такъ обманула; я у нея не покупаю съ тѣхъ поръ". — Ну, погоди-же, говоритъ Василевскій, я тебя проучу. Казакъ! слѣзай съ лошади, дай ее подержать вотъ этому рѣзнику, а самъ иди за мною.—Когда они вошли въ лавку, Василевскій говоритъ казаку: „Посмотри-ка ты туда подъ ящикъ внизу, тамъ, навѣрно, найдешь говядину". (Видно, онъ уже зналъ такія продѣлки).

И, дѣйствительно, казакъ вытащилъ оттуда 4 фунта хорошей говядины.—„Посмотри-ка, баба, ты вотъ эту говядину купила?"—Эту, эту, баринъ!—Тогда Василевскій взялъ у нея тотъ кусокъ несвѣжей говядины и сталъ имъ хлестать по лицу торговки такъ, что та начала кричать: „Простите, голубчикъ-баринъ, это по ошибкѣ!"—Для того-то я тебя и научаю, чтобы ты не ошибалась; а ты, баба, возьми свою говядину,—и отдалъ ее старушкѣ. Послѣ этого вскочилъ на коня и помчался куда-то для новыхъ подвиговъ....

Убійство архитектора Фраполи, и мѣры, предпринятыя Василевскимъ для открытія убійцъ.

Очень жалѣю, что не могу въ настоящее время въ точности опредѣлить мѣсто, гдѣ былъ домъ, въ которомъ жилъ Фраполи; городъ съ тѣхъ поръ такъ измѣнился, что во многихъ мѣстахъ, особенно по окраинамъ, гдѣ были улицы и переулки, тамъ ихъ нѣтъ; на мѣстѣ прежнихъ домовъ, въ особенности небольшихъ, выстроены палаты, такъ что теперь оріентироваться невозможно. Могу только навѣрно сказать, что этотъ домъ былъ не въ центрѣ, а на окраинѣ города, недалеко отъ дачи Ланжерона. Фраполи былъ архитекторъ, занимавшійся разными постройками городскихъ казенныхъ зданій и жилъ въ собственномъ домѣ, небольшомъ, но уютномъ. Человѣкъ онъ былъ очень хорошій и не бѣдный, при томъ-же холостой. У него былъ свой экипажъ, пара вороныхъ лошадей и здоровенный бородатый кучеръ. Домикъ его былъ одноэтажный. Случилось, что онъ получилъ въ городѣ значительную сумму денегъ на предстоявшія работы, пріѣхалъ домой уже подъ вечеръ и, къ своему несчастью, былъ настолько неостороженъ, что сталъ пересчитывать деньги въ присутствіи своего кучера, который замѣтилъ, какую кучку ассигнацій (тогда такъ назывались бумажныя деньги) держитъ въ рукахъ его баринъ. Этотъ-же кучеръ исправлялъ и нѣкоторыя обязанности лакея: чистилъ ему сапоги, приносилъ самоваръ и тому подобное. Ком-

наты своей Фраполи не запиралъ. Кучеръ рѣшился воспользоваться удобнымъ случаемъ. Въ этомъ-же дворѣ жилъ еще молодой человѣкъ простаго званія, лѣтъ 18-ти, который продавалъ яблоки, разнося ихъ по городу въ корзинѣ на головѣ; я его часто встрѣчалъ въ городѣ. Съ кучеромъ онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Однажды вечеромъ, когда Фраполи, еще не потушивъ свѣчи, легъ въ постель, кучеръ, захвативъ съ собою топоръ, вошелъ въ комнату барина съ вычищенными сапогами и ставя сапоги у кровати, внезапно поднялъ топоръ и ударилъ его такъ сильно по головѣ, что отсѣкъ часть около виска; вѣроятно у него или руки тряслись, или Фраполи сдѣлалъ въ это время движеніе, но дѣло въ томъ, что Фраполи быстро схватился съ постели, повалилъ кучера на кровать и сталъ его душить. При этомъ надобно сказать, что онъ былъ высокаго роста, атлетическаго сложенія и силы замѣчательной! Осматривая иногда свою карету, онъ легко поднималъ ее, чего кучеръ не могъ сдѣлать. Предвидя нехорошій исходъ борьбы, кучеръ сталъ кричать и звать на помощь яблочника, съ которымъ былъ уже уговоръ насчетъ убійства Фраполи, но который, испугавшись крика кучера, не рѣшался войти; но наконецъ прибѣжалъ и, по указанію кучера, взявъ лежавшій на землѣ топоръ, хватилъ имъ по головѣ Фраполи и покончилъ съ нимъ. Всѣ эти подробности разсказывали сами преступники на судѣ, гдѣ и были записаны!

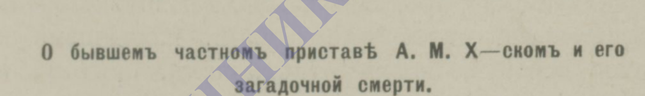
Сдѣлавъ, такимъ образомъ, свое дѣло, они рѣшились на слѣдующее: затворивъ на глухо

дверь дома и квартиры, кучеръ немедленно забралъ деньги; потомъ, вынувъ изъ сундука все, принадлежавшее покойному, въ томъ числѣ и всѣ его документы, подѣлились между собою. Кучеръ остригся, побрился, надѣлъ лучшее платье, бѣлье, сапоги и тайкомъ уѣхалъ изъ Одессы, сколько мнѣ помнится, на лошадяхъ и въ экипажѣ Фраполи. Яблочникъ-же остался въ городѣ, думая какъ нибудь ускользнуть отъ преслѣдованія, но это ему не удалось: онъ былъ пойманъ и посаженъ въ острогъ до разслѣдованія дѣла. Василевскій, узнавъ объ убійствѣ и зная, что у него есть очень дѣльный и ловкій приставъ (если не ошибаюсь, его звали Депрерадовичемъ), командируетъ его какъ можно скорѣе, взявъ съ собою еще надежнаго товарища изъ служащихъ при полиціи, а также двухъ городовыхъ, и, нарядившись въ партикулярное платье, отправиться на почтовой тройкѣ въ Кременчугъ, который въ то время славился, какъ этапный пунктъ для всѣхъ подобныхъ преступниковъ и воровъ, которые, покончивъ тамъ свои дѣла, отправлялись дальше въ Россію и тамъ исчезали неизвѣстно гдѣ. Приставъ, какъ ему было приказано, покатилъ въ Кременчугъ. Пріѣхали туда уже подъ вечеръ и прямо отправились въ единственный трактиръ, куда разнаго рода люди собирались поиграть на билліардѣ и покутить. Вошедши въ залу въ качествѣ посѣтителей, они подошли къ билліарду, на которомъ играли двое неизвѣстныхъ лицъ. Будто изъ любопытства, они стали ходить по залу, смотрѣть на играющихъ и молча дѣлали свои наблюденія. Открыть преступника имъ много помогло то, что

господинъ въ очкахъ (это были очки Фраполи), отлично одѣтый, такъ плохо говоритъ по-русски и выражается не какъ человѣкъ образованный, а какъ простой мужикъ. Приставъ, обративъ на это и свое вниманіе, и понятыхъ, рѣшился дѣйствовать смѣло и не теряя времени. Онъ подошелъ быстро къ игравшему и спросилъ его тономъ, не терпящимъ возраженія: „ты убилъ Фраполи?“ Ошеломленный игрокъ сразу опѣшилъ и сказалъ: „я!“. Тогда подскочили переодѣтые полицейскіе, схватили убійцу, связали и, къ изумленію прочихъ посѣтителей трактира, на почтовой-же тройкѣ привезли въ Одессу. Такимъ образомъ, догадки Василевскаго вполнѣ оправдались. Когда его въ острогѣ свели съ яблочникомъ, то они оба во всемъ сознались. Судъ приговорилъ ихъ къ извѣстному числу ударовъ кнута и къ ссылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы безъ срока. Кучеръ не выдержалъ и вскорѣ умеръ; но умирая, умолялъ, чтобы его похоронили у ногъ убитаго имъ барина, такъ какъ у ногъ его онъ будетъ вѣчно просить прощенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ на Старомъ кладбищѣ, видѣлъ могилу Фраполи, а у ногъ его другую могилу поменьше, на которой лежитъ небольшая мраморная плита, а на ней вырѣзана кучерская шляпа и подъ нею топоръ. Я думаю, что оба эти памятника уцѣлѣли и при указанныхъ признакахъ ихъ легко найти.

Дай Богъ побольше такихъ слугъ Царя, какимъ былъ Василевскій.

III.

О бывшемъ частномъ приставѣ А. М. Х—скомъ и его загадочной смерти.

Въ то время, когда случилось разсказываемое мною, Одесса была раздѣлена на четыре части, которыя назывались по нумерамъ. Такъ, были 1-я, 2-я, 3-я и 4-я части; это то-же, что теперь участки. Каждая часть была въ вѣдѣніи пристава, которые и назывались частными приставами. Приставъ Х., въ 50-хъ годахъ, завѣдывалъ 3-ю частью и жилъ съ своею канцеляріею и подвѣдомственными ему полицейскими служителями въ домѣ, который и до настоящаго времени стоитъ цѣлъ и невредимъ, по Ришельевской улицѣ, и принадлежитъ еврейскому молитвенному дому „Бесъ-Гамедрошъ“. Теперь въ немъ помѣщается вѣнскій гастрономическій магазинъ Гальперина. Я такъ подробно обозначилъ мѣсто жительства пристава Х. для того, чтобы любопытный могъ сразу его найти и посмотрѣть съ точки зрѣнія строительной, какъ на зданіе, до сихъ поръ еще не поврежденное. Таково большинство старыхъ одесскихъ построекъ; таковъ былъ матеріалъ и работа!.. Въ описываемое мною время при квартирѣ пристава былъ большой дворъ, гдѣ жили казаки, стояли ихъ лошади и прочія принадлежности полицейской власти. Простой народъ, не разбирая своимъ умомъ значенія слова „частный“, называлъ пристава „честный приставъ“, что для ихъ ума было понятнѣе и удобнѣе произносилось. На-

сколько это названіе подходило къ герою нашего разсказа, читатель увидитъ далѣе. Надобно правду сказать, что приставъ Х. былъ человѣкъ очень смышленный, далеко не глупый, находчивый и очень ловкій во всѣхъ отношеніяхъ, притомъ и довольно денежный, какъ тогда увѣряли. Онъ-же во время бывшей въ Одессѣ холеры приказывалъ привозить къ себѣ заболѣвшихъ и очень удачно, къ изумленію и ужасу медицинскаго персонала, сѣкъ ихъ розгами и излечивалъ. Случилось ему, однакожъ, запутаться въ какомъ-то дѣлѣ, изъ котораго онъ не надѣялся выпутаться, и прибѣгнулъ къ маневру, который могъ-бы прославить любаго фокусника, вродѣ Пинетти. Нашъ приставъ фиктивно заболѣлъ и *принужденъ былъ* поступить въ городскую больницу, которая помѣщалась тамъ-же, гдѣ и теперь, только была гораздо меньше и съ примитивными качествами во всѣхъ отношеніяхъ. Въ описываемое мною время говаривали, что если желаешь умереть, то поступи въ городскую больницу. Такъ и сдѣлалъ нашъ приставъ. Его отвезли туда и уложили на ложе страданій. Но онъ смекнулъ, какъ нужно дѣйствовать: не пожалѣлъ кармана и всѣхъ нужныхъ ему для его плана щедростью привлекъ на свою сторону. Пролежалъ онъ довольно долго, пока не представился удобный случай. Какой-то бѣднякъ въ этой больницѣ умеръ. Ему устроили очень приличные похороны и, подъ именемъ пристава Х., похоронили на городскомъ старомъ кладбищѣ. Приставъ Х. незамѣтно улетучился. Долгое время никто ничего не зналъ объ этомъ фокусѣ; но спустя недѣли три или болѣе, отъ

него получено было письмо, не помню кѣмъ, въ которомъ онъ, со свойственною ему смѣлостью, увѣдомлялъ, что онъ совершенно здоровъ и проживаетъ въ Парижѣ, конечно, подъ другимъименемъ. Но кто въ то время могъ вытребовать его оттуда, когда не было не только желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, но и другаго рода прямыхъ сношеній; да если-бы и были, то какъ вытребовать человѣка, который живетъ тамъ подъ другимъ именемъ, вѣроятно французскимъ? Въ то время Парижъ казался въ другомъ полушаріи. Такъ вотъ каковъ былъ нашъ герой. Спустя уже нѣсколько мѣсяцевъ стали ходить слухи, что рыцарь нашъ добылъ какимъ-то путемъ очень цѣнные брилліанты и боясь попасться, улетучился. Я помню одного татарина, который, въ подобныхъ, конечно, мелкихъ случаяхъ, говорилъ: „какой на свэтъ буватъ челаукъ!“ А мы скажемъ о нашемъ „честномъ“ приставѣ: Sic transit gloria mundi.....

IV.

Мои воспоминанія о бывшемъ попечителѣ одесскаго учебнаго округа, Д. М. Княжевичѣ.

Держу перо въ рукѣ и думаю: хватитъ-ли у меня силъ и умѣнія изобразить достойнымъ образомъ такого въ высшей степени замѣчательнаго человѣка, какимъ въ моемъ умѣ всегда представляется бывшій попечитель одесскаго учебнаго округа Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ? Въ продолженіе

моей 47-ми-лѣтней службы по учебной части я видѣлъ многихъ начальниковъ и попечителей округа; между ними были люди достойные и умные, но ни одинъ изъ нихъ не очаровалъ меня такъ, какъ этотъ. Почему? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ моя настоящая краткая замѣтка. Быть можетъ, память и благодарное сердце подскажутъ мнѣ лучше другихъ источниковъ. Когда прибылъ въ Одессу Д. М. Княжевичъ, я былъ младшимъ учителемъ латинскаго языка въ низшихъ классахъ Ришельевской гимназіи, которая помѣщалась въ домѣ теперь Вагнера, по Дерибасовской улицѣ съ одной стороны, по Екатерининской—съ другой, а съ третьей—по Ланжероновской. Въ немъ-же были и аудиторіи для студентовъ лицея. Помѣщеніе было очень удобное и просторное. Внутри этого громаднаго трехсторонняго зданія были и дворы, гдѣ въ рекреаціонное время гуляли гимназисты—пансіонеры казенные и своекоштные, были спальни, столовыя, актовой залъ, больница, внизу квартиры для служащихъ при лицеѣ и всѣ прочія необходимыя принадлежности и парадная галлерея отъ воротъ до той лѣстницы, которая вела на верхній этажъ, гдѣ были классы, спальни, церковь и помѣщеніе для надзирателей. Корридоры были во всю длину зданія дома Вагнера по тремъ улицамъ. Въ этихъ корридорахъ резонансъ былъ такой, что сказанное въ одномъ его концѣ хорошо было слышно въ другомъ. Покойный Д. М. былъ атлетическаго роста и сложенія, обладалъ соотвѣтственнымъ этому голосомъ и былъ очень вспыльчивъ. Когда онъ бывало съ кѣмъ-нибудь крупно

говоритъ въ одномъ изъ корридоровъ, то эхо отчетливо повторяетъ его слова во всѣхъ углахъ. Ученики, служащіе, учителя и все живое въ зданіи боялись его, словно мыши кота, и прятались куда кто могъ. Не менѣе внушительна была и наружность. Въ фатальный для меня день новый инспекторъ лицея Мих. Дан. Деларю вступалъ въ должность (послѣ бывшаго инспектора Соколова) и ему то Княжевичъ хотѣлъ показать классы и прочее. Всѣ классы помѣщались въ корридорѣ верхняго этажа, что по Ланжероновской улицѣ. Когда время уроковъ оканчивалось, то швейцаръ подавалъ знакъ колокольчикомъ: это означало, что учителя должны были выходить изъ класса, а за ними и ученики въ порядкѣ и тихо. Въ тотъ день Княжевичъ приказалъ, чтобы никто изъ учителей, несмотря на колокольчикъ, не выходилъ изъ класса и не выпускалъ учениковъ до тѣхъ поръ, покуда не будетъ дано знать надзирателемъ, что выходить можно. Помню, что я былъ въ это время во 2-мъ классѣ, въ самомъ углу длиннаго корридора,—тамъ, гдѣ послѣднія окна верхняго этажа по Ланжероновской улицѣ. Наконецъ, прогремѣлъ колокольчикъ, означавшій, что уроки окончены, и я съ учениками остался въ классѣ и ждалъ времени, когда прійдетъ надзиратель и объявитъ, что можно выходить. Жду, жду и не дождусь; проходитъ четверть часа, наконецъ, полчаса; полагая, что обо мнѣ совсѣмъ забыли, я велю ученику читать молитву и отворяю дверь, но—о, ужасъ!—возлѣ самыхъ дверей стоитъ Княжевичъ, съ нимъ директоръ, инспекторъ и еще нѣсколько лицъ. Я просто остолбенѣлъ.

Увидѣвъ меня, Княжевичъ какъ крикнетъ: „Какъ вы смѣете выходить, когда вамъ приказано оставаться? Какъ вы смѣете!“—и такъ далѣе, все громче и громче. „Я васъ выгоню вонъ, какъ негоднаго, какъ ослушника“ и пр. и пр. Встревоженные дѣти остановились; я вошелъ съ ними обратно въ классъ: они такъ жалобно и странно на меня смотрѣли, что у меня навернулись слезы; я-же, какъ оплеванный, стоялъ и ждалъ, что дальше будетъ, пока не явился надзиратель и не выпустилъ насъ. Все время до самыхъ воротъ я шелъ съ учениками и тутъ только отдѣлился отъ нихъ, сказавъ имъ: прощайте дѣти! Я отправился домой. Въ какомъ я былъ настроеніи—это понятно; мнѣ даже приходила мысль, довольно глупая: послать къ обидчику секунданта съ вызовомъ. Охладѣвъ немного, я сѣлъ въ своей комнаткѣ и задумался. Старуха кухарка принесла мнѣ мой скромный обѣдъ. Я храбро покушалъ и сталъ размышлять о томъ, какъ теперь быть. Додумался до того, что плюнулъ и громко сказалъ: чортъ возьми такую службу: служишь усердно и вотъ тебѣ награда! Не пропаду я безъ вашей службы; голова есть, руки есть, не пропаду и больше не явлюсь на службу; завтра-же подаю прошеніе объ отставкѣ. При томъ-же у меня много частныхъ уроковъ въ мужскихъ и женскихъ пансіонахъ, а теперь могу найти еще, имѣя болѣе свободнаго времени. На всякій случай приготовлю прошеніе къ директору объ отставкѣ. Такъ я и сдѣлалъ. Прошло дня три, я въ гимназію не иду; пусть думаютъ, что хотятъ, а я обижать себя не дамъ, да еще безъ всякой вины. На третій день

получаю отъ директора записку (она и до сихъ поръ у меня хранится) такого содержанія: „Г. попечитель проситъ васъ зайти къ нему; онъ желаетъ васъ видѣть“. Ну, думаю, задача! Какъ тутъ быть? Поворожу. Взялъ нѣсколько зеренъ дроби (я съ ранняго возраста былъ охотникомъ) и началъ считать: идти, не идти; вышло: идти. Натягиваю вицъ-мундиръ, кладу въ карманъ на всякій случай прошеніе объ отставкѣ и отправляюсь. Въ то время Княжевичъ жилъ на Херсонской улицѣ, въ домѣ тогда Фейгена; домъ одноэтажный; онъ и въ настоящее время стоитъ въ такомъ-же видѣ; къ нему ведутъ тѣ-же красивыя желѣзныя рѣшетчатыя ворота; кому онъ теперь принадлежитъ—не знаю, да и на домѣ нѣтъ надписи. Я-же тогда жилъ въ маленькомъ домикѣ по Троицкой улицѣ, близъ Троицкой церкви, и мнѣ приходилось ходить на службу въ гимназію не близко; но что-же было дѣлать, когда на окраинахъ города квартиры были и въ то время гораздо дешевле. Наконецъ, прихожу; швейцаръ отворяетъ дверь и впускаетъ меня въ пріемную. Стою, опершись на піанино, и жду своей участи. Насупротивъ запертая дверь ведетъ въ другую комнату, изъ которой слышенъ какой-то разговоръ, туда-то я и обратилъ все свое вниманіе. Прошло четверть часа въ тревожномъ ожиданіи. Наконецъ щелкнулъ замокъ и вошелъ Княжевичъ. Но онъ ко мнѣ не подошелъ, даже не посмотрѣлъ въ мою сторону, а началъ ходить по комнатѣ. Ну, думаю, что-то будетъ: буря или погода? Только что я ощупалъ еще разъ въ карманѣ прошеніе, какъ онъ подошелъ ко мнѣ съ такими словами: „Вче-

рашній случай (онъ забылъ, что это было два или три дня тому назадъ), для меня очень прискорбенъ. Вы извините меня; я былъ ужасно взволнованъ тѣми безпорядками, какіе я нашелъ и вся моя желчь излилась на васъ. Вы знаете, я сербъ, а сербы вообще вспыльчивы; еще разъ простите меня". Тутъ онъ подошелъ ко мнѣ и я замѣтилъ у него слезы въ глазахъ; я не выдержалъ и отъ неожиданнаго умиленія самъ прослезился. Тогда онъ меня обнялъ и поцѣловалъ; я сдѣлалъ тоже. „Мнѣ —продолжалъ онъ—передали всѣ начальствующіе въ лицеѣ, что вы одинъ изъ лучшихъ преподавателей, какъ по исправности, такъ и по умѣнію вести свое дѣло и что замѣнить васъ будетъ не легко. Я вѣрю имъ и съ этихъ поръ считайте меня вашимъ не только начальникомъ, но и другомъ. Теперь на время прощайте, успокойтесь, идите и обрадуйте вашихъ учениковъ; они очень опечалены". Но я въ этотъ-же день не пошелъ въ гимназію: я былъ слишкомъ потрясенъ нравственно и рѣшился отдохнуть. На слѣдующій день, идя въ классъ, я встрѣтилъ въ корридорѣ директора съ новымъ инспекторомъ М. Д. Деларю и нѣкоторыхъ изъ учителей; они меня разспрашивали о моемъ свиданіи съ попечителемъ и чрезвычайно обрадовались такому исходу дѣла. Не знаю почему Деларю сразу такъ тепло отнесся ко мнѣ; только впослѣдствіи я узналъ эту рѣдкую личность по сердцу и по его поэтическому настроенію. Съ этихъ поръ мы были искренними друзьями. Случилось, что въ этомъ-же году Княжевичъ положилъ основаніе обществу исторіи и древностей, до настоящаго времени существующему. Вскорѣ онъ далъ мнѣ работу: перевести съ латинскаго языка на русскій статью изъ очень рѣдкой книги, или вѣрнѣе изъ очень маленькой книжонки, слѣдующаго названія: „Russia sive Moscovia, itemque Tartaria, commentario topographico atque politico illustrata.—Lugd. Batavorum.—Ex officina Elseviriana, Anno CIƆIXXXX, cum privilegio". Я скоро окончилъ эту работу, представилъ ее Княжевичу, который прочелъ ее съ удовольствіемъ и далъ мнѣ дипломъ на званіе члена-соревнователя Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей, который я до настоящаго времени храню, какъ дорогой для меня документъ. Этотъ мой переводъ былъ напечатанъ въ выпущенной Обществомъ книгѣ подъ заглавіемъ: „Описаніе Крыма" (Tartariæ descriptio) Мартина Броневскаго, начиная съ 333 по 367 стр.

Дорогія для меня воспоминанія о Д. М. Княжевичѣ никогда не изгладятся изъ моей памяти, а настоящій разсказъ мой, быть можетъ, переживетъ меня и останется еще для будущихъ поколѣній. Печальный исходъ моихъ отношеній къ Княжевичу навсегда покрылъ мое сердце трауромъ и скорбью. Онъ вскорѣ заболѣлъ такъ серіозно, что поспѣшилъ выѣхать изъ Одессы, вѣроятно для пользованія совѣтами лучшихъ медиковъ Петербурга, но на пути, не помню гдѣ именно, скончался. Дорогой начальникъ и другъ, ты всегда будешь жить въ моей памяти и сердцѣ. Да покоится мирно прахъ твой!

V.

Нѣчто изъ воспоминаній о моихъ бывшихъ ученикахъ.

Природа обидѣла стариковъ тѣмъ, что дала имъ престранную память: я, напримѣръ, съ одной стороны, отлично помню то, что было со мною еще въ дѣтскомъ возрастѣ, а съ другой— часто забываю то, что было вчера. Хотѣлось-бы поговорить о моихъ дорогихъ ученикахъ, изъ которыхъ помню многихъ, но далеко не всѣхъ. Постараюсь, однако-жъ. Когда я былъ директоромъ Ришельевской гимназіи, я взялъ на себя преподаваніе латинскаго языка (это моя спеціальность) ученикамъ 7-го класса. Это былъ одинъ изъ лучшихъ классовъ, какъ по поведенію, такъ и по прилежанію, а главное для меня, по особенному ко мнѣ расположенію. Войду, бывало, въ классъ, ученики встрѣчаютъ меня съ какою-то радостью и вмѣстѣ съ уваженіемъ. Многіе-ли могутъ теперь похвалиться этимъ? Какъ все измѣнилось!... Изъ числа учениковъ этихъ выдающимися по прилежанію и по способностямъ были: два брата Сухомлиновы, Репяховъ (теперь профессоръ) и еще два брата, имени которыхъ не могу припомнить (кажется, польская фамилія). Между всѣми учениками вообще, и между поименованными въ особенности, было нѣчто вродѣ благороднаго соперничества (но не зависти), именно, кто изъ нихъ внимательнѣе и способнѣе. Я взялъ на себя добровольно обязанность преподавателя, хотя это не совсѣмъ нравилось бывшему тогда попечителю округа, который и жилъ въ

зданіи гимназіи (назвать его не хочу). Для меня главною задачею было подготовить ихъ къ выпускному экзамену, на которомъ, обыкновенно, спотыкаются и лучшіе ученики по древнимъ языкамъ. Задаешь, бывало, вопросъ, и мои ученики стараются отвѣтомъ опередить другъ друга. Не знаю, помнятъ-ли это теперь мои любимыя дѣти, или забыли? Какъ-бы то ни было, но я находилъ въ этомъ величайшее удовольствіе. Пришло время экзамена. Попечитель, вѣроятно, изъ желанія доказать мнѣ, что мое преподаваніе не было плодотворно, пригласилъ къ экзамену нѣкоторыхъ профессоровъ, въ томъ числѣ и извѣстнаго профессора Струве, знатока своего дѣла и человѣка серьезнаго. На ихъ вопросы мои ученики отвѣчали великолѣпно, не смотря на нѣкоторую оппозицію приглашенныхъ попечителемъ профессоровъ. Каждый разъ, какъ попечитель спрашивалъ мнѣнія у приглашенныхъ имъ профессоровъ (самъ онъ ничего въ филологіи не понималъ), его сторонники отзывались не совсѣмъ одобрительно. Тогда профессоръ Струве возражалъ: „они отлично знаютъ и прекрасно отвѣчаютъ, а я задаю имъ труднѣйшіе вопросы“. Видно Струве понялъ въ чемъ дѣло и спросилъ у учениковъ: „кто вамъ преподавалъ латинскій языкъ?“ Они отвѣтили, указывая на меня. Тогда Струве, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: „это очень хорошо, вы мастеръ своего дѣла“. Эти слова, повидимому, были непріятны попечителю и его сторонникамъ; но мое дѣло выиграно и я радовался за своихъ учениковъ, получившихъ высшія отмѣтки по настоянію Струве. Вотъ какія бываютъ странныя отношенія къ на-

чальству, но они имѣли свои причины, о которыхъ я умолчу.

Вскорѣ я бросилъ службу и вышелъ въ отставку. Но судьба меня не покинула: я вскорѣ получилъ приглашенiе чрезъ намѣстника Царства Польскаго, графа Берга, принять должность вице-директора коммиссiи просвѣщенiя въ Царствѣ Польскомъ и уѣхалъ туда на службу. Потомъ вскорѣ варшавская главная школа была преобразована въ русскiй университетъ, и я получилъ должность инспектора университета. Попечитель округа, Витте, меня очень жаловалъ и мнѣ предстояло счастье быть его помощникомъ, но я сильно заболѣлъ и возвратился въ мою родную Одессу съ отставкою, пенсiею въ 3,000 рублей и орденомъ Св. Владимiра на шеѣ. Какъ иногда судьба играетъ человѣкомъ! Не напрасна поговорка: „нѣтъ худа безъ добра“.

Еще одно воспоминанiе о дорогихъ ученикахъ моихъ.

Когда Ришельевская гимназiя помѣщалась въ домѣ, принадлежавшемъ Ришельевскому лицею, а теперь Вагнеру, я былъ учителемъ, еще молодымъ, полнымъ силы и любви къ своему дѣлу и къ молодымъ питомцамъ. Между ними я имѣлъ друзей, и здѣсь меня дѣти любили. Развѣ это не счастье? Бывало каждый разъ какъ я, послѣ окончанiя уроковъ, по длинному корридору возвращался домой и уже доходилъ до лѣстницы, ведущей въ нижнiй этажъ, за мною бѣжали милые дѣти: двое Минчiаки и Кривошеинъ (теперь министръ). Братья Минчiаки всегда сопровождали меня, посылая рукою поцѣлуи, для меня

очень дорогiе, потому что они исходили изъ чистаго дѣтскаго сердца. Кривошеинъ тоже меня провожалъ и посылалъ мнѣ рукою прощальный знакъ. Онъ отличался какою то задумчивостью: что-то происходило въ его маленькой головѣ, умной и выразительной; не предчувствовалъ-ли онъ тогда свое высокое назначенiе. Я думаю, что онъ не забылъ лицейскаго корридора и своихъ прощанiй со мною, потому что дѣти отлично помнятъ свое дѣтство.

Помню еще и другое, подобное этому, прощанiе малютокъ со мною. Я преподавалъ въ частномъ пансiонѣ г-жи Оденъ, въ которомъ учились братья Тработти, тоже такiя милыя дѣти,—они тоже сопровождали меня, посылая поцѣлуи. Помнятъ-ли они это? У меня при этихъ воспоминанiяхъ каждый разъ навертываются слезы, но слезы радости. Боже, какъ я былъ тогда счастливъ!...

Ѳ. Г. Шершеневичъ.

Воспоминанія

о времени, когда въ Одессѣ еще не было ни мостовыхъ, ни водопроводовъ.

Нынѣшнее поколѣніе не имѣетъ никакого понятія о томъ, въ какомъ состояніи были наши улицы, особенно осенью, когда часто по недѣлямъ шелъ дождь. Безчисленное множество возовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, такъ разрывали улицы, что дѣлались порядочныя ямы. Образовывался илъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ очень жидокъ, въ другихъ-же довольно плотенъ. Осенью 1853 года проходилъ я по Спиридоновской улицѣ. Когда я собрался переходить Ямскую и, погрузивъ ногу въ клейкую розмазню, вытащилъ ее оттуда, то она оказалась безъ сапога. Тамъ я его и оставилъ. Волей-неволей долженъ былъ я взять дрожки и въ одномъ сапогѣ приказалъ везти себя домой. Пушкинъ, когда жилъ здѣсь, изобразилъ Одессу, назвавъ ее лѣтомъ песочницей, а зимой чернильницей. Удачнѣе нельзя было изобразить Одессу. Въ тридцатыхъ годахъ цѣлые кварталы обводились канатами, потому что проходить по

нимъ было сопряжено съ опасностью для жизни. Одинъ грекъ, г. Корони, разсказывалъ мнѣ, что онъ однажды долженъ былъ проѣзжать черезъ Старый базаръ. Благодаря грязи, онъ никакъ не могъ попасть туда, куда хотѣлъ. Онъ снялъ преспокойно сапоги, перекрестился, вскочилъ на свою лошадь и въѣхалъ въ грязь. Лошадь прошла грязь въ бродъ по брюхо и оба счастливо выбрались оттуда. Послѣ крымской войны, на нѣкоторыхъ улицахъ стало лучше, но все-таки осенью надо было проходить болото въ бродъ на 1½ фут. глубины. Помню я, какъ тогдашній реформатскій пасторъ Май, съ женой, посѣтили институтъ благородныхъ дѣвицъ. Туда ѣхали хорошо, но назадъ—явились препятствія. Извозчикъ довезъ ихъ только до Лютеранской церкви. Среди улицы онъ остановился и заявилъ, что дальше не можетъ ѣхать, такъ какъ Дворянская изобилуетъ ямами и ѣхать туда опасно. Никакія обѣщанія не помогли, и пасторъ съ женой должны были сойти съ дрожекъ и, чтобъ достигнуть тротуара, пройти черезъ грязь на футъ глубины. Когда они пришли домой, то должны были отдать бѣлье прачкѣ. Мой братъ, однажды, около гауптвахты (нынѣшній домъ Либмана), по выходѣ изъ дрожекъ, попалъ въ яму выше колѣнъ. Только съ помощью кучера удалось ему выбраться оттуда. Подо многими улицами были проложены сводообразныя мины. Влага проникала въ глубину, многія изъ нихъ обваливались; на верху-же всегда образовывалась яма. Такая мина тянулась отъ нынѣшняго дома реформатской церкви, въ концѣ Херсонской улицы, до теперешняго дома Дурьяна По среди улицы было что-то вродѣ Чернаго моря въ миніатюрѣ. Одинъ крестья-

нинъ ѣхалъ съ Преображенской улицы и, повернувъ на Херсонскую, не успѣлъ оглянуться, какъ его лошадь погрузилась и исчезла въ грязи. Лошадь очутилась въ ямѣ обвалившейся мины *). Въ то время какой-то здѣшній острякъ послалъ изъ Константинополя генералъ-губернатору графу Строгонову пару большихъ непромокаемыхъ сапогъ, чтобы онъ могъ безъ страха за свою жизнь переходить черезъ улицы. Около полиціи образовалось также довольно большое озеро грязи. Для князя Г. оно послужило большимъ камнемъ преткновенія. Однажды онъ нанялъ за сто рублей крестьянина, чтобы тотъ, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, на нѣсколько недѣль сталъ на Полицейской площади и пробовалъ ловить рыбу. Крестьянинъ согласился, взялъ деньги, сдѣлалъ удочку, прицѣпилъ къ ней селедку, кинулъ въ болото камень, сталъ на немъ и забросилъ свою удочку въ ручей. Скоро послѣ этого, полиціймейстеръ Вейнбергъ проѣзжалъ мимо и замѣтилъ стоявшаго крестьянина. Онъ послалъ своего казака узнать, чѣмъ занятъ тотъ. Посланный спросилъ его: „Дуракъ, что ты тамъ дѣлаешь?“—„Я ловлю рыбу“,—отвѣчалъ хладнокровно крестьянинъ. „Прогони его прочь“—грозно приказалъ полиціймейстеръ изъ своего экипажа. „Сейчасъ, ваше высокоблагородіе“—и крестьянинъ торжественно поднялъ вверхъ удочку съ рыбой.

Переходъ черезъ Дерибасовскую улицу около теперешняго дома Ведде былъ могилой для галошъ. Одна уважаемая дама погрузилась тамъ въ яму по колѣна. Улицы начались замащиваться во время правленія нашего городскаго головы Кортаци, т. е. камни были свезены на одну улицу и сложены въ кучи, размѣрены, т. е. облиты накрестъ известковой водой.

*) Говорили также и о другихъ мѣстахъ города, гдѣ случалось подобное, но я этого не видѣлъ; я отмѣчаю то, что самъ видѣлъ.

Такъ окрещивались въ продолженіи нѣсколькихъ дней кучи камней на Херсонской улицѣ. Я стоялъ съ женой, воспользовавшись свободной минутой, и смотрѣлъ, какъ куча за кучей отмѣчались известковой водой. На Дворянской улицѣ еще не было камней. Она тоже жаждала такого отличія. Но что-же случилось! Вышло нѣчто удивительное! Въ одну изъ ночей наши камни перемѣнили свою стоянку и пропутешествовали на Дворянскую улицу. Пожелали-ли они еще и оттуда куда-нибудь переселиться—объ этомъ я ничего не могу сказать. Но на нашемъ кварталѣ стояли всегда озера, когда шелъ дождь. Когда Яхненко былъ здѣсь городскимъ головою, то были устроены переходы черезъ улицы, т. е. возвышенныя тропинки для того, чтобы по крайней мѣрѣ можно было перейти улицу, когда было грязно. Такъ все оставалось до начала замощенія. Наконецъ, попробовали замостить нѣсколько квадратовъ по Преображенской улицѣ и на Соборной площади, возлѣ дома Крамарева. Это тянулось безконечно долго. Одинъ вѣнскій юмористическій журналъ написалъ объ Одессѣ: „Одессу можно поздравить, потому что, если замощеніе улицъ займетъ столько-же времени, сколько образцы, тогда можно похвалиться, что черезъ двѣсти лѣтъ улицы будутъ вымощены“. Съ ознакомленіемъ, дѣло пошло скорѣй. А теперь? Мы слабо выражаемся,

называя нашу мостовую лучшей и красивѣйшей въ мірѣ, которой мы должны гордиться.

А какъ было съ водой для питья? Какъ дорога была она! За деньги часто нельзя было ее достать, не смотря на немалое количество цистернъ.

За годъ передъ тѣмъ, какъ началась водопроводная дѣятельность, почти четыре лѣтнихъ мѣсяца не было дождей. Атмосфера наполнилась пылью; темносѣрый слой такъ наполнялъ воздухъ, что солнце едва проникало черезъ него. Иногда нельзя было разсмотрѣть креста на Соборѣ. Но дождь все не шелъ. Когда даже сгущались черныя тучи и увѣренно можно было ждать дождя, вдругъ поднимался вѣтеръ и все разгонялъ.

Почти всѣ цистерны изсякли, а если въ какой нибудь изъ нихъ и находили воду, то она была полна инфузорій и годилась только для мытья.

Въ Европейской гостинницѣ платили въ моемъ присутствіи за бутылку воды 1 рубль. Мнѣ самому предлагали за ведро воды изъ цистерны 1 рубль. Какой-то спекуляторъ поѣхалъ въ Николаевъ, нагрузилъ пароходъ водой изъ Спаска. Вечеромъ онъ достигъ береговъ Одессы, а въ ту-же ночь надвинулись тучи и пошелъ дождь. Всѣ цистерны наполнились, и аферистъ на слѣдующее утро вылилъ свою воду въ гавань.

В. И. Шрайтель.

Записки Анастасіи Дмитріевны Ризо

(Списаны съ подлинной рукописи).*

Я родилась 1801 г., 17 апрѣля. Отецъ мой, грекъ изъ Спарты, изъ сословія семейства старшинъ, былъ богатый, имѣлъ свой корабль и долго состоялъ мореплавателемъ, капитаномъ корабля и искуснымъ флотскимъ водолазомъ.

---

*) А. Д. Ризо († ноября 1891 г.), бывшая въ послѣдніе годы своей жизни начальницею женскаго епархіальнаго училища въ Кишиневѣ, гдѣ оставила по себѣ хорошую память, какъ набожная и добрая воспитательница, — представляетъ интересный типъ женщины „мистическаго“ періода образованности нашего общества времени Императора Александра I. Воспитанная на иностранный ладъ, она, какъ видно изъ ея записокъ, плохо владѣла русскимъ языкомъ, но, кромѣ того, записки ея грѣшатъ ошибками въ хронологіи. Она ихъ писала подъ старость; но они особенно интересны по свидѣтельствамъ о первой эпохѣ исторіи нашего института, и мы извлекаемъ изъ нихъ только то, что относится до исторіи нашего города. За сообщеніе записокъ приносимъ искреннюю благодарность Л. С. Мацѣевичу.

Прим. ред.

Во время революціи во Франціи, въ періодъ страшнаго террора, отецъ мой на своемъ кораблѣ привезъ въ Россію герцога Ришелье и многихъ другихъ французовъ. Бросивъ флотскую жизнь, онъ въ царствованіе государыни Екатерины II принялъ подданство Россіи и опредѣлился въ пѣхотный полкъ. Онъ былъ во всѣхъ войнахъ: при взятіи Варшавы и при взятіи Могилева, гдѣ имѣлъ долгую стоянку и познакомился съ гречанкой изъ Спарты, дочерью купца Кафиджи, который торговалъ съ Китаемъ, а семейство его жило подъ покровительствомъ графини Потоцкой, которой принадлежалъ Могилевъ.

Отецъ мой тяготился военною переходящею жизнью и перешелъ въ карантинную. Его, какъ человѣка образованнаго, приняли въ переводчики въ небольшомъ мѣстечкѣ Званцахъ, гдѣ былъ карантинъ и таможня. Отецъ мой былъ гостепріименъ; турки и паши очень уважали его и часто пріѣзжали гостить, и тогда у отца въ мѣстечкѣ былъ пиръ горою,—всѣ гуляли и веселились.

Въ 1810 году новый начальникъ карантина богатый генералъ Бороцъ, а до того былъ генералъ Макаровъ, который дружески жилъ съ отцомъ, обидѣлъ отца моего, который просилъ отставку и собрался съ семействомъ уѣхать въ Грецію. Въ томъ-же году отецъ мой, желая увидѣться съ герцогомъ Ришелье, поѣхалъ въ Одессу. Наняли квартиру, и черезъ три дня мать моя взяла насъ покупать въ морѣ, а отецъ ходилъ по горѣ. Я была быстрая и живая дѣвочка; не успѣла мать оглянуться, какъ я бухъ въ море и утонула. Крикъ матери и дѣтей услышалъ отецъ, прибѣжалъ, снялъ одежду, бросился въ море и вытащилъ меня уже безъ чувствъ. Сбѣжались люди, стали качать меня и привели въ чувство. Я получила морскую болѣзнь (?), отъ которой сильно страдала. Положеніе родителей было ужасное: не зная города, не видѣвши герцога, отецъ въ горѣ и слезахъ пошелъ заказать гробъ для меня. Онъ встрѣтился съ однимъ грекомъ, который сталъ разспрашивать отца о причинѣ его слезъ и, узнавъ, посовѣтовалъ обратиться къ доктору графа Филипеско, знаменитому Прокъ. Обрадовавшись, что графы Филипеско въ Одессѣ, отецъ поѣхалъ къ нимъ съ радостью; добрые знакомые утѣшили его и тотчасъ послали доктора. Графы Филипеско приняли большое участіе въ положеніи моихъ родителей. Когда я начала выздоравливать и встала на ноги, къ намъ пріѣхали два графа въ чудномъ, богатомъ молдавскомъ одѣяніи. Они поразили меня какъ одѣяніемъ, такъ и красотою своею, и я съ восторгомъ цѣловала руки, благодаря за спасеніе жизни моей и за успокоеніе родителей. Они ласкали меня, сестеръ и брата, а брата Николая увезли съ собою. Гр. Филипеско прислали экипажъ, и мать съ нами также поѣхала къ нимъ. Старый графъ—настоящій патріархъ: большая бѣлая борода, важная, строгая и величественная осанка вельможи. Онъ позвалъ меня и ласково спросилъ: „Хочешь-ли ты учиться?“ — Очень хочу, дѣдушка.—Онъ погладилъ меня по головѣ и поцѣловалъ. Родители и все семейство графовъ сказали: „скоро ты будешь въ институтѣ“. Не знаю,

почему они приняли такое участіе въ родителяхъ и въ насъ, но знаю, что вся экипировка для сестры Екатерины и для меня была графская: роскошное бѣлье, чудесная шелковая постель и проч. Когда родители привезли насъ въ институтъ, а потомъ пріѣхало молодое семейство графа, всѣ благословили насъ и сказали членамъ и директрисѣ института, что вручаютъ воспитанницъ Екатерину и Анастасію по фамиліи Филипеско - Ризо.

Въ августѣ мѣсяцѣ я уже была въ институтѣ; я уже была умная дѣвочка, все хорошо понимала. Дѣвицы говорили: у тебя двѣ фамиліи?--Да, у меня два отца: графъ Филипеско и папа Ризо, прибавляя, что не знаю отношеній графа къ родителямъ, но я понимала, что графы благодѣтельствовали родителямъ и намъ. Внесли за шесть лѣтъ за воспитаніе наше 12 тысячъ въ институтъ герцога Ришелье, — тогда за каждую платили по тысячѣ рублей. Когда первый разъ при мнѣ пріѣхалъ герцогъ Ришелье въ институтъ, то позвалъ Ризо - Филипеско, взялъ насъ на колѣни, поцѣловалъ и сказалъ: „вы дѣти мои". Долго жили родители мои и Филипеско въ Одессѣ; очень часто посылали за нами карету и „чернаго араба". Я читала по - гречески и отецъ далъ мнѣ понять о священной исторіи. И, какъ по природѣ смѣтливая, я совершенно познакомилась съ семействомъ графа Филипеско. Одинъ былъ женатъ, имѣлъ высокую, худую, некрасивую жену, по имени Тарцицу. Другой былъ холостой; еще была графиня, дѣвица Аннаки, ученая и очень пріятная, красивая; еще

—урожденная Филипеско, Екатерина Эммануиловна Балашъ, очень красивая и превосходно образованная. Къ ней часто пріѣзжали два толстенькіе мальчика Балашъ; мы гуляли вмѣстѣ съ ними и часто ссорились за маленькіе червонцы, которыхъ намъ Екатерина Эммануиловна давала всегда больше.

Графъ-патріархъ Филипеско съ семействомъ жили по графски, часто давали балы и были глубоко уважаемы всѣми.

Герцогъ часто вспоминалъ и хвалилъ патріарха и все семейство. Къ несчастью, я забыла имена старой графини и стараго графа. Когда насъ привезли къ нему въ послѣдній разъ, то дѣдушка насъ ласкалъ, цѣловалъ и благословлялъ. Я сильно плакала, цѣловала ручки и ножки дѣдушки, котораго очень любила, и меня, рыдающую, едва отвели, и повезли насъ, горемычныхъ, въ институтъ. На другой день пріѣхало все семейство графовъ; они привезли намъ множество конфектъ, нѣсколько пудовъ сахару и разныхъ разностей; просили директрису жалѣть и любить насъ, и сдѣлали ей подарокъ. Я безъ умолку рыдала, всѣхъ цѣловала со слезами, всѣхъ благодарила за ласки. Они благословили насъ, и простились съ нами навсегда.... Ты, Господи Боже, по великому милосердію своему, почти всѣхъ ихъ принялъ въ царствіе свое, даруй имъ блаженство со святыми и награди ихъ царскими благами вѣчной жизни!

Институтъ 1810 года *).

Мать наша пріѣхала проститься съ нами; она не плакала, а наставляла насъ быть добрыми и послушными, и говорила, что очень рада, что мы въ институтѣ. Потомъ пріѣхалъ отецъ. Онъ очень плакалъ, взялъ насъ на колѣни, цѣловалъ. и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: ты, дитя мое, Настя, была злая и ни кѣмъ не любимая, я только любилъ тебя и прощалъ твои проказы, мать ты огорчала. Если-же ты въ этомъ большомъ дѣтскомъ обществѣ будешь злая дѣвочка, то я не благословлю тогда тебя и съ другого міра.... Я слѣзла съ колѣнъ, цѣловала ноги отца, плакала, и сказала, что буду добрѣе всѣхъ. Отецъ благословилъ насъ и съ горькими слезами простился съ нами. Много воспитанницъ присутствовало при прощаніи и также плакали. По совѣсти, я совершенно исполнила мое обѣщаніе.

Герцогъ (Ришелье) часто пріѣзжалъ и всѣ мы очень любили его. Когда онъ ходилъ, мы бѣгали подлѣ него, но когда онъ сядетъ, то всѣ окружатъ его, цѣлуютъ и его не видно, — онъ говоритъ: „дѣти, вы стѣсняете меня, пустите".... „Ахъ, папа, скучно намъ безъ васъ до невозможности". Онъ былъ ласковъ и милостивъ, часто посылалъ цѣлому институту гостинцевъ... Однажды пріѣхалъ Ришелье очень скучный; мы болтали, скакали и пѣли французскія пѣсни и ничѣмъ не могли развеселить его; наконецъ, онъ съ грустнымъ лицемъ говоритъ намъ: „Я прощаюсь съ вами надолго, не скоро я буду здѣсь". Мы въ слезы: „Ахъ, папа, куда вы ѣдете?". — „Никуда, я буду въ Одессѣ, но не скоро пріѣду къ вамъ. Молитесь дѣти, молитесь усердно, чтобы Господь сохранилъ васъ и меня",—со слезами простился съ нами. Вскорѣ оцѣпили городъ и институтъ, перестрѣляли всѣхъ кошекъ, разобрали многихъ дѣвицъ, но осталось еще довольно. Ученіе прекратилось; осталась директриса Поцци съ мужемъ и взрослою дочерью. Самъ Поцци училъ пѣнію, – добрый, славный учитель, а дочь смотрѣла за воспитанницами. М-мъ Поцци, слабаго здоровья, рѣдко выходила къ намъ, а дочь ея была строгая; мы боялись ее. Мы больше сидѣли на второмъ этажѣ, сильно скучали за герцогомъ. Онъ присылалъ французскихъ классныхъ дамъ во время чумы, но они дурно обходились съ нами и ихъ часто перемѣняли. Каждый почти день герцогъ подходилъ къ окну нашего этажа и каждая воспитанница должна была подойти къ окну. Мы плача посылали поцѣлуи и онъ рукою показывалъ на небо и крестился. Экономъ очень худо кормилъ насъ, хлѣбъ былъ нехорошій и вонялъ сильно и всѣ кушанья были очень нехороши; мы голодали, были босы и оборваны. По нашей улицѣ черные люди возили чумныхъ. Ахъ, страшно было. Мы кричали, плакали и молились. Когда герцогъ подходилъ къ окну мы показывали, что босы, показывали ноги, онъ иногда улыбнется, а мы рады были, что хоть улыбается и давай прыгать да показывать ножки. Не помню, сколько мѣсяцевъ мы страдали, но уже зимою, не помню въ какой праздникъ, пріѣхалъ герцогъ и всѣ члены института и

*) По всей вѣроятности, говорится о чумѣ 1812 года.
Прим. ред.

для этого насъ хорошо одѣла и обула; но когда мы увидѣли нашего папа, бросилась къ нему, цѣловала и наконецъ влѣзла на кресло и герцога не было видно; онъ кричалъ: „О! дѣти задушите меня!“. — „Нѣтъ, папа! Но не выпустимъ васъ. Охъ, много мы плакали безъ васъ, намъ было очень худо!“. Едва члены освободили папу отъ дѣтей. Послѣ чумы члены привезли директрису мадамъ Майе съ племянницею Каролиною. Послѣдняя была дочь одного генерала въ Варшавѣ; онъ внезапно умеръ и дѣтей его разобрали добрые люди и Майе взяла несчастную дѣвицу Каролину Даренъ за дочь, которую сдѣлала классною дамою и хозяйкою. Она выдавала провизію и по приказанію Майе заказывала намъ голодный обѣдъ. Майе была бичь для института. Стали привозить изъ Букареста и изъ Яссъ очень много воспитанницъ, все богатые и комендантъ города генералъ Кобле отдалъ дочь свою Клавдію—прехорошенькую и добрую. Она имѣла хорошее начало и вошла въ мой классъ (3-й); мы сдружились и я за нее все дѣлала; она очень была избалована. По экзамену насъ переводили страшно несправедливо: богатыхъ такъ-сякъ пропускали; сиротъ—по справедливости переводили, за то мы сильно старались и были ученѣе богатыхъ. На двѣнадцатомъ году я имѣла десять учениць, съ позволенія Майе и по просьбѣ родителей, съ которыми я занималась по всѣмъ предметамъ въ классахъ. Насъ учили по русски, по французски, по италіански и по нѣмецки.

Герцогъ Ришелье съ отцовскою любовью желалъ, чтобы въ институтѣ все было нравственно

хорошо и чтобы дѣти были въ довольствѣ; но злая Майе подло обманывала герцога. Она обѣдала съ нами, но ей подавали другія кушанья и она оставляла свое кушанье долго передъ собою и, когда внезапно пріѣдетъ герцогъ во время нашего обѣда, она показывала ему, а онъ, обратясь къ намъ и пробуя это лукавое блюдо, говоритъ: „О, дѣти мои, васъ славно кормятъ!“, а мы голодны. Отецъ мой, уѣзжая, опредѣлилъ швейцаромъ карантиннаго служителя-солдата, который вѣрно служилъ ему и любилъ отца. Отецъ мой наградилъ его хорошими деньгами и просилъ жалѣть дѣтей; купилъ небольшой сундукъ для насъ и далъ солдату, чтобы мы отдавали ему на храненіе наши лакомства и гостинцы. Каждый мѣсяцъ отпускали воспитанницъ къ роднымъ и знакомымъ и къ вечеру, когда дѣвицы пріѣзжали въ институтъ, Майе въ первой комнатѣ ожидала ихъ и отбирала всѣ гостинцы, а я съ сестрою отдавали солдату на сохраненіе. Майе всѣ гостинцы отбирала и бросала въ бочку въ кладовой, а потомъ продавала дѣтямъ за дорогую цѣну эту скверность.

Въ четвертомъ классѣ я сдѣлалась странною дѣвочкою. Безсознательно по ночамъ сочиняла и заказныя работы дѣлала: каждую недѣлю заказывали учителя сочиненія и моего класса богатыя и слабыя въ сочиненіяхъ съ вечера просятъ меня: „душка Настя, сочини мнѣ и мнѣ“. Я отговариваюсь: „спать и ѣсть хочу — не могу“; себѣ не сочинила, не могу и ложусь преспокойно спать. Ночью безсознательно иду по темнымъ комнатамъ и классамъ и въ 4 классѣ въ потем-

кахъ сочиняла; солдатъ молча наблюдаетъ за мною и на другой день говоритъ мнѣ: „барышня Настя, какъ вы пишите безъ свѣчи?". Я отговариваюсь, что я спала и не писала, старикъ замолчитъ. Майе иногда гуляла съ нами по городу; вдругъ зоветъ: „Ризо-Филипеско, неотесанный брильянтъ, вышей мнѣ дворецъ графини Потоцкой".—У меня узора нѣтъ. —Она приказываетъ: „Вышей—приказываю". Мои ученицы плачутъ, я утѣшаю ихъ; весь классъ очень любилъ меня: „Ахъ, бѣдная Настенька, Майе будетъ бить ее". Ночью иду въ классъ и въ потемкахъ рисую на простой бумагѣ узоръ и на утро Майе даетъ кусокъ бѣлаго крепа и я вышиваю en petit point шелками. Майе посмотритъ на мою работу: „ну, славно, брильянтъ неотесанный — дамъ конфектъ". Какъ видно, я была сомнамбулистка; и всю жизнь мою по ночамъ то, что было трудно днемъ, непремѣнно сдѣлаю. Клавдія Кобле приказывала нянѣ своей каждую субботу приносить чистое бѣлье и большихъ хорошихъ пироговъ по числу учениц въ нашемъ классѣ и ночью мы садимся на ея постель и когда злая Майе и всѣ спятъ, въ потемкахъ добрая Клавдія угощаетъ насъ бѣдныхъ.

Институтъ 1811 года.

Однажды мы сидѣли на кровати Клавдіи и оканчивали угощеніе, вдругъ сдѣлалось свѣтло и появился на бѣломъ конѣ мой папенька во всей формѣ. Я начала кричать: „возьмите насъ, папа, намъ здѣсь не хорошо!" А папа говоритъ: „Терпи, дитя, будь добрая". Потомъ всѣ начали кричать, а онъ поѣхалъ на конѣ къ сестрѣ въ другой дортуаръ. Тамъ всѣ начали также кричать, сестра-же, рыдая, говорила: „возьмите меня, папенька, отсюда, мнѣ очень не хорошо". Папа благословилъ сестру и сказалъ: „терпи, дитя!" — и воротился опять ко мнѣ. Я, плача, просила взять насъ. Онъ повторилъ: „терпи! Я буду у тебя, дитя мое, когда ты будешь отходить въ другой міръ". Всѣ ахнули... Сдѣлалось темно; мы очень испугались и стали сильно кричать. Входитъ Майе. „Что такое? чего вы кричите?" Мы разсказали все; она успокаивала насъ, но я не переставала плакать. На утро пріѣзжаетъ герцогъ, беретъ меня на колѣни и разспрашиваетъ; я и всѣ дѣвицы разсказываемъ ему все подробно. „Вы во снѣ видѣли?" говоритъ онъ.—Нѣтъ, глазами видѣли.— „Вы, дѣти, обманываете меня".— Грѣхъ папа обманывать: всѣ были на ногахъ, видѣли и слышали, что говорилъ m-r Ризо.— „А что онъ говорилъ?"—Онъ по-русски сказалъ, что придетъ, когда Настинька будетъ умирать, и что долго, долго будетъ ждать; и потомъ стало темно; мы испугались и начали кричать. M-lle Майе уговаривала лечь спать, но мы не спали и утѣшали Настиньку.—Герцогъ спросилъ: „Такъ говорите вы правду, дѣти?" — Истинную правду, папа.—Герцогъ Ришелье послалъ гонца въ Букарестъ къ графинѣ Филипеско и получилъ отвѣтъ, что отецъ мой умеръ. Герцогъ сказалъ объ этомъ Майе и приказалъ не говорить этого мнѣ и не шить намъ траурныхъ платьевъ. Злая Майе на меня разсердилась и сказала: „твой отецъ умеръ, ты теперь моя"—О, нѣтъ, нѣтъ! живъ отецъ, и я не ваша, нѣтъ! Мой отецъ живой, онъ былъ у меня

и еще придетъ. Нѣтъ, я не ваша, не хочу!... Герцогъ нѣсколько разъ, какъ пріѣдетъ, позоветъ бывало одну или двухъ учиницъ изъ моего класса и спрашиваетъ, какъ онѣ видѣли на бѣломъ конѣ Ризо: такъ ему казалось дивно. Послѣ этого онъ еще болѣе ласкалъ сестру и меня. Герцогъ Ришелье часто пріѣзжалъ во время ученія, проходилъ по классамъ, ласково спрашивалъ уроки по-нѣмецки, и дѣти съ восторгомъ отвѣчали. Онъ почти каждое воскресенье читалъ наши сочиненія на французскомъ языкѣ, исправлялъ ошибки и все хвалилъ. Онъ приказалъ, чтобы по воскресеньямъ и праздникамъ давали намъ до обѣда печеные пироги и всегда спрашивалъ меня: „Давали-ли пироги?" Мы благодарили. Всѣ такъ любили папа, что старались его разсмѣшить. Однажды воспитанница младшаго класса сказала: „папа, я буду называть васъ маманъ?"—Какъ такъ? да я—папа!—„Ничего, и мама въ маскарадѣ становится папа". Онъ хохоталъ и говорилъ: „Ахъ, вы дѣти!" Всѣ въ одинъ голосъ: „маманъ! мы любимъ васъ какъ маманъ!"—Смѣшные дѣти! Но я—папа, и не хочу, чтобы вы называли меня мама. — Онъ много смѣялся, и мы до самаго экипажа провожали его.

Учителя всѣ были добры и деликатны; одинъ только былъ золъ на меня и ставилъ несправедливо отмѣтки. На экзаменѣ давалъ онъ писать (онъ былъ учителемъ чистописанія и ариѳметики) на большихъ александрійскихъ листахъ. Я рисовала и писала лучше всѣхъ богатыхъ—Кобле Клавдіи и прочихъ,—онъ-же ставилъ всѣмъ по 5, а мнѣ 2. Я терпѣть его не могла; онъ былъ для меня пугало; никогда я въ классѣ не смотрѣла на учителя Жукова... О, страшно несправедливо обижать дѣтей. Страданіе дѣтства вліяетъ сильно на дѣтское сердце; оно не должно знать слабости наставниковъ, которые должны быть святы предъ дѣтьми для того, чтобы дѣти всегда незлобливо и правильно судили старшихъ. Не подымать головы на обижающихъ доселѣ осталось у меня, восьмидесятилѣтней старухи: когда меня огорчатъ, я молчу и не подымаю голову на огорчившаго меня—и тѣмъ кончается.

Предъ посѣщеніемъ Великихъ Князей или другихъ знатныхъ людей, Майе разсылала по классамъ дѣвокъ съ подносами и рюмочками вина; мы съ удовольствіемъ выпивали ихъ, тотчасъ дѣлались красными и отъ непривычки опьянялись, а посѣтители говорятъ: „О, какія онѣ румяныя!" А мы просто пьяны! Тоже дѣлалось при экзаменахъ. Предъ послѣднимъ экзаменомъ, напр., дали намъ крѣпкаго вина; я была подгулявши и отвѣчала за богатыхъ, по ихъ просьбѣ. Всѣ очень хвалили меня, но тогда злой Жуковъ позвалъ меня и далъ очень трудную задачу изъ математики. Я, къ досадѣ его, скоро и хорошо разрѣшила. Я, пьяная, получила одобреніе!...

Герцогъ былъ высокаго роста, тонкій, худой, съ маленькой кудрявой головой, съ голубыми добрыми глазами, очень пріятнымъ бѣлымъ лицомъ, которое у него было безъ усовъ и бороды, какъ у женщины. Когда онъ ходитъ, мы скачемъ передъ нимъ, а когда сядетъ—цѣлуемъ его славную головку. Майе прогоняетъ насъ, а онъ, смѣясь,

говоритъ: „о, дѣти, дѣти!“ затѣмъ ласково простится и уѣзжаетъ.

Злая Майе мучила насъ голодомъ и била сиротъ, богатыхъ-же не смѣла: онѣ жаловались родителямъ, а тѣ говорили членамъ. Когда отдавали насъ въ институтъ, то пригласили доктора Верлеяна быть нашимъ врачемъ. Съ голоду я часто падала безъ чувствъ; когда приводили меня въ чувство, я просила кушать. Докторъ привозилъ намъ очень вкусную „дѣвичью кожу“, изъ аптекъ, большими кусками; изъ-за насъ онъ поссорился съ Майе, но ничего не могъ сдѣлать. За годъ до выпуска я страдала пляской св. Витта, и только тогда, когда она схватываетъ и подкидываетъ меня, бросаетъ въ другую комнату,—сильно страдаю и пляшу. Во все время ученія моего въ институтѣ я постоянно имѣла десять учеництъ; въ числѣ ихъ была дѣвица Кленова, богатая, единственная наслѣдница. Она имѣла огромный домъ въ городѣ, въ которомъ до выпуска жилъ ея дядя; у нея я бывала и она давала мнѣ деньги, хорошіе башмаки и платья. Дядя былъ ея опекуномъ.

Учителя рѣдко спрашивали учениць моихъ, увѣрены-ли они въ томъ, что хорошо приготовили уроки. Съ богатыми ученицами я была очень строга, часто выпрашивала милостыню для бѣдныхъ; если онѣ упорствовали, то представлялась плачущею, пока не дѣлала по своему и тѣмъ пріучала ихъ быть милостивыми.

1815 годъ.

Герцогъ Ришелье скучный пріѣхалъ въ институтъ; мы испугались: что такое? Онъ всегда

былъ веселымъ. Онъ вошелъ въ старшій классъ съ Майе: „Я пришелъ съ вами проститься, дѣти мои!“ Мы бросились къ нему, сильно плача, цѣлуя его. Ахъ, папа, что будемъ безъ васъ дѣлать?—„Не плачьте. Я васъ передаю графу Ланжерону, который пріѣдетъ сейчасъ“. Пріѣхалъ Ланжеронъ и члены. Про меня и сестру онъ сказалъ: „Это дѣти друзей моихъ, прошу ихъ жалѣть и миловать по выпускѣ“. Всѣ рыдали, цѣловали и порѣзали сюртукъ его; Ланжеронъ плакалъ, а члены едва освободили герцога изъ рукъ нашихъ. Со слезами герцогъ простился съ нами, приказалъ мнѣ писать къ нему. Онъ будетъ пэромъ въ Парижѣ и сдѣлаетъ меня счастливою.

Графъ Ланжеронъ часто пріѣзжалъ, былъ ласковъ и добръ, но мы его не цѣловали и не называли „папа“. Еще два года должна была я страдать „голодомъ“ отъ несправедливой и злой Майе. Она не смѣла бить старшихъ, но наказывала насъ, оставляя безъ обѣда и я, несчастная, часто отъ голода падала безъ чувствъ и докторъ Верлеянъ приходилъ и угощалъ меня „дѣвичьею кожею“ и бранилъ директрису Майе.

Послѣ чумы привезли изъ Кишинева воспитанницу губернатора Гартинга, Тынгардъ, очень некрасивую и генералъ Катаржи также отдалъ своихъ трехъ дочерей, а меня и сестру бралъ къ себѣ на домъ, очень ласкалъ, дарилъ и называлъ отца моего дядею. Онъ, кажется, былъ губернаторомъ въ Кишиневѣ, навѣрное не помню, но его очень хорошо помню. Нѣсколько дней погостимъ у него, чудесно накормятъ, щедро пода-

ритъ насъ конфектами и дочерямъ своимъ сказалъ любить насъ и дѣлиться съ нами: „Настя и Катя — дѣти моего дяди Димитрія Ѳеодоровича Ризо“. Одна изъ дочерей его умерла въ институтѣ, а двѣ старшія не кончили курса; одна изъ нихъ хорошо играла на фортепіано. Дядя пріѣзжалъ еще два раза. Когда взялъ старшихъ дочерей, благословилъ насъ, цѣловалъ, отцовски одарилъ насъ; прислалъ множество конфектъ и разныхъ гостинцевъ. Съ тѣхъ поръ я дядю не видѣла и не знаю, гдѣ онъ — вѣрно уѣхалъ въ Грецію.

Разсказъ моей матери.

Когда родители мои уѣхали съ графомъ Филипеско изъ Одессы въ Букарестъ, то часто ѣздили по монастырямъ. Они были очень набожны. Въ монастырѣ отецъ просилъ игуменью выйти къ нему и назначить мѣсто, гдѣ похоронить его. Мать съ плачемъ начала упрекать его, а отецъ отвѣчалъ: „такъ Богъ велитъ“ и черезъ три недѣли, не много поболѣвъ, умеръ. Его торжественно похоронили на назначенномъ мѣстѣ графы Филипеско.

Мать моя засватала брата Николая за какую-то знатную особу. Однажды съ матерью моею обѣдали у невѣсты. Арабъ подаетъ тарелку графу и брату моему и тутъ-же падаетъ зачумленный и умираетъ. Братъ мой получилъ чуму. Мать его сильно любила, онъ былъ нѣжный, добрый и хорошо образованный и вдругъ умеръ отъ ужасной чумы 24-хъ лѣтъ. Мать моя сама ухаживала за нимъ; съ двумя турками похоронила его и сама, получивъ на мягкихъ мѣстахъ тѣла четыре чумныхъ нарыва, — сошла съ ума. Ее отвезли въ чумное отдѣленіе на полѣ, огражденное высокою стѣною. Она имѣла природный знакъ на лицѣ — пять пальцевъ розоваго цвѣта. Подаютъ полиціймейстеру бумагу о заболѣвшихъ чумою.

Онъ съ ужасомъ крикнулъ: „ахъ, это родители мои! Сейчасъ поѣхалъ въ чумное отдѣленіе, велѣлъ туркамъ взять сумасшедшую мать, которую узналъ по знакамъ на лицѣ (пять пальцевъ), на извѣстную квартиру и пять турковъ смотрѣли за моею матерью. Полиціймейстеръ былъ найденышъ, Константинъ Ризо *). Великое чудо совершилось по Милосердному Промыслу Божьему. Найденышъ Ризо узналъ, что въ городѣ цыганка лечитъ чумныхъ, тотчасъ послалъ за нею и сказалъ: „я тебя хорошо награжу, если ты вылечишь барыню — мать мою“. Цыганка и два турка ухаживали за больною и когда мать мою выпустили изъ послѣдней ванны, она опомнилась и цыганка поздравила ее съ жизнью. Она пошла и дала знать полиціймейстеру, что вылечила мою мать, но еще должна выдержать карантинъ. Константинъ Ризо послалъ матери бѣлья, одежду барскую и всю провизію: чай, сахаръ и проч. Турки варили пищу и выдерживали карантинъ съ матерью. Каждый день одинъ господинъ подходилъ къ окну матери, „пантомимами“ успокаивалъ ее и присылалъ лакомства. Она жила въ совершенномъ довольствѣ и скоро стала поправляться.

Когда окончился карантинъ, входитъ лакей, проситъ мать сѣсть въ карету и привезъ ее въ домъ графа Филипеско. Они приняли ее, и радовались, что она спасена, успокаивали, что дѣти ея Ѳеодоръ и Елисавета живы и находятся въ монастырѣ. Пріѣхалъ найденышъ, падаетъ въ ноги матери. Она не узнала его, съ любовью обнимаетъ и разсказываетъ, что было съ нею. Филипеско благодаритъ его, но онъ говоритъ: „чудо Божіе спасло. Милосердіе Богородицы явило это великое чудо — спасло мою мать для несчастныхъ прочихъ дѣтей“. Взялъ мать и дѣтей къ себѣ. Съ нѣжностью сына лелѣялъ мать. Она прожила у него до 1817 г. По просьбѣ матери, онъ согласился отпустить ее, съ условіемъ, возвратиться въ Букарестъ со мною и онъ женится на Анаста-

*) Подкидышъ, взятый на воспитаніе и усыновленный Ризо. *Прим. ред.*

сіи. Далъ денегъ, нанялъ дорожный экипажъ, далъ двухъ вооруженныхъ турокъ до границы и со слезами разстались въ 1817-мъ году въ Букарестѣ.

1817 годъ.

Мать моя выдержала чумной карантинъ въ Скулянахъ и поѣхала въ Кіевъ, къ князю Ипсиланти, разсказала ему про свою болѣзнь, страданія и великое милосердіе Господа Спасителя, сотворившаго надъ ней дивное чудо. Князья Ипсиланти милостиво приняли мать мою, одарили ее и дали возможность пріѣхать въ Одессу. Когда мать пріѣхала въ институтъ, мы тотчасъ узнали ее и бросились цѣловать и плакать, но она сказала: „вы не мои дѣти". Пришла директриса Майе. „Да онѣ Ризо-Филипеско—ваши дѣти". — „Не хочу, дайте мнѣ моихъ дочерей!". А мы бѣдныя рыдаемъ: маменька наша—кричимъ—просимъ, не бросай насъ маменька; я скоро кончу курсъ, черезъ мѣсяцъ, и возьмете насъ. Ахъ, мы дѣти ваши! Слезы и рыданія успокоили мать; она повела насъ въ спальню, раздѣла, и, по природнымъ знакамъ узнала дочерей своихъ. Мнѣ было 17 лѣтъ, но я походила на 12-лѣтнюю; была такъ худа, мала и черна какъ цыганка; а сестра на три года моложе меня, походила на совершенное дитя. Такъ изуродовалъ насъ институтъ нуждою и голодомъ. Мать была у графа Ланжерона и ходатайствовала о нашемъ выпускѣ.

Въ день послѣдняго экзамена дѣвки, по обыкновенію, разнесли по классамъ подносы съ рюмками; за нѣсколько минутъ до входа въ залъ я съ удовольствіемъ выпила. Въ скоромъ времени

начался экзаменъ, было громадное общество. Всѣ мы красны, румяны, нами любовались, а мы были подъ весельемъ. По просьбѣ богатыхъ воспитанницъ, они едва могли пошевелить губами, я смѣло отвѣчала за всѣхъ, очень весело смѣясь; я хорошо знала языки и науки, которыя преподавали, да и сама я учила другихъ. Получала отъ общества и членовъ: „браво, Ризо-Филипеско!". Жуковъ, подозвавъ меня къ доскѣ, хотѣлъ обидѣть, задалъ страшную задачу изъ математики; но я, полупьяная, на зло ему, превосходно ее рѣшила— „браво, Ризо-Филипеско!". На другой день пришли всѣ учителя поздравить насъ; я смѣло спросила Жукова: „за что обижалъ меня?". Онъ отвѣчалъ: „Однажды по купеческимъ дѣламъ отецъ мой долженъ былъ поѣхать заграницу. Взялъ меня, 11-лѣтняго мальчика и мы взошли на корабль отца вашего — Димитрія Ризо; онъ былъ капитаномъ корабля. Я огорчилъ моего отца; батюшка вашъ, какъ капитанъ, высѣкъ меня порядочно, я старался отомстить вамъ, но не могъ, только ставилъ дурныя отмѣтки; но вы останетесь классными дамами, надѣюсь утѣшить себя". Я сказала ему: „Вы вѣрно, г-нъ Жуковъ, — турокъ?" — и отвернулась отъ злаго человѣка.

Матери моей наотрѣзъ отказали выпустить насъ. Я успокаивала ее и просила не уѣзжать безъ насъ. На другой день пріѣхалъ графъ Ланжеронъ съ членами и секретаремъ. Графъ Ланжеронъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „вы съ сестрой, дѣвицы Ризо-Филипеско, должны заплатить долгъ институту три тысячи, должны отслу-

жить". Я смѣло подошла къ графу и сказала: „я выйду замужъ и заплачу этотъ долгъ". Всѣ это одобрили. Сдѣлали другой актъ—я подписала и славно надула всѣхъ. Они знали, что отецъ мой заочно засваталъ меня за богатаго купца, который посѣщалъ насъ и приносилъ намъ конфекты; но не знали, кто женихъ мой.

Мать моя была у Майе, ожидала рѣшенія и съ восторгомъ сказала, что насъ выпускаютъ изъ института; но мать сказала, что чрезъ нѣсколько дней пріѣдетъ за нами. Всѣ обрадовались.

Послѣдній урокъ русской словесности. Учитель Куржеевъ задалъ сочиненіе въ стихахъ. Мы въ стихахъ описали всю жизнь Майе, какъ она мучила насъ:

„Ахъ, бѣда, горькая бѣда,
Директриса зла.
День цѣлый кричитъ,
Такъ что ночью не спитъ.
Въ одной рукѣ ключи,
Въ другой Лебонеданъ *)
Каландушка **) не кричи
„Апрене мадамъ".
Какъ слово скажетъ,
Какъ иголкою кольнетъ.
Каландушка скачетъ
Она, злая, ловитъ"....

Не помню остальныхъ. Учитель Куржеевъ отнесъ эти стихи въ совѣтъ членовъ и Майе тотчасъ уволили изъ института.

*) Лебонеданъ—ослиныя уши.
**) Каландушка—собаченка.

Майе еще нѣсколько дней выносила свои вещи, поѣхала въ Кишиневъ и сдѣлалась ростовщицею; всѣмъ извѣстна Майе въ Кишиневѣ.

Послѣдній великій постъ я съ своими ученицами и съ подругами читала жизнь Спасителя, молились, плакали, били поклоны и когда встали, я громко сказала, что отрекаюсь отъ богатства и замужества и хочу на землѣ нуждаться, страдать—лишь-бы удостоиться быть въ раю; сиротки повторили.

1822 годъ.

Посвятивши всѣ дни жизни моей воспитанію юношества, ночи были мои, я ложилась въ часъ, а вставала постоянно въ четыре часа. Занималась чтеніемъ высокихъ мыслителей, живописью и музыкою.

Я воспитывала дочерей брата Димитрія Димитріевича Ризо, имѣла и другихъ воспитанницъ. Жизнь моя была уединенная, я ни съ кѣмъ не знакомилась; днемъ дѣтей воспитывала, ночью себя духовно воспитывала и усовершенствовала духовнаго моего человѣка, т. е. душу. „Потерянный рай" на итальянскомъ, „Массильонъ" на французскомъ языкѣ и, наконецъ, громадное сочиненіе о „Другомъ мірѣ" Гогенштауфена, которое освѣтило меня познаніемъ ближняго и будущей загробной жизни, мыслящая духовная жизнь моя сдѣлала меня „странною дѣвкою".

Надобно, чтобы человѣкъ освятилъ себя совершенною вѣрою, пламенною молитвою, ежеминутною блдительностью надъ умомъ и сердцемъ, тогда только

душа достигнетъ возможности овладѣть чувственнаго „человѣка". Магнитизмъ, которому непостижимо покоряются силы души, бываетъ недвижимъ. Душа-же, дѣйствуя божественною силою, влекущею исцѣлять и предохранять человѣка. О! это сильная борьба! и непостижимая уму человѣка. Вотъ первый случай силы души: я стою на внутреннемъ балконѣ второго этажа, чувствую, что по улицѣ идетъ страшное чудовище; я уже помертвѣла, но когда чудовище взошло на балконъ, я схватилась за перила и обмерла. Въ это время выходитъ братъ мой, встрѣчаетъ генерала въ полной формѣ, съ лентою и звѣздами, извиняется, что не можетъ принять его, указывая на меня, говоритъ: „сестра моя больна". Посылаетъ за докторомъ Андреевскимъ. Тотъ, зная мою болѣзнь—магнитизмъ, привозитъ съ собою другого доктора; съ трудомъ мертвыя руки отняли отъ желѣза и положили меня на диванъ. Я начала въ безсознательности говорить, что этотъ страшный разбойникъ ушелъ изъ каторги, на немъ видны пытки наказанія, онъ обокралъ одного князя въ Букарестѣ, въ Яссахъ, сдѣлалъ фальшивыя бумаги отъ Государя Александра I; совершилъ много убійствъ и пріѣхалъ, чтобы обокрасть князя Воронцова и моего брата; подробно разсказала ужасныя дѣла разбойника.

Генералъ-разбойникъ сдѣлалъ визитъ князю, былъ очень хорошо принятъ. Два доктора и братъ тотчасъ поѣхали къ князю Воронцову и разсказали ему все слышанное. Пораженный князь хотя лично зналъ „подложнаго генерала", не усумнился въ моемъ провидѣніи. Въ ту-же минуту

арестовалъ разбойника, заковалъ въ цѣпи и нашли всѣ предсказанія очень вѣрными.

Однажды въ духовной бесѣдѣ съ архіереемъ Иринархомъ, я сказала, что читала сочиненія Гогенштауфена. Онъ спросилъ: „сколько лѣтъ было вамъ?" — „Двадцать пятый". — „А я читалъ, мнѣ было сорокъ лѣтъ и каждый разъ обливалъ голову водой. — Какъ съ ума не сошли. О! да у васъ большой лобъ и крѣпкая голова"...

По милости Государя Александра I открытъ былъ въ Одессѣ пансіонъ для несчастныхъ гречанокъ, спасенныхъ во время страшнаго возмущенія въ Константинополѣ *). Начальницей была г-жа Авраміоти. Она имѣла дочь, ученую красавицу-гречанку, которая была классною дамой; сестра моя также была классною дамой. Я сердечно подружилась съ ними; иногда ѣздила къ нимъ на биржевыхъ дрожкахъ съ старымъ биржевымъ Иваномъ. Никогда я не садилась, не спросивши его: здоровъ-ли онъ? посылала гостинцевъ его дѣтямъ и, поболтавши, садилась.— Однажды подъѣхали дрожки и на нихъ, въ три погибели согнувшись, мой Иванъ. „Здоровы-ли вы?" —не отвѣчаетъ. „Что съ вами?" Подхожу и—о ужасъ!—графъ Собанскій. „Ахъ, какой вы низкій и злой, безнравственный человѣкъ!"— А вы, дѣвица Ризо, хранимы самимъ Богомъ.—„Да накажетъ васъ Господь за ваши злыя дѣла—нуждою, голодомъ и презрѣніемъ людей! Фу, какой ужасный человѣкъ!".

---

*) Подразумѣвается избіеніе христіанъ въ 1821 г., когда былъ убитъ патріархъ Григорій V. *Прим. ред.*

Братъ мой, слушая изъ окна слова мои, боялся, чтобы онъ не застрѣлилъ меня. Не бойтесь братецъ, добрыхъ и нравственныхъ дѣвицъ не стрѣляютъ. Въ тотъ-же день Собанскій исполнилъ подъ окнами моими прекрасную серенаду.

До возмущенія поляковъ, Собанскій велѣлъ вытащить изъ погребовъ своихъ всѣ бочки съ водкою и зажечь; улицы горѣли, а графъ Собанскій послалъ сказать мнѣ, что онъ дѣлаетъ для меня иллюминацію, я-же просила сказать ему, что онъ дѣлаетъ опытъ, какъ будетъ горѣть въ аду...

Одна изъ учениц моихъ по институту была Вѣра Кленова, очень богатая. Когда мы вышли изъ института, я уѣхала, а она осталась въ Одессѣ, имѣла большой домъ и жила открыто. Когда-же я возвратилась изъ Николаева чрезъ три года, Вѣра была совершенно свѣтская барышня, „по волѣ жила“. Но она помнила наставленія мои—вела нравственную и богомольную жизнь—всѣ ее уважали и любили.

Графъ Ланжеронъ все сваталъ Вѣру за знатныхъ жениховъ, но она отказывала. У Вѣры была тетка-купчиха; она посѣщала ее и разъ увидѣла тамъ чиновника, очень бѣднаго, познакомилась съ нимъ. Графъ Ланжеронъ пріѣхалъ сватать Вѣру; она говоритъ графу: „за вашего жениха не выйду, а если вы хотите счастья моего, то прошу васъ засватайте меня за чиновника Лекса“.—„Что это вы хотите выйти замужъ за бѣднѣйшаго чиновника?“—„Да, да, прошу васъ, сдѣлайте мнѣ это добро. Сегодня посватайте меня за Лекса и привезите его ко мнѣ“. Графъ исполнилъ просьбу Вѣры. Пріѣхавши къ себѣ, графъ зоветъ Лекса и

говоритъ: „ну, братъ, счастье къ тебѣ идетъ! Вѣра Кленова просила меня засватать тебя за нее!“—„Вы шутите,—не обижайте меня“.—„Нѣтъ, голубчикъ, братъ! Садись со мной и маршъ къ невѣстѣ!“ Вѣра встрѣтила жениха съ любовью, ласково переговорила съ нимъ, дала ему нѣсколько тысячъ и они черезъ двѣ недѣли повѣнчались. Всѣ ее похвалили, и она съ мужемъ дала великолѣпный свадебный балъ.....

Бѣдность скрывала достойнѣйшаго и честнаго человѣка, а богатство поставило на честь и славу бѣдняка. Воронцовъ все возвышалъ Лекса и скоро онъ сдѣлался извѣстнымъ за умъ и честность, получилъ чинъ генерала, поѣхалъ въ Петербургъ и былъ сенаторомъ. Но до того онъ еще жилъ въ Одессѣ, до выѣзда моего.

Съ восторгомъ оставила мрачную и бурливую для меня Одессу въ 1827 году.

Еще два слова объ Одессѣ въ 30-хъ годахъ.

Когда я уже послалъ вамъ свои замѣтки объ Одессѣ въ 30-хъ годахъ, я узналъ изъ газетъ, что вы интересуетесь личностью графа П. А. Разумовскаго, бывшаго чиновника особыхъ порученій при Новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ, проживавшаго въ Одессѣ. Сообщу, что могу.

Въ какомъ году онъ здѣсь поселился—не знаю*). Въ 1831 г. я засталъ его уже въ Одессѣ. Жилъ онъ за городомъ, на дачѣ, которая расположена у Водяной балки, въ концѣ Колонтаевской улицы (нынѣ одна часть принадлежитъ А. Н. Пашкову, а на другой находится пробковый заводъ г. Арпса). Графъ имѣлъ страсть къ постройкамъ. По его дачѣ были разбросаны постройки и высокія и низкія, разныхъ архитектуръ, съ разными крышами (желѣзо, черепица, гонтъ и даже камышъ). Оригинальныя постройки, загадочные гроты, даже подземные ходы — все это въ изобиліи было по дачѣ. Одни постройки онъ ломалъ, другія строилъ. Домъ, принадлежащій нынѣ г. Пашкову, ломался

*) Въ 1806 году. *Прим. ред.*

и строился нѣсколько разъ и не былъ доконченъ до смерти графа. Среди этихъ построекъ возвышалась часовая башня, съ которой колоколъ извѣщалъ жителей Молдаванки о наступленіи каждаго часа. Въ домѣ графа были свои мастерскія, свои мастеровые: плотники, кузнецы, столяра, слесаря, сапожники, садовникъ и даже нѣмецъ-часовщикъ. Всѣ получали приличное вознагражденіе и дѣлали то, что хотѣли, и тогда, когда пожелаютъ. Если разносчикъ товаровъ проберется въ графскій дворъ и попадется на глаза графу, графъ любезно разспроситъ его о родѣ торговли, о заработкахъ, откуда родомъ и проч., и если понравится графу, онъ покупаетъ безъ торгу весь товаръ и сваливаетъ все въ одну кучу. Передъ праздниками Рождества Христова и Пасхи, каждый изъ служащихъ получалъ опредѣленное количество матеріала на костюмъ, и здѣсь же все это шилось своими портными.

Графъ никогда и никуда изъ своей дачи не выходилъ и не выѣзжалъ, жилъ въ одиночествѣ и безъ религіи. О немъ ходило много легендъ. Говорили, что онъ былъ массономъ. Говорили, что его подземныя галлереи, выложенныя камнемъ, шли далеко подъ городъ и соединялись съ нѣкоторыми домами. Говорили, что онъ былъ сосланъ сюда Императоромъ Николаемъ; другіе,—что, впавши въ немилость Государя, онъ самъ здѣсь поселился. Говорили, наконецъ, что Императрица Александра Θеодоровна, жившая въ Одессѣ въ 1829 г. на дачѣ Рено, близь Малаго Фонтана, пожелала видѣть графа Разумовскаго и съ этою цѣлью, не предувѣдомивши графа, пріѣхала къ нему на дачу.

Узнавши объ этомъ, графъ распорядился принять Императрицу съ подобающими почестями, самъ-же скрылся гдѣ-то на дачѣ. Императрица прошла по его дому и уѣхала...

Умеръ онъ въ 1835 году. Когда вѣсть о его смерти разнеслась по городу, толпы народа направились на дачу; одни, чтобы видѣть покойнаго, другіе, чтобы видѣть тотъ домъ, о которомъ такъ много разсказовъ ходило по городу, который былъ облеченъ чѣмъ то таинственнымъ. Пошелъ и я. Въ огромной залѣ на катафалкѣ возвышался гробъ, покрытый непроницаемой кисіей; статуи и статуэтки на мраморныхъ колоннахъ также были закрыты кисіей. На меня, на молодого тогда человѣка, вся обстановка графскаго дома произвела впечатлѣніе чего-то величественнаго, но не изящнаго. Все было нагромождено безъ вкуса и порядка. Сѣверная и западныя стѣнки залы были стеклянныя (стекла были вдѣланы въ бронзовыя, или бронзированныя рамы), за стекломъ помѣщалась огромная, въ нѣсколько саженъ высоты, клѣтка, плетеная изъ проволоки; въ этой клѣткѣ при жизни графа было царство пернатыхъ разныхъ породъ и видовъ; незадолго передъ смертью, по распоряженію графа, всѣ птицы были выпущены на волю.

Черезъ нѣкоторое время послѣ смерти имущество графа продавалось съ аукціона. Сукна, ситцы, платки, кружева, разные другіе товары, а также иструменты,—все это снесенное къ одному мѣсту, представило разнообразную и разнородную гору предметовъ. Продажа продолжалась нѣсколько недѣль, съ одной стороны, въ виду незначительнаго населенія города, съ другой — въ виду массы вещей, подлежавшихъ продажѣ.

Разъ я уже взялся за перо—скажу два слова объ отливкѣ колоколовъ и о театрѣ.

Кто изъ одесситовъ не знаетъ большаго соборнаго колокола. Это одинъ изъ симпатичнѣйшихъ колоколовъ по тембру. Едва-ли найдется въ Одессѣ другой такой колоколъ съ такимъ мягкимъ, бархатнымъ симпатичнымъ тономъ. Императоръ Николай, будучи въ Одессѣ въ 1829 г., подарилъ городу пушки, взятыя подъ Варной. Изъ этихъ-то пушекъ и отлитъ соборный колоколъ. Мастера были выписаны изъ Москвы. Печь для отливки была устроена на Соборной площади, нѣсколько правѣе того мѣста, гдѣ теперь памятникъ Воронцову. Первая отливка колокола не удалась. Когда на блокахъ подняли колоколъ изъ формы—не доставало куска. Его снова разбивали, плавили и отливали второй разъ. При отливкѣ многіе бросали въ печь серебряные рубли. На этомъ-же заводѣ былъ отлитъ большой колоколъ для Михайловской церкви, что на Молдаванкѣ. Во время второй отливки одинъ изъ мастеровъ, поссорившись съ подрядчикомъ, отдѣлился отъ компаніи и построилъ заводъ на Петропавловской площади, гдѣ и были отлиты большіе колокола для Петропавловской церкви и для Михайловскаго женскаго монастыря. Прежде, чѣмъ поднять соборный колоколъ, пришлось вырубать въ колокольнѣ, которая была тогда отдѣльно отъ церкви, нѣкоторыя мѣста; рубили часть сводовъ, арокъ

и даже стѣны, чтобы колоколъ могъ свободно пройти наверхъ. На блокахъ, при участіи массы народа, онъ былъ поднятъ и утвержденъ. Тогда еще колокольня была отдѣлена отъ собора, который былъ построенъ по типу Петропавловской или Троицкой церкви, съ колоннами и фронтонами. Соединеніе собора съ колокольней произведено гораздо позже, уже въ 40-хъ годахъ; тогда-то былъ устроенъ и нынѣшній шпицъ, который изготовлялся нѣмцемъ, имѣвшимъ мастерскую на Полицейской площади, противъ полиціи.

Отъ храма молитвы довольно рѣзкій переходъ къ храму искусства, но этимъ я оканчиваю, а потому переходъ невольный.

Театръ, который, какъ всѣмъ извѣстно, помѣщался на томъ-же мѣстѣ, гдѣ теперь построенъ новый, хотя былъ сравнительно и небольшой, но достаточно красивъ и по тогдашнему населенію города (сороковыхъ годовъ) достаточно вмѣстителенъ. Особенно красива была колоннада, выходившая на площадь противъ англійскаго клуба (позже она была уничтожена, задѣлана). Представленія давались не каждый день. Труппа была по преимуществу италіанская, оперная. Русская драматическая была рѣдко и случайно, наѣздомъ. Доходы театра не покрывали расходовъ; театръ всегда приносилъ городу убытокъ. Во избѣжаніе этихъ убытковъ театръ нѣкоторое время отдавался съ торговъ одновременно съ поставкой мяса и другихъ продуктовъ для карантина. Кто становился маркитантомъ для карантина, тотъ становился и антрепренеромъ, или директоромъ театра. Доходы на одномъ предпріятіи покрывали убытки на

другомъ. Взявшему театръ предоставлялось передать антрепризу и въ другія руки, но за свой страхъ и рискъ—городъ въ матеріальную сторону дѣла не вмѣшивался. Театръ освѣщался стеариновыми свѣчами, имѣлъ достаточно ложъ и мѣстъ; тамъ, гдѣ теперь партеръ — креселъ не было и невзыскательная публика по болѣе дешевымъ цѣнамъ, стоя, созерцала представленія.

Самуилъ Бориневичъ.

Историческія данныя,

касающіяся порта и карантина *).

Считаю не безъинтереснымъ представить въ хронологическомъ порядкѣ перечень правительственныхъ распоряженій, изъ которыхъ видно, какъ по завоеванію крѣпости Хаджибея (нынѣ Одесса), заливъ одесскій былъ избранъ для устройства въ немъ порта и какъ это распоряженіе приводилось въ исполненіе сначала вице-адмираломъ де-Рибасомъ и инженеромъ де-Воланомъ, а затѣмъ послѣдовательно и остальными исполнителями.

Для постройки гавани въ Одессѣ на первый разъ было ассигновано 26.000 рублей ассигнаціями и повелѣно составить штаты для таможни и

*) Статья эта по своему характеру не вполнѣ подходитъ къ нашему сборнику—помѣщаемъ ее, однако, такъ какъ она представляетъ новыя интересныя подробности объ одной той части города, которая имѣетъ большое значеніе въ его исторіи. *Прим. ред.*

карантина; затѣмъ, 30 мая 1794 г., графъ Зубовъ предписалъ екатеринославскому губернатору отвести подъ строенія и городской выгонъ Хаджибея 29.500 десят. удобной и 1.200 неудобной земли и предоставить вице-адмиралу де-Рибасу раздачу мѣстъ.

При первоначальномъ расходованіи этихъ 26.000 рублей, оставшихся отъ найма вольныхъ матросовъ для военной флотиліи, было приступлено къ построенію большаго мола, малаго жете, эллинговъ и верфей для починки судовъ и 2-хъ пристаней. Въ 1800 году, 1 марта, городу отданы всѣ пріуготовленные въ прежніе годы на отдѣлку гавани казенные матеріалы.

Въ Высочайшемъ указѣ отъ 24 января 1802 года въ 3-мъ пунктѣ сказано: „Дабы новостроющаяся въ Одессѣ съ хорошимъ успѣхомъ гавань и впредь могла содержана быть въ чистотѣ и исправности, съ потребными каждогодными починками, безъ крайняго для города отягощенія, позволяемъ на сей предметъ отдѣлять ежегодно десятую часть изъ таможенныхъ того города сборовъ, въ пополненіи суммъ изъ городскихъ доходовъ, на сей конецъ опредѣленныхъ. Назначенная сумма должна начало поступленія своего имѣть въ общіе городскіе доходы съ сего 1802 года“.

Въ томъ-же 1802 году на новостроющіяся гавани было выдано въ заемъ одесскому магистрату 250.000 рублей, съ разсрочкою уплаты на 14 лѣтъ.

Высочайшимъ указомъ 26 іюня 1803 года повелѣно: Вмѣсто десятой части таможенныхъ сбо-

ровъ, отдѣлить городу Одессѣ пятую часть оныхъ на продолженіе постройки мола.

Высочайшими рескриптами на имя герцога Ришелье:

1) Отъ 19 февраля 1804 года въ 3-мъ пунктѣ сказано: „Присвоенные городу доходы, какъ-то: всякій откупъ и пятая часть таможенныхъ сборовъ имѣютъ особенное свое назначеніе и ни на что другое не должны быть употребляемы, какъ на исправленіе малаго мола, на заведеніе и содержаніе госпиталей, фонтановъ, водопроводовъ и т. п. общественныхъ устроеній". Въ 4-мъ пунктѣ: „Подъ главнымъ вашимъ начальствомъ всѣ сіе устроеніе, такъ и постройка карантина, принадлежатъ къ дѣйствію и обязанности комитета, особенно для сего установленнаго и отчеты въ суммахъ имъ употребленныхъ, должны поступать прямо въ государственное казначество". Въ 5-мъ пунктѣ: „Въ комитетѣ семъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ, имѣютъ быть членами: одесскій комендантъ, надзирающій за производствомъ работъ, инженеръ полковникъ Ферстеръ, карантинный и таможенный инспекторы, городской голова, 2 члена отъ купечества, имѣющаго въ Одессѣ торговыя заведенія по назначенію вашему и казначей изъ городского общества по вашему-же избранію".

2) Отъ 7 іюля 1803 года, повелѣно отпустить изъ казны 160.000 рублей для построенія карантина.

3) Отъ 10 марта 1808 г. представлено городу позаимствовать 175.400 рублей на отстроеніе карантина, съ тѣмъ, чтобы сумма эта была возвра-

щена изъ городскихъ доходовъ въ теченіе десяти лѣтъ.

Высочайшимъ манифестомъ отъ 16-го апрѣля 1817 года дарованы г. Одессѣ права и свобода торговли, присвоенныя порто-франко, на 30 лѣтъ.

Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 9 іюля 1822 года опредѣлено во 2-мъ пунктѣ: „для склада товаровъ, за кои хозяева не заплатятъ еще въ пользу г. Одессы пошлины, выстроить въ Одессѣ, подъ горою, на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ четырьмя домиками, оставшимися отъ прежняго карантина,—способный, прочный и благонадежный магазинъ; вмѣсто сихъ домиковъ, для жительства таможеннаго досмотрщика, прибрежной стражи и казачей команды, выстроить особую казарму; сверхъ того, въ самой таможнѣ построить магазинъ и караульню для таможенныхъ сторожей. Мѣстному начальству поставить въ непремѣнную обязанность, чтобы какъ устроеніе черты порто-франко, такъ и помянутыя постройки совершены были въ теченіе нынѣшняго года; объ отпускѣ потребныхъ суммъ дано Нами отъ сего числа указъ министру финансовъ". Въ 3-мъ пунктѣ: „со всѣхъ иностранныхъ товаровъ, въ Одессу привозимыхъ и пошлиною по тарифу обложенныхъ, хотя-бы они были къ потребленію въ Одессѣ или къ вывозу въ другія мѣста Имперіи, вмѣсто отмѣненной консомаціонной пошлины въ пользу города одну пятую часть пошлины, установленной новымъ тарифомъ, а съ запрещенныхъ симъ тарифомъ къ привозу въ прочія мѣста Имперіи товаровъ взимать одну пятую часть полной пошлины, опредѣленной тарифомъ 1819 года.

Сборъ сей предоставить собственно на городскіе расходы, возложивъ на попеченіе города содержать вновь предполагаемаго къ постройкѣ магазина, рва, вала, рогатокъ, домовъ для заставъ и объѣздчиковъ, по чертѣ порто-франко, во всегдашней готовности". Для строенія и передѣлокъ Одесскаго карантина въ 1822-мъ году было отпущено 100,000 рублей изъ процентнаго сбора, собиравшагося въ таможняхъ на устройство карантиновъ, и въ добавокъ къ этимъ 100,000 рублямъ позаимствовать изъ доходовъ гор. Одессы еще 59,124 руб. 95 коп., съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ году возвратить сумму сію изъ строительнаго комитета". Работы по постройкѣ карантина были окончены къ концу 1824 г., а въ январѣ 1825 г. Новороссійскій губернаторъ и полномоченный Бессарабскою областью предписалъ снарядить коммиссію для освидѣтельствованія всѣхъ построекъ, оказавшихся непрочными; затѣмъ было отпущено для окончательнаго устройства и приведенія карантина въ надлежащій видъ еще 200,000 руб. изъ пятой части пошлины, поступавшей въ пользу города; на счетъ этой суммы произведены были въ 1827 году разныя исправленія и постройки бакалейнаго отдѣленія, парлаторіи и друг. Въ 1829 году генералъ-губернаторъ, графъ Воронцовъ, повергалъ на Высочайшее благоусмотрѣніе проектъ на устроеніе въ Одессѣ чумнаго квартала и вокругъ него стѣны. Деньги на означенное строеніе предполагалось отнести на слѣдующіе источники: 150,000 руб. изъ государственнаго казначейства, отпущенные въ 1827 году, и остальные изъ остатковъ город-

скихъ доходовъ 1830 года. Означенное предположеніе получило Высочайшее утвержденіе; чумной кварталъ былъ построенъ въ 1835 году за 109,650 руб. и оградная стѣна за 75,930 руб.

Въ 1844 году былъ составленъ проектъ на устройство въ Одессѣ каменной стѣны и караульни при этой стѣнѣ для отдѣленія карантина отъ города (нынѣ снятой) и тогда-же удостоенъ Высочайшаго утвержденія. Въ мартѣ 1847 г. работы были начаты и окончены въ декабрѣ 1848 г. за 15,076 руб. (въ томъ числѣ 523 р. 50 к. на установленіе часовъ въ башнѣ) изъ суммы, внесенной въ роспись городскихъ доходовъ 1844 года. Предъ окончаніемъ въ 1849 году тридцатилѣтняго срока Одесскаго порто-франко Высочайшими указами, отъ 6 іюня 1849 г. и 9 іюня 1854 года, права Одесскаго порто-франко повелѣно продолжить до 15 августа 1857 года, съ отчисленіемъ по прежнему одной пятой части тарифныхъ пошлинъ.

Съ уничтоженіемъ въ Одессѣ порто-франко предоставлено главному мѣстному начальству войти въ ближайшее соображеніе, сколько нужно отпустить изъ казны ежегоднаго пособія на покрытіе всѣхъ расходовъ города, по отчисленію отъ оныхъ тѣхъ статей, которыя относятся собственно до государственнаго казначейства или земскихъ сборовъ, и которыя, по значительности доходовъ Одессы или таможенныхъ сборовъ, обращены были на городскіе доходы. Одесса получила таможенныхъ доходовъ съ 1822 года по 15-е августа 1857 г. 15,450,000 рублей или ежегодно около 450,000 руб. Въ 1858 году Высочайше по-

велѣно: „впредь до снятія съ г. Одессы не относящихся къ ея обязанностямъ расходовъ и до опредѣленія ей постояннаго ежегоднаго пособія отъ казны, отпустить изъ таможенныхъ сборовъ 186,630 руб., какъ единовременное пособіе для облегченія городу перехода къ установленному въ новомъ видѣ городскому хозяйству“.

Въ 1859 году опредѣлено „снять съ обязанности г. Одессы съ 1 января 1859 г. и отнести на счетъ казны ремонтъ карантинныхъ зданій, содержаніе моловъ и пристаней, очистку Одесскаго порта, освѣщеніе фонарей въ карантинѣ и содержаніе управленія Практическаго порта“.

О построеніи набережной подъ бульваромъ извѣстно, что набережная эта, на протяженіи 415 саженъ, была засыпана: при военномъ молѣ шириною на 45 с., а со стороны таможеннаго пакгауза при Платоновскомъ моллѣ на 55 саж. Тутъ же можно указать на позднѣйшеее уширеніе въ море, какъ этой, такъ и внутри карантина бакалейной набережной. Извѣстно также, что въ 1844 году, набережная внутри Практической гавани, длиною въ 193 сажени и шириною въ $42^1/_2$ образовалась устройствомъ водопроводной канавы на морской глубинѣ, что парлаторія въ карантинѣ была построена на берегу моря и шлюпки подходили къ парлаторіи для переговоровъ, не высаживая людей (парлаторія находилась между домомъ карантиннаго управленія и воротами, ведущими въ портовую територію). Набережная или засыпанное мѣсто у парлаторіи засыпано также на счетъ казны, т. е. изъ суммъ, отпускавшихся изъ таможенныхъ сборовъ.

Изъ генеральнаго межеваго спеціальнаго плана г. Одессы усматривается, что портовая мѣстность, заключающаяся въ набережныхъ и молахъ, существуетъ на насыпной землѣ, а не на землѣ, первоначально отведенной правительствомъ для города. Такимъ образомъ, и понынѣ предпринимаются правительствомъ мѣры для устроенія Одесскаго порта, выдвигая портовую мѣстность постепенно въ море. Въ 1865 году была образована коммиссія для разработки вопроса о разграниченіи портовой территоріи.

Не касаясь въ настоящемъ отрывкѣ этой стороны дѣла, считаю не безъинтереснымъ закончитъ изложенную здѣсь краткую исторію возникновенія одесскаго порта упоминовеніемъ о сооруженныхъ въ немъ нѣкоторыхъ домовъ и строеній, понынѣ еще существующихъ.

Мѣсто, нынѣ занятое зданіемъ одесской таможни, до учрежденія въ Одессѣ новой черты портофранко, составляло принадлежность чиновника 8 класса Пишона, которому оно, по просьбѣ его, было отведено существовавшимъ въ Одессѣ строительнымъ комитетомъ, подъ устройство сушильнаго заведенія. Когда-же въ 1825 году опредѣлено было, при учрежденіи въ Одессѣ новой черты портофранко, перенести портовую таможню на берегъ моря и устроить тамъ для нея помѣщеніе, то для этого потребовался отъ города отводъ мѣста, и вслѣдствіе этого, распоряженіемъ новорос. и бессараб. генералъ-губернатора, отъ чиновника Пишона куплено его мѣсто съ постройками за 80.000 руб. ассигнаціями, на счетъ городскихъ суммъ, взамѣнъ чего городъ получилъ

прежнія постройки таможни, купленныя въ 1817 году у князя Мещерскаго за 50.000 руб. (нынѣ на этомъ мѣстѣ находится домъ князя Петра Гагарина, по Ланжероновскому спуску), на счетъ суммъ департамента внѣшней торговли, и затѣмъ, купленное мѣсто у Пишона съ строеніями, передано думою въ распоряженіе таможни въ 1827 г. и на мѣстѣ этомъ построенъ въ теченіи 1831—34 гг. каменный 3-хъ этажный домъ, занимаемый нынѣ таможнею. Домъ этотъ съ желѣзною решеткою и каменною оградою обошелся въ 86.810 р. 30 к. ассигнаціями, изъ общихъ государственныхъ доходовъ на счетъ главнаго казначейства. Каменный 2-хъ этажный пакгаузъ, называемый главнымъ, съ 8 погребами и 2-мя при немъ караулками, построенъ въ 1823-мъ году комитетомъ, учрежденнымъ въ Одессѣ для устройства портофранко и сданъ таможнѣ въ томъ-же году. Въ 1844 году былъ составленъ проектъ на постройку въ Одессѣ каменной стѣны и караульни (башни) при этой стѣнѣ, для отдѣленія карантина отъ города. По составленіи стѣны въ 15.324 руб. 44 коп. за счетъ городскихъ доходовъ 1844 года, въ мартѣ 1847 года, работы принялъ на себя подрядчикъ за 13.710 р.; затѣмъ составлена была еще дополнительная смѣта въ 1.242 р. 55 к. и особая смѣта въ 523 руб. 50 коп. на установленіе часовъ въ башнѣ. Стѣна эта имѣла направленіе отъ обрыва у дома г. Севастопуло и шла по прямой линіи къ часовой башнѣ. Громадныя ворота, служившія въѣздомъ въ карантинную территорію, грозили паденіемъ и вслѣдствіе этого, распоряженіемъ бывшаго генералъ-губернатора въ Одессѣ графа Коцебу, были

разобраны, а затѣмъ стѣна мало по мало исчезла и только у дома г. Севастопуло виднѣются еще ея остатки.

Домъ, бывшій подъ названіемъ Кордегардіи, а затѣмъ казачьи казармы № 8, между зданіемъ таможни и въѣздомъ въ карантинъ, входилъ въ карантинную территорію и остался, по возведеніи стѣны, отдѣляющей карантинъ отъ города, внѣ его черты. Домъ этотъ, или гауптвахта, именовавшаяся также казармою № 8, былъ купленъ въ 1814 году отъ таможеннаго вѣдомства за 1,200 рублей изъ городскихъ суммъ; затѣмъ въ 1825 году казарма была перестроена; половина зданія занята была 50 казаками, а другая половина — воинскими чинами Егерскаго полка. Казарма эта была занята воинскими чинами до 1853 г., а послѣ этого чинами карантинной стражи; затѣмъ, въ 1857 году, предложено было карантинному правленію освободить совершенно это зданіе и предоставить таковое Р. о. п. и т. для помѣщенія матросовъ. Въ 1862 г. дума просила разрѣшенія объ отдачѣ строенія гауптвахты въ оброчное содержаніе. Отобранное отъ Р. о. п. и т. зданіе, которое находилось когда-то въ крайнемъ разстройствѣ, было капитально исправлено обществомъ.

Затѣмъ зданіе это было отдано въ оброчное содержаніе купцу Вальтуху за 800 р. 50 к. срокомъ на 5 лѣтъ, съ тѣмъ, однако, чтобы въ немъ не было публичныхъ заведеній, какъ напримѣръ, трактировъ и пр.

Въ 1882 году домъ этотъ былъ арендованъ Серебрянниковой и къ этому дому сдѣлана бе-

зобразная пристройка, захватывающая часть мѣста, гдѣ прежде находилась стѣна, отдѣляющая карантинъ отъ города, и въ немъ помѣщается трактиръ.

Другой домъ 2-хъ-этажный съ дворомъ и пристройками, занятый чинами жандармскаго управленія. Въ 1834 г. иностранецъ Калфогло заключилъ съ карантиннымъ правленіемъ формальное условіе на постройку кофейни. Въ условіи этомъ сказано: „я, Калфогло, обязываюсь на собственный мой счетъ построить кофейный домъ соотвѣтственно утвержденному плану и указанному мѣсту; тамъ-же долженъ добывать камень безъ платежа въ казну денегъ, образовавъ тамъ площадку, не касаясь, однако-же, утеса горы, тутъ-же стоящей. Постройка означеннаго дома должна быть по плану окончена къ 1 сентября 1834 г. Домомъ этимъ имѣю право пользоваться не болѣе 8 лѣтъ, а по окончаніи срока помянутый домъ поступитъ въ казну“. Постройка была окончена 31-го декабря того-же года. Въ сентябрѣ 1842 года, по истеченіи 8-ми-лѣтняго срока, Калфогло ходатайствовалъ о продленіи срока пользованія домомъ еще на 7 лѣтъ, на что и дано ему соотвѣтственное разрѣшеніе. Наконецъ, въ 1850 году домъ этотъ отъ жены умершаго Калфогло, Ефиміи, былъ переданъ городу.

О границахъ карантина я не буду говорить, въ виду того, что граница эта опредѣлена существующей стѣной (пассажирскій кварталъ съ строеніями и садомъ, всего 7200 кв. с.), построенной въ 1835 году за 75.930 р. и второю стѣною, построенною, для отдѣленія карантина отъ города

въ 1847 году, и затѣмъ, тѣмъ пространствомъ отъ пороховой башни (въ паркѣ Александровскомъ, которая служила для храненія пороха, снимаемаго съ судовъ) до дачи Ланжеронъ и съ другой стороны, отъ главной стѣны Карантина до морскаго берега (около 16.000 кв. с.). Каменная башня для храненія пороха, снимаемаго съ судовъ, построена въ 1807 году и стоитъ вмѣстѣ со стѣною вокругъ товарнаго квартала и 3 башнями по угламъ 46.000 р.

Сообщилъ

В. Л. Ганзенъ.

Разсказы одесскаго старожила *).

(„Правда“ 1878 г. №№ 287 и 290).

I.

Странно, что ни въ исторіи гор. Одессы Скальковскаго, ни въ такой-же исторіи Смольянинова, словомъ, нигдѣ въ лѣтописяхъ нашего города не упоминается о томъ, что неаполитанская королева Марія-Каролина посѣтила Одессу. Мнѣ кажется, однако, что этотъ фактъ достоинъ вниманія. Во-первыхъ, Марія-Каролина была въ высшей степени замѣчательная женщина по уму, характеру и приключеніямъ; во-вторыхъ, она была

*) Перепечатываемъ эти воспоминанія племянника основателя г. Одессы, бывшаго библіотекаря одесской городской публичной библіотеки и одно время редактора „Journal d'Odessa“, М. Ф. Де-Рибаса — какъ одну изъ самыхъ содержательныхъ и правдивыхъ статей о жизни старой Одессы. Кромѣ этихъ статей М. Ф. Де-Рибасъ напечаталъ еще свои воспоминанія о чумѣ въ Одессѣ въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ за 1879 г. Не перепечатываемъ ихъ, такъ какъ объ этомъ періодѣ у насъ въ сборникѣ есть уже нѣсколько воспоминаній. *Прим. ред.*

первая изъ коронованныхъ особъ, посѣтившихъ Одессу.

Я, присутствовавшій почти-что при рожденіи Одессы, видѣвшій ея первые шаги на пути къ развитію, и горячо полюбившій ее, считаю своимъ долгомъ разсказать молодому поколѣнію тѣ незнакомыя ему событія, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на темное прошлое его alma mater.

Марія-Каролина была дочерью знаменитой Маріи-Терезы, австрійской императрицы, и родною сестрою злополучной Маріи-Антуанеты, прибывшей изъ Австріи во Францію, чтобы умереть на плахѣ (во время французской роволюціи). Ея мужъ, неаполитанскій король Фердинандъ I, впослѣдствіи Фердинандъ IV, король обѣихъ Сицилій, страстно любилъ рыбную ловлю и болѣе интересовался судьбою пойманной имъ рыбы, чѣмъ судьбою неаполитанскаго народа. Энергическая Марія-Каролина, воспользовавшись слабостью короля, захватила въ свои руки бразды правленія и назначила первымъ своимъ министромъ англичанина, кавалера Актона.

Естественно, что, поддавшись вліянію Актона, Каролина направила внѣшнюю политику противъ французовъ и противъ Наполеона и, воспользовавшись первымъ попавшимся casus belli, объявила имъ войну.

Когда французская армія, предводительствуемая генераломъ Шампіонэ, вторглась въ неаполитанскія владѣнія и уже приближалась къ столицѣ королевства, Фердинандъ I нашелъ, что лучшимъ средствомъ спасти себя и свои поплавки и удочки отъ позора—было бѣгство.

Не долго думая, онъ велѣлъ уложить весь свой скарбъ на стоявшій въ гавани фрегатъ, а самъ, поднявшись на балконъ королевскаго дворца, началъ увѣрять пришедшій въ волненіе народъ, что онъ никогда не разстанется съ нимъ и будетъ защищать его до истощенія послѣднихъ силъ. Когда толпа разошлась, король сѣлъ на фрегатъ и велѣлъ капитану сняться съ якоря.

Оставленный на произволъ судьбы Неаполь сдался въ руки генерала Шампіонэ почти безъ сопротивленія.

День вторженія французовъ совпадалъ съ праздникомъ духовнаго покровителя Неаполя, св. Януарія. По преданію, окаменѣлая кровь этого святого хранилась въ прозрачной стклянкѣ и ежегодно превращалась въ жидкость предъ глазами собравшейся толпы. Неаполитанцы такъ глубоко вѣрили въ это чудо, что когда оно слишкомъ медленно совершалось, то приходили въ отчаяніе и говорили, что ихъ постигнутъ самыя страшныя бѣдствія.

Духовенство, хранившее тайну этого чуда, рѣшилось воспользоваться легковѣріемъ неаполитанцевъ, чтобы, замедливъ совершеніе чуда, возбудить народъ противъ французовъ. Но ихъ продѣлка не удалась; генералъ Шампіонэ, случайно узнавъ о ней, послалъ роту солдатъ въ церковь св. Януарія съ порученіемъ объявить духовенству, что если чудо не совершится немедленно, то онъ велитъ разстрѣлять всѣхъ священниковъ, участвовавшихъ въ продѣлкѣ. Угроза подѣйствовала; камень превратился въ жидкость и народъ дружелюбно принялъ французовъ.

Весьма курьезно для характеристики народныхъ предразсудковъ, что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Бурбоны возвратились въ Неаполь, то св. Януарій былъ преданъ суду по обвиненію въ якобинствѣ и приговоренъ къ ссылкѣ. Серебряный его бюстъ долго находился въ заточеніи въ одной второстепенной неаполитанской церкви, а на его мѣсто былъ возведенъ въ санъ протектора города Неаполя другой чудодѣй, святой Антоній. Только въ 1840 г., въ бытность мою въ Неаполѣ, св. Януарій былъ помилованъ и торжественно перенесенъ въ соборную церковь.

Я не могу разсказать о томъ, какимъ образомъ совершалось превращеніе камня въ жидкость, но знаю, что это странное химическое явленіе ставило въ тупикъ даже такихъ ученыхъ, какъ Гумбольдтъ.

Занявъ неаполитанское королевство, французы сдѣлали изъ него Партенопейскую республику, распредѣливъ всѣ административныя и общественныя должности только между людьми высшаго образованія. Этотъ политическій переворотъ не могъ нравиться королевѣ Каролинѣ, привыкшей деспотически управлять Неаполемъ. Она начала всевозможными способами возбуждать народъ къ возстанію противъ республики, собственоручно писала предводителямъ разбойничьихъ шаекъ Фра-Дьяволо и Мамонэ, называя ихъ своими любезными друзьями и одобряя ихъ жестокости противъ республиканцевъ. Кавалеръ Актонъ дѣятельно помогалъ ей во всѣхъ ея дѣйствіяхъ.

Тогда явился кардиналъ Руфо, неаполитанецъ и ярый приверженецъ бурбонскаго дома. Онъ наскоро сформировалъ армію изъ отважныхъ калабрійцевъ, изъ роялистовъ и изъ разныхъ разбойничьихъ шаекъ и, разбивъ нѣсколько отрядовъ республиканской арміи, явился подъ стѣнами Неаполя. Городъ защищался слабо и вскорѣ кардиналъ Руфо вошелъ въ него съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой. Жители сдались на капитуляцію, оставивъ за собой право выселиться во Францію.

Когда королева Каролина возвратилась въ Неаполь изъ Палермо, гдѣ она жила впродолженіе всей катастрофы, она рѣшилась расторгнуть военную конвенцію, заключенную между неаполитанцами и кардиналомь Руфо, случай безпримѣрный даже между дикими народами. Съ этой цѣлью она обратилась къ леди Гамильтонъ, находившейся при эскадрѣ англійскаго адмирала Нельсона, которая стояла у береговъ Неаполя.

Лэди Гамильтонъ была въ высшей степени интересная личность. Дочь бѣдной женщины и неизвѣстнаго отца, она провела первую молодость въ страшной нищетѣ и долгое время находилась въ домахъ разврата. Какой-то бродячій антрепренеръ увлекся ея красотой и, взявъ ее съ собой, началъ показывать ея прелестныя формы всѣмъ посѣщавшимъ его балаганъ. Знаменитые художники заставляли ее позировать для изображенія богинь Олимпа.

Молодой лордъ Стэнли, племянникъ стараго и богатаго лорда Гамильтона, влюбился въ эту чудную дѣву и, раззорившись изъ-за нея, послалъ

ее, чтобы выпросить у дяди нѣсколько денегъ въ Неаполь, гдѣ лордъ Гамильтонъ находился тогда въ качествѣ англійскаго посла. Дряхлый лордъ, увидѣвъ у ногъ своихъ эту красавицу, тоже плѣнился ею и убѣдилъ ее покинуть раззорившагося Стэнли. Старикъ на ней женился и вскорѣ затѣмъ умеръ. Легко увлекающаяся лэди Гамильтонъ сдѣлалась метресой адмирала Нельсона и любимицей королевы Каролины.

Къ этой-то женщинѣ обратилась Каролина съ просьбой употребить все свое вліяніе, чтобы убѣдить Нельсона уничтожить вышеупомянутую конвенцію и предать суду всѣхъ тѣхъ, кто состоялъ на службѣ въ республиканскомъ правленіи. Лэди сдалась на просьбы королевы и, осыпавъ Нельсона ласками, заставила его принять участіе въ судьбѣ неаполитанскаго королевства. Великій воинъ, побѣдитель гордаго Наполеона, герой Абукира и Трафальгара, неустрашимый въ бою, честный и твердый въ своихъ замыслахъ, адмиралъ Нельсонъ послѣдовалъ совѣту прелестной лэди Гамильтонъ и вѣчнымъ пятномъ затмилъ свою безсмертную славу. Онъ разорвалъ конвенцію и предалъ казни именитыхъ республиканцевъ. Многіе изъ нихъ были повѣшены на мачтахъ адмиральскаго корабля, а трупы ихъ брошены въ море.

Вскорѣ послѣ этого вся королевская фамилія возвратилась въ Неаполь. Тогда возобновились въ неаполитанскомъ королевствѣ времена французскаго революціоннаго террора. Масса людей, знаменитыхъ по уму и образованію, погибли на эшафотахъ. Огромное зданіе (значительно боль-

ше нашихъ одесскихъ Сабанскихъ казармъ) было переполнено несчастными неаполитанцами, заподозрѣнными въ простомъ сочувствіи къ республикѣ. Королева Каролина никого не миловала. Одна беременная дама, приговоренная къ казни, получила отсрочку до разрѣшенія отъ бремени! Тотчасъ послѣ родовъ она была казнена.

Въ 1837 году я имѣлъ случай говорить въ Неаполѣ съ людьми, вспоминавшими со страхомъ и ужасомъ о жестокостяхъ Каролины.

Французы вновь вторглись въ неаполитанскія владѣнія, и вновь Бурбоны, оставивъ свое королевство на произволъ судьбы, отправились въ Палермо. Наполеонъ отдалъ Неаполь своему брату Іосифу, а затѣмъ Мюрату. Такимъ образомъ, въ королевствѣ оказалось два короля: одинъ, дѣйствительный, проживалъ въ Неаполѣ, а другой, номинальный, царствовалъ въ Сициліи, которая состояла въ то время подъ покровительствомъ англичанъ.

Трудно описать отчаяніе гордой Каролины. Нравственныя ея страданія еще болѣе увеличились, когда она узнала, что жена Іосифа-Бонапарта, тоже носившая имя Каролины, задавала пиры на славу въ роскошныхъ неаполитанскихъ дворцахъ, не обращая вниманія на то, что другая Каролина, другая королева, жила въ бѣдности въ Палермо.

Чаша ея бѣдствій переполнилась, когда лордъ Бентингъ ввелъ въ Сициліи конституцію. Отъ души ненавидя все, что могло ограничить ея жажду къ полновластію, Каролина покинула Сицилію и отправилась въ Вѣну къ своему брату,

австрійскому императору Францу. Но вся южная часть Европы находилась тогда во власти французовъ. Ей некуда было дѣваться и она рѣшилась, несмотря на зимнее время, отправиться на купеческомъ суднѣ въ Константинополь. Тамъ она нашла неаполитанскаго посланника, графа Людольфа, въ самомъ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ его правительство не было въ состояніи уплачивать слѣдуемое ему жалованье. Въ такомъ-же положеніи находился и другой ея посланникъ въ Петербургѣ, герцогъ де Серра-Капріола, любимецъ всего петербургскаго общества.

Графъ Людольфъ жилъ въ Константинополѣ па средства, которыя доставляла ему одна преинтересная женщина. Это была молодая и красивая вдовушка одного старика, секретаря посольства, кавалера Марини. Будучи дочерью какого-то лакея, состоявшаго при посольствѣ, она была такъ мила и такъ рѣзва, что ей позволяли проводить цѣлые дни въ покояхъ посланника. Года проходили, дитя росло и вскорѣ сдѣлалось прелестной 17-лѣтней дѣвушкой. Окружающіе графа Людольфа нашли, что оставленіе хорошенькой дѣвушки въ покояхъ посольства было нѣсколько неприлично, и убѣдили графа выдать ее замужъ за 70-лѣтняго секретаря посольства, кавалера Марини, умершаго вскорѣ послѣ свадьбы.

Тутъ-то и начинаются похожденія г-жи Марини. Графъ Людольфъ, какъ я уже говорилъ, остался безъ всякихъ средствъ къ существованію; г-жа Марини, еще питавшая къ нему коекакую долю расположенія, взялась за шитье разнаго бѣлья и на деньги, вырученныя собствен-

нымъ трудомъ, содержала графа. Она сама разсказывала мнѣ въ 1840 году, что ей нерѣдко приходилось кормить себя однимъ салатомъ. „Разъ, говорила она, я не ѣла впродолженіе 3 дней. Когда, случайно зайдя въ одинъ домъ, я услышала запахъ бульона, то не выдержала и упала въ обморокъ".

Г-жа Марини, узнавъ о пріѣздѣ Каролины, поспѣшила представиться ей. Выслушавъ разсказъ о претерпѣнныхъ ею бѣдствіяхъ ради графа Людольфа, королева призвала къ себѣ графа и убѣдила его жениться на вдовушкѣ Когда неаполитанскія дѣла поправились, Людольфъ былъ назначенъ посланникомъ при англійскомъ дворѣ, гдѣ онъ и прожилъ долгое время въ роскоши. Онъже пріютилъ у себя французскаго короля Карла X, изгнаннаго изъ Франціи революціей 1830 г.

Послѣ его смерти графиня Людольфъ уѣхала въ Неаполь, гдѣ она и умерла на моихъ рукахъ отъ болѣзни печени. Ей было тогда около 70-ти лѣтъ, а между тѣмъ ея большіе черные глаза сохраняли блескъ прежней красоты; во всѣхъ ея движеніяхъ величіе замѣняло дряхлость. У нея былъ сынъ, носившій имя перваго мужа, т. е. Марини. Онъ получилъ блестящее воспитаніе въ Константинополѣ и поступилъ на русскую службу, въ Одессѣ. Получивъ мѣсто у генералъ-губернатора, графа Воронцова, онъ женился на одной богатой невѣстѣ, дочери подрядчика строительныхъ работъ Фраполи. Марини, будучи человѣкомъ умнымъ, ловкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ честнымъ, нажилъ себѣ громадное состояніе, дослужился до чина тайнаго совѣтника и сдѣлался

гражданиномъ Одессы. Онъ умеръ скоропостижно въ саняхъ, на которыхъ возвращался домой съ какого-то вечера.

Въ духовномъ завѣщаніи, давно составленномъ, онъ завѣщалъ капиталъ въ 100 тыс. руб. въ пользу одесской городской больницы, съ тѣмъ, чтобы этотъ капиталъ былъ обращенъ въ дѣло только послѣ смерти его жены, пользовавшейся процентами съ капитала. У Марини не было дѣтей. Вдова жертвователя отдала этотъ капиталъ городскому управленію гораздо ранѣе своей смерти. Городская дума, принявъ капиталъ, рѣшила поставить портретъ г-жи Марини въ зданіи городской больницы. Мнѣ кажется, что если благодарность непремѣнно должна выражаться тѣмъ или другимъ знакомъ, то слѣдовало-бы увѣковѣчить память не только жены, но и мужа Марини.

Но пора возвратиться къ королевѣ Каролинѣ, рѣшившейся отправиться изъ Константинополя въ Одессу. Нашлось маленькое коммерческое суденышко, не побоявшееся вступить въ борьбу съ вѣчно-бурнымъ Чернымъ моремъ.

Гордой и могущественной неаполитанской королевѣ пришлось перечувствовать еще не испытанное ею. На Черномъ морѣ поднялась страшная буря; грозныя волны бросались на судно, грозя затопить его; вдали разстилался непроницаемый туманъ. Каролина дрожала отъ холода въ своей грязной каютѣ. Судно скиталось въ продолженіе 22 дней по морю и наконецъ пристало къ нашему одесскому берегу. Это было, если я не ошибаюсь, въ концѣ 1813 г.

Родители мои жили тогда въ деревнѣ Тузла (перешедшей, кажется, въ руки одесскаго купца А. М. Бродскаго). Зима была ужасная. Мнѣ помнится, что, проснувшись какъ-то разъ утромъ, я увидѣлъ на столѣ зажженныя свѣчи, а на полу большой тазъ, наполненный зажженымъ спиртомъ. Мать моя запретила мнѣ вставать, сказавъ, что всю деревню занесло снѣгомъ и что не было никакой возможности отворить даже двери. Впродолженіе сутокъ мы оставались безъ пищи и безъ топлива, согрѣваясь съ грѣхомъ пополамъ подлѣ горѣвшаго спирта.

Вдругъ къ намъ пріѣхалъ курьеръ съ письмомъ, въ которомъ герцогъ де-Ришелье извѣщалъ моего отца о пріѣздѣ неаполитанской королевы. Отецъ мой, равно какъ и братъ его, адмиралъ Іосифъ де-Рибасъ, сохранили, состоя на русской службѣ, неаполитанское подданство и часто вспоминали о родинѣ. Осюда легко понять радость моего отца, когда онъ узналъ о неожиданномъ прибытіи королевы. Онъ тотчасъ-же отправился въ Одессу. Туда прибылъ и я съ матерью, нѣсколько дней спустя. Я ничего не помню о нашемъ зимнемъ путешествіи, но не забылъ, что мы остановились въ Одессѣ въ одномъ бѣленькомъ домикѣ, принадлежавшемъ г. Мунтянову и находившемся на углу Коблевской улицы и Соборной площади, гдѣ теперь домъ Вейнберга.

По поводу постройки этого бѣленькаго домика мнѣ разсказывалъ мой отецъ довольно курьезный анекдотъ, глубоко врѣзавшійся въ мою память. Когда соборъ во имя святого Николая былъ оконченъ, то его преосвященство архіерей екатеринославскій Гавріилъ прибылъ для его освященія. Гавріилъ былъ извѣстенъ высокими качествами сердца и блестящимъ краснорѣчіемъ; нѣкоторыя его проповѣди считаются и до сихъ поръ еще лучшими образцами духовнаго краснорѣчія. Послѣ освященія храма архіерей и всѣ присутствовавшіе на церемоніи были приглашены въ домъ Мунтянова, который былъ тогда старостою при соборѣ и присутствовалъ при его сооруженіи. Во время завтрака преосвященный вдругъ сказалъ: „я всегда вѣрилъ въ чудеса, творимыя св. Николаемъ, но теперь во-очію убѣдился въ ихъ дѣйствительности“. На вопросы присутствовавшихъ онъ отвѣчалъ: „да какъ-же! развѣ это не чудо, что каменья, лѣсъ и желѣзо перелетѣли съ мѣста постройки храма на сіе мѣсто и сами выстроили этотъ домъ!“ Всѣ разсмѣялись, а самъ Мунтяновъ счелъ долгомъ улыбнуться.

Мы остановились въ этомъ домикѣ, потому что отецъ мой, продавшій свои два дома казнѣ и подарившій городу большой садъ, что на Дерибасовской улицѣ, не имѣлъ своего собственнаго помѣщенія.

Какъ мнѣ послѣ разсказывали, королева была принята съ почестями, соотвѣтствовавшими ея сану. Для нея былъ нанятъ домъ помѣщика Куликовскаго, находившійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ выстроилъ потомъ роскошный дворецъ. Каролина должна была выдержать въ этомъ домѣ сорока-дневный карантинъ.

Мнѣ очень хорошо помнится, какая происходила у насъ въ то время суета. Я тогда въ пер-

вый разъ увидѣлъ своего отца въ мундирѣ русской службы (онъ получилъ отставку въ чинѣ секундъ-маіора, съ правомъ носить мундиръ). На немъ былъ кафтанъ зеленаго цвѣта, съ красными отворотами и на демикотоновой красной подкладкѣ. Фалды поднимались къ верху и застегивались сзади большой золотой пуговицей. Аксельбанты были золотые съ черным шелкомъ; шляпа треугольная съ чернымъ перомъ. Такой костюмъ я видѣлъ впослѣдствіи, когда былъ взрослымъ, на старомъ кинбурнскомъ комендантѣ Кузьминѣ, но у него голова была покрыта пудрой, а волосы собраны въ черный шелковый мѣшочекъ.

Такъ какъ прибывшія къ намъ королева и дамы ея свиты не имѣли зимнихъ платьевъ, то мать моя взяла на себя заботу купить матеріи и кроить платья. Шитьемъ-же занимались евреи, по цѣлымъ днямъ сидѣвшіе въ нашихъ комнатахъ. Не съумѣю сказать, были-ли платья хорошо или плохо сшиты, но отлично помню, что въ комнатахъ былъ препепріятный запахъ.

Я пишу эти строки и въ моей памяти воскресаютъ десятки прелестныхъ картинокъ. Вотъ вижу себя въ красной курткѣ, вышитой чернымъ шелкомъ. Я въ восторгѣ. Отецъ ведетъ меня куда-то. Вдругъ вижу около себя толпу офицеровъ. Въ глубинѣ комнаты замѣчаю многихъ незнакомыхъ мнѣ лицъ въ блестящихъ мундирахъ. Одинъ изъ нихъ, въ красномъ мундирѣ, болѣе всѣхъ прочихъ поразилъ меня (это былъ австрійскій консулъ фонъ-Томъ). Потомъ вижу другого какого-то офицера (всѣ были тогда для меня офицерами); онъ низко кланяется какой-то дамѣ въ

сѣромъ платьѣ. Вдругъ мое видѣніе исчезаетъ; дальнѣйшія подробности исчезли изъ моей памяти. Я узналъ позже, что это былъ первый выходъ королевы изъ карантина и что всѣ чины города Одессы и иностранные консула приходили представляться ей.

Въ другой картинкѣ я вижу себя въ театрѣ, на представленіи какой-то польской пьесы; въ третьей вижу множество людей и экипажей. Какая-то дама въ сѣромъ платьѣ (это была королева) поцѣловала меня въ лобъ и сѣла въ нашъ экипажъ, запряженный четверкою красивыхъ чалыхъ лошадей. Маленькій форейторъ, мой пріятель, крикнулъ свое безконечное „поди!“ и лошади поскакали. Въ то время каждый богатый владѣлецъ экипажа считалъ за особое счастье имѣть голосистаго форейтора; у каждаго былъ свой Тамберликъ, Маріо, Рубини. Отсюда явилось смѣшное соперничество: бѣдные мальчики должны были иногда просиживать цѣлыя ночи на лошади въ самые трескучіе морозы и выкрикивать тоненькимъ и звучнымъ голосомъ „поди!“ лучше и громче другого соперника, подъ угрозой получить нѣсколько палочныхъ ударовъ.

Въ послѣдней моей картинѣ я вижу себя окруженнымъ массою подушекъ. Чувствую, что ѣду. Близъ меня мелькаютъ какіе-то огни, кто-то говоритъ: „это пушки“. Кажется, раздались выстрѣлы; навѣрное сказать не могу, потому, что заснулъ тогда.

Я узналъ послѣ, что мы сопровождали неаполитанскую королеву и останавливались на ночлегъ въ деревнѣ Коблевкѣ, владѣлецъ которой,

одесскій комендантъ генералъ Кобле, устроилъ блестящій пріемъ съ фейерверками и пушечными выстрѣлами. Изъ другихъ разсказовъ я узналъ, что отецъ мой сопровождалъ королеву до австрійской границы. Онъ хорошо былъ знакомъ съ богатыми польскими владѣльцами и устроилъ такъ, что на каждомъ ночлегѣ королевы ей былъ приготовленъ роскошный пріемъ. Въ Тульчинѣ знаменитая графиня Софія Потоцкая приняла королеву истинно по царски въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ. По пріѣздѣ въ Лембергъ, у Каролины не оказалось средствъ для дальнѣйшаго путешествія. Бѣдная неаполитанская королева до того потеряла свой кредитъ, что ни одинъ лембергскій банкиръ не согласился выдать ей деньги подъ ея росписку. Пришлось моему отцу поручиться за нее въ суммѣ до 60 тысячъ рублей. Тогда королева отправилась въ Вѣну, а отецъ возвратился въ свое имѣніе.

Такъ какъ вся разсказанная мною исторія можетъ многимъ показаться невѣроятной, тѣмъ болѣе, что она почти никому въ Россіи не извѣстна, то считаю необходимымъ, для доказательства правдивости моихъ словъ, перевести хранящееся у меня письмо королевы Каролины на имя моего отца. Оно написано на итальянскомъ языкѣ, красивымъ почеркомъ, но съ весьма грубыми орѳографическими ошибками.

„Любезный донъ-Феликсъ! Спѣшу сообщить вамъ о себѣ вѣсть. Я, слава Богу, здорова. Сынъ мой Леопольдъ выдержалъ операцію и выздоровѣлъ совершенно. Король посылаетъ вамъ орденъ св. Константина, я-же прилагаю къ нему

маленькій подарокъ. Мои стѣсненныя обстоятельства не позволяютъ мнѣ сдѣлать больше; но я всегда буду благодарна вамъ за всѣ ваши заботы о насъ во время нашего пребыванія въ Одессѣ и путешествія по Россіи. Я живу теперь близъ Вѣны, въ императорскомъ дворцѣ Нейтцендорфъ. Моя будущая участь зависитъ отъ великихъ міра сего, отъ конгреса, который соберется въ сентябрѣ или октябрѣ. Это будетъ торжественная минута, особенно для насъ, малыхъ, всегда жертвовавшихъ собой за доброе дѣло. Надѣюсь на Бога и думаю, что насъ не забудутъ. Король въ Палермо, гдѣ онъ принялъ бразды правленія при общей радости народа. Прощайте; цѣлую вашу жену и дѣтей; вѣрьте, что я всегда останусь доброю вашею королевою“.

Каролина.

Вѣна, іюнь 1814 г.

Маленькій подарокъ заключался въ золотой табакеркѣ, осыпанной крупными бриллiантами, съ портретомъ королевы и ея сына принца Леопольда. Цѣна табакерки простиралась до 5 тысячъ рублей.

Въ 1837 г., будучи въ Неаполѣ, я представлялся принцу Леопольду, сдѣлавшемуся тогда Салернскимъ герцогомъ. Онъ былъ неимовѣрно толстъ, можетъ быть потому, что ѣлъ ужасно много. Герцогъ принялъ меня ласково, разспрашивалъ объ Одессѣ и вспомнилъ двухъ одесскихъ красавицъ: „мнѣ не хорошо помнится ихъ фамильное имя, сказалъ онъ мнѣ; но кажется, оно начинается на Бр...“. Я догадался, что онъ говорилъ о дѣвицахъ Бримеръ и сообщилъ ему, что одна изъ нихъ вышла замужъ за маіора Ар-

кудинскаго, а потомъ за генерала Пущина, а другая за графа Ланжерона.

Королева Каролина не дождалась конгреса, который возвратилъ потомъ неаполитанскій престолъ ея мужу Фердинанду. Она скоропостижно умерла въ той самой комнатѣ, въ которой родилась. Ее нашли лежащею мертвою на полу. По судорожно сжатымъ кулакамъ и другимъ признакамъ врачи констатировали, что она умерла въ ужасныхъ страданіяхъ.

Королева скончалась безъ помощи, безъ утѣшенія. Ни одна слезинка не сопровождала ее до могилы....

II.

.....Одесситы вспоминаютъ съ гордостью, что величайшій русскій поэтъ Пушкинъ когда-то прославилъ ихъ городъ въ своихъ безсмертныхъ стихахъ. Они особенно сочувственно относятся къ его „Евгенію Онѣгину", потому что „грязная" и „пыльная" Одесса не разъ упоминается тамъ въ яркихъ краскахъ. Всѣ мы знаемъ наизусть стихи, гдѣ поэтъ говоритъ:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
. . . .
Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ египетской земли
Корсаръ въ отставкѣ *Морали*.

Но кто былъ этотъ Морали, теперь никто не знаетъ. Молодое поколѣніе нашего города давно забыло о прошломъ Одессы. Спросите любого одессита о Морали и онъ либо пожметъ плечами, либо скажетъ, что Александръ Сергѣевичъ самъ создалъ этого Морали для риѳмы. Мнѣ не разъ приходилось слышать еще другое, болѣе „проницательное" мнѣніе, будто Морали есть исковерканная фамилія одного богатаго одесскаго негоціанта. И тѣ, и другіе сильно заблуждаются.

Я счастливъ тѣмъ, что въ мои преклонныя лѣта сохранилъ живую память обо всемъ томъ, что мнѣ пришлось видѣть въ молодости. Я отлично помню этого Морали. Онъ не разъ посѣщалъ нашъ домъ. Съ какимъ дѣтскимъ восторгомъ я любовался его блестящимъ одѣяніемъ! Это былъ человѣкъ высокаго роста, прекрасно сложенный. Голова была широкая, круглая; глаза большіе, черные. Всѣ черты лица были правильныя, а цвѣтъ кожи красно-бронзовый. Одежда его состояла изъ красной рубахи, поверхъ которой набрасывалась красная суконная куртка, роскошно вышитая золотомъ. Короткіе шаровары были подвязаны богатою турецкою шалью, служившею поясомъ; изъ ея многочисленныхъ складокъ выглядывали пистолеты. Обувь состояла изъ турецкихъ башмаковъ и чулокъ, доходившихъ до колѣнъ. Бѣлая шаль, окутывавшая его голову, прекрасно шла къ его оригинальному костюму.

Нечего и говорить, что появленіе такого набоба въ нашемъ городѣ произвело громадный эффектъ какъ среди нашей молодежи, такъ и среди нашихъ дамъ, всегда готовыхъ восторгаться всякою новинкой. Вскорѣ Морали подружился съ

молодыми людьми, былъ принятъ во многихъ одесскихъ гостинныхъ и участвовалъ во всѣхъ пирушкахъ и вечеринкахъ. Онъ хорошо говорилъ по-итальянски и никогда не обижался, когда ему напоминали о его прежнихъ корсарскихъ подвигахъ.

Въ то время графъ М. С. Воронцовъ, впослѣдствіи князь и фельдмаршалъ, вступилъ въ управленіе Новороссійскимъ краемъ и привлекъ въ Одессу множество знатныхъ особъ, желавшихъ служить при графѣ. Онъ еженедѣльно принималъ гостей въ роскошныхъ залахъ своего новопостроеннаго дворца и жилъ такъ, какъ не живалъ ни одинъ изъ мелкихъ германскихъ владѣтельныхъ князьковъ.

Чиновники, служившіе при генералъ-губернаторѣ, были люди отборные, всѣ хорошо воспитанные. Помѣщики пріѣзжали въ нашъ городъ со всѣхъ концовъ края, зная по наслышкѣ, что въ Одессѣ круглый годъ праздникъ.

Въ эти-же времена, между прочими лицами, пріѣхалъ къ намъ и А. С. Пушкинъ. Наши молодые люди встрѣтили его привѣтливо и не преминули, конечно, познакомить его съ Морали.

Мнѣ кажется, что первая встрѣча Пушкина съ этимъ африканцемъ не могла не поразить поэта и что подобно тому, какъ какая-то таинственная сила влечетъ человѣка къ розысканію истины, такъ какое-то инстинктивное любопытство должно было возбудить въ Пушкинѣ сильное желаніе узнать, не имѣетъ-ли онъ, по своему происхожденію, чего-нибудь общаго съ этимъ египетскимъ корсаромъ.

Тогда говорили, что этотъ египтянинъ былъ когда-то корсаромъ, и думали, что онъ обладаетъ несмѣтными богатствами. Но послѣ оказалось, что онъ былъ простымъ искателемъ приключеній, да къ тому еще и отчаяннымъ картежникомъ.

Какъ-то разъ Морали пришелъ къ моему отцу съ предложеніемъ продать ему кое-какія драгоцѣнныя вещицы. Когда онъ показалъ ихъ—мой отецъ призвалъ меня, чтобы полюбоваться ими. Это были двѣ большія золотыя табакерки: одна изъ нихъ, когда ее заводили, играла разныя старинныя пѣсни; выскакивалъ маленькій пѣтухъ, открывалъ ротикъ, махалъ крыльями и, по окончаніи музыки, самъ возвращался въ свою золотую клѣтку. Другая табакерка, тоже съ музыкой, была усыпана крупными брильянтами, вертѣвшимися на своей оси то взадъ, то впередъ. Это производило прекрасный эффектъ. За эти двѣ чудныя вещицы Морали просилъ, какъ мнѣ помнится, около 30-ти тысячъ рублей ассигнаціями. Продалъ-ли онъ ихъ или нѣтъ—мнѣ неизвѣстно.

Вскорѣ распространился по Одессѣ слухъ, что красиваго африканца Морали обыграли одесскіе картежники. Онъ вдругъ безслѣдно исчезъ изъ нашего города, вѣроятно, не подозрѣвая, что великій поэтъ прославитъ его имя и что мнѣ, старику, придется послѣ столькихъ лѣтъ заговорить о немъ.

Я только-что упомянулъ объ одесскихъ картежникахъ; нѣсколько подробностей о нихъ будутъ, мнѣ кажется, не лишними. Когда у насъ еще не существовали англійскій, коммерческій, благородный и другіе клубы, гдѣ можно было-бы

съ чисто англійскимъ джентельменствомъ, коммерческою ловкостью и при помощи благородныхъ манеръ обирать и разорять любителей карточной игры. О, нѣтъ! У насъ тогда не существовали эти великолѣпныя залы, гдѣ видъ роскоши и блеска утѣшаетъ проигравшагося въ пухъ. Правда, въ то время было въ Одессѣ „Казино" (о которомъ и Пушкинъ упоминаетъ), но любители азартныхъ игръ оставались тамъ только до поры до времени. Когда наступалъ вечеръ, они отправлялись по одному въ домъ, еще недавно возвышавшійся на углу Ришельевской и Ланжероновской улицъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется домъ Беллино и Коммерель*).

Нынѣ тамъ собираются въ роскошныхъ апартаментахъ любители разрѣшенныхъ игръ, что ничуть не мѣшаетъ имъ придавать этимъ играмъ характеръ азартныхъ. Карты приносятъ этому учрежденію около 20 тысячъ рублей ежегоднаго дохода.

Пятьдесятъ-же лѣтъ тому назадъ игроки должны были скрываться въ подвалахъ кофейни. Между ними были и богатые негоціанты нашего города, и молодые люди, и чиновники, и заѣзжіе помѣщики. Впродолженіе одной только ночи десятки тысячъ рублей переходили изъ рукъ въ руки.

Разъ ночью, во время самаго сильнаго разгара игры, кто-то постучалъ въ двери. Они распахнулись, и въ комнату вошелъ блюститель по-

*) Въ настоящее время въ этомъ домѣ помѣщается клубъ Р. о. п. и т.

рядка, полковникъ Г***. Содержатель притона сейчасъ-же погасилъ всѣ свѣчи. Испуганные игроки въ темнотѣ притаились по угламъ.

Послышался звонъ золота, шуршанье ассигнацій, стукъ отворяющейся двери и чьи-то шаги. Вскорѣ затѣмъ воцарилась въ подвалѣ мертвая тишина. Игроки ожидали, прислушивались, таращили глаза, пока не убѣдились, что блюститель порядка вышелъ. Тогда они рѣшились зажечь свѣчи; принесли кремень, огниво и губку (о, прогрессъ! какъ люди могли существовать безъ спичекъ!) и послѣ долгихъ безуспѣшныхъ усилій зажгли, наконецъ, сальные огарки (стеариновыхъ еще не знали). Какая грустная картина представилась ихъ изумленнымъ взорамъ! Всѣ тѣ деньги, которыя нѣсколько минутъ тому назадъ лежали на столахъ (около 15 тыс. рублей ассигнаціями), исчезли; однѣ только цифры оставались незачеркнутыми на сукнѣ, какъ нѣмые свидѣтели разбитыхъ надеждъ игроковъ.

Полковникъ Г*** былъ, впрочемъ, прелюбезный господинъ. Встрѣчаясь на другой день съ господами игроками, онъ вѣжливо жалъ имъ руки, не упоминая, конечно, о ночномъ погромѣ. Тѣмъ и кончилось дѣло; но игроки заблагоразсудили принять болѣе вѣрныя мѣры предосторожности противъ непрошенныхъ блюстителей порядка.

Я не былъ лично знакомъ съ А. С. Пушкинымъ, но часто встрѣчался съ нимъ. Я не понималъ тогда прелести его поэзіи; можетъ быть, по причинѣ моей молодости, а можетъ быть и потому, что его сочиненія мнѣ были мало из-

вѣстны. Они помѣщались въ періодическихъ изданіяхъ, а въ Одессѣ не было тогда ни одного русскаго книжнаго магазина. Книги выписывались изъ столицы только богатыми любителями чтенія.

Пушкинъ встрѣтился въ Одессѣ съ нѣсколькими своими знакомыми и часто весело проводилъ съ ними время. Онъ полною грудью наслаждался нашею южною природою. Это видно уже изъ того, что во всѣхъ его стихотвореніяхъ, написанныхъ въ Одессѣ, проглядываетъ какая-то особенная живость, свѣжесть и легкость. Чувствуется, что поэтъ дышетъ свободнымъ воздухомъ, что онъ радъ тому, что удалился отъ міра интригъ, сплетенъ, подозрѣній, обвиненій, отъ ложныхъ аристарховъ и безстыдныхъ завистниковъ. Здѣсь въ Одессѣ онъ написалъ первыя строфы своего безсмертнаго „Евгенія Онѣгина" и тѣ милыя поэтическія бездѣлушки, которыя навсегда останутся въ памяти того, кто хотя одинъ разъ прочелъ ихъ.

Здѣсь-же онъ сочинилъ и извѣстное стихотвореніе „Демонъ", въ которомъ описалъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, Раевскаго. По крайней мѣрѣ, въ этомъ увѣрялъ насъ дядя Раевскаго, Александръ Львовичъ Давыдовъ.

Давыдовъ зналъ „Демона" наизусть и не разъ декламировалъ его намъ съ самодовольнымъ видомъ, восхищаясь тѣмъ, что его племянникъ увѣковѣченъ стихами Пушкина. Давыдовъ былъ хорошо знакомъ съ поэтомъ и каждый день бывалъ у него.

А. С. Давыдовъ былъ одною изъ замѣчательнѣйшихъ личностей того времени, не только по необыкновенной своей физической силѣ, громадному росту и непомѣрной толщинѣ своего туловища, но и по блестящему уму и веселому характеру. Пушкинъ даетъ ясное понятіе о его особѣ въ одномъ небольшомъ стихотворномъ посланіи къ нему, въ которомъ, увѣдомляя Давыдова, что не можетъ ѣхать съ нимъ въ Крымъ, говоритъ:

Нельзя, мой толстый Аристипъ,
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и мирные обѣды,
Но не могу съ тобою плыть.
. . . .
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море, наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу августовъ пѣвецъ
Сулитъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу;
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

А аппетитъ у Александра Львовича былъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательный. Самъ Давыдовъ разсказывалъ намъ, что, будучи въ 1815 году во Франціи вмѣстѣ съ окупаціоннымъ корпусомъ и командуя однимъ летучимъ отрядомъ, онъ всегда

составлялъ свой маршрутъ такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность проходить и останавливаться во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя славились или приготовленіемъ какого-нибудь особеннаго кушанья, или производствомъ рѣдкихъ фруктъ и овощей, или, наконецъ, искуснымъ откармливаніемъ птицъ. Такимъ образомъ, Александръ Львовичъ первый составилъ гастрономическую карту Франціи.

Семейства Давыдова и Раевскаго были въ короткихъ отношеніяхъ съ моими родителями и всегда останавливались въ нашемъ домѣ, когда пріѣзжали въ Одессу. У нихъ-то я часто видѣлъ Пушкина.

Ужъ не знаю, вслѣдствіе чего, вслѣдствіе-ли разсказовъ нянюшекъ, чтенія сказокъ, или вліянія происходящихъ вокругъ нихъ событій, но первое чувство, овладѣвающее юношей, это сильное желаніе сдѣлаться силачемъ, богатыремъ, солдатомъ, генераломъ. Юноша смотритъ съ какимъ-то благоговѣніемъ на лицо, одаренное физической силой, думая, вѣроятно, что физическая сила драгоцѣннѣйшее изъ качествъ человѣка. Я самъ въ молодости смотрѣлъ на силу такими-же восторженными глазами и потому-то А. Л. Давыдовъ всегда казался мнѣ великимъ человѣкомъ.

Когда Давыдовъ долженъ былъ выѣзжать со двора, онъ приказывалъ слугѣ выбирать дрожки покрѣпче. Какъ-то разъ, обращаясь къ приведенному ему извозчику, онъ шутливо сказалъ:

— Да у тебя, братъ, дрожки-то старыя. Какъ только сяду, такъ сейчасъ и провалюсь.

— Небось, баринъ, садись, довезу.

— Ну, нѣтъ, не довезешь. Рессоры у тебя совсѣмъ сгнили.

— Гдѣ сгнили! сказалъ обидѣвшійся извозчикъ; а ну ка, попробуй!

— Попробуемъ, отвѣчалъ Давыдовъ и тутъ-же, схвативъ своими мощными руками главную рессору дрожекъ, согнулъ ее и переломилъ на двое. Это привело въ восторгъ меня и другихъ присутствовавшихъ при этой курьезной сценѣ. Бѣдный извозчикъ почесалъ себѣ затылокъ, но вскорѣ утѣшился, когда Давыдовъ положилъ ему въ руки порядочный кушъ денегъ.

А вотъ еще одинъ анекдотъ, довольно вѣрно характеризующій наше тогдашнее гражданское житье-бытье. Какой-то факторъ, еврей, не помню по какому случаю порядкомъ надулъ Давыдова. Александръ Львовичъ призвалъ къ себѣ еврея, и, когда тотъ, ничего не подозрѣвая, вошелъ въ его комнату, то онъ сильно побилъ его чубукомъ своей трубки. Побитый факторъ подалъ жалобу генералъ-губернатору графу Воронцову, который, какъ извѣстно, всегда покровительствовалъ евреямъ. Графъ тотчасъ же приказалъ полиціи взыскать съ Давыдова 25 руб. въ пользу еврея. Когда полицейскій чиновникъ предъявилъ Давыдову приказаніе графа Воронцова, тотъ сильно разсердился. Потомъ, вынувъ изъ кармана деньги и обращаясь къ фактору, онъ сказалъ ему:

— Вотъ тебѣ 25 руб. за то, что я тебя побилъ, а вотъ тебѣ 25 руб. за то, что еще побью. И, схвативъ еврея за бороду, такъ сильно по-

билъ его на глазахъ блюстителя порядка, что онъ едва могъ дотащиться до дома.

Въ тотъ-же день, въ 5 часовъ вечера, Давыдовъ отправился къ графу Воронцову, съ которымъ онъ былъ друженъ, на обѣдъ и провелъ время какъ ни въ чемъ не бывало.

Побилъ, заплатилъ и концы въ воду. А между тѣмъ милый толстякъ Давыдовъ считался въ то время ярымъ либераломъ.

У этого-то А. Л. Давыдова я, повторяю, видѣлъ нѣсколько разъ Пушкина, возвратившагося тогда изъ того неудачнаго его похода, въ которомъ онъ, ни звуками своей безсмертной лиры, ни силою войскъ, находившихся подъ его поэтической командой, не могъ отразить нападенія крылатыхъ враговъ, опустошавшихъ наши плодородныя поля.

Я зналъ тогда по наслышкѣ, что Пушкинъ — поэтъ, что его творенія прелестны, что слава осѣняетъ его юную голову, но самъ не имѣлъ возможности, вслѣдствіе моей молодости, оцѣнить его по заслугамъ. Въ немъ меня болѣе всего поразили его „арабскій профиль“ (какъ онъ самъ о себѣ говоритъ въ стихахъ къ художнику Dawy), его кудрявые волосы и его тяжелая желѣзная палка *).

Все, что я теперь пишу, пришло мнѣ на память, когда мнѣ случайно пришлось вновь перечесть давно нечитаннаго мною „Евгенія Онѣгина“.

*) Палка эта въ настоящее время принадлежитъ Импер. одес. общ. исторіи и древностей. *Прим. ред.*

Вѣрное, мѣткое, живое, пропитанное какою-то счастливою беззаботностью описаніе жизни Пушкина въ Одессѣ привело меня въ восторгъ и возбудило во мнѣ неописанныя чувства. Волшебные стихи поэта какъ будто отдѣлили мой духъ отъ моего тѣла и, заставивъ забыть лѣта, перенесли меня въ еще юную, пыльную, грязную и безводную Одессу.

Я молодъ, веселъ; прохожу мимо невзрачныхъ темныхъ казармъ и спускаюсь по крутой и грязной тропинкѣ къ морю, омывающему подножіе обрыва. Волны разбиваются о скалы, служащія пьедесталомъ молодымъ нимфамъ, стоящимъ на нихъ въ разныхъ обворожительныхъ позахъ, не прикрытымъ ничѣмъ. Я погружаюсь въ воду; брилліантовыя брызги сыпятся вокругъ меня. На горизонтѣ показываются долго жданныя бѣлыя вѣтрила. Я поднимаюсь на гору въ городъ, встрѣчаюсь съ знакомыми, съ друзьями, слышу ихъ говоръ и знакомые голоса сладко поражаютъ мой слухъ. Я слышу оперу Семирамиду упоительнаго Россини, вижу примадонну Мориკони, окруженную толпой юныхъ обожателей и между ними престарѣлаго Спада, моего предшественника по службѣ въ Од. гор. публ. библіотекѣ.

Но вдругъ завѣса воспоминаній падаетъ съ моихъ глазъ, чувство, возбужденное стихами Пушкина, куда-то улетучивается, и я, грустный, спрашиваю себя: гдѣ-же всѣ тѣ благородные и милые люди, которые обогащали и украшали нашъ городъ своими громадными состояніями и своимъ примѣромъ и образованіемъ давали направленіе одесскому обществу? Гдѣ князь М. С. Ворон-

цовъ, гдѣ Нарышкины, князья В. и Г. Голицины, гдѣ княгиня Е. Голицина и графиня Е. Толстая, гдѣ князья Долгоруковы, господа Исленьевы, Кирьяковы, Курисы, Скаржинскіе?!

Могильный звонъ пронесся въ воздухѣ. Я очутился на нашемъ роскошномъ приморскомъ бульварѣ, окаймленномъ богатыми домами. Казармы исчезли, и на томъ мѣстѣ, гдѣ была тропинка, воздвигнута грандіозная лѣстница. Море отодвинулось дальше, нескромныя скалы срыты. Тамъ, гдѣ былъ крутой, но живописный берегъ, пролетаютъ теперь локомотивы. Всюду гранитъ трещитъ подъ колесами роскошныхъ экипажей. Газъ освѣщаетъ вывѣски богатыхъ магазиновъ. Грязныя площади превратились въ зеленые скверы, орошаемые фонтанами днѣстровской воды.

Увидѣвъ предъ собой такое величественное зрѣлище, я какъ будто очнулся отъ продолжительнаго сна. Какой-то внутренній страхъ овладѣлъ мною, и я съ тоской спрашиваю себя: неужели-же я одинъ пережилъ столько дорогихъ мнѣ друзей? Неужели всѣ эти перемѣны совершились на моихъ глазахъ, въ моемъ родномъ городѣ? И зачѣмъ я живъ, и что для меня всѣ эти прелести? Я еще присутствую на сценѣ жизни и спокойно ожидаю той минуты, когда по волѣ Провидѣнія занавѣсъ опустится предъ моими глазами.

Теперь я брожу какъ живая нелѣпость между двумя поколѣніями и ни къ одному изъ нихъ не могу присоединиться.

И скучно, и грустно... И некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды.

Въ утѣшеніе у меня остаются одни только воспоминанія. Великъ тотъ поэтъ, кто, какъ Пушкинъ, можетъ сдѣлать такія воспоминанія безсмертными!

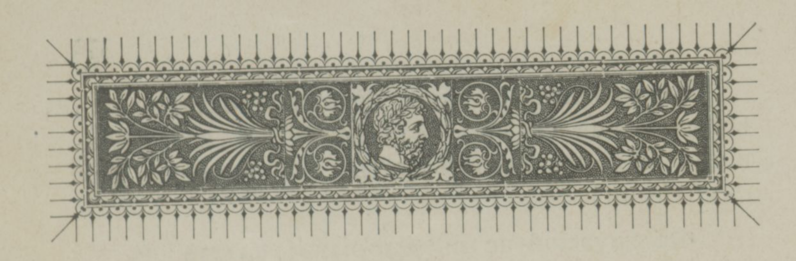
Французскій поэтъ Флоріанъ сказалъ:

Félicité passée qui ne peux revenir,
Que n'ai-je, en te perdant, perdu le souvenir!

Я-же говорю:

Félicité passée qui ne peux revenir,
Je garde en te perdant, au moins ton souvenir.

Михаилъ Де-Рибасъ.

Кое-что объ иноплеменникахъ

въ исторіи г. Одессы.

Мнѣ приходилось неоднократно слышать отъ многихъ одесскихъ старожиловъ, высказываемое съ видомъ горькаго сожалѣнія, замѣчаніе: „Одесса теперь не то, что прежде—ее нельзя узнать. И городъ не тотъ, и море не то, да и, главное, люди не тѣ“. Трудно представить себѣ искренность сожалѣнія о внѣшности старой, даже сравнительно и недавняго времени, Одессы,—и можно только радоваться, что пыльныя или грязныя улицы, съ зловонными канавами по сторонамъ, съ невозможными тротуарами на разныхъ уровняхъ земли, различной ширины и всевозможныхъ системъ мощенія, лѣтомъ въ значительной степени занятыя кучами пшеницы и другаго зерна, которое тутъ-же провѣевается лопатами съ одной кучи въ другую, при чемъ прохожіе обдаются столбами пыли. Что вмѣсто массы магазиновъ для ссыпки хлѣба, непривлекательныхъ своею наружностью, и небольшихъ одноэтажныхъ или двухъ-этажныхъ домовъ, крытыхъ черепицею или даже деревомъ, появились многоэтажныя зданія разнообразной архитектуры, а хлѣбные магазины почти совершенно исчезли изъ города и перешли въ предмѣстіе. Море, разумѣется, осталось то-же, но берега его и въ чертѣ города, въ былое время покрытые живописными скалами, выровнены и опоясаны однообразною набережною; рейдъ въ прежнее время представлявшій живописную картину съ сотнями небольшихъ судовъ всевозможной конструкціи, съ разнообразными флагами, въ настоящее время представляетъ менѣе привлекательный видъ съ несравненно меньшимъ числомъ громадныхъ пароходовъ, болѣе однообразныхъ по своему внѣшнему виду. Но главное отличіе, въ самомъ дѣлѣ, прежней Одессы отъ нынѣшней представляетъ населеніе этого города. Въ первую четверть вѣковаго своего существованія нашъ городъ представлялъ картину, нарисованную нашимъ великимъ поэтомъ:

Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Итали златой
Звучитъ на улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ египетской земли
Корсаръ въ отставкѣ Морали.

Въ настоящее время нѣтъ ничего подобнаго. Пріѣзжему вовсе не бросается въ глаза „разно-

племенность" Одессы: общій характеръ, внѣшній видъ ея обитателей ничуть не отличаетъ „южную столицу" отъ другихъ большихъ городовъ Россіи; развѣ при внимательномъ наблюденіи можно замѣтить только сравнительно рѣже попадающійся костюмъ великорусскаго мужика. На улицахъ по преимуществу слышится только русская рѣчь, изрѣдка чередующаяся съ еврейскимъ жаргономъ и еще рѣже греческимъ языкомъ. „Языкъ Италіи златой" слышится у насъ теперь очень рѣдко. Пестрая уличная жизнь, поражавшая наблюдателя въ былые годы въ Одессѣ, также отошла во времена историческія.

Между тѣмъ, для каждаго, хотя нѣсколько ознакомившагося съ исторіей нашего города не можетъ не броситься въ глаза та значительная роль, которую играли въ ней частью послѣдовательно, частью одновременно нѣсколько „не русскихъ" національностей. Представители ихъ въ настоящее время частью ассимилировались въ общемъ типѣ „одессита", частью возвратились назадъ на родину или переселились въ другія мѣста нашего отечества, оставивъ по себѣ замѣтные слѣды, результаты своей дѣятельности, внеся свою „лепту" въ общій трудъ созиданія города, и должны сохранить о себѣ благодарную память у современныхъ гражданъ нашего города.

Первые граждане города Одессы были по преимуществу **греки.** Нѣсколько семействъ ихъ жили въ Хаджибеѣ еще до его завоеванія русскими. Послѣ присоединенія этого городка къ Россіи здѣсь были поселены греки и албанцы, сражавшіеся въ рядахъ русскихъ моряковъ въ

войнахъ съ турками. Ихъ зачислили частью въ сухопутныя войска, гдѣ они составляли особый греческій дивизіонъ, частью во флотъ. Съ основаніемъ г. Одессы къ этимъ первоначальнымъ поселенцамъ постоянно присоединялись новые выходцы и составъ греческаго дивизіона былъ увеличенъ. Этимъ переселенцамъ предоставлялись льготы, давалось пособіе, хотя вслѣдствіе злоупотребленій послѣднее на самомъ дѣлѣ было столь незначительно и предлагалось въ столь неудобномъ видѣ, что имъ пользовались очень неохотно и весьма немногіе. Дома, напр., имъ предлагались, съ разсрочкою за нихъ уплаты, совершенно негодные и по цѣнѣ несравненно выше ихъ стоимости. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, греческій дивизіонъ былъ уничтоженъ и составлявшимъ его грекамъ предоставлялось приписаться въ купечество, мѣщане или крестьяне, при чемъ они надѣлялись землею въ Новороссіи наравнѣ съ другими поселенцами. Изъ военныхъ греки обратились къ мирнымъ занятіямъ: частью они разселились по окрестностямъ Одессы и Херсонской губ. вообще, и еще въ настоящее время въ этой губерніи существуетъ нѣсколько греческихъ поселеній. Оставшіеся въ Одессѣ занялись: 1) огородничествомъ, при чемъ оказали большія услуги культивированіемъ овощей доселѣ неизвѣстныхъ на Руси, и по настоящее время греки-огородники занимаютъ въ Одессѣ едва-ли не первое мѣсто; 2) рыболовствомъ, и 3) каботажнымъ судоходствомъ и плаваніемъ на гребныхъ лодкахъ. Послѣдними двумя промыслами одесскіе греки занимаются въ значи-

тельной степени и по настоящее время. Съ самаго начала существованія г. Одессы греки занимались здѣсь отпускною торговлею хлѣбомъ, шерстью и друг. продуктами, и привозною—виномъ и колоніальными товарами. И въ этомъ, и въ другомъ до 50-хъ годовъ они занимали первое мѣсто, но въ настоящее время въ этомъ дѣлѣ отошли на второй планъ, уступивъ свое мѣсто евреямъ. Въ хлѣбной торговлѣ прежнія греческія конторы оставили по себѣ добрую память не только у помѣщиковъ, но и у крестьянъ Херсонской губерніи. Мнѣ самому приходилось слышать неоднократно отъ стариковъ - крестьянъ Одесскаго уѣзда сожалѣніе объ исчезнувшихъ прежнихъ торговыхъ обычаяхъ греческихъ конторъ. Крестьяне с. Троицкаго говорили, что прежде было гораздо проще. Напр., „мы имѣли, говорили крестьяне, свои листы въ книгахъ конторы Скараманга, нужны были мнѣ деньги на сѣмена или къ веснѣ не хватало хлѣба, мы смѣло шли въ контору и никогда не получали отказу. Долгъ записывался въ книгу и единственнымъ условіемъ ставилось, чтобы по умолотѣ зерно доставлялось въ контору и всегда принималось по существующимъ цѣнамъ“. Нѣкоторымъ крестьянамъ выдавалось рублей по 300 для аренды земли; въ такихъ случаяхъ бралось по 5 проц. въ годъ. Такимъ образомъ, крестьяне земледѣльцы имѣли въ названныхъ конторахъ небольшой кредитъ за самые незначительные проценты. Въ мелочной торговлѣ греки съ давнихъ временъ занимались и занимаются по настоящее время: торговлею фруктами въ погребахъ и въ разносъ, отчасти даже „снимая сады“, т. е. закупая годовые урожаи у садовладѣльцевъ; продажею губокъ въ разносъ, въ чемъ не имѣютъ себѣ конкуренціи; продажею башмаковъ и туфель также въ разносъ и, наконецъ, болѣе значительными операціями: въ большомъ размѣрѣ торговлею мясомъ, рыбою и зеленью на базарахъ. Ремеслами вообще греки мало занимались и занимаются, за исключеніемъ хлѣбопеченія сравнительно съ недавняго и кондиторскимъ дѣломъ съ очень давняго времени, производя спеціально греческія „сладости“, и въ небольшомъ размѣрѣ башмачнымъ ремесломъ. Въ фабричной промышленности греки въ Одессѣ съ давнихъ временъ извѣстны какъ табачные фабриканты, производители восточныхъ лакомствъ: „халвы“, „рахатъ-лукума“ и также „сусанскаго масла“, поставляя эти продукты для всей Россіи; кромѣ того, съ 60-хъ годовъ, съ оживленіемъ вообще промышленности въ Одессѣ, греки обратились къ мукомольному дѣлу и отчасти къ другой заводской дѣятельности. Очень знаменательно то обстоятельство, что греки, оставаясь вѣрными своей національности, большею частью принимали русское подданство, становились гражданами г. Одессы и не смотрѣли на этотъ городъ, какъ на временное свое пребываніе, подобно большинству другихъ европейскихъ національностей. Съ самаго начала своего поселенія въ нашемъ городѣ они тотъ-же часъ позаботились о сооруженіи себѣ св. храма, чтобы имѣть возможность слушать богослуженіе на родномъ языкѣ, и нѣсколько позже, въ самомъ началѣ XIX вѣка, открыли училище. Вмѣстѣ съ тѣмъ греки нисколько не отчуждались отъ русскаго

населенія и всегда горячо отзывались на потребности новаго своего отечества. Напомнимъ, напр., фактъ: когда въ 1812 г. герцогъ Ришелье обратился къ жителямъ г. Одессы съ воззваніемъ о необходимости прійти на помощь отечеству: изъ 280,546 р. ас., пожертвованныхъ жителями названнаго города, 100,000 р. были внесены одесскими жителями „греческаго сословія". Памятникомъ сочувствія нашихъ гражданъ этой націи остался на вѣчныя времена рядъ учрежденій съ именами учредителей: Стурдзы, Родоканаки и, наконецъ, имя всѣмъ извѣстнаго одесскаго общественнаго дѣятеля, о которомъ не упоминаю, не касаясь въ своихъ замѣткахъ современниковъ.

Какіе слѣды оставили одесскіе греки въ интелектуальной дѣятельности? Надобно замѣтить вообще, что первые поселенцы этой націи въ Одессѣ были по преимуществу люди практической дѣятельности и мало образованные, но уже въ первой четверти нашего столѣтія появляются личности, выдающіяся по своему образованію и оставившія по себѣ „нерукотворные памятники" своей умственной дѣятельности, но имена которыхъ теперь уже забыты. Кто, напримѣръ, знаетъ теперь имя Панагіодора Никовула А. Ѳ. († 1848), сына переводчика при свѣт. кн. Потемкинѣ-Таврическомъ, дѣйств. члена Импер. одес. общества исторіи и древностей, глубокаго знатока классической филологіи и археологіи, одного изъ первыхъ изслѣдователей древностей нашего края, можно сказать, учителя въ этомъ дѣлѣ археологовъ Бларамберга, Стемпковскаго и

Ашика*) Или имя Спиридона Юрьевича Дестуниса († 1848) (отца профессора Императ. С.-Петербургскаго университета), переводчика Плутарха и византійскихъ историковъ на русскій языкъ и автора нѣсколькихъ изслѣдованій по Византіи? Или М. Г. Палеолога († 1862), автора граматики ново-греческаго языка и статей по Греціи, — одного изъ лучшихъ ученыхъ знатоковъ родного языка. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть также о преподавателѣ греческаго языка въ одес. 2-й гимназіи Хрисохоосѣ-Ѳеодориди († въ 60-хъ гг.) хорошемъ филологѣ, хотя плохомъ преподавателѣ, но интересномъ въ томъ отношеніи, что въ объемъ своего курса старался ввести и изученіе живого греческаго языка. Наконецъ, имена тѣхъ труженниковъ, которые старались о сближеніи грековъ съ русскими, составивъ рядъ пособій для изученія русскаго языка для грековъ и живого греческаго языка для русскихъ. Въ этомъ отношеніи уже сдѣлано многое, — но на интеллигентныхъ грекахъ одесситахъ лежитъ нравственный долгъ составленія греческо-русскаго и русско-греческаго словаря. Тогда и греки-одесситы могутъ сказать, подобно итальянцамъ этого города, что, благодаря ихъ трудамъ, русскіе имѣютъ возможность изучать ихъ языкъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что научная и высшая професcіональная дѣятельность до послѣдняго времени мало привлекала одеситовъ націо-

*) Панагіадоръ Никовулъ былъ страстный почитатель древней Греціи — онъ однажды вызвалъ на дуэль одного русскаго аристократа за то, что тотъ отрицалъ существованіе личности Гомера.

нальности, о которой говоримъ; только въ послѣднее время мы видимъ изъ среды ихъ юристовъ, медиковъ, аптекарей (въ прежнее время съ 20-хъ годовъ было двое или трое этихъ профессій), профессоровъ, учителей и техниковъ, но г. Одесса и Ришельевскій лицей далъ нѣсколькихъ выдающихся дѣятелей администраціи, достигшихъ высокаго общественнаго положенія.

Евреи появились въ нашемъ городѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, хотя Хаджибей былъ ими посѣщаемъ еще до своего присоединенія къ Россіи. Характеръ ихъ дѣятельности въ нашемъ городѣ остался тотъ-же, какимъ онъ сложился въ продолженіе многовѣковой печальной ихъ исторіи въ Европѣ. Дѣятельность эта и здѣсь направлена почти исключительно на торговлю; но въ исторіи созиданія нашего города, почти исключительно обязаннаго своимъ настоящимъ процвѣтаніемъ торговлѣ, евреямъ, по строгой справедливости, должно быть отведено почетное мѣсто. Появившись въ Одессѣ, еврейскіе купцы мало-по-малу вытѣснили иностранцевъ и заняли въ средѣ этого сословія первое мѣсто. Дѣло было сдѣлано съ помощью свободной конкуренціи. Сначала, до 50-хъ годовъ, они являлись по преимуществу лишь въ роли мелкихъ торговцевъ и посредниковъ, но въ 60-хъ уже являются главными экспортерами и самыми крупными фирмами съ большимъ кредитомъ въ Европѣ. Первыя свѣдѣнія о еврейской торговлѣ мы имѣемъ съ конца XVIII ст. Евреи занимаются винной, мелочной и разносною торговлею, содержаніемъ постоялыхъ дворовъ и увеселительныхъ заведеній, въ которыхъ давались публичные балы. Затѣмъ, въ 20-хъ годахъ появляются мѣняльные столики, которые отчасти превращаются въ такъ называемыя „банкирскія конторы". Вмѣстѣ съ тѣмъ „галантерейныя вещи", матеріи, сукна и всевозможныя ткани также сосредоточиваются въ лавкахъ евреевъ. Готовое мужское платье всегда почти исключительно составляло предметъ еврейской торговли. Наконецъ, сравнительно съ недавняго времени, евреи ювелиры, которые до 60-хъ годовъ кое-гдѣ ютились въ Одессѣ, въ маленькихъ лавченкахъ, завладѣли совершенно этимъ дѣломъ. Въ настоящее время евреямъ принадлежатъ всѣ роды торговли, начиная отъ купли и продажи стараго плятья и бутылокъ, имъ исключительно всегда принадлежащей, до банкирскаго дѣла въ настоящемъ смыслѣ и оптовой заграничной торговли. Только еще торговля съѣстными припасами на базарахъ главнымъ образомъ сосредоточивается въ рукахъ христіанъ. Печальное явленіе въ характеристикѣ одесскихъ евреевъ представляетъ тотъ фактъ, что содержательницы одесскихъ публичныхъ домовъ почти всѣ безъ исключенія еврейки. Заводская промышленность въ 60-хъ годахъ также стала сосредоточиваться въ рукахъ евреевъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что евреи обнаруживаютъ и здѣсь рѣдкую предпріимчивость и энергію.

Значительная часть еврейскаго населенія нашего города съ давняго времени (конецъ XVIII вѣка) занималась ремеслами. Евреи-ремесленники въ Одессѣ, по своей работѣ, по своему искусству почти всегда стояли на довольно низкомъ

уровнѣ; но они всегда имѣли и имѣютъ своихъ потребителей, благодаря весьма умѣренной и даже низкой цѣнѣ, которую берутъ за свой трудъ. Портнаго, каковъ былъ еврей Зильберманъ въ 40-хъ годахъ, ни прежде, ни послѣ не имѣла Одесса; но масса портныхъ-евреевъ обшиваетъ $^9/_{10}$ жителей нашего города. Сапожники-евреи почти исключительно чинятъ старые сапоги и башмаки и очень рѣдко шьютъ новые бѣдному люду Одессы; „дамскими“-же портными только и бываютъ евреи. Часовщики-евреи также только чинили и чистили часы, но съ 50-хъ годовъ, съ легкой руки Баржанскаго, появились на главныхъ улицахъ нашего города склады часовъ, принадлежащихъ евреямъ. Жестяники и лудильщики у насъ искони также евреи. Наконецъ, евреи занимаются слесарнымъ, обойнымъ и бассоннымъ мастерствомъ. Ремесленники еврейскаго населенія достойны глубокаго уваженія за свою полезную дѣятельность, и дѣло это заслуживаетъ спеціальнаго изученія. Интересно было-бы выяснить вліяніе дѣятельности ремесленнаго училища „Трудъ“ на ремесленную дѣятельность евреевъ.

По среднему уровню своего образованія одесскіе евреи съ очень давняго сравнительно времени стояли и стоятъ въ настоящее время несравненно выше своихъ единовѣрцевъ въ остальной Россіи. Стремленіе къ высшему образованію у нихъ очень большое и плодомъ его является значительное число лицъ высшей профессіональной дѣятельности въ Одессѣ; съ 20-хъ уже годовъ появляются врачи, аптекаря, ветеринары и стряпчіе (по нынѣшнему адвокаты) изъ евреевъ. Число ихъ постоянно увеличивается, а съ 60-хъ годовъ появляются евреи техники разныхъ отраслей. Въ этой отрасли дѣятельности евреи заслужили себѣ почетную репутацію. Имена врачей: А. Рафаловича, Соловейчика, Розена, Бернштейна, Мандельбаума, Дрея; адвокатовъ: О. А. Рабиновича, Серебренаго и Окса не должны остаться въ забвеніи, какъ забыты въ настоящее время имена ихъ предшественниковъ. Въ послѣднее время между одесскими евреями въ значительной степени становится замѣтнымъ стремленіе къ теоретическимъ, чисто научнымъ занятіямъ. Евреи поступаютъ въ университеты, на историко-филологическій и математическій факультеты. Новороссійскій университетъ выпустилъ нѣсколько ученыхъ, заслужившихъ себѣ почетное имя въ русской наукѣ и нѣсколько изъ нихъ занимаютъ университетскія каѳедры. Въ самой Одессѣ, въ исторіи мѣстной литературы, они занимаютъ очень видное мѣсто. Здѣсь началось умственное, просвѣтительное движеніе евреевъ. Здѣсь издавались послѣдовательно журналы, посвященные духовнымъ интересамъ русскаго еврейства: „Разсвѣтъ (1860—61, 1879—81), „Сіонъ“ (1861—62) и „День“ (1869—71). Въ Одессѣ прошла литературная дѣятельность О. А. Рабиновича и въ этомъ-же городѣ по преимуществу появились тѣ, къ сожалѣнію немногочисленные труды, по которымъ намъ можно ознакомиться съ еврействомъ въ его религіозной, умственной и соціальной жизни.

Въ исторіи общественной благотворительности въ г. Одессѣ евреи также занимаютъ очень

видное мѣсто. Евреи одесситы всегда отличались отзывчивостью въ дѣлѣ благотворительности. Нѣкоторыя большія учрежденія увѣковѣчиваютъ имена одесскихъ гражданъ-евреевъ, напр.: Ефруси, Когана. Кромѣ того, что дѣло благотворительности спеціально для евреевъ поставлено въ нашемъ городѣ такъ, какъ ни въ одномъ изъ другихъ городовъ Россіи. Дѣло это ведется съ замѣчательной энергіей и разумностью, на что постоянно обращали вниманіе и ставили ее въ образецъ другимъ національностямъ такіе авторитеты, напр. какъ Пироговъ.

Въ періодъ съ 20-хъ до 50-хъ годовъ, городъ нашъ въ числѣ обитателей своихъ имѣлъ весьма значительную по числу и весьма важную по значенію **итальянскую колонію**. Благозвучный языкъ „Италіи златой" постоянно слышался на улицахъ, таблицы съ надписями названія ихъ были на русскомъ и итальянскомъ языкахъ; на вывѣскахъ погребовъ почти всегда читалось: „Cantina con diversi vini" (погребъ съ разными винами), благодаря чему каждый одесситъ былъ настолько свѣдущъ въ итальянскомъ языкѣ, что имѣлъ возможность спросить выпить и закусить, а въ случаѣ надобности и выбраниться по итальянски. Въ театрѣ давалась по преимуществу итальянская опера.

Распространеніе итальянскаго языка въ общественной жизни и отчасти въ коммерческой дѣятельности г. Одессы способствовало введенію его въ число предметовъ обученія въ учебныхъ заведеніяхъ этого города. Итальянскій языкъ преподавался въ качествѣ обязательнаго предмета въ „Коммерческой гимназіи" и немедленно ее замѣнившемъ „Благородномъ институтѣ" (1804—1817 гг.). При преобразованіи послѣдняго въ Ришельевскій лицей по первоначальному его уставу, языкъ этотъ былъ обязательнымъ предметомъ и имѣлъ даже отдѣльнаго профессора (А. А. Пиллеръ, 1817—1838 гг.), но по уставу 1837 г. обученіе этому языку для студентовъ лицея стало необязательнымъ и преподаваніе его возлагалось, какъ и другихъ новыхъ языковъ, на лектора. Но итальянскій языкъ, особенно до 60-хъ годовъ, преподавался во всѣхъ частныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и до 40-хъ годовъ частнымъ образомъ въ дѣвичьемъ институтѣ, но какъ предметъ необязательный. Преподаваніе этого языка вызвало появленіе въ Одессѣ цѣлаго ряда учебниковъ и пособій. Можно смѣло сказать, что Одесса дала для всей Россіи средства къ изученію итальянскаго языка, и что особенно важно—настоящій лекторъ итальянскаго языка въ Новороссійскомъ университетѣ Д. С. Де-Виво составилъ первый серьезный итальянско-русскій словарь. Большинство итальянцевъ-одесситовъ занимались и занимаются торговлею и главнымъ образомъ ввозомъ сюда иностранныхъ продуктовъ: вина, мрамора, оливковаго масла, сушеныхъ фруктовъ и проч. Въ прежнее время они занимали оффиціальныя мѣста въ коммерческомъ мірѣ биржевыхъ и корабельныхъ маклеровъ. Кромѣ торговли, до 50-хъ годовъ одесскіе итальянцы имѣли большія хлѣбопекарни, фабрики макаронъ и галетъ; первыя изъ нихъ доставлялись во всю Россію и имѣли несравненно большее число сортовъ, а вторыми снабжались всѣ иностранныя и очень мало

русскія суда. Ремеслами въ Одессѣ итальянцы мало занимались. Въ прежнее время славились въ Одессѣ итальянцы ювелиры, а въ настоящее время мраморщики и скульпторы изъ гипса. Затѣмъ въ Одессѣ были итальянцы колбасники и кондитеры. Въ старые годы „свободныя художества", по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, составляли по преимуществу достояніе итальянцевъ. Первые архитекторы Одессы были по преимуществу итальянцы (напр., Ториччели, Гваренги и друг.). Они придали даже строеніямъ этого города особый типъ. Излюбленный видъ фасадовъ непремѣнно украшался коллонами. Коллонады эти почти вовсе исчезли изъ Одессы, но еще всѣ помнятъ ихъ, напр., въ зданіи думы, музея общества исторіи и древностей, у архіерейскаго дома, въ лавкахъ на базарахъ греческомъ, старомъ и новомъ, въ домѣ г. Синицина на Преображенской ул. и др. Учителя музыки и пѣнія также были большею частью итальянцы. Доселѣ еще, вѣроятно, въ памяти у многихъ одесситовъ имена: Бартолучи, явившагося сюда въ качествѣ баса-буффо въ оперной труппѣ, потерявшаго голосъ и застрявшаго въ Одессѣ въ качествѣ учителя пѣнія; Джервази*), также явившагося сюда съ оперною труппою какъ „директоръ ея", поселившагося и окончившаго здѣсь жизнь учителемъ музыки; Гверенги, артиста театральнаго

*) Джервази попалъ въ Одессу вмѣсто знаменитаго Доницети. Приглашенъ былъ послѣдній, изъявившій уже свое согласіе, но уступившій свое мѣсто Джервази, а самъ принялъ его мѣсто—директора музыки въ какомъ-то театрѣ на родинѣ.

оркестра, также учителя музыки; наконецъ, не такъ давно скончавшагося Тедеско. Въ общественной благотворительности памятна осталась въ Одессѣ г-жа Марини.

Французы въ Одессѣ никогда не составляли значительной по числу колоніи, но не смотря на это, имѣли очень большое вліяніе въ теченіе первой половины столѣтней исторіи Одессы и всего Новороссійскаго края. Уже герцогъ Ришелье въ случаяхъ, когда ему требовались спеціалисты разнаго рода, обращался къ своимъ соотечественникамъ. Другой изъ знаменитыхъ администраторовъ нашего края, кн. Воронцовъ, также выписывалъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ—французовъ. Поэтому многое, что существуетъ въ нашемъ краѣ, связано съ французскими именами и исходило изъ нашего города, какъ умственнаго центра этого края, напр., садоводство, винодѣліе, овцеводство и шелководство. Имена Десмета, Демоля, Тардана, Шарантона, Сикара и др. еще памятны многимъ одесситамъ. Дѣло общественнаго воспитанія въ Одессѣ заложено трудами французскихъ педагоговъ. Первые директоры Ришельевскаго лицея были французы (Аб. Николь, Реми Жилле и Гейнлетъ), а также и нѣсколько замѣчательныхъ преподавателей перваго періода исторіи этого учебнаго заведенія, напр., Віарди, Лоранъ, Надо. Частныя учебныя заведенія, особенно женскія, содержались также французами и француженками и въ нашемъ городѣ никогда, смѣло можно сказать, не ощущался недостатокъ въ преподавателяхъ французскаго языка—природныхъ французахъ. Кромѣ того, съ

давнихъ поръ въ Одессѣ были французы архитекторы, механики и очень много ремесленниковъ высшаго порядка: мебельщики, портные, модистки, хлѣбопеки, повара и, наконецъ, парикмахеры. Въ заводской промышленности французамъ принадлежитъ честь инициативы въ выдѣлкѣ стеариновыхъ свѣчъ (Питансье), мыловаренія (Лоберъ), салотопленія и выварки клея. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что французы въ исторіи Одессы появились какъ первые иниціаторы разнаго рода предпріятій, были какъ-бы первые учители въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Очень часто опытъ ихъ для нихъ лично не приносилъ никакой выгоды, но служилъ другимъ примѣромъ для подражанія, и ошибки первыхъ предпринимателей предостерегали послѣдователей отъ ихъ повторенія. (Лоберъ и настоящіе мыловары). Въ исторіи одесской торговли французы играли второстепенную роль.

Нѣмцы въ Одессѣ до 60-хъ годовъ были весьма мало замѣтны, хотя появились въ этомъ городѣ еще во времена Ришелье. Нуждаясь въ разныхъ ремесленникахъ и промышленникахъ, хорошо знающихъ свое дѣло, герцогъ выписалъ изъ Германіи ремесленниковъ-нѣмцевъ, которымъ отведены были на двухъ окраинахъ города безплатно мѣста для постройки домовъ и ихъ заведеній, это нынѣшнія улицы: Ремесленная, Кузнечная и Каретный переулокъ. Ремесленники эти были: каретники, слесаря, кузнецы, столяры, а также и др. Число ихъ было очень незначительно. Переселеніе въ Одессу нѣмцевъ-ремесленниковъ продолжалось и впослѣдствіи. Такъ, вскорѣ здѣсь появились уже въ значительномъ числѣ сапожники, вслѣдъ за ними, съ 20-хъ годовъ, булочники, потомъ портные (въ небольшомъ количествѣ *). Первые типографы въ Одессѣ были также нѣмцы (Сейцъ, Францовъ) и изъ ихъ типографій вышло слѣдующее поколѣніе нашихъ типографовъ, которые были также нѣмцы (Нитче, Браунъ). Въ торговомъ мірѣ г. Одессы нѣмцы не выдавались своею численностью, но въ продолженіе сравнительно долгаго и по настоящее время среди одесскихъ банкировъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, съ завидною репутаціею стоитъ одна фирма, имѣвшая и имѣющая весьма большое значеніе. Въ фабричной дѣятельности нашего города нѣмцы стали выдѣляться по своему количеству, значительности и качеству производства только съ 60-хъ годовъ. Гораздо важнѣе значеніе нѣмцевъ въ интелектуальной жизни нашего города. Эта нація дала солидныхъ ученыхъ — преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній нашего города, лицея и отчасти университета (Г. Брунъ, Ф. Брунъ, Нордманъ, Беккеръ и др.), которые обратили вниманіе на изученіе нашего края и положили основаніе этому дѣлу. Нѣмцы представили солидныхъ педагоговъ и для среднихъ учебныхъ заведеній. Замѣчательно, что въ то время, когда во всей Россіи для гимназій обязательны были исключительно учебники, издаваемые департаментомъ министерства народнаго просвѣщенія, одесскіе преподаватели нѣмецкаго языка, лекторы Эртель и Топоровъ,

*) Знаменательно, что колбасники-нѣмцы появились въ Одессѣ только въ самое послѣднее время.

отстояли право держаться своихъ руководствъ, которыя имѣли значительный успѣхъ во всей Россіи и выдержали по нѣсколько изданій. Съ 30-хъ годовъ, въ Одессѣ появляются сначала въ весьма небольшомъ числѣ нѣмцы-врачи; число ихъ постоянно увеличивалось и многіе пріобрѣли весьма солидную репутацію (Бемъ, Дитерихсъ, Клебергъ, Шмитъ). Въ исторіи общественной благотворительности увѣковѣчены имена Штиглица (пожертвовавшаго 100.000 р. на дѣвичій институтъ) и барона А. Масса.

Мнѣ остается сказать еще **о полякахъ**. Представители этой націи появились въ г. Одессѣ изъ Подоліи, сначала изъ помѣщиковъ-магнатовъ, смотрѣвшихъ на Одессу, какъ на зимнюю свою резиденцію. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли великолѣпные дома въ нашемъ городѣ и пріобрѣтали земли въ Херсонской губ. (Потоцкіе, Собанскій, Колонтай, Мархоцкій и др.). Памятны они остались одесскимъ торговцамъ своею расточительностью. Возстаніе 30-хъ годовъ унесло ихъ изъ Одессы. На ихъ мѣсто появилось молодое поколѣніе также богатыхъ помѣщиковъ, перешедшее въ Ришельевскій лицей по закрытіи университета св. Владиміра, но затѣмъ, и гораздо болѣе ихъ, людей средняго сословія. Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуютъ врачи, до 50 хъ годовъ очень не многіе, затѣмъ число ихъ постоянно увеличивается. Поляки-врачи пользуются въ Одессѣ очень хорошею репутаціею, а нѣкоторые изъ нихъ авторитетомъ не только у насъ, но и заграницей. Съ введеніемъ гласнаго судопроизводства, появились адвокаты и нотаріусы, а съ недавняго времени выда-

ющіеся по своей репутаціи и значительности производства и аптекари-поляки. Съ 60-хъ годовъ у насъ очень стали замѣтны поляки-ремесленники: механики, столяры, токаря, портные, сапожники и особенно значительное число домашней прислуги *).

Другія національности мало были замѣтны въ столѣтней жизни города Одессы **). Въ настоящее время городъ нашъ сдѣлался главнымъ образомъ русскимъ; по численности только евреи, составляя болѣе $^1/_4$ его населенія, особенно въ немъ замѣтны. Но слѣдуетъ обратить вниманіе, что наши евреи усвоили себѣ русскую культуру, говорятъ по преимуществу, за исключеніемъ низшаго класса, по русски, читаютъ русскія книги и газеты и пишутъ и печатаютъ по русски; только недавніе изъ нихъ пришельцы одѣваются въ особый костюмъ, такъ что евреи становятся совсѣмъ мало замѣтными по внѣшности въ общей жизни города.

Чрезъ городъ нашъ какъ-бы прошло великое переселеніе народовъ, которые, удаляясь отсюда, оставили послѣ себя только по нѣскольку болѣе или менѣе многочисленныхъ представителей. Всѣ они слились въ общей массѣ преобладающаго племени, подчинившагося, въ свою очередь, новымъ

---

*) По справкамъ въ комиссіонной конторѣ, поляки-лакеи составляютъ почти половину этой профессіи.

**) Съ давнихъ поръ у насъ армяне занимаются по преимуществу цирульнымъ ремесломъ, сербы-далматинцы мореходствомъ, болгаре огородничествомъ.

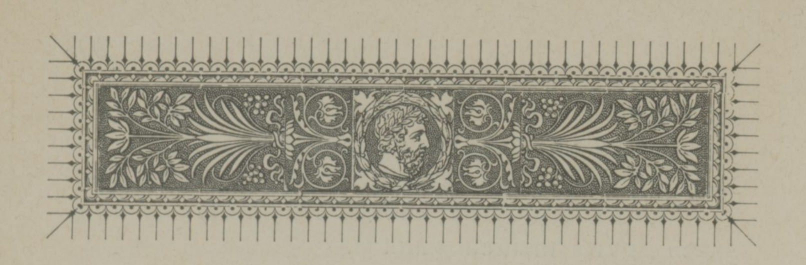
условіямъ, выработаннымъ европейской цивилизаціей. Приглядываясь къ внутренней жизни настоящей Одессы, наибольшее вліяніе иностранцевъ замѣтимъ въ одесской кухнѣ. Любители поѣсть должны замѣтить, что врядъ-ли гдѣ можно такъ хорошо, разнообразно и сравнительно дешево побаловать свой желудокъ, какъ въ нашей Одессѣ. Здѣсь греки угостятъ васъ: рыбою въ видѣ „плаки“ или подъ „скорделью“, „луфарью“ со шкары; барашкомъ со щавелемъ, съ бамнями, „мусакою“, „баклажанами по гречески“, блюдомъ иначе называемымъ по турецки „имамъ-баялды“, т. е. имамъ упалъ въ обморокъ: — отъ восторга, попробовавши это кушанье и, наконецъ, разнообразными пирожными: „баклавою“, „катаифомъ“, „халвою“, „рахатъ-лукумомъ“ и проч. Итальянцы подадутъ вамъ „бродетто“ изъ рыбы, „пребульоне“ изъ зелени, „фугачеты“, „равьели“, „ньеки“, „ризороста“, „ризотто“ и всевозможныя фритуры изъ баранины, дичи и рыбы; наконецъ, разнаго вида макароны въ національномъ ихъ видѣ. Евреи также могутъ представить кое-что, не только щуку „по израи[illegible]“ какъ именуется на карточкахъ одесскихъ ресторановъ извѣстная фаршированная щука, но и другіе сорта фаршированной рыбы; знаменитыя „меланхолическія“, по выраженію Гейне, клецки, холодный супъ изъ рыбы, лапшу и фаршированный лукъ. Нѣмцы, какъ извѣстно, не славятся разнообразіемъ въ пищѣ. Въ Одессу они занесли сосиски изъ Вѣны и „венгерскій гуляшъ“ изъ Пешта. Поляки вамъ могутъ предложить свой вкусный „хлодникъ“, „колдуны“, „бигосъ“, „фляки“ и

знаменитые сладкіе печенья къ Святой. Но французская кухня въ Одессѣ преобладаетъ, — она усвоила себѣ всѣ болѣе изысканныя блюда другихъ національностей, иногда измѣняя ихъ и придавая другія наименованія *).

В. А. Яковлевъ.

---

*) Настоящіе бѣглые очерки явились результатомъ занятій по исторіи внутренней жизни г. Одессы. За невозможностью въ настоящее время представить окончательно обработанный трудъ свой, помѣщаемъ ихъ въ настоящемъ видѣ, въ надеждѣ, что они вызовутъ дополненія и поправки и напомнятъ нынѣшнимъ одесситамъ о трудахъ и заслугахъ ихъ предковъ и предшественниковъ. *В. Я.*

Къ стр. 194—195.

I.

Праздники Пасхи *).

„Праздники Пасхи продолжались 8 дней; они только-что окончились. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые не присутствовали на одесскихъ празднествахъ, будутъ, вѣроятно, довольны, что мы сообщимъ имъ подробности этихъ празднествъ. Погода была прекрасная, безъ дождя, чудное солнце, температура отъ 9 до 10 градусовъ выше нуля, все приглашало жителей всѣхъ сословій отправиться къ мѣсту, назначенному для сборищъ. Качели были устроены на возвышенности, вблизи крѣпости, откуда видны городъ и море. Въ центрѣ были расположены всѣ употребляемыя въ этихъ случаяхъ машины: перекидки и пр., и пр.,—вокругъ которыхъ—непокрытыя будки для продажи апельсинъ, яблокъ, орѣховъ, пряниковъ, водки и т. д. Въ другомъ рядѣ палатокъ прогуливающіеся могли отдыхать и находить въ нихъ всякаго рода освѣжительныя. Надъ этими палатками развѣвались флаги различныхъ національностей. Такъ какъ со дня основанія прошло всего приблизительно четверть вѣка,

*) Для незнающихъ иностранныхъ языковъ предлагаемъ здѣсь переводъ вышенапечатанныхъ статей. *Прим. ред.*

то населеніе состоитъ изъ иностранцевъ всѣхъ націй; туземцы немногочисленны.

Мы обратили вниманіе, что во все продолженье празднествъ не произошло ни дракъ, ни сумятицъ; полнѣйшій порядокъ царствовалъ все время; всѣ эти иностранцы, собранные здѣсь подъ сѣнь покровительственныхъ отеческихъ законовъ нашего государства, казалось, были всѣ братьями одного семейства.

Въ первые дни праздниковъ пыль, поднимаемая вѣтромъ, безпокоила гуляющихъ, но г. полиціймейстеръ, дѣятельность котораго заслуживаетъ похвалы и признательности жителей этого города, соблаговолилъ распорядиться о поливкѣ мѣстности около качелей.

Между палатками и маленькими будками было оставлено свободное пространство для движенія экипажей и всадниковъ. Большинство экипажей было великолѣпно, съ запряженными въ нихъ чудными лошадьми; кареты украшены дамами въ парадныхъ туалетахъ, и всѣ онѣ, прибавимъ, очень хорошенькія.

Но удовольствія не разсѣяли памяти у вдовъ объ ихъ скончавшихся мужьяхъ, у дѣтей—объ ихъ отцахъ и матеряхъ. Вчера, въ Ѳоминъ понедѣльникъ, были посѣщены могилы; этотъ старинный обычай, надѣемся, будетъ существовать всегда, вопреки взглядамъ нѣкоторыхъ современныхъ философовъ“.

Къ стр. 196.

II.

„Вы справедливо замѣтили, что нельзя ни въ чемъ упрекать новаго декоратора, пока мы видимъ только декораціи старыя. Что касается портнаго (театральнаго), то я согласенъ съ вами, что старыя занавѣси, изъ которыхъ сдѣланы кафтаны для рыцарей, не произвели того оптическаго эффекта, на который было расчитано: я бесѣдовалъ объ этомъ съ портнымъ, однимъ изъ моихъ пріятелей, но онъ защищаетъ свое шитье и готовъ драться на ножницахъ со всѣми, кто осмѣлится высказаться противъ громадныхъ красныхъ цвѣтовъ, нашитыхъ имъ по зеленому фону на груди и

спинѣ его героевъ. Этотъ милый человѣкъ свѣдущъ въ исторіи и утверждаетъ, что таковъ именно былъ костюмъ итальянцевъ эпохи, въ которую происходило дѣйствіе пьесы. „Нѣтъ ничего прекраснѣе дѣйствительнаго, и только дѣйствительное мило“, сказалъ мнѣ онъ.—Ну, нѣтъ, милостивый государь, я не могу съ вами согласиться: для примѣра я вамъ приведу хотя-бы костюмъ шотландцевъ, который произвелъ-бы на сценѣ эффектъ совсѣмъ необыкновенный, въ особенности въ балетѣ.

1 января давали „Севильскаго цирюльника“; его исполнили такъ, какъ будто мы уже достигли разгара масляной. Нѣкоторые актеры вложили въ исполненіе своихъ ролей много веселости, даже слишкомъ много веселости: въ ней можно было заподозрить присутствіе летучаго духа нѣкоего шипучаго шампанскаго вина, англійской фабрикаціи... Я далекъ отъ желанья воспретить шампанское вино, я самъ его очень люблю, но развѣ нельзя было посовѣтовать тѣмъ, кто долженъ былъ появиться на сценѣ вечеромъ или садиться въ кресла, приберечь его на ужинъ въ день спектакля“...

Критика подписана такъ: „Бѣдный невѣжда въ музыкѣ, даже не абонированный въ театрѣ, но которому, однако, предоставляютъ иногда мѣстечко въ залѣ“.

Къ стр. 202—205.

III.

Господинъ редакторъ!

„Позвольте старѣйшему и стариннѣйшему жителю Одессы порадоваться тому, что этотъ городъ быстро идетъ къ совершенствованію, столь помпезно возвѣщенному г-жею де Сталь; я не говорю о хлѣбахъ, шерсти, ни даже о свѣчномъ салѣ; я приношу комплиментъ моимъ согражданамъ за прогрессъ ихъ литературы. Ваша газета ежедневно обогащается остроумными произведеніями большаго множества аристарховъ, изъ которыхъ есть говорящіе о томъ, что имъ извѣстно, а другіе о томъ, чего они не знаютъ. Парижъ обладалъ замѣчательнымъ аристархомъ: это былъ великій Жофруа. У насъ здѣсь маленькихъ Жофруа двѣнадцать (считая

меня или нѣтъ); а такъ какъ двѣнадцать маленькихъ стоютъ одного великаго, то Одесса стоитъ Парижа,—заключенье ясно... Я понимаю, впрочемъ, дурное расположеніе духа всѣхъ нашихъ знатоковъ или выдающихъ себя за таковыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ нынѣшній театръ такъ плохъ! У насъ, правда, три отличныхъ примадонны, но только три; это очень мало; двѣ на вторыя партіи очень хорошія, двѣ на третьи съ претензіею на это. Мы имѣемъ четырехъ буффовъ, изъ которыхъ двое первоклассные, двухъ хорошихъ теноровъ, намъ знакомыхъ, одного неизвѣстнаго, и протея Шикитанса. Нашъ оркестръ состоитъ изъ 24 музыкантовъ, хорошаго капельмейстера и отличнаго скрипача-концертмейстера. И, наконецъ, нашъ антрепренеръ, хотя и сердится на меня подчасъ изъ-за нашего общаго друга портнаго, заслуживаетъ, тѣмъ не менѣе, благодарности публики за выказываемое имъ усердіе, за дѣлаемые имъ расходы для украшенія и обогащенія сцены и за его заботы объ обстановкѣ пьесъ и о разнообразіи представленій. Но что все это доказываетъ? И можно-ли разумно сравнивать нашъ нынѣшній театръ съ тѣмъ, который мы имѣли во время оно? Счастливы молодые люди, которымъ не о чемъ сожалѣть и которые могутъ наслаждаться тѣмъ, что имѣютъ; я-же слишкомъ старъ, чтобы пользоваться плодами опыта. Увы, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, во времена нашихъ предковъ, у насъ тоже былъ театръ въ Одессѣ! да какой еще театръ! Я вспоминаю и теперь о немъ съ восторгомъ и волненьемъ. Зала была великолѣпная; ее устроили въ старой казармѣ; слегка была, впрочемъ, недодѣлана крыша, и въ дни ненастья зрители должны были приносить съ собою зонтики но въ большія жары это освѣжало: балокъ двѣнадцать различной величины, артистически расположенныхъ на четырехъ громадныхъ бочкахъ, составляли полъ сцены; эти бочки, заимствованныя у городскаго откупщика, возбуждали своими душистыми выдыханьями сладкія воспоминанья у зрителей. Побесѣдуемъ-ка о нашихъ тогдашнихъ декораціяхъ; они были восхитительны: фонъ зала составляла, правда, стѣна прежнихъ казарменныхъ кухонь, но вслѣдствіе натуральной сырости зданья, эта стѣна такъ была покрыта цвѣлью, что вечеромъ это походило на прелестный садъ. Четыре старыя лѣстницы замѣняли собою кулисы; они были покры-

ты чудными полосами изъ бумаги, выкрашенными съ одной стороны въ свѣтло-синій цвѣтъ (это было небо) и съ другой въ темно-зеленый (это былъ лѣсъ). Для изображенія гостиной на этихъ полосахъ добавлялись двери и окна, начерченныя углемъ. Это производило удивительный эффектъ. Зала была блестяще иллюминована четырьмя прекрасными свѣчами (семериковыми); но я долженъ сознаться, что семдесятъ лампъ г. Буановолье даютъ больше свѣту, это результатъ прогресса просвѣщенія. Оркестръ былъ немногочисленный: онъ состоялъ всего изъ двухъ любителей, флейтиста греческаго баталіона и барабанщика городской полиціи; но за-то какіе это были артисты! Какіе гармоническіе звуки они умѣли извлекать изъ своихъ инструментовъ! Съ какой точностью они могли-бы аккомпанировать и даже подражать руладамъ примадонны! Наши актеры превосходны въ трагедіи, изображая въ натурѣ Эсѳирь и Аталію; они всѣ были сыны Израиля и сохранили еврейскій акцентъ, отлично звучавшій въ ансамбляхъ и финалахъ трагедій. Нашъ jeune premier отличался большой опытностью. На это указывали его сѣдые волосы; но чтобъ играть любовника онъ заимствовалъ парикъ у директора, остававшагося въ такихъ случаяхъ въ своей ложѣ съ нитянымъ колпакомъ на головѣ. Злодѣевъ изображалъ бѣлокурый восемьнадцатилѣтній юноша, ростомъ въ 4 фута, голосъ котораго, напоминавшій флейту, заставлялъ трепетать въ моментахъ бури. Первая актриса была въ длину какъ разъ вдвое злодѣя и когда она носила на головѣ токъ съ перьями, то достигала неба; у нея былъ гортанный бассовый голосъ, чудно звучавшій въ любовныхъ объясненіяхъ. На нашемъ театрѣ игралось все: драма, мелодрама, фарсы, комедіи, трагедіи, балеты. Это было изумительное разнообразіе: я не пропускалъ ни одного спектакля, и всегда находилъ чему посмѣяться... Не угодно-ли, напримѣръ, г. Буановоліо, со всѣми его труппами, умудриться представить намъ столь забавный фарсъ, какъ тотъ, свидѣтелемъ котораго я былъ въ 1806 г. Играли „Малабарскую вдову“; я упущу превосходное исполненіе первыхъ 4-хъ дѣйствій и перейду къ развязкѣ: былъ сооруженъ великолѣпный костеръ на половину изъ бурьяна и на половину изъ кизяка. Вдова, рисуясь, взбирается на этотъ костеръ при помощи единственнаго соломеннаго стула, быв-